

ТАДЖИКСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

АЛЛАМУРОДОВА САБОХАТ ДЖУРАЕВНА

**ТИПОЛОГИЯ ГИПЕРТЕКСТА И ИНТЕРТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ
ТАДЖИКСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА)**

**Диссертация на соискание ученой степени
доктора филологических наук по специальности 5.9.8. Теоретическая,
прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика**

Научный консультант:

доктор филологических наук,
профессор Искандарова Д.М.

ДУШАНБЕ – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
ГЛАВА I. АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕКСТА В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ	16
1.1. Различные подходы к рассмотрению текста	16
1.2. Текст и его разновидности	. 24
1.2.1. Доминирующие признаки текста	. 28
1.2.1.1. Доминирующая черта: контекстуальность	. 29
1.2.1.2. Доминирующий признак: темпоральность	. 30
1.2.1.3. Доминирующая черта: процедурность	. 32
1.2.1.4. Доминирующая черта: размер	. 33
1.2.1.5. Доминирующая функция: аудиовизуальность	. 34
1.2.1.6. Доминирующая черта: пространственность	. 35
1.2.1.7. Доминирующая черта: виртуальность	. 36
1.3. Соотношение понятий текст и гипертекст	. 39
1.3.1. Различные концепции исследования гипертекста: исследование подходов к изучению	. 40
1.3.2. Изучение гипертекста в российской лингвистике	. 49
1.4. Текст и интертекст: соотношение понятий	. 57
1.4.1. Текст как интертекст	. 59
1.4.2. Интертекстуальность и постмодернизм	. 65
1.4.3. Исследования интертекста в российской лингвистике	. 80
Выводы по первой главе	. 83
ГЛАВА II. ГИПЕРТЕКСТ И ГИПЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ	. 87
2.1. История создания гипертекстовых систем: от прошлого к современности	. 87
2.2. Эволюция текста: рукопись – печатная книга - гипертекст	. 98
2.3. Гипертекст в досетевую эпоху	. 108
2.3.1. Гипертекстуальность грамматики Панини	. 111

2.3.1.1. Гипертекст и нелинейное мышление: “тупость” гениев	. 113
2.4. Древние и средневековые рукописи как гипертекст	. 116
2.5. Структура гипертекста в сказках «Тысяча и одной ночи»	. 127
2.5.1. Гипертекст, устное творчество и коммуникация	. 134
2.6. Переход от рукописи к печатной книге как одна из информационных революций	. 138
2.6.1. Переход от рукописи к книге в таджикско-персидской культурной традиции	. 143
2.6.2. Современная гиперлитература как когнитивно- коммуникативная единица	. 145
2.7. Текст и гипертекст в новую цифровую эпоху	. 150
2.7.1. Метафоры гипертекста	. 156
2.7.2 Перспективы развития гипертекста	. 158
Выводы по второй главе	. 161
ГЛАВА III. ИНТЕРТЕКСТ И ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ	. 165
3.1. Интертекстуальность: параметры классификации и связь с гипертекстом	. 165
3.2. Интертекстуальность: формирование значения текстов для других текстов	. 170
3.2.1. Диалог текстов	. 170
3.2.2. Повторяющийся дискурс, принадлежащий лингвистической традиции	. 173
3.2.3. Повторяющийся дискурс, принадлежащий литературной традиции	. 174
3.3. Виды интертекста	. 176
3.3.1. Цитата	. 178
3.3.2. Ссылка	. 179
3.3.2.1. Аллюзия	. 180

3.3.2.2. Парафраз	. 181
3.3.2.3. Плагиат	. 181
3.4. Особенности интертекста в восточной литературе	. 183
3.4.1. Интертекстуальные особенности персидско-таджикской литературы	. 186
3.4.2. Назира и бродячие сюжеты	. 190
3.4.2.1. Бродячие сюжеты в сказках	. 194
3.5. «Шахнаме» Фирдоуси как интертекст и прецедентный текст	. 199
3.5.1. Литературное и культурное значение "Шахнаме"	- 200
3.5.2. Претексты эпоса	- 202
3.5.3. «Шахнаме» как прецедентный текст: прецедентные имена	- 208
3.6. Виды интертекстов в сказках «Тысяча и одной ночи»	. 212
3.6.1. Цитаты и ссылки как интертекст	. 214
3.6.2. Поэтические вставки как интертекст	. 218
3.6.3. Пословицы и поговорки как интертекст	. 224
3.6.4. Внутренняя речь: психолингвистические и интертекстовые особенности	. 227
Выводы по третьей главе	. 233
ГЛАВА IV. ТИПОЛОГИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ГИПЕРТЕКСТА И ИНТЕРТЕКСТА	. 234
4.1. Интернет-лингвистика как новое направление	. 235
4.1.1. Гипертекст как объект интернет-лингвистики	. 239
4.1.2. Функции электронного гипертекста	. 242
4.2. Структурные элементы текста, гипертекста и интертекста	. 244
4.2.1. Гиперссылка на пересечении текста, интертекста и гипертекста	. 254
4.3. Типология интертекста: параметры классификации	. 261

4.4. Типологические характеристики гипертекста	. 269
4.4.1. Нелинейность как основная особенность гипертекста	. 271
4.4.2. Динамизм, виртуальность и глобальность как признаки гипертекста	. 277
4.4.3. Фрагментарность, неоднородность, открытость, децентрализация как черты гипертекста	. 282
4.4.4. Интерактивность, визуальность, временная и пространственная независимость	. 285
4.4.5. Анонимность и отношение к авторству гипертекста	. 287
4.5. Основные направления исследования лингвистического гипертекста	. 290
Выводы по четвертой главе	. 296
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	. 300
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	. 309
ПРИЛОЖЕНИЕ	. 350

ВВЕДЕНИЕ

Понятие гипертекста и интертекста вызывает особый интерес в междисциплинарном аспекте несколько последних десятилетий. Это связано, в частности с тем, что Интернет побуждает человечество радикально изменить парадигму чтения и письма. Электронная почта, блоги, чаты, форумы, социальные сети, обмен мгновенными сообщениями и т. д. заменяют традиционные формы передачи сообщений и делают их не только информативным, но и интерактивным, динамичным. Мы живем в мире, в котором невидимые нити из Интернета связывают индивидуальный текст с текстами всех говорящих в мире. Электронный текст – как объект изучения гуманитарных наук - требует создания новых дисциплин с соответствующими методологиями, методами и исследовательскими инструментами, которые сочетают традиционные модели с моделями передовых технологий. Язык, который вошел в цифровое пространство в течение нескольких десятилетий, имеет тенденцию становиться все более и более виртуальным языком, отмеченным характеристиками, отличными от характеристик естественного языка.

В Республике Таджикистан в настоящее время отсутствует междисциплинарное направление исследований электронного гипертекста с лингвистической, литературной и компьютерной точек зрения, что обуславливает **актуальность** данной работы. Проведенное исследование свидетельствует о необходимости развития нового направления исследований таджикского языкознания: гипертекста и интертекста как объекта междисциплинарных исследований: лингвистики, литературоведения и информационных технологий.

Актуальность темы исследования заключается в необходимости привлечь внимание лингвистов, в том числе, отечественных, к двум концепциям, которые сегодня имеют большое значение: интертексту (явлению, которое до недавнего времени считалось исключительно

литературной концепцией) и гипертексту (новому явлению, порожденному отношениями между языком и информационными технологиями после 2000-х г.). Их дополнительное изучение продиктовано тем фактом, что эти два понятия пересекаются, дополняя друг друга. Повышенный интерес лингвистов к новой реальности, которая достаточно быстро стала «широко используемой», и, наконец, что не менее важно, многочисленные исследования, опубликованные за рубежом, показывают, что данная область весьма актуальна. Диссертационное исследование актуально также вследствие все возрастающего интереса к изучению языковой картины мира в целом, где взаимосвязь и взаимоотношения, всех составляющих текста, занимают одно из важнейших значений.

Текст, как объект деятельности, в последние годы все чаще понимается не как хранилище единичного смысла, который вложил в него автор и расшифровал читатель, компетентный в данном наборе кодов, а как некий сетевой объект, лучше всего описываемый как "поверхность" или "интерфейс". Контекст в современном понимании также может быть переосмыслен как межвременная сеть. Интертекст представляет собой структурную часть гипертекста, с одной стороны, с другой стороны – это сложное явление, которое само по себе имеет множество структурных компонентов. Однако до сих пор нет единого общепринятого определения гипертекста, несмотря на то, что накопилось большое количество научной литературы на эту тему.

В современной прикладной лингвистике текст, который представлен как сеть, понимается как взаимная динамическая взаимосвязь текста, контекста и читателя. Понятия гипертекста и интертекста также важно рассмотреть с точки зрения их взаимосвязи и отношений. Процесс гипертекстуализации в его самом широком смысле сначала включает интертекстуальность, то есть отношения между письменными текстами, такими как текст, вложенный в текст, или текст, связанный с другим текстом, виртуальным или

цифровым. Гипертекст рассматривается как некое переплетение (или даже многократное переплетение) текстов, символов и изображений.

В современной прикладной науке существует несколько точек зрения относительно различных аспектов гипертекста. В исследованиях ученых рассматриваются различные аспекты развития гипертекста и ключевые теоретически ориентированные подходы к пониманию взаимосвязи между гипертекстом и печатным текстом. Современный гипертекст в целом определяется как электронный носитель, который связывает текст, изображения и другой контент таким образом, что он может быть доступен пользователям без заранее определенной последовательности, и предложено объяснение происхождения концепции, а также сжатой истории различных форм гипертекста.

Гипертекст – это сверхдетерминированное понятие, его понимание может сводиться к трем различным концепциям: фокусирующей внимание на историческом развитии технологии; рассматривающей гипертекст как способ связывания; предполагающей, что гипертекст имеет видимые корни в печатном тексте.

Интертекстуальность – понятие сложное, ввиду расплывчатости и чрезвычайной неопределенности его содержания. Такая неопределенность объясняется отчасти отсутствием единства в понимании базисных категорий теории интертекста, отчасти тем, что интертекстуальность обычно воспринимается исследователями как понятие элементарное и далее неделимое; между тем при внимательном его рассмотрении оказывается, что оно представлено целым рядом субкатегориальных подтипов. В данном контексте необходимость уточнения ключевых понятий теории интертекста становится очевидной.

Степень научной разработанности. Проблемы гипертекста и интертекста изучались в трудах некоторых крупных специалистов в области точных наук (В. Буша, Д. Энгельбарта, Т. Нельсона, Г.П. Ландлоу, Т. Бернерса-Ли, Дж. Нильсен), а также в трудах признанных философов,

критиков, семиотиков (Ж. Женетт, Дж. Деррида, Р. Барт, Ю. Кристева, М. Риффатер, У. Эко, П.А. Богранде, Дресслер, Ю. Хартунг и Е. Брейдо и др.).

В российском языкознании проблемами текста, гипертекста и интертекста занимались ученые: Ю.М. Лотман, З.Я. Тураева, Е.С. Кубрякова, Б.А. Плотников, Г.В. Степанов, А.А. Залевская, В.В. Красных, А.А. Леонтьев, Ю.Ф. Тарасов, Г.И. Богин, В.З. Демьянков, М. Субботин, К.А. Долинин, В.А. Кухаренко, Г.Г. Молчанова и др.

В таджикском языкознании текстом и различными аспектами его изучения занимались ряд ученых, в том числе: Н. Маъсуми, Д.Т. Таджиев, М.Н. Касимова, Б. Камолиддинов, Ф.К. Зикриёев, М. Набиджанова, З.М. Мухторов, Ш. Амонова, Д. Ходжаев, Содиклу Халилуллох, М.В.Зикрияева, М.А.Атамуллаева, С.Каримова и др. Д.М.Искандарова исследовала некоторые аспекты гипертекста.

Объект исследования – гипертекстуальность и интертекстуальность как свойство художественного текста. Гипертекстуальность понимается как семантико-прагматическая и когнитивная генерализация гипертекста. Интертекстуальность при этом – когнитивное, семантическое, прагматическое включение «текста в текст», то есть в гипертекстовый фрагмент. Интертекст рассматривается как включение фрагментов пословиц и поговорок, цитат, эпиграфов, внутренней речи в состав гипертекста.

Предмет исследования – структура гипертекста, а также способы включения интертекстов в гипертекст в таджикском языке.

Цель диссертационной работы. Исследование направлено на анализ и установление особенностей концептуальной триады текст-интертекст-гипертекст применительно к таджикским классическим и современным текстам с привлечением для этой цели как традиционных гуманитарных концепций (творчество, продуктивность, прерывность), так и новых концепций, востребованных новыми типами коммуникации (например, глобализация, интерактивность, нелинейность, мультимедиа, иконичность и т.

д.), которые присущи гипертекстуальности. С этой целью мы поставили перед собой **следующие задачи:**

- аргументирование существования взаимозависимости и непрерывности отношений между компонентами триады текст - интертекст - гипертекст;
- определение природы интертекстуальности и гипертекстуальности, а также их особенностей в таджикской языковой картине мира;
- установление характера причинных связей между несущим текстом и интертекстом и их вербализацию внутри художественных гипертекстовых фрагментов;
- выявление особенностей художественного гипертекстового фрагмента, которые реализуются интертекстом, вербализующим внутреннюю речь;
- определение прагматических контекстов функционирования интертекстов-цитат, интертекстов-эпиграфов и интертекстов-паремий, выражающиеся в наличии причинных связей данных интертекстов и особенностей их вербализации;
- определение функций интертекстов внутри художественного гипертекста;
- определение типологических особенностей электронного гипертекста;
- обоснование необходимости изучения новых текстовых дисциплин – интертекстологии, гипертекстологии, интернет-лингвистики или сетевой лингвистики, гипертекстовой лингвистики, гипертекстовой литературы.

Гипотеза исследования. В основе данной диссертации лежит **гипотеза** о том, что гипертекстуальность является технологической материализацией интертекстуальности. Гипертекстуальность рассматривается как свойство

художественного текста, содержащего интертекст-паремии, интертекст-цитаты, интертекст-эпиграфы и др.

Материал и методы исследования. В диссертации использован комплексный метод, включающий анализ текста, структурный, лингвостилистический тип анализа, метод сравнительного анализа текстов в печатном и электронном формате, выявление сходств и различий между полями «текст», «интертекст» и «гипертекст», метод анализа малообъемных воспроизводимых текстов, интертекстов и гипертекстов, метод контекстного анализа.

В качестве меж- и гипертекстового материала исследования нам послужили иллюстративные фрагменты, отобранные из ценных текстов на таджикском языке. Они представляют разные стили:

а) художественный стиль: репрезентативные тексты из классической и современной литературы («Шахнаме», «Синдбад-наме», «Тысяча и одна ночь»; произведения современных таджикских авторов);

б) стиль публичного и частного общения, язык журналистики, политической коммуникации и др., которые мы использовали из данных Национального корпуса таджикского языка (НКТЯ) и материалов к нему.

Научная новизна исследования состоит в рассмотрении особенностей интертекста и гипертекста в таджикском языке, в раскрытии особенностей его типологизации, классификации основных характеристик гипертекста в отличие от характеристик печатного текста; выявлении когнитивно-семантической основы гипертекстовых фрагментов, включающих в себя интертексты, обусловленной особенностями таджикской языковой картины мира. Подобные исследования до сих пор в таджикской лингвистике не проводились. Есть лишь некоторые статьи профессора Искандаровой Д.М. по теме гипертекстуальности средневековых восточных текстов.

В Республике Таджикистан в настоящее время отсутствует междисциплинарное направление исследований электронного гипертекста с лингвистической, литературной и компьютерной точек зрения, что

обуславливает **теоретическую значимость** данной работы. Проведенное исследование свидетельствует о необходимости развития нового направления исследований таджикского языкознания – гипертекста и интертекста как объекта междисциплинарного исследования: лингвистики, литературоведения и информационных технологий.

Теоретическая значимость нашего подхода заключается также в следующем: теоретизирование понятий интертекста и гипертекста, которое необходимо в общей теории текста; поощрение исследований в таджикском языкознании в новых направлениях, таких как интертекстология и гипертекстология, интернет-лингвистика или сетевая лингвистика, гипертекстовая литература, семиотика цифрового знака и т. д., с традиционными методами и целями в сочетании с другими технологиями нового поколения, что является аргументом в пользу необходимости междисциплинарных и трансдисциплинарных исследований в области гуманитарных и точных наук.

Практическая ценность исследования заключается в возможности использования полученных результатов в курсах по теории текста и дискурса, компьютерной лингвистике, лингвокультурологии, общего языкознания, а также спецкурсах «Гипертекст и интертекст как объект междисциплинарного исследования», «Теория гипертекста в науках о языке и коммуникации» и др.

Результаты исследования могут быть использованы для создания специализированных словарей, в том числе и двуязычных, для разработки новых курсов, дисциплинарных программ и т. д.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В настоящее время не имеется единой интегративной теории текста, трактовка текста колеблется между крайностями, такими как «текст – это конечная, замкнутая единица» (И. П. Гальперин) и «текст безграничен» (Ю. Кристева, Р. Барт, М. Бахтин). Тексты всегда «полны смысла» по Ю.Кристевой, и, следовательно, текст возникает и воспринимается только как интертекст.

2. Интертекстуальность проявляется в широком социокультурном контексте и отождествляется с постмодернизмом и трансгуманизмом, проблемами, которые неразрывно связаны с исследованиями, посвященными гипертексту.
3. Гипертекст – это сверхдетерминированное понятие, его понимание может сводиться к трем различным концепциям: фокусирующей внимание на историческом развитии технологии; рассматривающей гипертекст как способ связывания; предполагающей, что гипертекст имеет заметные корни в печатном тексте.
4. «Досетевой» гипертекст можно успешно исследовать на материале классической таджикской (шире, восточной) литературы, имеющей «рамочную» структуру.
5. Современный гипертекст определяется как электронный носитель, который связывает текст, изображения и другой контент таким образом, что он может быть доступен пользователям без заранее определенной последовательности, и предложено объяснение происхождения концепции, а также сжатой истории различных форм гипертекста.
6. Электронный гипертекст представляет собой материализованную и интерактивную форму интертекста (в свою очередь, текст), доступный и управляемый через гиперссылки. В процессе просмотра веб-страниц, путем доступа к ссылкам, практически все пользователи Интернета генерируют новые значения бесконечно.
7. Семиотические исследования текста, которые касаются его трех измерений (синтаксического-семантико-прагматического), к которому добавляется когнитивное, в настоящее время проводятся в разных лингвистических школах за рубежом. Принципы семиотики гипертекста заключаются в описании конкретной организации текстовых элементов виртуального языка, которые имеют свои собственные семантические и функциональные характеристики, отличные от характеристик естественного языка. Основываясь на идее интегральной лингвистики,

которая включает в себя сопряжение смежных наук для более адекватного описания изучаемого объекта, необходимо продвигать исследования в новых областях, таких как интертекстология и гипертекстология.

Апробация работы. Основные результаты научной работы нашли отражение в научных докладах, на конференциях разного уровня:

1. Международной научно-практической конференции «Русский язык и литература в современных реалиях». – Душанбе, 2014 г.
2. Научно-теоретической конференции профессорско-преподавательского состава и студентов, посвященной «25-летию Государственной Независимости РТ» на тему «Использование новых форм и методов обучения в современных условиях». – Душанбе: ТНУ. – 2016.
3. Международной конференции «Современные проблемы лингвистики и дидактики: междисциплинарный подход в гуманитарных и социальных науках» (г. Волгоград, 24-28 апреля 2018 года).
4. Республиканской научно-теоретической конференции профессорско-преподавательской сотрудников ТНУ, посвященной «20-ой годовщине Дня национального единства» и «Году молодежи». Душанбе, 2017.
5. Международной конференции «Современные проблемы лингвистики и дидактики: междисциплинарный подход в гуманитарных и социальных науках» (Душанбе, РТСУ, 26-27 октября 2018 года.) в соавторстве с Б.Рахмоновым.
6. В ассоциированных мероприятиях «Русский язык в многоязычном мире» в рамках XX Апрельской Международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества (10 – 14 апреля 2018 года г. Москва, НИУ ВШЭ).
7. Международной научно-практической конференции «Образование и наука в XXI веке: современные тенденции и перспективы развития»,

посвященной «70-ой годовщине со дня образования Таджикского национального университета», (Душанбе, 2018г.).

8. Международной межвузовской научно-практической конференции «Актуальные проблемы преподавания русского языка и литературы в таджикской аудитории», посвященной 70 – ой годовщине со дня образования Таджикского национального университета. (Душанбе, 2018г. 18 - 19 октябрь 2018г.)
9. Республиканской научно-теоретической конференции профессорско-преподавательского состава и сотрудников ТНУ, посвящённой «Годом развития села, туризма и народных ремесел (2019-2021гг)» и «400-летию Миробиды Сайидо Насафи» (Душанбе 2019г.).
10. В ассоциированных мероприятиях «Русский язык в многоязычном мире» в рамках XX Апрельской Международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества (10 – 12 апреля 2019 года г. Москва, НИУ ВШЭ).
11. Апрельская научно-практическая конференция профессорско-преподавательского состава и студентов. ТНУ, Душанбе, 2021, 2022, 2023, 2024г.

По теме исследования опубликовано более 30 статей, 20 из них в журналах, входящих в обновленный реестр ВАК РФ, 2 – в журналах, индексируемых в базах Web of Science.

Объем и структура работы. В соответствии с поставленной целью и задачами диссертационное исследование состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованной литературы, источников материала и Приложений. В **Приложении** приведены глоссарий, таблицы и схемы, наглядно демонстрирующие полученные результаты.

ГЛАВА I. АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕКСТА В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ

1.1. Различные подходы к рассмотрению текста

С свете современной междисциплинарности текст стал объектом различных гуманитарных знаний. В лингвистике к нему стали применяться различные аспекты исследования: собственно грамматический, семантический, прагматический, коммуникативно-ориентированный, когнитивный и др., каждый из них вносит определенный вклад в понимание данного феномена.

Начало формирования лингвистики текста как особого направления пришлось на 60–70-е годы XX в., однако фактически до 80-х годов интерес лингвистов был сосредоточен «на изучении формальных характеристик текста как синтаксической структуры и раскрытии функционального назначения различных сторон, форм и элементов предложения. Возрастающий интерес к проблемам семантики, функциональной лингвистики, теории речевой деятельности и прагмалингвистики привел к рассмотрению текста как средства коммуникации и определил прагматический аспект анализа текста» [Минеева, 2017:7].

Становление антропоцентрической парадигмы в лингвистике, в том числе, в текстологии в начале XXI века привел к смене исследовательских приемов, языковые явления стали рассматриваться в тесной связи с человеком, его мышлением, культурой и коммуникативными потребностями.

М.В. Минеева отмечает, что в российском языкознании можно выделить несколько направлений лингвистики текста: общая лингвистика текста, (И.В. Арнольд, И.Р. Гальперин, В.А. Кухаренко, Т.М. Николаева, З. Я. Тураева, А.А. Акишина и др.); прагмалингвистика текста (Т.А. ван Дейк, Г.В. Колшанский, Л.А. Киселева, Э.С. Азнаурова и др.); собственно лингвистический подход (С.Г. Ильенко и представители его школы);

семиотический подход (Р. Барт, Ю.М. Лотман, Б.А. Плотников, Г.В. Степанов и др.); психолингвистический подход (Ю.А. Сорокин, А.А. Залевская, В.В. Красных, А.А. Леонтьев, Ю.Ф. Тарасов и др.); социопсихолингвистический и семиопсихолингвистический подходы (А.И. Бабайлова, Т.М. Дридзе, О.Д. Наумова, Г.Г. Почепцов и др.); герменевтический подход и интерпретация текстов (Г.И. Богин, А.А. Брудный, Р.В. Скотаренко, В.З. Демьянков, К.А. Долинин, В.А. Кухаренко, Г.Г. Молчанова и др.); лингвокультурологический подход, (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, А.С. Мамонтов, В.М. Шаклеин, В.А. Маслова и др.); когнитивный подход (З.Я. Тураева, Е.С. Кубрякова, Н.Н. Болдырев, Н. Бабушкин и др.); дискурсивный подход (М. Фуко, М. Бахтин, В.И. Карасик, Н.Д. Арутюнова, М. Макаров и др.) и некоторые другие [Минеева, 2017:7-10].

В лингвистике термин "текст" употребляется в широком смысле, включая образцы устной речи. Восприятие текста изучается в рамках лингвистики текста и психолингвистики. Например, И. Р. Гальперин определяет текст следующим образом: "это письменное сообщение, объективированное в виде письменного документа, состоящего из ряда высказываний, объединенных различными типами лексических, грамматических и логических связей, имеющих определенный нравственный характер, прагматическую установку и, соответственно, литературную обработку" [Гальперин, 1974: 67]. В другом определении текст трактуется И.А. Гальпериным, как «произведение речетворческого процесса, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [Гальперин 2006: 20].

В истории таджикской языковедческой традиции вопросы лингвистики текста как сочетания предложений и их взаимосвязи рассматривались еще в работах классиков таджикско-персидской литературы. Так З.М.Мухторов отмечает, что еще Носири Хусрав проводит градацию: *нутқ* – «речь», как способность, данная любому индивиду, не зависящая от этнической принадлежности), высказывания (*калом* – «речевой акт», как понятие

сопоставимое с термином «дискурс»), *қавл* – «высказывание», как содержательно-структурное сочетание нескольких предложений, подчеркивая при этом, что данную таксономию можно сравнить с цепью взаимоотношений «речетворческая деятельность – высказывание (дискурс) – предложение» [Мухторов, 2013: 7].

Различные аспекты рассмотрения текста предложений и их взаимосвязей можно встретить в трудах Н.Маъсуми и Д.Т. Таджиева в 50-70-е годы XX века [Тоchieв, 1966; 1981].

В 80-х годах в таджикском языкознании появляются научные исследования аспектов сложного синтаксического целого. Так, работах С. Облокуловой и С.Алламуродовой рассмотрены структурные и семантические особенности сложного синтаксического целого, лингвистическое определение данной сложной единицы в таджикском языке [Облокулова, 1986], а также в сопоставлении с русским языком [Алламуродова, 2011].

Как показывает обзор работ (научные статьи, монографии, диссертационные исследования) таджикских ученых последних лет, наши исследователи вплотную подошли к рассмотрению проблем лингвистики текста с применением новых методов анализа и интерпретации текста, среди них можно назвать работы Ф.К. Зикрияева, З.М.Мухторова, М.Р. Набиджановой, С. Каримовой, М.А. Атамуллаевой, М.В. Зикрияевой, С.Д. Алламуродовой, А. Насриддинова [См.:библиографию].

Профессор Б. Камолиддинов рассматривал текст как синтаксическую единицу: «Текст гораздо больше, чем сложное предложение или даже смешанные и многокомпонентные сложносочиненные или сложноподчиненные предложения, является крупнейшим по количеству синтаксических единиц коммуникации, он совершенно отличается с точки зрения структуры его грамматических значений и средств связи между единицами. Фактически, текст (от греческого слова *textum*) представляет собой цельный кусок ткани, части которого связаны между собой нитями»

[Камолиддинов, 2010 :130]. В этом смысле Б.Камолиддинов следует за общепринятым в лингвистике определением текста.

Необходимо отметить, что в таджикском языкознании первым комплексным монографическим исследованием структурных, коммуникативных и стилистико-семантических особенностей текста как единицы сложного порядка является диссертация З.М.Мухторова «Структура и семантика текста (сопоставительный анализ на материалах таджикского и русского языков)». Как автор отмечает в своем исследовании: «Текст, его структура и семантика в настоящее время, особенно в современном таджикском языкознании, являются одной из насущных и актуальных проблем, так как данная единица языка представляет самый сложный и системный продукт речемыслительной деятельности человека» [Мухторов, 2013;8].

Естественно, что рассмотрение текста невозможно в отрыве от литературы. В теории литературы текст – это любой объект, который можно "прочитать", будь то литературное произведение, уличный знак, расположение зданий в городском квартале или стили одежды. Это связный набор знаков, который передает некое информативное сообщение [Лотман,1996]. Этот набор знаков рассматривается с точки зрения содержания информативного сообщения, а не с точки зрения его физической формы или среды, в которой оно представлено.

В области литературной критики "текст" также относится к первоначальному информационному содержанию конкретного произведения; то есть "текст" произведения – это то изначальное символическое расположение букв, которое первоначально составлялось, за исключением более поздних изменений, ухудшений, комментариев, переводов, паратекста и т. д. Поэтому, когда литературная критика занимается определением "текста", она занимается различением исходного информационного содержания от того, что было добавлено к этому содержанию или вычтено из него, как оно

появляется в данном текстовом документе (то есть физическом представлении текста).

Поскольку история письменности предшествует понятию "текст", большинство текстов не были написаны с учетом этого понятия. Большинство письменных работ относится к узкому кругу типов, описываемых теорией текста. Понятие "текст" становится актуальным, если и когда связное письменное сообщение завершено и на него необходимо ссылаться независимо от обстоятельств, в которых оно было создано.

Слово текст берет свое начало в книге Квинтилиана о речах, с утверждением, что «после того, как вы выбрали свои слова, они должны быть сплетены вместе в тонкую и тонкую ткань», с латинским названием ткани *textum*.

В работе Иона Котяну «Как мы говорим о тексте» отмечается, что текст не может быть удовлетворительно проанализирован с помощью обычных грамматик, потому что они в принципе останавливаются на предложении. Однако за пределами фразы простирается обширное поле текстов и всевозможных дискурсов. Для него были предложены различные типы нетрадиционных грамматик: порождающие, функциональные, грамматики, связанные с механическим переводом, автоматическая языковая обработка, поэтому проблемы информатики и математической лингвистики, для которых любая формальная система, способная производить утверждения любого вида, называется грамматикой» [Teoria., 2008: 228].

По мнению Юрия Лотмана, всю культуру можно описать как **текст**, но это текст с чрезвычайно сложной структурой, который разделен на иерархии «тексты в текстах» и которые, в свою очередь, представляют собой сложные переплетения текстов [Лотман, 1992: 72]. Антологические исследования с выборками из наиболее цитируемых «текстов о текстах» (метатексты) вернули в схему общепринятые определения текста, которые в онлайн-пространстве требуют определенного пересмотра.

Напомним, что по мнению Э. Бенвениста, «фраза есть единство не языка, но дискурса. С помощью фразы мы покидаем область языка как системы знаков и попадаем в другую вселенную, в мир языка как инструмента коммуникации, выражением которого является дискурс» [Бенвенист, 1974:250].

Проблема соотношения терминов «текст» и «дискурс» до сих пор в современной лингвистике является спорной. В связи со сменой научной парадигмы с системной на антропоцентрическую мнение о том, что языковые явления не могут анализироваться и полноценно быть понятыми вне ситуации их употребления, т.е. без учета дискурсивных факторов, приобретает все большее распространение. Из этого следует, что смежные понятия «текст» и «дискурс» нуждаются в разграничении и уточнении при рассмотрении проблемы восприятия речевых произведений. При рассмотрении понятия «дискурс» внимание исследователей, как правило, фокусируется на живом, динамическом языке, имеющем место во время языкового общения, в то же время при исследовании текста ученые концентрируют свое внимание на тексте как объекте – результате языковой деятельности. Дискурс может быть рассмотрен в трех аспектах: «как связный текст в совокупности с экстралингвистическими (прагматическими, социокультурными, психологическими и др.) факторами; как текст, взятый в событийном аспекте; как речь, т.е. целенаправленное социальное действие, компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [Лингвистический энциклопедический словарь 2002].

Однако наука о тексте (текстология) еще не имеет интегративной теории текста, колеблющейся между крайностями, такими как «текст – это конечная замкнутая единица» и «текст неограничен, открыт». Таким образом, можно считать текст лингвистической единицей, основной функцией которой является завершение акта общения; он происходит в пространстве, отмеченном отсутствием антецедента и текстового преемника, представляя

себя как конечную замкнутую единицу, имеющую актуальность на текстовом уровне, И.П. Гальперин утверждает: «Попытки некоторых теоретиков представить текст как бесконечное явление без границ не имеют под собой основы» [Гальперин, 2006: 37] и еще: «Текст представляет собой некое завершенное сообщение, обладающее своим состоянием, организованное по абстрактной модели из настоящего в литературном языке форм сообщений (функционального стиля, его разновидностей и жанров)» [Гальперин, 2006: 18].

Между тем, постструктуралисты недвусмысленно заявляли, что текст безграничен, открыт: Жак Деррида, например, считает текст безграничным, это абсолютная целостность. По мнению Юлии Кристевой, тексты всегда «полны смысла», и, поскольку текст возникает и воспринимается только как интертекст, текст как автономная единица даже не подлежит обсуждению [Кристева, 2004:65]. А для постмодернистов «текст – это прогресс, помимо дополнения, у него нет ни начала, ни конца. Текст продвигается от меня ко мне, я являюсь точкой преемственности в тексте» [Prus, 2011:232].

Особое место занимают исследования по лингвистике текста выдающимися представителями французской и немецкой школ в области текстологии. Также в мировой лингвистике очень популярна российская школа, давшая великие имена в лингвистике текста: М. Бахтин, Ю. Лотман, Ю. Тинианов, Р. Будагов, И. Ильин, И. Арнольд, О. Москальская, В. Одинцов, З. Тураева, Н. Валгина, И. Гальперин, Г. Косиков, В. Руднева и др. – авторов классических текстов о «тексте». Хотя необходимо отметить, что в советское время языковедение считало текстологию чужеродной и неуместной.

Словно пытаюсь примирить последователей различных мнений, Умберто Эко интерпретирует текст как источник забывчивости: «Мы рассматриваем контекст, как если бы это был текст, и мы действуем точно так же, как мы, когда пытаемся понять текст. Текст (помимо того, что он является инструментом для изобретения или запоминания) – это инструмент для забывания или создания чего-либо в латентном состоянии» [Эко, 2016: 83].

Автор в своем рассуждении о взаимосвязи между текстом и электронным гипертекстом обнаруживает, что они будут сосуществовать в течение длительного времени в современной истории, поскольку: «тексты не являются энциклопедическими системами и лингвистическими системами. Тексты сужают бесконечные и неопределенные возможности систем и создают замкнутую вселенную. Системы ограничены, но бесконечны. Тексты ограничены, но конечны, хотя толкований может быть много» [Эко,1998: 91-92].

Еще несколько десятилетий назад известный семиолог Юрий Лотман отмечал, что текст, возможно, является одним из наиболее широко используемых терминов в гуманитарных науках, отметив, что развитие науки в разное время выявило из глубин языка такие слова: и впечатляющий рост их частоты в научных текстах сопровождается потерей уникального смысла. Эти термины не столько обозначают понятие, сколько сигнализируют об актуальности проблемы, указывая область, в которой рождаются новые научные идеи. История «таких слов может быть конкретным указателем динамики науки» [Лотман,1992: 149].

В настоящее время в области теории текста произошла настоящая «инфляция». Систематизация и типология текстов о тексте подчеркивают не только существование проблемы, касающейся общей теории текста, но и теорий, касающихся онтологии текста, функционирования текста, теории анализа текста [Белоусов,2009:54-59]. Многие школы, представленные известными именами, продвигают теорию текста в сторону интегративной науки [Еникеев,2008 и др.].

Одним из основных направлений в настоящее время считается лингвистика текста. Для понимания теории, по мнению Е.Косериу, очень важен дискурс, которому он придает огромное значение, поскольку, по его видению, «лингвистическое содержание бывает трех типов: обозначение (то есть ссылка на невербальную реальность, вещи, состояния вещей и идеи или мнения о них), значение (содержание, данное исключительно посредством и

через язык) и означающее (содержание конкретного акта речи, текста или дискурса). Смысловой план двояко семиотический: с одной стороны, знаки обозначают что-то (на языке) и обозначают что-то (как «экстралингвистическое»), а с другой стороны, значение и функция обозначения, в свою очередь, как «знаки» для содержания второго порядка, что и есть смысл» [Coseriu,1994:155].

Плетт считает, что одно из ошибочных толкований, которое все еще сохраняется в учебниках, заключается в том, что носители языка общаются с помощью предложений. Однако на самом деле «очевидно, что мы общаемся не через отдельные пропозициональные утверждения, а через связанные текстовые ансамбли» [Plett,1983: 17]. В деконструктивистском видении текст не состоит из предложений, а расчленен на предложения. Чтобы приблизиться к теме двух анализируемых фундаментальных понятий, мы перейдем к обсуждению некоторых классических определений текста.

1.2. Текст и его разновидности

Текст, таким образом, является одним из наиболее часто используемых терминов в области гуманитарных наук, а частота встречаемости терминов в области текстологии указывает на области, где рождаются новые научные идеи. Как в специализированном языке, так и в обычном, подтверждается терминологическое и словообразовательное богатство слов, образованных термином *текст*. Это еще раз подтверждает, что текст является одним из наиболее употребляемых терминов в области гуманитарных наук, а частота появления новых терминов в области текстологии сигнализирует об областях, где рождаются новые научные идеи.

«Весь текст – нестабильное целое – по сравнению с другими текстами, это контекст для будущего текста; он преобразовал предыдущий текст в контекст – и первый текст существует только через его прочтение как контекст для (через) второго текста» [Язык о языке, 2000: 224]. Произведя настоящую

революцию в области социально-гуманитарных наук, термин «текст» расширил смысловое поле за счет многочисленных производных, имеющих корень-текст, порождая в то же время бесчисленные путаницы, синонимы и паронимы.

В последнее время появилось очень много терминов с компонентом «текст». Рассмотрим некоторые из них. Такие производные и составные слова, которые мы рассмотрим ниже (Глоссарий с толкованием многих из них мы представили в Приложении 1), могут представлять интерес для специалистов в области теории и науки текста (текстологии), лингвистики и прагматики текста и т. д., а также лексикографам в процессе разработки толковых словарей, неологизмов, паронимов, омонимов, синонимов, антонимов и т. д.

Образованные с терминологическим элементом *текст*, такие термины используются в самых разных значениях, зачастую даже неуместных, на наш взгляд. Однако мы считаем, что рассмотрение данных терминов необходимо по нескольким причинам: до сих пор нет достаточно четких определений в отношении текста и его производных в специализированных словарях или в тех, которые предназначены для широкого использования. Например, интертекст также называется архетекстом, метатекстом и т. д., а гипертекст - супратекстом, супертекстом, мегатекстом, онтекстом, транстекстом и т. п. Такая ситуация означает, с одной стороны, ненадежную или недостаточно «устоявшуюся» терминологическую практику, а с другой стороны, отражает тот факт, что эти понятия пересекаются и требуют многоаспектного изучения.

Не претендуя на строгие формулировки лексикографических определений рассматриваемых терминов, мы в значительной степени ограничились их обзором с намерением обрисовать масштабы явления, подчеркнув при этом возможные связи между объясненными терминами. В следующих главах, эти термины и все производные от текста, которые имеют «видимую» связь с интертекстом и гипертекстом – двумя фундаментальными концепциями, на которых сосредоточено наше исследование, будут еще не раз подчеркнуты. Глоссарий содержит 70 терминов, содержащих компонент

«текст», а еще несколько просто перечисляются. Учитывая их большое количество, мы предпочли оформить термины в виде словарной статьи, с указанием толкования, в некоторых случаях синонимов и антонимов, с последующим лексикографическим определением (без строгого соблюдения строгости) с указанием идентифицированных источников, в которых они обсуждаются.

Анализируя многочисленные исследования концепции текста, о которых российский семиотик Ю. Лотман говорит, что история таких слов показывает динамику науки, мы обнаружили, что у нее есть много форм проявления, которые мы находим выраженными в ее производных, особенно в различных префиксоидах.

Мы предлагаем графическое изображение, в центре кластера при этом посчитали необходимым разместить термины, теоретизированные Юлией Кристевой: генотекст и фенотекст, общие и всеобъемлющие концепции, охватывающие все остальные. Классификация является стандартной, термины могут легко переходить из одного класса в другой в зависимости от контекста (см. Приложение 2).

Таким образом, разработанный кластер переосмысливает знаменитую классификацию Жерара Женетта [Genette, 1992], предлагая еще 7 общих классов в зависимости от доминирующего признака: ко(н)текстуальность, темпоральность, процессуальность, размерность, аудиовизуальность, пространственность, виртуальность) (см.рис.1 в Приложении).

Ж.Женетт в известном труде «Палимпсесты» [Genette, 1982; Женетт, 1982], в широких рамках транстекстуальности (или трансцендентности текста) выделяет 5 механизмов: интертекстуальность, паратекстуальность, метатекстуальность, гипертекстуальность, архитектурность (см. Таблица 1), каждый из которых имеет свое фундаментальное единство: интертекст, паратекст, метатекст, гипертекст, архитект.

1. Сама интертекстуальность (отношения соприсутствия между двумя или более текстами, чаще всего через фактическое присутствие одного текста в другом - цитата, плагиат, намек).

2. Паратекстуальность (отношение текста к заголовку, предисловию, примечаниям, иллюстрациям и т. Д.).

3. Метатекстуальность (отношение комментария, которое связывает один текст с другим без обязательного цитирования или наименования).

4. Гипертекстуальность (отношение получения одного текста из другого посредством преобразования или имитации - пародия, стилизация).

5. Архитекстуальность (родство, пол; иногда используется паратекстуальная формула, подзаголовки - «стихи», «роман», «эссе») [Jenett, 1977; 1992].

На схеме 1 каждый из 5 классов, предложенных Ж. Женеттом, представлен фундаментальной единицей: интертекст, паратекст, метатекст, гипертекст, архитект.

Таблица 1. Классификация транстекстуальности по Ж.Женетту [Jenett, 1977: 7-11].

ТРАНСТЕКСТУАЛЬНОСТЬ		
Интертекстуальность		Паратекстуальность
Метатекстуальность	Гипертекстуальность	Архитекстуальность

Теперь рассмотрим термины, которые идентифицируют различные виды текста (их список без сомнений может быть расширен), они представлены следующими: авантекст, автотекст, алотекст, антетекст, антитекст, архетекст, архитект, аудиотекст, блог-текст, вебтекст, видеотекст, викитекст, гипертекст, гипотекст, дигитекст, квазитекст, кибертекст, контекст, контратекст, копитекст, котекст, ксенотекст, иконотекст, интекст, интертекст, интратекст, инфратекст, макротекст, макситекст, медиатекст, мегатекст,

метатекст, микротекст, мидитекст, минитекст, мнемотекст, нанотекст, нетекст (атекст), онтекст, пантекст, паратекст, перитекст, полутекст, пост-текст, прототекст, псевдотекст, текст-головоломка, подтекст, пространственный текст, радиотекст, растянутый текст, смс-текст, стереотекст, супертекст, супратекст, телетекст, технотекст, транстекст, хронотекст, чат-текст, экзотекст, экстратекст, электронный текст, эпитекст, юнитекст (примеры каждого из них можно найти в Приложении Глоссарий).

Наибольший интерес для наших исследований представляют термины в области онлайн-коммуникации, иначе говоря, термины с доминирующим признаком *виртуальности* (или гипертекстуальности): веб-текст, форматный текст, чат-текст, смс-текст, технотекст, копитекст, викитекст, дигитекст и др. Именно эти тексты составляют новый тип, который мы называем виртуальной текстуальностью. Специфика этого типа текстуальности состоит в том, что она проявляется исключительно в онлайн-пространстве и отличается «технологическими» особенностями. Их определения следует совершенствовать и записывать в специализированных или обычных словарях по мере их теоретического обоснования и использования. Также следует отметить существование многочисленных формант, состоящих из нескольких префиксоидов: *автоинтертекст*, *автомататекст*, *экстраконтекст*, *метаперитекст*, *макроконтекст*, *микромконтекст*, *интраметатекст*, *автометанаратекст*, *квазиинтраметатекст*, *прединтекст*, *протогипертекст* и т. д., что демонстрирует ее сложность и множество точек зрения на интерпретацию.

1.2.1. Доминирующие признаки текста

Таким образом, для того чтобы разобраться в многочисленных терминах, следует рассмотреть их сквозь призму доминирующих признаков, Доминирующими чертами и функциями текста можно считать

контекстуальность, темпоральность, процедурность, размер, аудиовизуальность, пространственность, виртуальность. Рассмотрим данные доминирующие черты текста, в соответствии с которыми можно провести определенную классификацию предложенных терминов.

1.2.1.1. Доминирующая черта: контекстуальность

В класс текстов с доминирующей характеристикой *контекстуальность* (грамматическая + семантическая [Plett, 1983: 30]), входят следующие типы: *автотекст, алотекст, гипотекст, гипертекст, интертекст, контекст, ксенотекст, метатекст, палимптекст, подтекст, полутекст, экзотекст.* В этой категории, помимо контекста (см. Приложение 1), который является фундаментальным, находятся интертекст и гипертекст.

В широком смысле интертекст можно интерпретировать как отношения каждого текста с другими текстами, которые он впитывает и трансформирует в единую культуру в целом. В узком смысле интертекстуальность предполагает «эффективное присутствие одного текста в другом тексте» (Ж. Женетт). Поскольку, по словам Р. Барта, «любой текст является интертекстом», мы можем сделать вывод, что интертекст, в свою очередь, можно интерпретировать как любой другой тип текста, поскольку он относится не только к художественным текстам, но и к текстам, представляющим любой другой функциональный стиль языка. Текст «представляет собой перестановку текстов, интертекстуальность: в пространстве текста пересекаются и нейтрализуются несколько высказываний, взятых из других текстов» [Kristeva, 1989: 252]. Только процесс создания, производства – энергия – превращает текст в интертекст. Исследователи часто путают интертекстуальность с гипертекстуальностью, причем предполагается, что последняя ассимилирует первую. Для О. Эрцшайд, напротив, интертекстуальность представляет собой эпифеномен гипертекстовой организации содержащихся в ней текстов [Ertzscheid, 2002].

Следовательно, термины интертекст и гипертекст пересекаются и часто перекрывают свои значения. В этом смысле, согласно М. Риффатерру, интертекстуальность и гипертекстуальность будут иметь разные ориентации [Riffaterre, 1980: 781]. Интертекстуальность, понимаемая ученым как структурированная сеть ограничений, накладываемых текстом на восприятие читателя, находится в противоречии с аморфной сетью свободных ассоциаций, которую допускает гипертекстуальность. Поэтому есть основания говорить о дихотомии гипертекст (печатный) – гипертекст (цифровой). В настоящем исследовании мы уделяем внимание и тому, и другому. В то же время гипертекст часто анализируется в связи с так называемым гипотекстом (гипо- «меньше, ниже»). Он представляет предыдущий текст, исходный текст, то есть тот, который цитируется или имитируется, в отличие от гипертекста (сгенерированного текста), который цитирует или имитирует. В определенном смысле все созданные тексты, с одной стороны, имеют практически единый гипотекст или препозицию (культурный контекст, литературную традицию), а с другой стороны, в свою очередь, являются интертекстами, поскольку превращаются в культурные явления. Некоторые исследователи считают гипотекст (также называемый текстом) фундаментальным элементом гипертекста [Дедова, 2008; Москвин, 2013; Стройков 2013].

В той же группе мы можем выделить подкласс контекстуальности - псевдотекстуальность, который включает 5 других типов: антитекст, квазитекст, контртекст, нетекст и псевдотекст.

Неожиданное пересечение происходит между так называемой псевдотекстуальностью и гипертекстуальностью, последняя из которых рассматривается некоторыми теоретиками как противоположность текстуальности, а также как антитекстуальность [Martel,2005].

1.2.1.2. Доминирующий признак: темпоральность

Измерение темпоральности особенно заметно в следующих типах: авантекст, антетекст, архетекст, архитектекст, пост-текст, протекст, хронотекст. Среди них получил широкое распространение термин «архитекст» (архи - «больше, чем...; очень»). По мнению Ж.Женетта, это текст по отношению к общему тексту того жанра, к которому он принадлежит: "Архитекст вездесущ, сверху, снизу, вокруг текста, который тклет свой холст, только подвешивая его здесь и там из этой сети архитектуры. То, что называется теорией жанров или генологией (Ван Тигхем), теорией фигур (...); как насчет фигурологии?» [Genette, 1992: 83]. Автор исследования под архитектурой понимает «ту взаимосвязь включения, которая объединяет каждый текст с различными типами языка, к которому он принадлежит», то есть с их жанрами и их тематическими, модальными, формальными отношениями между текстом, между конкретным произведением и несколько идеальным теоретическим типом или моделью текста как литературной реальности. Таким образом, архитектор был бы самым объектом поэтики, в то время как текст, как индивидуализированное произведение, составлял бы поле исследования литературной критики.

Архитекстуальность рассматривается как участие в более обширном пространстве текстовой транстекстуальности или трансцендентности. В этом ансамбле это будет «самый абстрактный и неявный тип», охватывающий «общее восприятие» того или иного текста, «набор общих или трансцендентных категорий – типов языка, способов высказывания, литературных жанров и т. п., которому принадлежит каждый особый текст» [Genette, 1992: 7, 11]. Весь вопрос классификации текстов по жанрам (литературным) широко обсуждается в настоящее время в связи с гипертекстом, который в полной мере проявляется в онлайн-пространстве [Стройков, 2008; Горошко 2011; Павлов 2004 и др.].

1.2.1.3. Доминирующая черта: процедурность

Все типы текстов обладают такими характеристиками, как темпоральность или процессуальность, если понимать текстуальность в смысле «множественного, разнородного, прерывистого понятия, заменяющего авторский «голос» письмом» [Барт, 1989]. Но у некоторых текстов есть эта более заметная сторона, – это онтекст, пантекст, супертекст, супратекст, тотекст, транстекст, юнитекст. Согласно Р.Барту, онтекст (онт – «бытие, существование») (синоним – генотекст) – это Текст Мира, место производства смыслов, текст, который нельзя вписать или записать. Он начинает существовать только тогда, когда его создают те, кто его производит – автор и читатель [Барт, 1989]. Перед онтекстом все говорящие равны, нет ни иерархии, ни привилегий – он их всех уравнивает. Он находится одновременно в прошлом и в будущем, и поэтому избегает описания и фиксации в категориях линейной темпоральности.

В ту же классификацию мы можем поместить транстекст (транс- «за пределами, над, через»), термин, который в генетической теории представляет собой текст, который по Ж.Женетт: «(не) интересуется (только) своей текстовой трансцендентностью, то есть всем, что связывает его, открытый или скрытый, с другими текстами». Ж. Женетт выделяет, как уже упоминалось выше, в более широких рамках транстекстуальности пять механизмов: интертекстуальность, метатекстуальность, паратекстуальность, архитектекстуальность, гипертекстуальность [Genette, 1992: 82] (см. схему 1), каждый из которых имеет свое фундаментальное единство: интертекст, метатекст, паратекст, архитектекст, гипертекст.

У последнего – гипертекста – есть идеальный, дополненный и технологичный корреспондент, который в полной мере проявляется в онлайн-пространстве: онлайн-гипертекст.

1.2.1.4. Доминирующая черта: размер

Несомненно, проблема размерности, другими словами размера и границ текстов, не имеет пока окончательных ответов, поскольку текст обсуждается с двух совершенно противоположных точек зрения: текст как законченный объект и текст как объект без начала и без конца. Однако, даже основываясь на видении «идеального текста» (бесконечности) Р.Барта, мы не можем игнорировать тот факт, что для понимания и анализа тексты ограничены перитекстом. Функция доминирующей размерности включает следующие типы: макротекст, макситекст, мегатекст, микротекст, мидитекст, минитекст и нанотекст.

С точки зрения симметрии текста, макситекст (также называемый макротекстом Л.В.Тереховой [Терехова, 2013]) – это текст, состоящий из более чем 3000 слов. Текстосимметрия имеет дело с физическими атрибутами текста – пространственными размерами. В зависимости от них автор предлагает классификацию текстов по следующим категориям: макситексты, мидитексты, минитексты, микротексты [Терехова, 2013]. Существование множества размеров (от очень маленьких) до очень большого, иными словами, от текста-буквы до общего текста, который представляет собой совокупность текстов мира – totext) долгое время было настоящим препятствием для текстовой типологии. По мнению А. Корбуа, разделение на жанры и виды прозы есть не что иное, как классификация текстов по объему. Макситекст характеризуется сложнейшей семантической и синтаксической структурой и рематематической сегментацией (разделением) (главы, части, абзацы и т. п.). Вот все синтаксические комбинации, существующие в арсенале языковых единиц (предложения, суперфразические единицы, а также паратекстуальные элементы). Симметрия структур изучена недостаточно, хотя является обязательным функциональным элементом [Корбут, 2005]).

Гипертекст в широком смысле – это макситекст, а гипертекст в узком смысле (который мы обсудим в следующих главах) – это минитекст.

Сайты, дискуссионные онлайн-площадки, чаты, социальные сети можно рассматривать без оговорок макситекстами, макротекстами, а точнее электронными мегатекстами.

1.2.1.5. Доминирующая функция: аудиовизуальность

Аудиовизуальность – это новейшая функция, которую мы можем учитывать в текстах нового поколения, которые больше не ограничиваются техникой печати, но также обладают преимуществами мультимедиа, приближая текст к тому, что мы называем речью. Сюда входят, однако не ограничиваются и не представляют собой закрытый для расширения список: аудиотекст, видеотекст, иконотекст, медиатекст, радиотекст, стереотекст, текст-головоломка, телетекст. В контексте обсуждаемой темы (интертекста и гипертекста) наше внимание останавливается на иконотексте и медиатексте. Таким образом, медиатекст (медиа - «письменная и аудиовизуальная пресса») – это текст, используемый в трех основных сферах: журналистике, рекламе и PR. С появлением Интернета все онлайн-тексты становятся более или менее представленными в средствах массовой информации.

Медиатексты различаются по типу канала коммуникации (печать, радио и телевидение, Интернет), функциональным и гендерным критериям, композиционным и прагматическим характеристикам. Аудиотекст, радиотекст, телетекст, видеотекст, электронный текст и т.п. являются разновидностями медиатекстов [Современный медиатекст, 2011].

Иконотекст – это графемы или вырезки из текстовой массы; визуальная организация текста, состоящая в семиотической эксплуатации изображения, иконического кода. В литературе часто используется иконотекст [Рожанский, 2000]. Иконки, смайлы и т. д. являются формами иконотекста. Особенностью текстов в сети является то, что их можно рассматривать как электронные иконотексты, так как они могут быть взяты как изображения с помощью заданных параметров, так и любая другая текстовая графема. Чаты

представляют собой смешанный гибридный текст: текст + гипертекст + иконотекст. Кроме того, в онлайн-пространстве появилось множество новых «знаков»: индикаторы навигации, значки, необходимые для навигации, логотипы с инициалами в названии бренда, компании, компьютерной системы и т. д. В настоящее время много говорят о иконизации или креолизации текста, то есть о его тенденции все больше и больше становиться изображением, а также о научных дискуссиях с общей темой «Остается ли текст текстом?». Все больше исследователей задаются вопросом, не предназначен ли нынешний текст для креолизации, превращения в «интерсемиотический» продукт [Леденева, 2017: 58-61].

1.2.1.6. Доминирующая черта: пространственность

В группу текстов, предполагающих классификацию по доминирующему признаку пространственности, могут быть включены следующие типы: интекст, интратекст, инфратекст, паратекст, перитекст, пространственный текст, экстратекст, эпитекст. Наиболее важные из них: паратекст (эпитекст + перитекст), интратекст и экстратекст. Согласно Ж. Женетту, паратекст состоит из перитекста (элементы внутри и вокруг книги [в пространстве]) и эпитекста (элементы, расположенные на расстоянии от книги [вне пространства]). Он видит в паратексте разнородный набор элементов, намеренно размещенных вокруг текста авторским решением, чтобы вызвать эффекты чтения. Как и интертекст, паратекст – это «своего рода текстовая прививка», разница проявляется на уровне предполагаемых функций и библейской материальности, «поскольку интертекст (в узком смысле) становится видимым/читаемым только в форме цитаты или менее интегрирован в художественную литературу», в то время как паратекст выполняет функцию «подчеркивать воспринимаемость формы произведения искусства как значимого объекта, который приобретает этот характер, исходя из его статуса трансцендентного элемента текста» [Сарнов, 2007]. Элементами паратекста

являются: *заголовок, подзаголовок, пролог, предисловие* (например, предисловия к хроникам), *подписи в случае диалогового текста персонажей* (выделены курсивом или с телом букв, отличным от основного текста), *посвящение, девиз, подпись, эпилог, послесловие, ссылки, цитаты, заметки, комментарии, иконотекст*. В современном письме существует тенденция использовать паратекст как текст или даже паратекст без текста.

Экстратекст – это текст, расположенный вне тела текста, который принадлежит экстралингвистическому контексту. Интратекст относится к основной части текста в широком смысле. Для цифрового пространства обозначает единицу, которая соединяется с другими единицами, которая больше не обозначает слово, а ссылку в том смысле, что ключевое слово полезно только в том случае, если оно ведет к ключевому отрывку (слова, фразы, предложения, абзацы и т. п.).

Отметим, что некоторые исследователи считают гипертекст, прежде всего, интратекстовым [Pisarski, 2011: 186].

1.2.1.7. Доминирующая черта: виртуальность

Новейший класс, созданный онлайн-пространством, предлагает новую типологию, в зависимости от функции, называемой виртуальностью (дигитальностью или электронностью): блог-текст, веб-текст, викитекст, гипертекст, кибертекст, копи-текст, мнемотекст, смс-текст, расширенный текст, технотекст, цифровой текст, чат-текст, электронный текст, которые должны быть объектом исследования гипертерминологии. Специфика этого типа состоит в том, что он проявляется исключительно в онлайн-пространстве и отличается «технологическими» характеристиками, поэтому его также можно назвать без оговорок и технотекст [Archibald, 2008: 197]. Поскольку сам гипертекст – одна из фундаментальных концепций, обсуждаемых в данном исследовании, отметим, что веб-текст – это синоним гипертекста, а викитекст – это конкретный тип веб-текста.

Для обозначения разветвленного текста в области информатики Тед Нельсон ввел в схему в 1965 году термин гипертекст. Самый известный и наиболее наглядный пример гипертекста – это веб-страницы в документах HTML (язык гипертекстовой разметки) в Интернете. Следовательно, гипертекст – это текст, отображаемый на компьютере или другом электронном устройстве, снабженный ссылками (гиперссылками) с другими текстами, к которым читатель может получить доступ немедленно, обычно щелчком мыши или нажатием клавиши. Термин гипертекст появился практически одновременно с термином интертекст, который ввела в научный обиход Ю. Кристева (1967), только на момент своего появления он считался исключительно понятием точных наук, информатики. В более строгом определении, согласно Т. Нельсону, автору термина, гипертекст будет исключительно текстом в электронном / виртуальном формате, без печати [Nelson, 1965: 84-100]. Нигде еще феномен интертекста не нашел более четкого и полного выражения, чем в гипертексте Интернета, который, безусловно, можно назвать «великим интертекстом цифровой эпохи», когда Интернет представляет собой «планетарную карту гипертекста» [Lamarca,2006].

Большинство исследователей считают гипертекст самой заметной чертой постмодернизма. В видении М. Эпштейна, благодаря Интернету мы живем в феномене гипертекстуальности [Эпштейн,1995].

Элемент гиперкомпозиции – один из самых активных в системе всех языков мира. Современные словари свидетельствуют о том, что за последнее десятилетие произошел настоящий взрыв новых слов, образованных с приставкой гипер- (более 500). Он расширил свой значительный потенциал, способный указывать: превосходство, увеличение или преувеличение качества, характеристик и т.д. : *очень, супер-, чрезвычайно, ультра-, гига, мега, исключительный; сверх, плюс, чрезмерный; существует более чем в трех пространственных измерениях; указывает на более высокий уровень; отчет с перекрестными ссылками и множеством ссылок; связаны или расположены*

непоследовательно, и Тед Нельсон также дал ему значение «крупномасштабного и обобщенного».

Как философский термин, *гипер* - относится к свойству социальных и культурных явлений, достигающему наивысшей интенсивности, к самодостаточности в сфере иллюзий, фантастичности (также называемой «монстр-текст» [Науменко,2005:182]). Значение *гипер*- может быть расширено до двух других префиксов: *супер*- и *псевдо*-; переход между ними раскрывает ироническую логику революций и соотношение модерна и постмодерна в культуре XX века. *Гипер* – это *супер*, которое из-за избытка определенного качества выходит за пределы реальности и становится *псевдо*. Революционное отрицание оказывается преувеличением, конкретизацией, расширением, преувеличением того, что отрицается. «Избыточность этого качества, сконструированного как супер, оказывается иллюзорной или псевдо, в то время как его противоположность, которая изначально преднамеренно отрицалась, в конечном итоге приобретает доминирующее положение. Эта ирония, полностью раскрытая в постмодернизме, как культурная идентичность, и представляет собой диалектику, гипер-диалектику градации-ложности, гиперболы-пародии» [Эпштейн,2004]. Элемент не- в композитах используется для формирования понятий, которые находятся в исключительной оппозиции к понятию, выраженному вторым элементом. Таким образом, непоследовательность также можно назвать *мульти*-, *поли*-, *мульти*- или *нелинейностью* (в российской лингвистике наряду с термином *нелинейность*, используется также и *полилинейность*). Поэтому мы можем сказать, что *гипер*- равно *супер*-, *не*-, *псевдо*- и даже *анти*-.

Интересно рассуждение, что «разделение между устройствами хранения и представления документов, двоичный код, динамизм, логистика распределения, кинетика, универсальная маркировка, наложение документов и есть гипертекстуальность. В культуре печати текст обычно определяется как двумерная последовательность или иерархия. Цифровая текстуальность и ее подкласс, веб-текстуальность (веб-текстуальность), добавляют третье

измерение: пространственную глубину. Может быть, даже четвертое: временное» [Dahlstrom,2002: 161]. По мнению исследователя, концепция гипертекста восходит к лексическим корням концепции веб-текста. В русском языке с аналогичным значением встречается термин «сетевой текст» [Пронина, 2001].

Следовательно, у текста есть много форм проявления, которые выражаются во многих его производных, особенно с префиксоидами. Список из терминов, которые приведены в Глоссарии (см. Приложение 1), может быть дополнен множеством других формантов, таких как: *а-текст, гендерный текст, гигатекст, евротекст, идеотекст, инфотекст, лингватекст, маркер-текст, мастер-текст, медтекст, метротекст, монотекст, мультитекст, социотекст, электротекст, этнотекст, экзитекст, экспертный текст, смайл-техт, www-текст* и др.

Гипертекст, таким образом, можно считать концепцией, которая страдает излишним «полисемантизмом» [Clement,1995], который может включать в себя все новые термины, что само по себе является символом эпохи Интернета.

1.3. Соотношение понятий текст и гипертекст

Как было прослежено выше, определений текста и параметров его рассмотрения достаточно много. При этом основной тенденцией является определение текста как феномена языковой и экстралингвистической действительности, являющегося не только средством коммуникации, но и способом сохранения и передачи информации, отражением определенной исторической эпохи, индивидуальных особенностей адресанта, социокультурных традиций, а также установление основных признаков текста, формирующих его как единое целое.

Таким образом, текст – это систематически организованная форма, имеющая композиционное, семантическое, прагматическое единство, которая

создана и обработана по замыслу автора в соответствии со стилистическими нормами и функциями языка. Согласимся с мнением Г.В. Колшанского, который считает, что «построение текста зависит от смыслового содержания и системы непрерывного контекста, в рамках которого осуществляется изложение той или иной темы, другими словами, в рамках которой развивается дискурс» [Колшанский 1980: 65].

Представляет интерес классификация И.М. Михалевой общих признаков художественного текста: «1. Многомерность и многослойность структурно-смыслового пространства текста. 2. Информативность, семантическая насыщенность, или семантическая осложненность. 3. Коммуникативная завершенность, целостность и связность, обусловленные авторской установкой. 4. Наличие имплицитно и эксплицитно выраженного авторского отношения к предмету изображения. 5. Ориентированность текста на определенный тип читателя. 6. Включенность текста в «текстовую цепь культуры». 7. Диалогическая соотнесенность текста с другими текстами – интертекстуальность» [Михалева 1989: 45].

Взаимодействие и взаимосвязь между понятиями текста и определение собственно гипертекста рассмотрим ниже, основываясь на теоретических трудах М.М. Бахтина, Р. Барта, Ю.М. Лотмана, В. Буша, Дж.Ландоу, Д.Болтера, О. Дедовой, Т. Рязанцевой, Я. Вардзелашвили, Е. Горошко, С. Панфиловой, П. Сергиенко, И. Сидорова, С. Стройкова, Н. Шехтман и др.

1.3.1. Различные концепции исследования гипертекста: анализ подходов к изучению

Определение гипертекста довольно сложная проблема, поскольку существует множество точек зрения на данный термин. Чаще всего в современном информационно-ориентированном обществе считается, что гипертекст – это структурная система интернета, то есть способ соединения веб-страниц. Хотя это определение может быть частично удовлетворительным

с точки зрения обоснования гипертекста, однако понятно при этом, что многие аспекты упускаются из виду, когда гипертекст описывается с этой довольно ограниченной точки зрения. Гипертекст, имеющий сложную историю и глубокие теоретические корни, не является тем, о чем думает большинство людей, когда его нынешняя роль в Сети легко воспринимается как само собой разумеющееся. Вопрос, который возникает, может быть сформулирован просто: как мы можем лучше понять гипертекст? По мере освещения истории вопроса мы надеемся продемонстрировать, что гипертекст – это сверхдетерминированное понятие, сложность которого часто сводится к некому одному принципу. Чтобы контекстуализировать сверхдетерминированное понимание гипертекста и показать его ограниченность, мы исследуем его историческую глубину и концептуальное богатство, исследуя два взаимосвязанных подхода к технологии: технологический детерминизм и утопию/антиутопию.

Важно отметить, что ученые подходили к изучению гипертекста с разных точек зрения и с разными целями, лишь некоторые из которых будут рассмотрены здесь. Мы не будем здесь углубленно рассматривать такие понятия, как электронные книги, виртуальная среда, теории чтения и письма в интернете. Этому будут посвящены другие главы и разделы работы. Мы лишь избирательно сфокусируем наше внимание на основных точках зрения, лежащих в основе развития гипертекста, и на конкретном корпусе теоретически ориентированных исследований гипертекста. Этот особый фокус имеет то преимущество, что он представляет широкий спектр текстов, и он особенно продуктивен для изучения сверхдетерминированной природы гипертекста, поскольку он подчеркивает как знакомые, так и незнакомые аспекты гипертекста.

Историю создания гипертекста обычно отсчитывают с середины двадцатого века с публикации известной статьи «Как мы можем думать» Ванневара Буша [Bush, 2003]. В этом эссе Буш представил некомпьютеризированную протогипертекстовую систему под названием

Memex (Memory Extension – расширитель памяти), которая должна была превратить послевоенный “информационный бум во взрыв знаний” [Wenger, 2006:35]. В 1960-х и 1970-х годах продолжается работа над компьютерными гипертекстовыми системами Дугласа Энгельбарта и Теодора Нельсона, каждый из которых создавал историю развития гипертекста особыми способами. В дополнение к этому необходимо отметить два более ранних момента в историческом развитии гипертекста – один из них описал Эрве Платто об изобретении устройств упорядочения текста в 13 веке [Platteaux, 2008], другой описал Алекс Райт о всеобъемлющей системе управления информацией, разработанной бельгийским изобретателем Полом Отлетом в 1934 году [Wright, 2007].

Вместе взятые, многоаспектные точки зрения относительно истории вопроса помогают создать более богатую историю происхождения и развития гипертекста.

Важно, что стандартное изложение истории создания гипертекстовых систем возникло из того, что особое сообщество американских ученых в области прикладных наук или практиков (по Э.Венгеру [Wenger, 2006]) было ориентировано на научное управление информацией. Ученые, входящие в это сообщество, не считали себя ответственными за глубокое теоретическое формулирование корней проблемы, которую они пытались решить. Это сообщество, которое развивалось на фоне технологических инноваций и распространения научной информации, последовавших за Второй мировой войной, представляло гипертекст как средство освобождения человечества от современной проблемы информационной перегрузки.

Однако за сотни лет до появления первой гипертекстовой системы люди аналогичным образом пытались разработать системы, которые могли бы управлять информацией внутри и между печатными текстами. Развитие считывающих устройств, таких как номера страниц и индексы, в дополнение к досетевым системам для организации и доступа к большим массивам данных (например, разработанным Полом Отлетом [Wright, 2007]), свидетельствует о

том, что стремление управлять информацией и расчищать путь для прогресса не является уникальным для XX века. Однако уникальность заключается в том, каким образом развитие персонального компьютера и интернета помогло реализовать это давнее стремление.

Следует сказать и о другом сообществе ученых – тех, которые при стандартном изложении истории вопроса, отмечает и ранние работы над гипертекстовыми системами. На самом деле, ученых данного сообщества Джей Дэвид Болтер и Джордж Ландоу [Bolter, 2001; Landow, 2002; 2006], вообще не интересовал вопрос разработки гипертекстовых систем для управления информацией; вместо этого они рассматривали гипертекст как конкретное средство изучения ключевых теорий в своих соответствующих дисциплинах. Счастливым стечением обстоятельств, которое привело к изучению гипертекста учеными, работающими вне рамок информационных технологий, впервые произошло в 1987 году, когда группа в Университете Брауна пригласила Джорджа Ландоу, профессора литературы, разработать курс с использованием гипертекстовых систем. Ландоу продолжал развивать этот опыт преподавания с гипертекстом и свое знакомство с современной критической теорией, чтобы исследовать роль, которую, по его мнению, гипертекст играет в изменении отношений между писателями и читателями, роли автора и границ, существующих между текстами.

В то же самое время, когда Дж. Ландоу писал об этих проблемах, Джей Дэвид Болтер, в то время профессор классической литературы, работал над описанием более глубоких связей между формирующейся технологией гипертекста и историческим развитием письменности в западной цивилизации. Работа Дж. Болтера [Bolter, 2001] фокусируется в значительной степени на концепции, которую он называет ремедиацией, которая предполагает, что новый носитель, такой как гипертекст, может занять место старого носителя, такого как печатный текст, но при этом он обязательно заимствует и реорганизует характеристики старого носителя. Дж. Болтер

предполагает, что этот процесс исправления делает условности печатного текста парадигмой для разработки и анализа электронного текста.

Работа Дж. Болтера о значении гипертекста как новой среды для композиции иногда не стыкуется с работой Дж. Ландоу, и, в свою очередь, работа Дж. Ландоу с критической теорией иногда не согласуется с работой Дж. Болтера. Однако эти их точки несогласия, особенно о том, следует ли рассматривать печатный текст в качестве основы для понимания электронного текста, добавляет глубины пониманию того, как гипертекст может быть понят как концептуальная сущность. Изучение этих точек зрения помогает показать истинное концептуальное богатство гипертекста.

Упомянутые выше сообщества ученых-практиков, чьи работы посвящены: одни развитию гипертекста, а другие – выявлению взаимосвязи между гипертекстом и печатным текстом, разделяют общее предположение о том, что технологии в целом и гипертекст, в частности, являются мощными факторами изменений. Эта перспектива, известная как технологический детерминизм, характеризуется Лесли Раганом Шейдом в «Энциклопедии новых медиа» (2002) как имеющая фокус на «конкретные технологические артефакты или на индивидов, которые разработали технологии» с небольшим или полным отсутствием акцента на «вливающих социально-экономических и идеологических факторах или как конкретные члены общества были затронуты или влияют на технологические артефакты "перемен"» [Shade, 2002: 433]. Во введении к работе «Движет ли технология историей?» (1994), Лео Маркс и Меррит Ро Смит характеризуют письмо с точки зрения технологического детерминизма как имеющее предложения, в которых технология «или суррогат, подобный машине», становится субъектом активного предиката, такого как утверждение «автомобиль создал пригород» [Marx, Smith: 1994: xi]. Как показывает опыт, те, кто пишет о гипертексте, часто делают такого рода заявления. Например, Теодор Нельсон, один из первых разработчиков гипертекстовых систем, утверждал, что гипертекст – это «новый вид текста, который изменит мир»; а Джордж Ландоу, который

писал о гипертексте и критической теории, утверждал, что «гипертекст изменяет наше чувство авторства и творчества» (приводится по А.Китцманну [Kitzmann, 2001: 451]).

Технологический детерминизм этой разновидности, довольно распространенный в литературе о гипертексте, играет решающую роль в узком и широком или сверхдетерминированном понимании гипертекста. Более того, поскольку технологический детерминизм приводит либо к утопической, либо к антиутопической перспективе, видение его в качестве средства изменений неизбежно влечет за собой позитивные или негативные социальные аффекты. Утопическая точка зрения, наиболее распространенная в литературе о гипертексте, рассматривает технологическое развитие как неизбежное расширение возможностей и освобождение. Эта точка зрения чаще всего подчеркивает потенциал технологий для содействия демократии, справедливости и правам человека. Например, Дуг Энгельбарт, один из ранних разработчиков гипертекстовых систем, утверждал, что гипертекст делает общество более «интеллектуально эффективным» и, следовательно, более политически эффективным, увеличивая человеческий разум; а Джей Дэвид Болтер, который пишет о гипертексте как средстве для композиции, утверждает, что гипертекст работает «против расширения...модели экономического и культурного контроля» таким образом, чтобы в ближайшем будущем могло существовать свободное от социального и экономического контроля любого рода» (приводится по [Featherly, 2002:433]).

Следует пересмотреть точки зрения, связанные с развитием гипертекста как технологии и его применения как концепции, чтобы показать, что оба они обладают значительной глубиной и богатством, которые помогают нам понять, как мы понимаем гипертекст сегодня. Конечно, в рамках одного более общего исследования невозможно устранить всю путаницу, связанную с гипертекстом, но можно добиться более глубокого понимания и развить некоторые важные вопросы на этом пути.

Рассматривая историю развития гипертекста и способы теоретизации гипертекста в связи с критической теорией, можно сделать несколько выводов.

Во-первых, проблема информационной перегрузки, которую пытались решить ранние разработчики гипертекста, на самом деле является постоянной проблемой, которая на протяжении тысячелетий стимулировала технологические инновации. Поскольку информационная перегрузка часто воспринимается как следствие развития событий, которые увеличивают скорость получения информации и легкость ее распространения, она была связана в последнее время с появлением всемирной паутины. Однако, глядя на статью Ванневара Буша, описывающую Memex в 1940-х годах [Bush:2002], и рассказ Эрве Платто об устройствах упорядочения текста в Средние века [Platteaux:2008], можно предположить, что условия, более древние, чем Сеть, вызвали аналогичное чувство переполненности информацией и поощряли аналогичные технологические решения. Хотя это может показаться простым наблюдением, оно играет важную роль в контекстуализации мотиваций и стремлений ранних разработчиков гипертекста, которые лежат в основе гипертекста как системы для связывания и упорядочивания информации в Интернете сегодня.

Технологический детерминизм неизбежно ведет к утопическим или антиутопическим перспективам, но в работах о гипертексте почти всегда выражается позиция, что результаты, связанные с гипертекстом, обязательно будут положительными. В основе этого предположения, как правило, лежат популярные утверждения о технологических инновациях за пределами гипертекста; исторически считалось, что достижения в медицине, сельском хозяйстве, инженерии и вычислительной технике сделали повседневную жизнь более удобной, безопасной, более продуктивной и комфортной. В популярной сегодня литературе о Всемирной паутине утопическая точка зрения обычно доказывает позитивную ценность изменения социальной динамики. Его можно найти в таких книгах, как «Культура конвергенции: где сталкиваются старые и новые медиа» Генри Дженкинса [Jenkins, 2008],

«Умные устройства: следующая социальная революция» Говарда Рейнгольда [Rheingold, 2003] и «Сюда приходит каждый: умение организовать без организаций» Клея Ширки [Shirky, 2009].

Антиутопическая точка зрения, в отличие от утопической перспективы, описанной выше, подчеркивает скорее опасности, чем выгоды. Заявления в письменной форме, которые принимают антиутопическую позицию по отношению к технологии, часто предполагают, что Сеть изолирует людей от географических сообществ, что доступ несправедливо ограничен, или что информационные технологии (ИТ) перегружают пользователей низкокачественной информацией и проблемами или уменьшают индивидуальное творчество и ответственность за идеи.

Такая антиутопическая тревога по поводу взаимоотношений между коммуникационными технологиями и обществом тоже не нова. Например, Платон в свое время заставил Сократа привести подробный аргумент против письма в "Федре", утверждая, что оно искусственно, разрушает память и не реагирует, как устный диалог.

Анализ гипертекста как сверхдетерминированного термина и исследование его происхождения в двух сообществах практиков ясно показывают, что и утопические, и антиутопические взгляды на гипертекст в частности, и на сеть в целом, чрезмерно упрощены.

Тем, кто изучает гипертекст и Интернет, было бы неплохо, прежде всего, принять идеологическую модель грамотности Брайана Стрита, которая подробно описана в его исследовании 1984 года "Грамотность в теории и практике" [Street, 1984]. В этом исследовании Б. Стрит утверждает, что коммуникационные технологии не обладают врожденной силой, только силой, которая исходит из способов, которыми они используются в конкретных контекстах.

Еще одна потенциально значимая связь с исследованиями грамотности возникает в связи с критикой текстов о технологиях, которые затрагивают проблему технологического детерминизма. Один из примеров приведен в

предисловии ко второму изданию «Пространство для письма» Джея Дэвида Болтера, которое объясняет, что уже в 1994 году некоторые члены гипертекстового сообщества были вынуждены обратиться к критике, связанной с технологическим детерминизмом [Bolter, 2001: xiii]. Ученые, такие как Ричард Грусин, работавший в то время в других областях исследований новых медиа, начали настаивать на том, что те, кто пишет о гипертексте, должны быть более осведомлены о заблуждении, связанном с представлением о технологии как о посреднике (agent). В разделе "Что такое электронный автор?" [Grusin, 1994], Р. Грусин призвал ученых пересмотреть характеристики гипертекста как прямого посредника изменений, обратившись к «толстым томам исторических или этнографических исследований», которые фокусируются на оспаривании веры в то, что технология и культура являются «отдельными, автономными областями, способными воздействовать друг на друга» [Grusin, 1994: 483]. «Толстые тома исторических или этнографических» исследований, которые Р. Грусин пропагандирует для борьбы с технологическим детерминизмом, не получили широкого распространения в литературе о технологиях с 1994 года; тем не менее, идея становится все более распространенной в исследованиях грамотности и может быть найдена в таких книгах, как «Грамотная жизнь в информационном веке» Синтии Селф и Гейл Хавишер [Selfe, Hawisher, 2004], «Новая грамотность: повседневная практика и обучение в классе» Мишель Кнобел и Колина Ланкшера [Knobel, Colin, 2006] и «Гонка оцифровки» Лизы Накамуры [Nakamura, 2007]. Как следует из этого списка, все большее число ученых изучают практику грамотности в интернете, и это может только способствовать пониманию гипертекста и интернета.

«Я считаю, что это приучение к мысли о неотвратимости судьбы и неизбежности смерти – одна из самых главных функций литературы. Возможно, есть и другие, но сейчас они не приходят мне на ум» сказал Умберто Эко в своей лекции «О литературе» [Эко, 1998].

«Опираясь на гипертекст, мы можем переписать сражение под Ватерлоо, допустив, что приходит отряд во главе с Груши, а не немцы Блюхера, и на самом деле существуют компьютерные игры, которые позволяют так сделать, и это очень увлекательно. Но трагическое величие страниц Гюго заключается в том, что, несмотря на наши желания, всё идет так, как оно идет» [<http://umbertoeco.ru/klassicheskaja-literatura-uchit-nas-umirat/>].

Рассуждая о романах В.Гюго и Л.Толстого, Умберто Эко отмечает: «Красота „Войны и мира“ в том, что агония князя Андрея завершается смертью, как бы нам ни было жаль. Перечитывая великих трагиков, мы каждый раз горестно удивляемся, почему их герои, которые могли бы избежать ужасной судьбы, из-за слабости или слепоты не понимают, что их ждет, и низвергаются в пропасть, вырытую собственными руками. С другой стороны, Гюго говорит нам, показав какие иные возможности были у Наполеона при Ватерлоо: «Мог ли Наполеон выиграть это сражение? Мы отвечаем: нет. Почему? Был ли тому помехой Веллингтон? Блюхер? Нет. Помехой тому был Бог» [Эко, 1998].

Именно об этом повествуют все великие истории, иногда заменяя Бога случаем или необратимыми законами жизни. У.Эко считает, что функция „неизменяемых“ рассказов в том и состоит, что вопреки нашему желанию изменить судьбу нас заставляют почти физически ощутить её необратимость. «И о чем бы ни были эти рассказы, они всегда говорят о нас – за это мы их и любим.

Мы нуждаемся в их суровом „репрессивном“ уроке. Гипертекст может научить нас свободе творчества. Это хорошо, но это ещё не все. „Неизменяемые“ рассказы учат нас умирать» [Эко, 1998].

1.3.2. Изучение гипертекста в российской лингвистике

Гипертекст как объект изучения лингвистики активно обсуждается в российском языкознании чуть более двух десятилетий. Однако к проблемам гипертекста продолжают обращаться и специалисты в области теории

литературы, коммуникационных наук и журналистики; хотя все чаще и лингвисты. Пока таджикская лингвистика только подходит к изучению гипертекста [Искандарова, 2013;2014;2015, 2023], в отличие от российской, где гипертекст не просто изучается, но и преподается на факультетах с гуманитарным профилем уже есть обязательные или факультативные курсы, посвященные гипертекстуальности.

Например, Государственная социально-гуманитарная академия в Поволжье (Самара, Россия) организовала в период 2010-2017 гг. под руководством С. Стройкова 5 конференций, посвященных исключительно теме гипертекста с лингвистической точки зрения, что живой интерес у специалистов [234-238]. Доклады конференций всегда фокусировались на нескольких исследовательских направлениях: «Общие проблемы лингвистики гипертекста и пути их решения», «Специфика гипертекста как объекта лингвистического анализа», «Анализ структуры гипертекста и его единиц», «Типология гипертекстов ссылок», «Классификация гипертекстов», «Жанры гипертекста», «Электронный гипертекст», «Лексикографический гипертекст». Более 40 исследователей (из России и трех соседних стран – Украины, Молдовы, Грузии), а в 2017 году – и из-за рубежа), некоторые из которых – признанные специалисты в данной области, опубликовали в материалах конференции важные исследования, посвященные этому явлению (О. Дедова, Т. Рязанцева, Я. Вардзелашвили, Е. Горошко, С. Панфилова, П. Сергиенко, И. Сидорова, С. Стройков, Н. Шехтман и другие – все авторы специализированных монографий или докторских диссертаций, посвященных гипертексту или онлайн-общению) [86-87; 222-223; 51; 75-76; 226; 234-238].

В исследовании «Слово-текст и слово-гипертекст» отмечается, что с точки зрения современной лингвистики даже отдельное слово может быть прочитано как текст [Вардзелашвили, Певная, 2011:12-21]. Исходя из этой гипотезы, если линейный текст со специальным чтением создает гипертекстовое пространство, слово-текст также должно порождать гипертекстовые связи.

О. Дедова рассматривает мультимедиа и интерактивность как особые категории гипертекста. Обе концепции сильно влияют на письменное общение и являются основным источником создания новых текстовых жанров, которые теория литературы и теория жанров, а также речевые акты должны будут учитывать в будущих исследованиях [Дедова, 2006]. Татьяна Рязанцева предлагает обзор спорных вопросов, связанных с электронным форматом гипертекста, письменным выражением в онлайн-среде, законом Маклюэна о СМИ («сообщение – это среда»), технологическим аспектом письменного дискурса в новой среде, проблемой автор электронных текстов, временных и пространственных отношений в компьютерной коммуникации и т. д. [Рязанцева, 2008]. С. Стройков анализирует с лингвистико-прагматической точки зрения макро- и микроструктуры электронного гипертекста словарей в The Free Dictionary. Проведенный анализ позволил автору сделать следующие выводы: 1) электронный гипертекст указанного электронного источника несравнимо информативнее печатной / печатной энциклопедии, поскольку включает несколько источников; 2) читатель может переставлять макроструктурные элементы (в случае печатного словаря такой возможности нет); 3) односторонние / двусторонние гиперссылки (однонаправленные/ двунаправленный), внутренние / внешние – основные блоки, которые связывает информацию воедино, помогая читателю быстро и в реальном времени получить необходимую информацию; 4) электронный гипертекст позволяет читателю работать с разными типами информации (текст, изображения, звук и т. Д.); 5) предлагаемые языковые игры (Hangman, Spelling Bee и Match Up) делают этот гипертекст интерактивным; 6) такой метод «лингвистического тестирования» может помочь в электронном лексикографическом исследовании выбранных гипертекстов в качестве входных данных для анализа; 7) микроструктура словарей и энциклопедий типа «свободный словарь» имеет иной формат, чем у печатных словарей и энциклопедий [Стройков, 2008].

Многие исследователи при трактовке гипертекста отмечают текстовую структуру и системный характер взаимосвязи единиц. Сходные определения мы находим у О.В. Дедовой и С.А. Стройкова, которые трактуют данный феномен как «некоторый нелинейно организованный объем поликодовой и политематической информации, существующий в сети Интернет и обладающий текстовыми характеристиками, структурными и функциональными особенностями, интегрирующий непересекающиеся информационные ресурсы, между которыми могут быть установлены однонаправленные и перекрестные ссылки» [Дедова 2003: 116, Стройков 2007: 316].

Похожее мнение высказывает М.М. Субботин, который определяет гипертекст «как систему нелинейного представления единиц текстового материала с явно указанными связями между элементами, которые помогают читать материал в любом порядке, образуя разные линейные тексты» [Субботин 2001: 37].

И.А. Ильина под «линеаризацией нелинейного текста» подразумевает, что элементы гипертекста расположены в виде иерархического дерева или в виде сетевой структуры [Ильина 2005: 56].

Гипертекст в понимании Т.И. Рязанцевой особый вид письменной коммуникации, особая форма организации письменного текста, опосредованная компьютерной средой и характеризующаяся процессом нелинейного письма и чтения, который «обуславливается сегментацией и иерархической ассоциативной атрибуцией фрагментов, а также возможностью множественного выбора развития сюжетно-тематического потока». Таким образом, гипертекст – это «многоуровневая иерархическая система, основными элементами структуры которой являются гипотексты, система связей и система навигации» [Рязанцева 2008: 3].

Такие ученые, как М.В. Масалова, О.В. Барст, О.В. Дедова в качестве структурных элементов гипертекста выделяют: отдельную информационную единицу и гипертекстовую ссылку (средство, делающее возможным переход

от одной информационной единицы к другой) [Масалова 2003; Барст 2005; Дедова 2006]. Основой структуры гипертекста является отдельная информационная единица, представленная файлом, узлом, модулем. Автор гипертекста структурирует всю информацию в виде определенного числа текстов, сравнительно небольших по своему объему. Гиперссылка считается при этом основным средством реализации когезии и обеспечения когерентности в электронном гипертексте.

Основную характеристику гиперссылки О.В. Дедова определяет как «двунаправленность, т. е. функциональную связь двух текстовых или графических изображений» [Дедова 2006: 29]. Также, гиперссылка – «важнейший элемент структуры гипертекста, по сути дела, является материализовавшейся коннотацией, призванной эксплицировать имплицитно выраженные в тексте семантические и ассоциативные связи» [Дедова 2006:27]. Автор разделяет гипертекстовые ссылки на структурные, «представляющие собой интерактивные аналоги книжного оглавления», и содержательные, т.е. «те, которые демонстрируют разные виды семантических отношений между источником и объектом» [Дедова 2006: 30]. В работах Е.С. Клочковой и С.А. Стройкова гиперссылки классифицированы по возможности перехода на однонаправленные и двунаправленные (перекрестные) и, на внутритекстовые и межтекстовые, в зависимости от места расположения информационных единиц [Клочкова 2010, Стройков 2010].

В пределах гиперссылки различают:

- источник ссылки – часть текста, текстовое или графическое изображение на экране, через активизацию которых вызывается новый текст или изображение на экран;
- объект ссылки – новый текст или изображение, появляющееся в результате активизации ссылки.

Вслед за Т.И. Рязанцевой А.С. Махов считает, что структурно гипертекст состоит из *гипотекстов* – «минимальных значимых единиц, обладающих семантической целостностью, простой текстовой формой и единым неразрывным внутренним содержанием» [Махов 2010: 12].

М.В.Минеева отмечает: «Очевидно, что современный гипертекст, опосредованный компьютерной средой, дает реципиенту мгновенный доступ к совокупности референтных текстов, что является основным его отличием от гипертекстов досетевой эпохи. Однако нелинейная форма представления знаний не является феноменом компьютерной глобализации, такой вид письма применялся для религиозных писаний, широко использующих многочисленные сноски, ссылки, комментарии. Примером может служить Библия, которая состоит из книг Старого Завета и книг Нового Завета, подразделяющихся на «стихи» [Минеева 2017: 66].

По мнению М. Визеля «до прихода эпохи персональных компьютеров "сферой деятельности" гипертекстов оставались, с одной стороны, заведомо нехудожественные массивы информации: справочники, инструкции и энциклопедии, а с другой – тексты заведомо экспериментальные, интересные более заявленной идеей, чем ее воплощением (например, произведение Х. Кортасара «Игра в классики»)» [Визель <http://www.netslova.ru/viesel/visel-ht.html>].

М.В.Минеева в своей монографии считает целесообразным разграничить понятия книжного (лингвистического) и электронного гипертекста [Минеева 2017: 67]. Книжный гипертекст М.В.Минеева со ссылкой на С.С. Панфилову, определяет как представляющую собой нелинейную структуру, где информация публикуемого художественного текста по разным каналам коррелирует с информацией вторичных нехудожественных текстов, окружающих базовый художественный текст в границах отдельного издания [Панфилова 2009: 7].

Электронный гипертекст, по мнению О.В. Дедовой, – это «модель организации электронного текста, характеризующаяся специфической

структурированностью и разветвленной системой программно поддерживаемых внутритекстовых и межтекстовых переходов, предполагающая возможности читательского интерактивного воздействия на последовательность воспроизведения композиционных единиц» [Дедова 2006: 13].

М.В.Минеева также отмечает, что согласно концепции лингвистического гипертекста, предложенной Н.А. Шехтманом, континуальность смысловой структуры текста всегда противопоставлена линейности, дискретности его речевого воплощения. Вследствие этого осмысление прочитанного возможно только при условии выхода за пределы речевого воплощения текста. Такой выход предлагает гипертекст, реализованный в виде комментария, сносок, примечаний, поясняющих различные особенности художественного текста и глубинный смысл некоторых художественных подробностей [Минеева 2017: 67]. По Н.А. Шехтману: «Предназначение гипертекста состоит в том, чтобы превратить знания комментатора в информацию для читателя, расширить диапазон и знания, и информации» [Шехтман, 2005].

Таким образом, М.В.Минеева считает, что лингвистический гипертекст – «это нелинейно организованный объем политематической информации толковательного плана, вынесенный за рамки основного содержания текста в виде блоков, которые могут быть связаны между собой при помощи ссылок». В качестве лингвистического гипертекста ученый рассматривает «затекстовые комментарии к иноязычным художественным текстам» [Минеева 2017: 67-68]. Мы не можем полностью согласиться с таким мнением, что и продемонстрируем в дальнейших главах.

Т.Нельсон, создавший систему «Ксанаду» в 1960-х, назвал гипертекстом множество текстов со связывающими их отношениями (системой переходов). Его система «Ксанаду» позволяла пользователю прочитывать совокупность текстов, введенных в систему, различными способами, в разной последовательности, «программное обеспечение давало возможность как

запоминать последовательность просмотренных текстов, так и выбирать из них практически любой в произвольный момент времени. Многие исследователи рассматривают создание гипертекста как начало новой информационной эпохи, противопоставленной эре книгопечатания. Линейность письма, внешне отражающая линейность речи, оказывается фундаментальной категорией, ограничивающей мышление человека и понимание текста. Мир смысла нелинеен. Отказ от линейности текста и в процессе его представления читателю (т.е. при чтении и понимании) и в процессе синтеза, по мнению теоретиков, способствовал бы «освобождению» мышления и даже возникновению его новых форм» [Искандарова, 2014: 137].

Мы смотрим на процесс гипертекстуализации в его самом широком и постмодернистском смысле, который сначала включает *интертекстуальность*, то есть отношения между письменными текстами, такими как текст, вложенный в текст, или текст, связанный с другим текстом, виртуальным или цифровым. Но гипертекстуализация также включает в себя *гипертекстуальность*, термин, фактически используемый только для отношений между электронными текстами и изображениями. Тем не менее, мы рассматриваем гипертекст как *переплетение* (или переплетение переплетений) символов и / или изображений, гипертекстов и / или гиперизображений, и оно предлагает сложную комбинацию, которая расширяет и обогащает поле текстуальности, дискурса и языка. Кроме того, если буквы представлены изображениями, и, конечно, изображения изображениями, *гипертекст* включает прошлые, настоящие и предполагаемые комбинации образов в культуре (включая, очевидно, технокультуру) и в природе. Обе области (культура и природа) находятся в одной плоскости, гипертекстовые ссылки и объединяют их в обширную и не фрагментированную теорию, которая включает в себя сложность. Тем не менее, необходимо еще раз указать, что термин «гипертекст» фактически используется главным образом в вычислениях и «в некотором отдаленном или недалеком будущем все отдельные тексты будут связываться друг с другом в

электронном виде, создавая таким образом метатексты и метаметатексты только вида отчасти мыслимое в настоящее время» (Landlow, 2006: 69). Поэтому, в дополнение к заявлению Лэндлоу, мы будем использовать понятие гипертекста не только для цифровых гиперссылок, но и для физических - напечатанных, вырезанных, нарисованных, жестом или иным образом - и для умственных. Поэтому гипертекстуализация открывает постоянное движение от *in silico* - на бумагу, от руки, до ума и другие потенциально предполагаемые ресурсы - будь то нематериальные, материальные и / или технологические. Соответственно, термин и процесс «текст» расширяются до объема, выходящего далеко за рамки традиционного определения. Фактически он расширен до *гипертекста*, то есть значительно расширен до максимума.

Примечательно, что понятие «экспансия», содержащееся в *гиперфосфере* морфемы, может также отражать появляющееся в постмодерне поле феномена качественного анализа, которое представляет собой значительное расширение исследований, по крайней мере, в социальной количественного анализа, который рассматривался как два различных метода исследования. Возьмите термин «самоподобие» в качестве примера. Сочетая качественные и количественные методы, как полагают Н.Филдинг и С. Циснерос, тексты, лексика, слова, гипертексты и гиперимбы оказываются самоподобными *фракталам* Mandelbrot. В то же время самоподобие устанавливается внутри каждого и между ними. Аналогичным образом, качественный анализ представляет собой инновационный фрактал в обширной области исследований. Таким образом, лингвистика и качественный анализ объединяют термодинамические фракталы при поиске гипертекстов [Fielding, & Cisneros, 2009:349-370].

1.4. Текст и интертекст: соотношение понятий

Понятие текстуальности шире, чем просто «значение», поскольку она связана с материальными и социальными условиями продуцирования и

распространения текстов. Зачастую такое понимание текстуальности называют интертекстуальностью, считая, что это рекурсивное взаимодействие между группами текстов.

Ученые на самом деле не считают тексты изолированными от других текстов, как было показано ранее. Скорее, они рассматривают тексты как концептуально связанные с другими текстами – как один из примеров продолжающегося разговора. Конечно, очевидно, когда автор цитирует, перефразирует, обобщает, переводит и/или высмеивает другие тексты. Но на тексты также могут влиять другие тексты и более тонкими способами. Мы обычно фильтруем нашу интерпретацию текстов на основе наших наблюдений и прошлого опыта. Мы используем наши прошлые знания о жанрах, чтобы понимать и сочинять тексты. А все, кто искусно владеют словом - писатели, ораторы, аналитики символов и др. не могут не попасть под влияние прочитанного и это совершенно естественно.

Включение текста в текст или «диалог текстов» (по Р.Барту) неизбежно приводит к порождению нового смысла. И число возможных интерпретаций текста будет варьироваться, поскольку от каждого конкретного читателя зависит выявление того смысла, который заложен в тексте имплицитно.

Проблемами порождения и восприятия речевого сообщения занимались многие исследователи. Исследования в рамках лингвистики текста и психолингвистики [Гальперин, 1982; Новиков, 1983, 1999; Залевская, 1988, 2007; Леонтьев, 1997; Белянин, 1988; Дридзе, 1996; Зимняя, 2001; Красных, 2001 и др.] способствовали пониманию содержания текста.

Ученые, изучающие коммуникативные и исследовательские методологии, склонны думать о текстах как о социокультурно-исторических сетевых артефактах. Эта концепция текстов связана с эпистемологическим предположением, что смысл заключается не только в отдельном тексте, но, скорее, в отношениях текста с прошлыми текстами. Ученые создают и проверяют новые утверждения о знаниях, ссылаясь и обсуждая прошлые исследования и научные знания. Интертекстуальность может быть определена

как отношения между текстами, то есть книгами, фильмами, пьесами, песнями, играми и т. д. Другими словами, это происходит каждый раз, когда один текст упоминается в другом тексте.

Понятие интертекстуальности отличается в различных теориях:

1. как полиреферентность по отношению к действительности и другому тексту (в теории референции).
2. как способность текста накапливать информацию, извлекая ее из других текстов (в теории информации).
3. в соотношении с понятием значимости, ценности, т. е. отношением с другими элементами системы (в семиотических исследованиях).
4. как способность текста формировать свой собственный смысл посредством ссылки на другие тексты (в семантическом плане).
5. В соотношении с понятием культурной традиции, семиотической памяти культуры (в культурологии) [Минеева 2017].

Как отмечают ученые, восприятие текста никогда не бывает полным и окончательным: мы создаем, воссоздаем текст или видоизменяем его содержание в зависимости от своего словарного запаса, культурного уровня, жизненного опыта, а иногда и вовсе не в состоянии его воссоздать. Следовательно, множественность понимания текста неизбежна.

1.4.1. Текст как интертекст

Концепция текста настолько обширна, что «в конечном итоге как текст стало рассматриваться все – литература, культура, общество, история, сам человек» [ЛЭТП, 2001: 308]. Определение, предложенное Р. Бартом несколько десятилетий назад, стало не только одной из наиболее цитируемых и интерпретируемых формул в арсенале гуманитариев, но также и одной из самых сложных: «Любой текст – это интертекст; в нем присутствуют другие

тексты, на разных уровнях, в более или менее легко узнаваемых формах: тексты предыдущей культуры, тексты окружающей культуры; любой текст – это новая ткань прошлых цитат. Фрагменты кодов, формул, ритмических паттернов, фрагменты социальных языков и т. п. переходят в текст, распространяясь, потому что всегда есть язык до и вокруг текста – предшествующий и окружающий текст. Состояние любого текста, интертекстуальность, конечно, не сводится к проблеме источников или влияний; интертекст – это общее поле анонимных формул (происхождение которых редко можно проследить), бессознательных или автоматических цитат, сделанных без кавычек» [Барт, 1989].

В гуманитарных исследованиях термин интертекстуальность был придуман в 1966 году Юлией Кристевой в ее докладе о творчестве блестящего представителя русского формализма Михаила Бахтина, опубликованном годом позже в журнале *Critique*, в 1967 г. [Кристева, 1993]. Анализируя полифоничность романа Федора Достоевского, известный российский исследователь показал возможность интерпретации текста в нескольких «ключках» [Бахтин, 1979], которые Юлия Кристева определяет следующим образом: «Интертекстуальностью мы будем называть это текстовое взаимодействие, которое имеет место внутри одного текста. Для знающего субъекта интертекстуальность – это понятие, которое будет указателем того, как текст читает историю и встраивается в нее» [Кристева: электр.ресурс].

Опираясь на авторитет Р.Барта, теория Юлии Кристевой не только получила право на существование, но, войдя в мировой научный кругозор, стала одной из самых плодотворных теорий филологической науки. Текст становится наиболее обсуждаемым понятием именно из-за его расположения на пересечении / стыке других текстов (это также означает интер-): смещение и глубина. В некотором смысле текст является результатом интегративного и деструктивного действия других текстов.

Интертекстуальность – это формирование смысла текста другим текстом. Это взаимосвязь между похожими или родственными

произведениями литературы, которые отражают и влияют на интерпретацию текста аудиторией.

Переосмысление работы М.М. Бахтина «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве» (1924), способствовала тому, что Ю. Кристева сформулировала свою концепцию интертекстуальности. В работе М.М.Бахтина отмечалось, что создание текста автором – это постоянный диалог с предшествующей и современной ему литературой. По его мнению, «текст включает в себя все бесконечное поле иных текстов, которые могут быть с ним соотнесены в рамках некоторой смысловой сферы». В рамках своей теории полифоничности М.Бахтин подчеркивал: «ни одно высказывание не может быть ни первым, ни последним. Оно только звено в цепи и вне этой цепи не может быть изучено» [Бахтин 1975: 89–90].

По мнению И.В. Арнольд: «Под интертекстуальностью понимается включение в текст либо целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде маркированных или немаркированных, преобразованных или неизмененных цитат, аллюзий и реминисценций» [Арнольд 1999: 346]. В.П. Руднев трактует интертекстуальность как «основной вид и способ построения художественного текста в искусстве модернизма и постмодернизма, состоящий в том, что текст строится из цитат и реминисценций к другим текстам» [Руднев 1997: 113], что перекликается с определением И.В.Арнольд. Такое определение акцентирует внимание на репрезентативном аспекте интертекстуальности.

Ю.М. Лотман говорит о памяти текста в культурологическом смысле: «Сумма контекстов, в которых данный текст приобретает осмысленность и которые определенным образом как бы инкорпорированы в нем, может быть названа памятью текста. Это создаваемое текстом вокруг себя смысловое пространство вступает в определенные отношения с культурной памятью (традицией), отложившейся в сознании аудитории. В результате текст вновь обретает семиотическую жизнь» [Лотман 2010: 180]. По его мнению,

генерация новых смыслов или порождение других текстов, и функция памяти, которую исследователь называет «конденсацией культурного опыта» – это главные функции текста [Лотман 2010: 180].

Интересно рассмотрение интертекстуальности Н.А. Фатеевой, которая называет ее новым уровнем образного мышления и придает первостепенное значение творческой индивидуальности: «Новый смысл, полученный в результате взаимодействия текстовых схождений, является показателем художественности интертекстуальной конструкции» [Фатеева 2012: 39].

Ю.Н. Караулов сравнивает интертексты с прецедентными текстами, и отмечает, что это тексты «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов 1987: 216]. К числу прецедентных текстов Ю.Н. Караулов относит также невербальные феномены: произведения архитектуры, живописи, музыки – тоже своего рода «тексты» (что тесно перекликается с трактовкой Ю.М.Лотмана), а их названия составляют значительную часть национального фонда прецедентных знаков.

Интертекстуальность – это отношение между текстами, которое создается посредством цитат и аллюзий. Интертекстуальные фигуры включают в себя: аллюзию, цитату, кальку, плагиат, перевод, пастиш и пародию. Интертекстуальность – это литературный прием, который создает "взаимосвязь между текстами" и порождает соответствующее понимание в отдельных произведениях. Эти ссылки сделаны, чтобы повлиять на читателя и добавить слои глубины к тексту, основанному на предварительных знаниях и понимании читателей. Структура интертекстуальности, в свою очередь, зависит от структуры влияния. Интертекстуальность – это стратегия литературного дискурса, используемая писателями в романах, поэзии, театре и даже в неписанных текстах (таких как спектакли и цифровые медиа).

примерами интертекстуальности являются заимствование и трансформация автором предшествующего текста, а также обращение читателя к одному тексту при чтении другого.

Интертекстуальность не требует цитирования или ссылки на пунктуацию (например, кавычки) и часто ошибочно принимается за плагиат. Интертекстуальность может быть произведена в текстах с использованием различных функций, включая аллюзию, цитату и ссылку. Она имеет два типа: референциальную и типологическую интертекстуальность. Референциальная интертекстуальность относится к использованию фрагментов в текстах, а типологическая интертекстуальность – к использованию паттерна и структуры в типичных текстах. Однако интертекстуальность не всегда преднамеренна и может быть использована непреднамеренно. Существует два типа интертекстуальности: итеративность и пресуппозиция. под повторяемостью понимается "повторяемость "определенного текста, состоящего из" следов", фрагментов других текстов, которые помогают составить его смысл. Пресуппозиция отсылает к предположениям, которые текст делает о своих читателях и своем контексте [Фатеева, Паршин: эл.ресурс].

Как писал философ Уильям Ирвин, термин "стал иметь почти столько же значений, сколько и пользователи, от тех, кто верен оригинальному видению Юлии Кристевой, до тех, кто просто использует его как стильный способ говорить об аллюзии и влиянии" [цит.по Фатеева, Паршин: эл.ресурс].

Об интертексте говорят как о знаковом дискурсивном продукте с многообразной сложной референцией к фрагментам текстов и к миру человека [Смирнов, 1995; Степанов, 2001]. Обращение к проблемам интертекста позволило заполнить ряд лакун современной лингвистики и теории текста, чему способствовало установление четких критериев определения вербального текста, обеспечивающего целостность и внутрисистемное единство осуществляемых интертекстуальных исследований; а также выработка системного подхода к определению интертекста как члена группы

специальных понятий и терминов, являющихся частными объектами названных научных дисциплин.

Термин «интертекст» используется для обозначения постоянно развивающегося набора текстов, существующего на идеальном, виртуальном или библиоуровнях. Межтекстовые связи устанавливаются между произведениями изобразительного искусства, архитектуры, музыки, театра и кино. Интертекст реализует несколько функций, рассмотрим их:

1. Апеллятивная функция интертекста проявляется в том, что ссылки на определенные тексты в тексте могут быть направлены на вполне конкретного адресата - человека, который способен идентифицировать интертекстовую ссылку и в идеале оценить выбор конкретной ссылки и адекватно понять намерение, стоящее за этим. В некоторых случаях межтекстовые ссылки фактически действуют как призывы, призванные привлечь внимание определенной части читателей.

2. Поэтическая, во многих случаях воспринимается как развлекательная: идентификация межтекстовых ссылок выглядит как увлекательная игра, своего рода кроссворд, сложность которого может варьироваться очень широко – от безошибочного узнавания цитаты из культового фильма до профессионального поиска, направленного на выявление таких интертекстуальных отношений, о которых автор текста даже не задумывался (в таких случаях можно говорить о «неконтролируемом подтексте», «интертекстуальности на уровне бессознательного» и т. д.).

3. Ссылочная функция передачи информации о внешнем мире: это происходит, поскольку ссылка на текст, отличный от этого, потенциально приводит к активации информации, содержащейся в этом «внешнем» тексте (претексте). В этом отношении когнитивный механизм межтекстовых связей обнаруживает определенное сходство с механизмом воздействия операций, связывающих различные концептуальные сферы, такие как метафора и аналогия. Степень активации снова широко варьируется: от простого напоминания о том, что конкретный автор говорил на эту тему, до введения

всего, что хранится в памяти, в понятие предыдущего текста, форму его выражения, стиль, аргумент, эмоции, когда они воспринимаются и т. д. Благодаря этому, межтекстовые ссылки могут, среди прочего, стилистически «возвысить» или, наоборот, снизить текст, содержащий их.

4. Метатекстовая функция передачи предоставляет альтернативу для читателя, который идентифицировал определенный фрагмент текста как ссылку на другой текст (возможно подобная идентификация может не происходить): либо продолжать чтение, учитывая, что этот фрагмент не отличается от других фрагментов этого текста и является органической частью его структуры, или – для более глубокого понимания этого текста – обратиться (напрягая память или, говоря образно, потянувшись за книжкой к книжной полке) к какому-то тексту-источнику, благодаря которому фрагмент в системе читаемого текста предстает как смещение. Чтобы понять этот фрагмент, необходимо установить фактическую связь с исходным текстом, то есть определить интерпретацию идентифицированного фрагмента, используя исходный текст, который, таким образом, действует в отношении этого фрагмента в функции метатекста (зачастую необходимо при этом знание мифов народов мира или религиозных текстов и прочее).

Таким образом, интертекстовые отношения – это как конструкция «текст в тексте», так и конструкция «текст о тексте». Текст является исходным понятием для всех остальных терминов. Между всеми приведенными терминами имеется связь и определенные отношения, суть которых мы и попытались раскрыть.

1.4.2. Интертекстуальность и постмодернизм

В данном разделе считаем целесообразным рассмотреть введение в научный обиход термина «интертекст» Юлией Кристевой, понимание данного термина французскими структуралистами и их последователями и обсуждение спорных моментов в трактовке термина.

Однако здесь уместно отметить, что в основе теории лежит теория анаграмматического текста Фердинанда де Соссюра, заложившего основы структурной лингвистики и современной семиологии [Соссюр, 1977]. «Анаграмма получает в его гипотезе новый смысл, связанный с ее особыми смыслопорождающими возможностями. При жизни ученого его гипотеза о роли анаграмм как едва ли не главного принципа индоевропейской поэзии древности и средневековья не получила широкой известности, но с течением времени интерес к ней все более возрастает. Анаграмма понимается Ф. де Соссюром как способность языка разделяться на первичные единицы, из которых можно составить новые слова с новым смыслом. Открытое ученым явление позволило получить наглядную модель того, как элементы одного текста, включенные в другой, могут изменять значение последнего. Такое языковое «конструирование» имеет отношение к теории интертекста как способа создания текста из уже имеющихся «чужих цитат»» [Васильчикова 2016].

На данную гипотезу обратили внимание французские постструктуралисты в конце 1960-х годов. Ю. Кристева этой проблеме посвятила особый раздел «О семиологии параграмм» в своей книге «Семиотика» (1969 г.) [Кристева 2013]. Наблюдение Ф. де Соссюра о том, что явление параграмматизма (намеренное или бессознательное использование анаграмм), в первую очередь, наблюдается в рифмованных поэтических текстах, подтверждается ею в ее труде.

Категория интертекстуальности проявляется в широком социокультурном контексте и отражается или, по мнению некоторых исследователей, отождествляется с постмодернизмом [Чувильская, 2008]. В настоящее время этот термин используется не только как категория литературной теории, но и как термин, именуемый «той концепцией мира и самовосприятия современного человека, которая называется постмодернистской чувствительностью» [Смирнов, 1995].

Постмодернизм – это эталонный термин, применяемый к нескольким областям: теория, критика, философия, архитектура, искусство, литература, культура, общество. Различные выражения постмодернизма происходят из модернизма, выходят за его пределы или являются реакцией на него. Мартин Хайдеггер, Томас Самуэль Кун, Жак Деррида, Мишель Фуко, Жан-Франсуа Лиотар, Ричард Рорти, Дж. Шеффер, Жан Бодрийяр, о. Джеймсон, Ихаб Хасан и другие философы постмодернизма показали его проявления в области теологии, а также в искусстве, архитектуре, кино, телевидении, музыке, театре, социологии, моде, литературе и информационно-коммуникационных технологиях.

Для лингвистики идея «языковой игры», продолжение видения Витгенштейна, оказалась особенно плодотворной. В видении Дж.Ф. Лиотара, постмодернизм атакует идею монолитных универсалий, вместо этого поощряя разлом, текучесть и множественность перспектив. Постмодернизм уделяет особое внимание социологическим, технологическим или другим условиям, которые отличают современную эпоху от всего, что за ней последовало [Чувильская, 2008].

Интертекстуальность – понятие сложное, ввиду расплывчатости и чрезвычайной неопределенности его содержания. Такая неопределенность объясняется отчасти отсутствием единства в понимании базисных категорий теории интертекста, отчасти тем, что интертекстуальность обычно воспринимается исследователями как понятие элементарное и далее неделимое; между тем при внимательном его рассмотрении оказывается, что оно представлено целым рядом субкатегориальных подтипов. В данном контексте очевидной кажется необходимость уточнения ключевых понятий теории интертекста.

Интертекстуальность – удобный термин, который свидетельствует о взаимосвязи между текстами, поскольку объясняет совокупные текстовые процессы, стоящие за всей мировой литературой прошлого. Однако только в

своем теоретическом выражении конца 1960-х годов его можно сформулировать наиболее точно.

С точки зрения постмодерна все было написано / создано, а теперь все переписано / воссоздано. Не зря культура – это морщинистый палимпсест, как заметил в интервью в 2000 году известный теоретик постмодернизма Ихаб Хасан, отметив, что за пределами постмодернизма есть «пульсирующий постмодернизм в Интернете», где он и происходит. взрыв интертекстуальности» [Негрышев, 2005:25], переходящий в веб-интертекстуальность (или гипертекстуальность) [Beaugrande,1981: 199-208].

Юлия Кристева придумала термин «интертекстуальность» и снабдила его различными, при этом точными и связными определениями [Allen, 2000; Kristeva, 1989]. В своем труде «Слово, диалог и роман» («Word, Dialogue and Novel», 1989), исследуя идеи Михаила Бахтина о гетероглоссии и полифонии в тексте, Ю.Кристева вводит идею Бахтина о литературном слове «как пересечении текстовых поверхностей, а не точке (фиксированном значении)» [Kristeva, 1989: 36]. Ю. Кристева следующим образом разъясняет эту концепцию: «...любой текст строится как мозаика цитат: любой текст – это поглощение и трансформация другого. Понятие интертекстуальности заменяет понятие интерсубъективности, и поэтический язык воспринимается по меньшей мере двояко» [Kristeva, 1989:37].

Ее идея интертекстуальности имеет форму двух осей: «субъект-адресат» занимает горизонтальную ось, а «текст-контекст» – вертикальную. Какое-либо пересечение этих двух осей создает интертекстуальность. Позже Ю.Кристева переопределила этот термин как «интертекстуальный диалог» [Kristeva, 1989:42]. В конечном счете, ее позиция по интертекстуальности состоит в том, что каждый текст говорит о связях от одного к другим текстам и производит “двойные” или даже многочисленные значения, которые из-за непрерывного производства художественных текстов никогда не прекращаются в их развитии.

Однако в ее эссе есть основополагающая идея, что интертекстуальность, присущая повествованию, не всегда является сознательным выбором. Для нее, как и для Бахтина, текст – это диалог, который происходит между писателем, читателем, самим текстом и «внешними текстами» [Kristeva, 1989:36]. «Бахтинский диалогизм, – пишет она, – отождествляет письмо и как субъективность, и как коммуникацию, или, лучше сказать, как интертекстуальность» [Kristeva, 1989:39]. Она утверждает, однако, что текст проникнут Бахтинским диалогизмом не обязательно из-за авторской интенции, но потому, что диалогический процесс является неотъемлемым аспектом коммуникации. Позднее она развивает это предположение, утверждая, что эти значения могут быть извлечены не только из самого текста или слова, но и из структуры текста [Kristeva, 1989: 50].

Литературные жанры, как и тексты, находятся в постоянном процессе производства, утверждает Ю.Кристева, и представляют собой «бессознательную экстериоризацию языковых структур на их различных уровнях». Более того, считает она, что «роман – это жанр, который наиболее эффективно экстериоризирует языковые структуры» [Kristeva, 1989:37]. Интертекстуальность, таким образом, присуща жанру и практически неизбежна в любом конкретном примере жанра. Основным выводом Ю. Кристевой состоит в том, что тексты имеют множество (“по крайней мере, двойных”) значений и, что романист может сознательно или бессознательно использовать интертекстуальность.

Следуя раннему определению и использованию Ю.Кристевой понятия "интертекстуальность", последующие исследователи интертекстуальности разошлись во мнениях относительно первоначального смысла и ценности этого термина. Основная точка соприкосновения относительно появления слова "интертекстуальность" касается его назначения как социального или литературного инструмента. Адольф Хаберер полагает, что, поскольку этот термин возник в связи с Бахтиным, который, по словам Кристевой, «родился в революционной России, озабоченной социальными проблемами» [Haberer,

2005: 39], интертекстуальность изначально фокусировалась «на общественном, а не литературном влиянии» [Haberer, 2005: 56]. А.Хаберер слегка критикует связь Ю.Кристевой с «гиперактивными» редакторами авангардного литературного журнала *Tel Quel*, который, по словам Хаберера, “безуспешно пытался применить научные идеи к изучению литературы” [Haberer, 2005:38].

Джон Фроу вторит этой мысли, когда говорит, что «язык современного общества, который в первую очередь касается Ю.Кристевой, не переводится на язык литературы» [Frow, 1986:127].

Генрих Ф. Плетт также преуменьшает значение этого термина в отношении изучения литературы, предполагая, что интертекстуальность была “первоначально задумана и использована критическим авангардом как форма протеста против установленных культурных и социальных ценностей” [Plett, 1986:3]. Для Плетта "интертекстуальность" предстает не более чем вызывающим актом против традиции. Он, кажется, рассматривает «заигрывание» Ю.Кристевой с авангардом, как нечто похожее на бунтующего подростка, который со зрелостью поймет, что родитель, традиция и классицизм были правы все это время.

Однако Манфред Пфистер, по-видимому, понимает и принимает смысл употребления Ю.Кристевой этого термина. Он считает, что ее цель «состояла не в том, чтобы дать новый заголовок для различных форм аллюзий и цитат и стимулировать более тонкие и систематические классификации, а в том, чтобы революционизировать наши представления об искусстве, литературе, тексте и субъективности» [Pfister, 1991:211]. Определение М.Пфистера лучше подходит для использования Ю.Кристевой этого термина, когда «мы рассматриваем ее окончательный отказ от его метаморфозы в нечто, чего она не собиралась делать. Сожалея о постоянном непонимании этого термина как простого "изучения источника", она в конце концов отменила его собственное использование в 1974 году в эссе “Революция в поэтическом языке” и заменила его словом “транспозиция”» [Pfister, 1991: 211]. Несмотря на ее

отречение, целая и разнообразная область науки продолжает посвящать себя изучению интертекстуальности.

Один из спорных моментов в изучении интертекстуальности связан с ее отличием от «литературного влияния» – давно принятого термина, использовавшегося задолго до того, как Ю. Кристева ввела интертекстуальность. Во введении к книге «Интертекстуальность: теория и практика» Джудит Стилл и Майкл Уортон утверждают, что интертекстуальность «в той или иной форме так же стара, как и само человеческое общество» [Still and Worton, 1990:2]. Аналогичным образом, М. Пфистер утверждает, что “с самых ранних истоков, которые можно проследить, литературные тексты всегда ссылались не только на реальность (*imitation vitae*), но и на предшествующие другие тексты (*imitation veterum*)” [Pfister, 1991:210]. Многие ученые посвятили свои исследования изучению интертекстуальности, как это практиковалось на ранних этапах развития литературы. Например, в своей попытке определить постмодернистскую интертекстуальность Линда Хатчен придерживается аналогичного подхода, обсуждая, как Данте включил Вергилия не только для придания престижа своему тексту, но и по дидактическим соображениям [Hutcheon, 2000:88].

Ханс-Петер Май считает, что применение термина «интертекстуальность» к случаям влияния, таким как те, которые были выявлены в работах эпохи Возрождения, непродуктивно, потому что здесь, по-видимому, есть фундаментальное различие в способе, которым были разработаны "интертекстуальные" стратегии. Х.-П. Май цитирует авторов, чья практика состояла в том, чтобы ссылаться на известные произведения просто для того, чтобы поставить себя рядом с этими более известными авторами [Mai, 1991: 32]. В то время как влияние известных текстов (вплоть до подражания) существует и продолжает существовать в литературных произведениях, ученые так же, как читатели все чаще считают оригинальность обязательной для высоко ценимого произведения. Как предполагают Джей Клейтон и Эрик Ротстайн, современное использование влияния "ценит

индивидуальное творчество, но продолжает опираться на мощную традицию, которая передается по наследству" [Clayton, Rothstein, 1991:12].

В книге "Влияние и интертекстуальность в истории литературы" («Influence and Intertextuality in Literary History», 1991) Дж.Клейтон и Э.Ротстайн добавляют к этому спору еще одно измерение. Они предполагают, что термин интертекстуальность является маркером поколений для более поздних критиков, которые повторяют многое из того, что делали предыдущие критики, используя простые термины, такие как *влияние*, *контекст*, *аллюзия* и *традиция* [Clayton, Rothstein, 1991:3]. Однако они также признают, что чаще всего «влияние имеет отношение к произведению, тогда как интертекстуальность имеет отношение к гораздо более безличному полю пересекающихся текстов» [Clayton, Rothstein, 1991:4]. Между тем Дж.Клейтон и Э.Ротстайн предполагают, что «никто не выбирает, на кого и как он будет влиять или чьему влиянию будет подвергаться. Напротив, это больше похоже на акт восприятия, в котором наблюдение вызывает действие. Часть ужасающей силы влияния состоит в том, что его действие происходит просто как побочный продукт, приложение силы без реальных усилий» [Clayton, Rothstein, 1991:7]. Кроме того, Дж.Клейтон и Э.Ротстайн предполагают, что само слово «влияние» не вполне определено, потому что возможно, очевидно само влияние имеет много определений. В то время как ученые-интертекстуалисты расходятся во мнениях при надлежащем использовании этого термина, они часто соглашаются относительно различных, а иногда и противоположных классификаций в данной области.

Г.Плетт выделяет три группы ученых в современной интертекстуальной науке: прогрессисты, традиционалисты и антиинтертекстуалисты [Plett,1991]. Он с юмором цитирует недостатки каждой группы, рассматривая то, что он считает худшими атрибутами их позиций. Согласно Г. Плетту, такие прогрессисты, как М.М.Бахтин, Ролан Барт, Ю.Кристева и Жак Деррида, позволяют своим публикациям иметь «странно абстрактное качество, при их решительном отдалении от реальности" [Plett,1991:4]. М.Риффатерр и Жерар

Женетт, наряду с другими традиционными интертекстуалистами, согласно Плетту, используют общий термин интертекстуальность, чтобы заставить себя выглядеть более способными теоретиками, чем они есть на самом деле. Наконец, он считает, что "антиинтертекстуалистами" являются те люди, которые считают, что литература всегда была интертекстуальной и, таким образом, полностью отвергают интертекстуальность и ее теории как ненужный мусор [Plett, 1991].

В то время как Г.Плетт преувеличивает недостатки каждого типа ученых, его классификация соответствует большинству классификаций Грэма Аллена в интертекстуальности [Allen, 2000]. Для Г. Аллена преданные интертекстуалисты (Кристева, Барт и Деррида) видят, что текст и язык текста сходятся с языком читателя и социальной средой читателя, как в прошлом, так и в настоящем, чтобы производить множественные и изменчивые значения. Для него структуралисты – Риффатерр, Каллер, Женетт и Лоран Дженни – представляют более устойчивый и упорядоченный взгляд на интертекстуальность. Их интерпретация интертекстуальности способствует представлению о том, что в тексте существуют аллюзии, которые намеренно изменяют отношение читателя к тексту и раскрывают неизменные смыслы, заложенные в текст автором. Следовательно, литературное произведение не может находиться в одиночестве, в отрыве от всего, потому что оно обязательно связано с предшествующей ему традицией и контекстом, в котором оно создается. Для Г.Аллена интертекстуальность имеет решающее значение для понимания литературоведения сегодня [Allen, 2000].

Структуралистские теории интертекстуальности лучше всего решают эту проблему, особенно те теории, которые, по словам Г.Аллена, «отстаивают критические позиции, порой диаметрально противоположные позициям Кристевой и Барта» [Allen, 2000: 4]. Из тех структуралистов, которых обсуждает Г.Аллен (Каллер, Дженни, Женетт и Риффатерр), Ж.Женетт и М.Риффатерр выдвигают теории, наиболее тесно дополняющие друг друга. В своих исследованиях Ж.Женетт и М.Риффатерр фокусируются не только на

процессе интертекстуального чтения, но и на результатах такого чтения [Женетт, 1982; Genette, 1977, 1992; Riffaterre, 1980, 1984, 1990]. Их идеи отличаются от идей Ю.Кристева тем, что они считают, что интертекстуальность может привести к фиксированному значению, в то время как она рассматривает интертекстуальность как часть непрерывного процесса смысла. Г. Аллен суммирует их различия: «Жерар Женетт и Майкл Риффатерр оба используют интертекстуальную теорию, чтобы доказать критическую достоверность или, по крайней мере, возможность говорить определенные, стабильные и неопровержимые вещи о художественных текстах» [Allen, 2000: 4]. Несмотря на некоторые различия по другим вопросам, подходы Ж.Женетта и М.Риффатерра к текстуальной интерпретации утверждают, что авторы стремятся через интертекстуальность привести своих читателей к определенному смыслу.

Жерар Женетт находит цель литературных текстов в том, что он называет «сетью архитектуры» [Genette, 1982: 83], где диалог между текстом, читателем и другими текстами образует сложную паутину. Следование путям внутри этой сети требует изобретения, определения, переопределения и экспликации многочисленных терминов, которые объясняют операции интертекстуальности.

Чтобы понять интертекстуальный лексикон Ж.Женетта, необходимо вернуться к определению самой интертекстуальности. Ж.Женетт определяет интертекстуальность более ограниченно, чем Ю.Кристева, как «отношение сопричастия между двумя текстами или между несколькими текстами: то есть эйдетически и типично как фактическое присутствие одного текста внутри другого» [Женетт, 1982: 1-2]. Ж.Женетт выделяет три типа интертекстуальных отношений: явные, скрытые и имплицитные. Интертекстуальность основана на том, что он называет сопричастием: всякий раз, когда часть текста присутствует в другом тексте, существует интертекстуальная связь. Для Женетта интертекстуальность сосредоточена на аллюзиях, цитатах и даже плагиате, а не на культурных или семиотических

проблемах, которые предпочитает Ю.Кристева [Kristeva, 1989: 101]. Его определение вызвало некоторые споры. Критики, такие как М.Пфистер, утверждают, что определение Ж.Женетта «противоречит жизненно расширительной природе этого принципа» [Pfister, 1991:211]. Х.-П. Май, между тем, находит определение Ж.Женетта неадекватным в том смысле, что оно «не особенно способствует лучшему пониманию» интертекстуальности [Mai,1991: 51]. Точно так же Плетт соглашается с тем, что абстрактное и общее определение «затрудняет понимание» [Plett, 1986: 4]. Май, между тем, считает определение Женетта неадекватным в том смысле, что оно «не особенно способствует лучшему пониманию» интертекстуальности [Mai,1991:51]. Точно так же Плетт соглашается с тем, что абстрактное и общее определение «препятствует пониманию» [Plett, 1986: 4]. Имея в виду эти возражения и оговорки, можно рассматривать определение интертекстуальности Ж.Женетта как надежный инструмент, хорошо подходящий для анализа примеров очевидной, скрытой и неявной интертекстуальности. Ж.Женетт уточняет свое понимание интертекстуальности, предоставляя дополнительные определения и термины. Они включают в себя паратекстуальность (то есть отношения между собственно текстом и конкретными элементами внутри текста), метатекстуальность (то есть «критические отношения *par excellence*» между текстами, в которых один текст говорит о другом без прямой цитаты) и архитектурность (то есть таксономические категории произведения, обозначенные заголовками или, чаще, субтитрами текста) [Женетт,1982: 2-5]. Категория, которая особенно касается Ж.Женетта, – это гипертекстуальность – «любое отношение, объединяющее текст В ... с более ранним текстом А, к которому он привит способом, не являющимся комментарием» [Женетт,1982: 5].

Ж. Женетт распознает паратекст первоначально и обычно в палимпсестах как «заглавие, подзаголовок, интертитры; предисловия, послесловия, примечания, предисловия и т. д.; маргинальные, интрамаргинальные, конечные примечания; эпитафьи; иллюстрации;

рекламные объявления, обложки книг, суперобложки и многие другие виды вторичных сигналов, будь то аллографические или автографические» [Женетт,1982:3]. Проще говоря, Грэм Аллен резюмирует определение Ж.Женетта как «те элементы, которые лежат на пороге текста и которые помогают направлять и контролировать восприятие текста его читателями» [Allen, 2000: 103]. Однако позже, в Паратексте [Genette, 1977], Женетт уточняет термин паратекст, разделяя его на две категории: эпитекст и перитекст. Эпитекст относится к интертекстуальным случаям, происходящим вне фактического текста, таким как письма, дискуссии, статьи, сплетни и обзоры [Genette, 1977: 38]; перитекст относится к обложкам, эпиграфам, заголовкам, Примечаниям или любым другим случаям, происходящим как часть самого фактического произведения, но не внутри рассказа [Genette, 1977:16].

Приводя в качестве примера "Дон Кихота", Ж.Женетт определяет антиромантизм как форму, связанную с пародией и насмешливой героической поэмой [Женетт,1982: 50-53]. Однако в продолжении он отмечает, что это не так, потому что, сосредоточившись на заблуждении главного героя, Дон Кихот выходит за рамки пародии или притворно-героического и фактически переворачивает жанр романа, чтобы стать антироманом. В терминах Ж. Женетта текст Сервантеса не только раскрывает свой гипотекст, но и перепрофилирует свой гипогенет. В примере Ж.Женетта Сервантес, таким образом, трансформирует не только характер романа, но и жанровую категорию.

В рамках своих теорий транстилизации Ж.Женетт также обращается к жанрам стилизации и пародии. Ж.Женетт определяет пастиш как "имитацию без сатирической функции" [Женетт,1982: 24]). Пародия для него – это «подражание, более сильно нагруженное сатирическим или карикатурным эффектом» [Женетт,1982: 23].

Как правило, Ж.Женетт применяет эти понятия ко всем текстам. Помимо всего, это то, что Ж.Женетт называет метатекстуальностью, т.е. случаи, когда

один текст ссылается на другой, «не обязательно цитируя его (не вызывая его), а иногда даже не называя его» [Женетт, 1982: 4].

Однако, по мнению Аллена, этот аспект интертекстуальности «недостаточно развит Женеттом» [Allen, 2000: 99]. Действительно, Ж.Женетт посвящает этой форме интертекстуальности лишь краткий абзац и заканчивает тем, что лишь немногие ученые изучают ее. Затем он эффективно опровергает свою точку зрения, говоря, что невнимательность «может вот-вот измениться» [Женетт, 1982: 4].

В своей статье «Принудительная реакция читателя: Интертекстуальный драйв» ("Compulsory Reader Response: The Intertextual Drive", 1990) М.Риффатерр эффективно отвергает те интертекстуальные теории, которые пытаются свергнуть традиционное значение, отделяя слова от языка. Во-первых, он утверждает, что «эта реакция читателя на тексты не может быть объяснена лингвистическими структурами», поскольку нелитературные вхождения используют одни и те же лингвистические структуры [Riffaterre, 1990: 56]. Затем он отвергает работы Ю.Кристевой, Р.Барта, Ж.Деррида и их последователей, предполагая, что «литературность ... следует искать на уровне, где тексты объединяются или означают, ссылаясь на другие тексты, а не на меньшую знаковую систему» [Riffaterre, 1990: 56]. В сущности, М.Риффатерр предполагает, что есть опасность в слишком пристальном взгляде на состав литературы, потому что, будучи препарированной до такой степени, литература перестает быть литературой. Изучение интертекстуальности, доведенное до такой крайности, грозит стать бессмысленным.

Во многих своих работах М. Риффатерр определяет интертекстуальность, объясняя, что это такое. В работе «Интертекстуальная репрезентация: о Мимесисе как интерпретативном дискурсе» [Riffaterre, 1984] он выделяет часто ошибочный синоним интертекстуальности – *влияние*. Он предупреждает, что «некоторые ученые путают интертекст с источниками и, кажется, думают, что интертекстуальность – это просто новомодное название

влияния или подражания. Нам должно быть ясно, что интертекст не означает собрание литературных произведений, которые могли повлиять на текст или которые сам текст мог имитировать» [Riffaterre, 1984: 142]. Однако он продолжает утверждать, что «интертекстуальность – это не просто восприятие гомологов или культивируемое восприятие читателем сходства или различия. Интертекстуальность – это не счастливый излишек, не привилегия хорошей памяти или классического образования» [Riffaterre, 1984: 142]. Другими словами, интертекстуальность не является ни авторской имитацией, ни необязательным бонусом, доступным для одних авторов, но не для других.

М.Риффатерр воспринимает интертекстуальность как мощь, требующую от читателя усилий по раскрытию смыслов внутри текста. Для него интертекстуальность – неотъемлемая черта, присущая каждому конкретному тексту. Он определяет интертекстуальность как «модальность восприятия, расшифровку текста читателем таким образом, что он идентифицирует структуры, которым текст обязан своим качеством художественного произведения» [Riffaterre, 1980: 625]. Интертекстуальность сродни интеллектуальной функции, выполняемой читателем. Далее он утверждает, что сам интертекст – это произведение, которое читатель “должен знать”, чтобы понять общее значение текста.

Однако многие ученые не согласны с тем, что М.Риффатерр делает упор на знания читателя. М.Уортон, например, резюмирует основную критику: «у Риффатерра интертекстуальные чтения отдельных стихотворений – это блестящий анализ, но они часто зависят от эрудиции, от обширных знаний литературного канона» [Worton, 1986:14]. Точно так же, хотя Дж.Клейтон и Э.Ротстайн хвалят М.Риффатера за то, что он «наиболее эффективно использовал интертекстуальность в практической критике» [Clayton, Rothstein, 1991: 23], они выражают озабоченность тем, что критика Риффатера «опирается на энциклопедическое знание французской и английской литературы» [Frow, 1986: 26]. Критики утверждают, что такие проницательные чтения недоступны многим другим читателям. Даже эрудированные читатели

не могут быть уверены, что их чтение текста достаточно основательно, чтобы соответствовать стандартам Майкла Риффатерра.

Методология М.Риффатерра также предполагает, что смысл интертекстуальности заключается в попытке декодировать текст. Он действительно является первым, кто признает, что читатели обычно встречаются с текстами, не знающими аллюзий на гипотекст. Тем не менее, говорит он, даже неизвестные ссылки в гипертексте могут предупредить читателей о пробелах, которые, в свою очередь, дают “карту” для более ясного понимания смысла текста [Riffaterre, 1990: 57]. Затем читателей подталкивают к заполнению этих пробелов и открытию этих значений. Чтобы определить, является ли их опыт с интертекстуальностью действительно, читатели должны убедиться, что их наполнение (знание) может быть применено и вписано во весь текст [Riffaterre, 1987:371]. В конечном счете интертекстуальность в произведениях обеспечивает указатели и декодеры, которые позволяют читателю раскрыть дополнительные смыслы в тексте. М.Риффатерр называет эти декодеры связками: элементами, которые материализуются в различных формах как *syllepsis* (например, «вам, скорее всего, нужен тезаурус, элементарный учебник грамматики и хватка за реальность»), синонимами или антонимами (например, «не отвечайте глупцу по его глупости, чтобы не уподобиться ему»), которые гипертекст разделяет с гипотекстом [Riffaterre, 1990: 57]. М. Риффатерр подчеркивает: «не имеет значения, что читатель не может сравниться с аналитиком в мастерстве или, что, учитывая предпосылки, он мог бы повторить по крайней мере некоторые из этих критических подвигов. Важно то, что у нас нет доказательств, что он один мог бы найти отправную точку» [Riffaterre, 1987: 373]. Пока читатель участвует в интертекстуальном опыте, пытаясь распознать пробелы и связи, смысл в конечном счете будет проявляться.

Таким образом, столь разнообразные идеи различных исследователей интертекстуальности могут помочь читателю понять интертекстуальность произведений художественной литературы. Однако именно через

терминологию Жерара Женетта и методологию Майкла Риффатера смысл термина интертекстуальность становится наиболее ясным и понятным. Как предполагает М.Риффатерр, интертекстуальность предъявляет определенные требования к читателю. Читатели должны быть готовы работать с «соприсутствием» в тексте, явным, скрытым или неявным. Через исследования и тщательное изучение они должны заполнить пробелы, которые представляет интертекстуальность, хотя она и представляет собой междисциплинарный аспект на пересечении лингвистики и литературоведения.

1.4.3. Исследования интертекста в российской лингвистике

История исследований, связанных с темой интертекстуальности в российской филологической науке хорошо описана Т.Н.Васильчиковой, которая в своей статье отмечает, что основу интертекстуальных исследований заложил автор фундаментального труда «Историческая поэтика» А.Н.Веселовский (1838-1906), создавший теорию влияния литературных сюжетов. Ученым впервые установлены связь и зависимость между механизмами памяти человека, культурной традицией и смысловой структурой художественного текста [Веселовский, 1989: 51-52].

Теория культурного диалога и диалогического характера письменного и устного речевого высказывания, разработанная М.М.Бахтиным, категория «текста в тексте» Ю.М.Лотмана, понятие «коммуникативного фрагмента» Б.М.Гаспарова находят дальнейшее осмысление в работах ряда современных российских исследователей, таких, как Т.В.Шмелева, И.В.Труфанова, рассматривающих метатекст как часть модуса высказывания [Шмелева, 1995: 147-156].

Далее в течение последних десятилетий продолжают исследования в области лингвистического и литературоведческого осмысления феномена интертекстуальности. В частности, «в теорию интертекста включается новое

понятие «прецедентности высказывания». Термин «прецедентный текст» впервые введен Ю.Н.Карауловым в докладе «Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности» на VI Международном конгрессе преподавателей русского языка и литературы в 1986 году» [Васильчикова, 2016]. Трактовка ученым термина «прецедентный текст» рассмотрена в предыдущем разделе.

Вслед за Ю.Н.Карауловым свой вклад в теорию прецедентного текста внесли другие российские исследователи. Г.Г.Слышкин – представитель школы аксиологической лингвистики, понимает под «прецедентным текстом» «любую характеризующуюся цельностью и связностью последовательность знаковых единиц, обладающую ценностной значимостью для определенной группы» [Слышкин, 2000:128]. В его трактовке, обязательными свойствами такого текста считаются его связность и *одинаковая ценность* для определенной социальной группы.

Н.А.Кузьмина, говоря о свойствах прецедентных текстов, отмечают их большие «энергетические возможности». Исследовательница рассматривает межтекстовое взаимодействие с позиций «энергообмена» между текстами различной «энергоемкости» [Кузьмина, 2004: 51-53]. Таким образом, в российской лингвистике последних лет утвердились понятия «сильный текст», «ядерный текст». Например, по определению Г.В.Денисовой, ««сильные тексты» означают постоянно востребуемые, получившие статус значимых в культуре в определенный исторический момент» [Денисова, 2003:297]. Именно «сильные» прецедентные тексты обладают значительной энергоемкостью.

Исследуя с этой позиции заглавия работ на английском языке, В.Н.Иноземцева приходит к выводу, что для носителей английского языка «сильными» являются тексты пьес В.Шекспира, которые они опознают, даже встретив в названии методического материала [Иноземцева, 2010:167-169].

В.В.Красных в своих работах, проводя дальнейшее расширение теоретической базы, вводит понятие прецедентных феноменов, в составе

которых разграничиваются *прецедентные ситуации, прецедентные тексты, прецедентные имена и прецедентные высказывания* [Красных, 2002: 47].

Т.Н.Васильчикова отмечает, что «уже к 90-м годам XX века теория интертекста в отечественной науке сформировалась в своих основных позициях. Процесс теоретического осмысления проблемы текста, однако, не только не завершен, но, видимо, в принципе не может завершиться. Но по мере накопления теоретических знаний наступает момент, когда интертекстуальная теория достаточно оформилась, чтобы на ее основе могла возникнуть новая стратегия и тактика филологического анализа. Интертекстуальный анализ литературного произведения в настоящее время имеет равные права со всеми другими формами аналитического изучения художественного текста» [Васильчикова, 2016].

Одним из первых занялся толкованием постструктурализма и деконструктивизма в российской филологии и перевел работы Р.Барта на русский язык известный российский ученый, переводчик Г.К.Косиков, который пришел к интересным наблюдениям. Ученый предложил ограничить и конкретизировать сам предмет интертекстовой теории, разделив понятия и сферы интертекстуальности и интердискурсивности [Косиков, 2008].

Как отмечает Т.Н.Васильчикова «Наблюдения Г.К.Косикова подводят своеобразный итог в развитии интертекстуальной теории и намечают дальнейшие перспективы ее развития и использования в целях изучения закономерностей культурного развития, усовершенствования методики филологического анализа. Пространство культуры – это место взаимоориентации и взаимодействия текстов, когда любой из них может быть прочитан как продукт впитывания и трансформации множества других текстов» [Васильчикова, 2016].

Если говорить не только об исследованиях российских филологов в целом, а сфокусироваться на изучение интертекстуальности в лингвистическом аспекте, необходимо назвать наиболее значимые работы – монографии и диссертационные исследования таких авторов, как

И.В.Арнольд [Арнольд 1999], Н.В.Борисенко [Борисенко 2004], С.Г.Воркачев [Воркачев 2014], М.Л.Гаспаров [Гаспаров 2002], О.Н.Гришкова [Гришкова 2004], Г.В.Денисова [Денисова 2003], Е.И.Золотухина [Золотухина 2009], Н.А.Кузьмина [Кузьмина 2004], Ю.С. Степанов [Степанов 2001], Н.А. Фатеева [Фатеева 2000] и многие другие, которые явились методологической базой настоящего исследования.

Выводы по первой главе

Начало XXI века характеризуется в лингвистике значительными переменами и новыми направлениями в изучении языка на самых различных уровнях. Переход от лингвистики описательной и классификационной к лингвистике антропологической стал возможен благодаря теории генеративизма Н. Хомского, в которой можно выделить существенный для нашего исследования постулат: язык необходимо рассматривать как феномен менталитета и человеческой психики.

Язык – это сложный объект, который можно определить, как средство общения, как знаковую систему, как способность к коммуникации особого рода, как продукт и основное условие когнитивной деятельности человека. Бесспорно, язык является для человека средством достижения поставленных целей.

Текст (лат. Textum, textus) означает «ткань». Определения текста представлены в огромном количестве и сосредоточены вокруг основных характеристик, которые сами стали эталонными концепциями в языковых науках. Однако самой важной оставалась проблема «границ» текста, возвращенная в научный круг при изучении онлайн-текстуальности. Как уже было отмечено, согласно Богранде и Дресслеру, стандартами текстуальности являются: связность, согласованность, интенциональность, приемлемость, ситуативность, интертекстуальность и информативность. Текст как готовый продукт характеризуется с синтаксической точки зрения – связностью, с

смысловой точки зрения, – через согласованность, с прагматической точки зрения – как смысл в действии.

Текст является не только средством передачи, фиксации и хранения знаний, но и основной единицей коммуникации. Художественный текст прежде всего, призван оказывать эмоционально-эстетическое воздействие на читателя и обладает такими свойствами, как многомерность, семантическая насыщенность, коммуникативная целостность, завершенность и связность, наличие имплицитно и эксплицитно выраженного авторского отношения, адресованность, интертекстуальность. С позиций психолингвистики текст – семантическое образование, которое отражает действительность, переданную с помощью элементов языка. В рамках же семиотических исследований текст представляется как функционирующий в процессе его порождения и восприятия элемент внутрикультурной и межкультурной коммуникации.

Как в специализированном языке, так и в обычном, подтверждается терминологическое и словообразовательное богатство слов, образованных термином *текст*. В центре внимания исследования находятся несколько терминов (текст, интертекст и гипертекст – три основных термина в теории текста) и множество второстепенных терминов. Между всеми терминами можно установить синонимические и антонимические отношения, а также разграничит дихотомии и трихотомии, важные для науки о тексте. Для этого были рассмотрены доминирующие признаки текста, на основе которых и проведена классификация терминов. Здесь следует констатировать потребность в междисциплинарных подходах, особенно в информатике, которая требует от гуманитарных наук более точного определения в соответствии с размерами и проблемами среды Интернета, где гипертекст занимает действительно важное место.

Из аналитического обзора литературы, приведенного в данной главе, следует, что в описании гипертекста многое зависит от того, в каких целях исследуется гипертекст. В самом начале разработки теории и практики гипертекста в Америке выделилось два сообщества ученых с различным

подходом к изучению и созданию гипертекста. Несмотря на потенциал разработок всех этих ученых, гипертекст остается до сих пор в значительной степени сверхдетерминированным термином, его сложность часто сводится к одному узкому понятию, такому как гиперссылка, или к одному принципу, такому как его отношение к печатному тексту. Чтобы лучше разобраться в этом сверхдетерминированном понимании гипертекста, важно рассматривать более чем одну перспективу и полностью изучить несколько точек зрения и концептуальных подходов, что и будет сделано в следующей главе.

Как можно заключить из обзора литературы, теория интертекста до сих пор находится в процессе развития, она междисциплинарна, так же, как и теория гипертекста, и рассматривается не только в лингвистике, но еще по меньшей мере, в литературоведении и культурологии. При всех различиях в трактовке проблемы в основе понимания интертекстуальности вплоть до сегодняшнего дня продолжает оставаться теория культурного диалога и переключки культур, созданная и развитая М.М.Бахтиным еще в 20-е годы XX века, т.е. уже больше, чем на протяжении столетия. При этом интертекстуальность не может быть сведена к проблеме источников и влияний, так как она представляет собой «общее поле анонимных культурных знаков и формул, происхождение которых не всегда легко или даже невозможно проследить, бессознательных или автоматических цитат», даваемых, по словам Р.Барта, «без кавычек». Из данного положения следует, что в интертексте язык представляет собой «гигантский мнемонический конгломерат», в котором уравниваются отдельные тексты и отсутствует аксиологическая шкала, поскольку значимым является лишь тот факт, что они кем-то когда-то были сказаны (Р.Барт). Хотя приведенные в главе положения о связи интертекста и прецедентного текста (Ю.Н.Караулов) и теории прецедентного текста как аксиологически значимого, изложенного представителем школы лингвоаксиологии Г.Г.Слышкиным, не совсем коррелируют с концепцией Р.Барта.

Термин «интертекстуальность» придуман Юлией Кристевой, которая снабдила его различными точными и связными определениями. Ее идея интертекстуальности имеет форму двух осей: «субъект-адресат» занимает горизонтальную ось, а «текст-контекст» – вертикальную, пересечение которых и создает интертекстуальность. Позже Ю.Кристева переопределила этот термин как «интертекстуальный диалог». В конечном счете, ее позиция по интертекстуальности состоит в том, что каждый текст говорит о связях от одного к другим текстам и производит “двойные” или даже многочисленные значения, которые из-за непрерывного производства художественных текстов никогда не прекращаются в их развитии.

Интертекстуальность, как способность текста формировать новый смысл посредством включения других текстов или ссылок на него, порождает большое количество интерпретаций текста, поскольку, как было показано, смысл, заложенный в интертексте, меняется и зависит от читательского восприятия, от его умения декодировать информацию, заложенную в тексте имплицитно. Понимание всегда индивидуально, в то время как понятность, выражающаяся в степени семантической напряженности текста, является имманентной характеристикой, не зависящей от адресата.

Рассмотрев доминирующие черты текста, а также взаимосвязь понятий текст, интертекст и гипертекст, в дальнейших главах остановимся более подробно на типологии интертекста и гипертекста.

ГЛАВА II. ГИПЕРТЕКСТ И ГИПЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ

2.1. История создания гипертекстовых систем: от прошлого к современности

Несмотря на то, что в предыдущей главе приведен довольно полный обзор работ по гипертексту, считаем необходимым проследить более подробно историю создания гипертекстовых систем.

Термин «гипертекст», как неоднократно отмечалось во введении и первой главе, представлен научному сообществу в XX веке, однако существование гипертекста относится к гораздо более раннему периоду – «догутенберговской» эпохе, т.е. времени существования рукописных книг. Перспектива получить полное представление о гипертексте вытекает из того, как ученые представляют себе историю появления гипертекста. Как было показано в предыдущей главе, в основном это история технологического развития, которая предполагает потенциальные направления, по которым такое развитие могло бы двигаться в будущем. В данном разделе излагается представление о развитии гипертекста, поскольку сам термин появляется в широком диапазоне текстов по этому вопросу в течение более четверти века – с конца 90-х годов XX в. С некоторыми небольшими вариациями эта история обычно представляется для описания гипертекста как концептуального и сконструированного объекта. Мы попытались синтезировать ряд исследований истории вопроса, которые раньше не были представлены в таком ракурсе. Рассматривается период становления гипертекстовых исследований на Западе с середины сороковых до конца шестидесятих годов XX века. Анализ данных и их совместное рассмотрение поднимает ряд новых вопросов и в конечном счете обогащает наше понимание гипертекста.

Большинство исследований о гипертексте, таких как «Пространство для письма» Джея Дэвида Болтера [Bolter, 2001] и «Гипертекст» Джорджа Ландоу [Landow, 2006], начинаются с того, что обычно называют первое устройство,

предложенное для механизированного нелинейного поиска информации, т.е. то, что мы сегодня называем гипертекстовой системой, создание которой датируется 1945 годом. В своей знаменитой ныне статье «Как мы можем думать» Ванневар Буш [Bush, 2003] предлагает «расширитель памяти», так называемый Мемекс (Memex), где «человек хранит свои книги, записи и сообщения, и который механизирован таким образом, чтобы с ним можно было консультироваться с чрезвычайной скоростью и гибкостью» (цит. по Нельсону [Nelson, 1982:30]). Главным вкладом Мемекс, по утверждению В.Буша, была его способность связывать вещи воедино. По словам В.Буша, Мемекс «предоставляет немедленную ассоциативную индексацию, основной идеей которой является положение, согласно которому любой текст может быть затребован по желанию для немедленного и автоматического выбора другого» [Nelson, 1982:45].

«Мемекс» В.Буша возник не случайно. В то время, когда В.Буш начал писать об этой программе, Соединенные Штаты переживали резкое увеличение количества научных данных после Второй мировой войны, что значительно затрудняло для исследователей внимательное отслеживание новых тенденций в своей области [Nelson, 1982: 30]. В.Буш сформулировал проблему в ярких терминах: «Растет гора исследований. Однако есть все больше свидетельств того, что мы увязаем (в ней) сегодня, в силу расширения специализации. Исследователь ошеломлен выводами и заключениями тысяч других исследователей - выводами, которые он не может понять, не говоря уже о том, чтобы запомнить, как они появились. Тем не менее, узкая специализация становится все более необходимой для прогресса, и усилия по наведению мостов между дисциплинами соответственно поверхностны» [Nelson, 1982:37].

Чувство информационной перегрузки, выраженное Бушем, было совсем не новым в 1945 году, хотя, вероятно, именно его должность директора Бюро научных исследований и развития Соединенных Штатов (на которую он был впервые назначен в 1941 году), дала ему понимание того, что данная проблема

особенно актуальна и практически значима. Филип Сейер пишет в своей книге 1991 года «Понимание гипертекста», что В. Буш курировал почти 6000 ученых в качестве директора и использовал эту должность, чтобы высказаться о методах обмена и просмотра информации, которую он считал абсолютно неадекватной [Seyer, 1991:4]. Ключевое наблюдение В.Буша, которое, по мнению Ф. Сейера, лежит в основе развития Metex, является признаком того, что «способы пробираться сквозь лабиринт научных публикаций не менялись почти 200 лет», и «в век недорогих сложных устройств большой надежности в 1945 году что-то обязательно из этого выйдет» [Seyer, 1991: 5].

Система Metex, несмотря на осознание В.Бушем ее осуществимости, не была никогда построена из-за технологических ограничений. В 1940-х годах компьютеры представляли собой в основном «математические машины», которые занимали целые помещения и весили тонны (можно отметить Harvard Mark I (1944) как имеющую более 750 000 частей) [Ceruzzi, 2003:6]. Из-за своих характеристик, весьма специализированного назначения, размера и стоимости компьютеры в то время были только собственностью правительственных учреждений и управлялись федеральными исследовательскими организациями. К началу 1950-х годов компьютеры все больше разрабатывались для обработки цифровой и текстовой информации, в результате чего появился первый коммерчески успешный компьютер – UNIVAC [Ceruzzi, 2003:13]. Хотя UNIVAC задумывался как коммерческое предприятие, его высокая стоимость (почти 200 000 долларов в 1951 году) означала, что подавляющее большинство установок предназначалось для правительственных учреждений, таких как Бюро переписи населения США, Военно-воздушные силы, армия, Военно-морской флот, Комиссия по атомной энергии и т.п. [Ceruzzi, 2003:17].

К 1960-м годам компьютеры стали меньше и доступнее из-за инноваций в технологии схем. Именно в этот момент, по словам Якоба Нильсена, разработчики усовершенствовали компьютеры «до такой степени, что их можно было бы использовать в интерактивном режиме», но даже тогда они

были «настолько дорогими, что большинство финансирующих агентств считали совершенно безответственным предложение о том, что компьютерные ресурсы должны быть потрачены впустую на нецифровые задачи, такие как обработка текста» [Nielsen, 1990: 32]. Однако в 1962 году Стэнфордский исследовательский институт (SRI) бросил вызов этой тенденции и начал работать над проектом под названием Аугмент (Augment), который был призван «разработать компьютерные системы, помогающие нам думать, а не просто записывать и извлекать данные» [Seyer, 1991:5]. Одна часть этого проекта, которую Дуг Энгельбарт назвал "онлайн системой" (oN-Line System или NLS), была продемонстрирована в 1968 году на специальной сессии совместной осенней компьютерной конференции [Nielsen, 1990: 32]. Проект NLS, который явно имел своей основой предпринятые усилия по повышению производительности, позволил исследователям «хранить все свои документы, отчеты и заметки в общем "журнале", который позволял им включать перекрестные ссылки на другие работы в своих собственных работах» и позволял обмениваться информацией с коллегами, находящимися за сотни миль от них на втором терминале [Nielsen, 1990: 32].

Интересно, что система Д. Энгельбарта была не единственной, разрабатывавшейся в этот период. В 1960 году Теодор Нельсон, который в то время был аспирантом, изучавшим компьютерные науки, начал серьезно задумываться о своей неудовлетворенности, связанно «с заметками на карточках» [Seyer, 1991:6]. В своей книге «Литературные машины», которая была впервые опубликована в 1981 году, Т.Нельсон объясняет: «Каждая карточка файла могла бы быть сразу во многих местах, многие из них должны были быть вставлены в середину нескольких различных документов и отдельно переработаны, но также должны были оставаться связанными между документами. Все методы работы с бумагой были совершенно неадекватны и накладывали ограничения в их связывании, которые маскировали истинную структуру идей» [Nelson, 1982:6].

Система, разработанная Т.Нельсоном для решения этой проблемы, была «в основном текстовой обработкой с взаимным сопоставлением альтернативных версий с возможностью ретроспективного анализа», не отличающейся от современных приложений обработки текстов [Seyer, 1991:6]. Финансирование этого проекта частично было получено в результате правительственной поддержки в начале 1960-х годов так называемого «обучения с помощью компьютеров» (Computer-Assisted Instruction или CAI). По словам Ф. Сейера, «Нельсон сначала был сторонником CAI, но затем он обнаружил, что его основной целью было помочь преподавателям обеспечить строго контролируемую учебную программу», тогда как его цель, на самом деле состояла в том, чтобы «помочь студентам оторваться от высоко структурированных и предопределенных результатов обучения» [Seyer, 1991: 6].

После того, как Т.Нельсон разочаровался в подходе CAI, он начал разрабатывать другую, сегодня более известную, систему под названием Ксанаду (Xanadu). Целью Ксанаду было создать универсальный гипертекст, который служил бы «хранилищем всего, что кто-либо когда-либо написал» [Nielsen, 1990: 33]. Т.Нельсон назвал это хранилище «докуверс» (docuverse) и сформулировал структуру для хранения и извлечения информации, где весь текст связан в «универсальную мгновенную гипертекстовую издательскую сеть» [Nielsen, 1990: 4]. «Ксанаду» Т.Нельсона имел более широкие цели, чем Memex В.Буша и NLS Д.Энгельбарта: не только хранение/извлечение информации, но и распространение информации; не только отдельные пользователи, но и в идеале всеобщее принятие [Cantoni, 2006: 92]. На самом деле, на обложке своей книги «Литературные машины» Т.Нельсон описывает проект «Ксанаду» как «шаг на пути к мгновенной электронной литературе; самый дерзкий и конкретный план для знания, свободы и лучшего мира, который еще не вышел из компьютерного мира» [Nelson, 1982:33].

Это в широком смысле идеалистическое видение никогда не было успешно материализовано, что, по мнению Ф.Сейера, может быть связано с

тем, что в 1965 году идеи Т.Нельсона «казались немного надуманными» для пользователей компьютеров, использующих перфокарты и телетайпные машины [Seyer, 1991:7]. На самом деле федеральное правительство США, которое в то время было главным инвестором в разработку гипертекстовых систем, считало, что огромный «докуверс» Т.Нельсона – это попытка «попасть пальцем в небо» [Seyer, 1991:7]. Другие критиковали «Ксанаду» за огромный спрос, который она будет иметь на хранение (поскольку она никогда не удаляла документы) и на телефонную сеть (которая в то время требовала, чтобы люди-операторы соединяли каждый вызов для получения информации), а также за влияние, которое она будет иметь на авторское право (потому что информация, помещенная в «Ксанаду», будет доступна всем). Ответ Т.Нельсона, по словам Дж.Нильсена, был «ну и что?» подразумевая, что он знал, что «Ксанаду» стоит таких требований [Seyer, 1991:39].

Т.Нельсону удалось, наконец, продемонстрировать ограниченный прототип «Ксанаду» в 1987 году, и он продолжал работать над менее амбициозной системой под названием «Ксанадуспейс» (XanaduSpace), хотя проект «Ксанаду» вообще считался провальным [Cantoni, 2006: 92]. Тем не менее, идеи Т.Нельсона оказали большое влияние на последующую эволюцию гипертекстовой системы. На самом деле, каждая следующая из идей Т. Нельсона была более значимой, чем предыдущая. Самое главное в данной области – термин "гипертекст". В докладе, представленном на 20-й Национальной Конференции Ассоциации вычислительной техники в 1965 году, Т.Нельсон сказал: «Позвольте мне ввести слово "гипертекст", означающее совокупность письменного или графического материала, взаимно связанного таким сложным образом, что он не может быть удобно представлен или репрезентирован на бумаге. Он может содержать резюме или карты его содержания и их взаимосвязей; он может содержать аннотации, дополнения и сноски от учёных, которые изучали его» [Nelson, 2003:144].

В дополнение к этому определению Нельсон также отмечает: «Позвольте мне предположить, что такой объект и система, должным образом

спроектированные и управляемые, могли бы иметь большой потенциал для образования, увеличивая диапазон выбора студента, его чувство свободы, его мотивацию и его интеллектуальную хватку. Такая система могла бы расти бесконечно, постепенно включая в себя все больше письменных знаний мира» [Nelson, 2003:144].

Эти выводы касались того интереса, который впервые появился у Т.Нельсона, как студента из-за записей на карточках, имеющих ограничительный характер, которые ограничивали его способность организовывать информацию, и не имели гибкости, которую, как он верил, гипертекстовая система может обеспечить. Более того, им был установлен образ гипертекста как средства разрушения границ между текстами, того, что послужило основой для дальнейшей работы над гипертекстом.

Другая важная гипертекстовая система – система редактирования гипертекста – СРГ (Hypertext Editing System – HES) была разработана в Университете Брауна в 1967 году Андрисом Ван Дамом с Теодором Нельсоном и Дугласом Энгельбартом в качестве консультантов. Проект HES преследовал две цели: 1) «создавать печатные документы красиво и эффективно» и 2) «исследовать концепцию гипертекста» [Nelson, 2003:144] (цит. по Ландоу [Lindow, 2002: 107]). Гипертекстовые функции HES, которые Дж.Нильсен описывает в «Мультимедиа и гипертекст» как «связывание и переход к другим документам», были основанными на тексте и требовали от пользователей печатать точно, куда бы они хотели быть перенаправлены [Lindow, 2006: 36]. Основной фокус проекта, в большей степени, чем разработка довольно сложной в использовании гипертекстовой системы, был направлен на манипуляции с текстом и его ввод, что, как оказалось, расстроило Нельсона и послужило поводом для напряженности при его участии совместно с Ван Дамом. Алекс Райт пишет, что разработка HES в Брауновском университете была завершена IBM – организацией, ответственной за финансирование проекта в 1969 году, и она была продана NASA для подготовки документации для космической программы Apollo

[Wright, 2007:218]. Возможно, более важным, чем сам проект системы редактирования гипертекста или развитие его очень похожего преемника, системы извлечения и редактирования файлов (FRESS), было то, что работа велась в Университете Брауна, работа, которая, по словам Алекса Райта, «придавала институциональное значение возможностям гипертекста в академии» [Wright, 2007:219]. Эта связь между развитием гипертекста и Брауновским университетом вновь стала важной в середине 1980-х годов.

В книге "Гипертекст в контексте" (1991) Клифф Макнайт, Эндрю Диллон и Джон Ричардсон (все из Университета Лафборо в Англии) пишут в главе под названием «Как мы сюда попали?», что «мы можем видеть, что Буш, Нельсон и Энгельбарт как представители трех различных взглядов на гипертекст, и сегодня продолжают привлекать сторонников " [McKnight,1991: 9]. По их мнению, «Взгляд Буша рассматривает гипертекст как нечто "естественное", отражающее ум... С этой точки зрения гипертекст должен казаться простым в использовании. Представление Энгельбарта о гипертексте — это среда расширения; пользователь гипертекста должен быть способен достичь большего, чем было бы возможно без него... [Нельсон] рассматривает гипертекст как механизм хранилища и доступ к нему; пользователь гипертекста должен иметь возможность доступа к любому документу» [McKnight,1991: 9].

Эти взгляды не являются взаимоисключающими, и во многих отношениях они строятся на взаимной основе. То, что они показывают в своем разнообразии, по крайней мере, согласно Макнайту, Диллону и Ричардсону — это то, что гипертекст «не является единым понятием, ни единой вещью, которая может быть точно определена» [McKnight,1991: 9].

В то время как точки зрения на индивидуальные и гипертекстовые системы разнообразны, они, возможно, представляют собой общую дискурсивную траекторию. Данная траектория, которая характеризует развитие гипертекста как эволюционный процесс, начинающийся с технологических инноваций и распространения научных знаний после Второй

мировой войны, отражает постоянное предположение, что завтрашние инновации могут вывести человечество из информационной перегрузки в будущем.

Однако в этом стандартном изложении игнорируется более широкая историческая перспектива, которая контекстуализирует развитие технологии, призванной помочь управлять информацией. Необходимо отметить, что на самом деле, за тысячи лет до того, как Мемекс был задуман Ванневаром Бушем, изобретатели изо всех сил старались разработать системы, которые могли бы организовать информацию и очистить путь к невиданному ранее прогрессу.

Исторический контекст попыток управления информацией обширен, но существуют, в частности, две точки зрения, которые, как мы считаем, следует осветить, поскольку они помогают обогатить историю гипертекста.

Расскажем о двух авторах, которые писали об этом. Первый – Эрве Платто, студент Фрибургского университета в Швейцарии. В своем эссе под провокационным названием "Гипертекст родился около 1200" [Platteaux, 2008] автор стремится предложить историческую перспективу текстуальной навигации. Э.Платто писал это эссе для антологии, опубликованной в 2008 году, которая была посвящена тому, как мультимедийные документы влияют на восприятие, понимание и использование информации [Rouet, 2008: 2]. В своем эссе Э.Платто объясняет, что Теодор Нельсон, приводя определение гипертекста, в котором подчеркивается нелинейность как «основное отличие между печатными и гипермедийными документами», пренебрегает историей «устройства структурирования книг» (например, указатель, оглавление, библиографический список, номера страниц, названия разделов) и их влияние на чтение в Средние века [Platteaux, 2008: 204]. Э.Платто предположил, что видение гипертекста как однозначно нелинейного путает сам текст с тем, каким способом этот текст читается, и что «линейный документ может быть использован нелинейным образом» [Platteaux, 2008: 204].

Его основной аргумент заключается в том, что «инструменты структурирования текста играют центральную роль в концепции нелинейности. С одной стороны, они нарушают линейность текста, предлагая ссылки на другие фрагменты текста. С другой стороны, они поддерживают нелинейную читательскую активность читателя, который может активировать или не активировать предлагаемую ссылку в соответствии с его навигационными целями» [Platteaux, 2008: 204]. Это наблюдение имеет двоякую силу: оно предполагает, что мотивация к чтению нелинейным способом, по крайней мере частично, связана с читателем и что изобретение текстовых устройств, чтобы сделать это возможным, имеет историю, которая восходит к раннему развитию печатного текста.

Главный тезис Э.Платто о том, что развитие текстовых средств, позволявших в Средние века читать нелинейно, сам по себе коренится в увлекательной истории. Он поясняет, что вплоть до IV века основным средством выражения была все еще устная речь. Вариативность, присущая устной речи, стала особенно проблематичной по мере того, как ораторское искусство стало использоваться более непосредственно в качестве средства передачи христианской догмы [Platteaux, 2008:207]. Здесь преимущество становилось очевидным: письменные документы могли быть точно повторены снова и снова, в то время как устная речь зависела от изменений памяти. В то время, как первые письменные тексты такого рода были предназначены для чтения от начала до конца в целом, Э.Платто предполагает, что эта практика начала меняться с быстрой сменой отдельных инструментов чтения, предназначенных для облегчения ссылок на конкретные отрывки: сначала страницы и оглавление в 4-м веке, затем разделение слов в 8-м веке, и в конечном итоге нумерованные страницы, перекрестные ссылки и имена цитируемых авторов в 12-м веке [Platteaux, 2008:208]. Далее Э.Платто отмечает, что эти нововведения «медленно трансформировали линейный, речеподобный текст в автономный, нелинейный артефакт», и вместе с ним начало развиваться нелинейное чтение [Platteaux, 2008:209]. Это развитие,

объясняет Э.Платто, означало введение и облегчение избирательного, «фрагментарного, нелинейного способа использования текстов», который представляет собой «непрерывность..., а не абсолютный разрыв» с компьютерным гипертекстом сегодня [Platteaux, 2008:207].

Еще одно развитие нелинейного чтения до возникновения Memex, того, что возникает из аналогичного духа непрерывности, а не разрыва, можно найти в книге Алекса Райта 2007 года «Переизбыток: овладение информацией сквозь века». В этой работе А.Райт представляет бельгийского изобретателя Пола Отлета и его гипертекстоподобную систему организации информации – Bibliographique Universel (Универсальный библиографический Реперториум, а впоследствии и Универсальную десятичную классификацию (УДК)), над которой он начал работать в 1894 году [Wright, 2007: 186]. Эта система, которая создана намного раньше системы Memex Ванневару Буша, аналогично мотивировалась ощущением острой необходимости разработки «новых механических подходов к преодолению растущего потока публикуемых данных» [17, с.184]. Что интересно, П.Отлет, много работавший с методами классификации информации и системами для управления данными, описывается А.Райтом как «забытый предок Интернета» [Wright, 2007: 185]. На самом деле, видение П.Отлетом в 1934 году того, что А.Райт описывает как «новый вид сетевого, мультимедийного богатого информационного пространства», – это революционный вид рабочего пространства, особенно для того времени, и она имеет интересные параллели с Сетью сегодня: «Здесь рабочее пространство больше не загромождено книгами. На их месте экран и телефон в пределах досягаемости. Там, в огромном здании, находятся все книги и информация. Оттуда страница, чтобы быть прочитанной, появляется на экране. Экран можно разделить..., если необходимо одновременно ознакомиться с несколькими текстами и документами... Кино, фонографы, радио, телевидение – эти инструменты, взятые в качестве заменителей книги, фактически станут новой книгой, самым мощным произведением для

распространения человеческой мысли. Это будет экранная («излучаемая») библиотека и телевизионная книга» [Wright, 2007: 185].

А. Райт отмечает, что эта предложенная система, также называемая Mundaneum, «не только позволит пользователям извлекать документы; она также позволит им комментировать отношения между ними, «связи каждого [документа] со всеми другими [документами], формируя из них то, что можно было бы назвать универсальной книгой»» [Wright, 2007: 186]. Параллели здесь можно провести с мотивацией В.Буша к хранению и извлечению, взглядом Д.Энгельбарта на гипертекстовое увеличение и предложенным Т.Нельсоном "docuverse" в качестве хранилища для всех текстов, что делает особенно удивительным тот факт, что история П.Отлета обычно не включается в стандартное изложение основ гипертекстовых систем.

Необходимо отметить, что оба эти альтернативных подхода предлагают дополнительную перспективу, с которой можно рассматривать основы развития гипертекстоподобных систем.

Приведенный обзор о создании термина «гипертекст» позволяет прийти к выводу, что несмотря на то, что сам термин относительно новый и создан во второй половине XX века, сам гипертекст в широком понимании, как средство организации и доступа к информации, имел предшественников. Следовательно, предыстория создания гипертекстовых систем, по-видимому, лежит в основе как изобретения читательских устройств для структурирования текста, так и систем для структурирования этих текстов более широким нелинейным способом, которая возникла в связи с тем, что сегодня зачастую формулируется как информационная перегрузка.

2.2. Эволюция текста: рукопись – печатная книга – гипертекст

Теория гипертекста, как эволюция текста от рукописи к печатной книге и затем к гипертексту, представляет собой интерес в контексте исследований

по особенностям восточных текстов и их гипертекстуальности – вопрос, который будет рассмотрен в дальнейших разделах.

Наиболее ранним примером размышлений об эволюционирующих отношениях между печатными книгами и гипертекстом является статья, основанная на докладе, сделанном на первой профессиональной конференции по гипертексту – «Гипертекст-87» совместно профессором классической литературы Джейм Дэвидом Болтером и Майклом Джойсом – писателем и профессором литературы. Как объясняли Дж.Болтер и М.Джойс в 1987 году, «идея гипертекста, которая казалась смелой всего несколько лет назад, теперь появляется как разумный способ использовать компьютер для чтения и письма» [Bolter, Joyce, 1987:41]. Далее они отмечают: «Техническое письмо и педагогика (интерактивное общение между преподавателями и студентами) являются очевидными и важными приложениями для гипертекстовых систем. Но гипертекст может на самом деле относиться ко всему спектру человеческой грамотности, включая написание и чтение художественной литературы» [Bolter, Joyce, 1987:41].

С целью реализации данной идеи Дж.Болтер и М.Джойс (в сотрудничестве с Джоном Б. Смитом) разработали программу по созданию, редактированию и чтению интерактивной литературы под названием Storyspace «Пространство для повествований» [Bolter, Joyce, 1987:43]. Storyspace, которая до сих пор коммерчески распространяется компанией Истгейт Системз (Eastgate Systems), нацелена на то, чтобы освободить «как автора, так и читателя от ограничений, налагаемых печатным носителем», и тем самым дать возможность «новым экспериментам в структуре литературного текста» [Bolter, Joyce, 1987:41]. Примечателен здесь и способ, которым повествовательное пространство было нацелено на расширение книги, что не совсем отличалось от того, как ранние создатели гипертекста стремились совершенствовать человеческий разум, чтобы расширить диапазон возможной деятельности по чтению/письму. Во многих отношениях это означало сохранение условностей повествования, но при этом изменение

интерфейса, чтобы позволить читателям выбирать свой путь чтения сквозь пространство повествования. И Дж.Ландоу, и Дж.Болтер много писали о пространстве повествования как средстве и его потенциале, позволяющем создавать новые разновидности активного чтения, но их подход к взаимоотношениям между гипертекстом и печатным текстом заметно отличается [Landow, 1992;2002;2003;2006; Bolter, 2001; Bolter, Joyce, 1987].

Джей Дэвид Болтер, ключевая фигура в концептуализации гипертекста, начинает свою книгу «Пространство письма: компьютеры, гипертекст и восстановление печати» [Bolter, 2001] с изучения того, как парадигма печатной книги и электронного текста связаны, что представляет собой прямую противоположность подходу Дж.Ландоу. Фундаментальной концепцией работы Дж.Болтера является ремедиация, которую он определяет как сдвиг, когда «новая среда занимает место старой, заимствуя и реорганизуя характеристики письма в старой среде и реформируя ее культурное пространство» [Bolter, 2001: 23]. По мнению Болтера, «ремедиация включает в себя как уважение, так и соперничество, поскольку новая среда имитирует некоторые черты старой среды, но также делает неявное или явное требование улучшить старую» [Bolter, 2001: 23]. Таким образом, Дж.Болтер понимает ремедиацию (или восстановление) как «процесс культурной конкуренции между технологиями или между ними», прецедент для которого восходит к периоду противоречий между письмом и устной традицией в Древней Греции [Bolter, 2001: 23-24]. Стоит напомнить, что в Древней Греции античные философы и прежде всего, Платон, подчеркивали приоритет речи перед письмом, из-за своих убеждений, что письмо имеет ограниченность по смыслу, и неспособно дать пояснительный комментарий к самому себе: «В этом дурная особенность письменности... ее порождения стоят, как живые, а спроси их – они величаво и гордо молчат. То же самое и с сочинениями: думаешь, будто они говорят как разумные существа, но, если кто спросит о чем-нибудь из того, что они говорят, желая это усвоить, они всегда отвечают одно и то же. Всякое сочинение, однажды записанное, находится в обращении

езде... Если им пренебрегают или несправедливо его ругают, оно нуждается в помощи своего отца, само же не способно ни защититься, ни помочь себе» [Платон, 1990: 86]. Также у Аристотеля, поскольку мышление – есть беседа разума с самим собой, само размышление есть опыт речи и равно условие самоидентичности субъекта (совпадение говорящего и слушающего) [Аристотель, 2006: 33-35].

В писательском пространстве Дж.Болтер опирается на свой опыт классициста, чтобы показать непрерывность рекреационных работ, которая начинается в древности. Он утверждает, что ранняя проза предпринимала попытки имитировать и совершенствовать устное представление в виде рукописи; что ранний кодекс – рукопись в форме книги – пытался подражать свитку папируса и улучшить его, разделив его на части, которые можно было бы использовать отдельно; и что в Ренессанс «печатная книга совершенствовала рукопись, представив то же визуальное пространство, что и рукопись, с дополнительными преимуществами массового производства» [Bolter, 2001:24]. Наиболее важным утверждением Дж.Болтера является то, что гипертекст «оказался одним из наиболее травматичных реформирований в истории западной письменности частично потому, что цифровые технологии меняют внешний вид "письма и чтения", как никогда раньше» [Bolter, 2001: 24].

Дж.Болтер подчеркивает, что несмотря на это ощущение прерывности при переходе от печатного текста к гипертексту как пространству письма, «лучший способ понять электронное письмо сегодня – это рассматривать его как исправление печатного текста с его требованием к изменению представления и статуса самого алфавитного письма» [Bolter, 2001: 26]. При этом Дж.Болтер заявляет, что «гипертекст во всех его электронных формах (Всемирная паутина, а также многие автономные системы) является реконструкцией печати» [Bolter, 2001: 42]. Между гипертекстом и печатным текстом есть аспекты имитации, такие как использование абзацев и "страниц" для разделения содержания, а также макеты, смоделированные по образцу

газет или журналов; и, кроме того, есть аспекты усовершенствования, такие как способность текста быть широко ассоциативным, динамичным и упорядоченным читателем [Bolter, 2001: 43]. Таким образом, гипертекст, согласно Дж.Болтеру, является одновременно и старым, и новым, он противостоит традиции печатного текста, но он также «означает, что наша культура будет иметь, по крайней мере, несколько иное применение для электронных текстов» [Bolter, 2001: 45].

Взгляд Дж.Болтера на роль печатного текста в контексте нашего понимания гипертекста, по-видимому, поднимает по меньшей мере два ключевых вопроса. Во-первых, гипертекст не совсем лишен прецедентов, таких как средство чтения и письма, хотя это довольно существенное изменение, как в визуальном, так и операционном планах. Это говорит о том, что, возможно, есть что-то полезное, сосредоточивающее внимание на сходствах, а также различиях между гипертекстом и печатным текстом, и это создает некое осложнение для восприятия истории развития, когда гипертекст изображается как одно последовательное продвижение за другим. Во-вторых, существует некоторая возможность, хотя и не исследованная непосредственно в работе Дж.Болтера, что восстановление влечет за собой ограничения на способность новой среды полностью раскрыть свой потенциал. На самом деле, ранние разработчики гипертекстовых систем, такие как Теодор Нельсон, критиковали гипертекст в Интернете, который следовал некоторым ключевым аспектам печатного текста, таким как использование страниц и заголовков, за то, что он не принимал преимущество радикального потенциала для переосмысления этих конвенций в новой среде, что также может дать по крайней мере одно объяснение тому, почему гипертекст не оправдал ожиданий. Например, на веб-сайте нынешнего проекта Т.Нельсона Ксанаду (Xanadu) утверждается, что «Всемирная паутина (еще одна имитация бумаги) тривиализирует нашу оригинальную гипертекстовую модель с односторонними постоянно ломающимися ссылками без управления версией или содержанием» [Nelson, 2007;2010].

Подобные смелые заявления, которые предполагают революционное будущее, обязательно станут результатом определенных технологических разработок. Помимо этих моментов, работа Дж.Болтера открывает путь к развитию гипертекста и более широкому развитию грамотности, особенно той роли, которую технологии сыграли в истории письма и чтения от Древней Греции до Ренессанса и до электронного текста, – что помогает обогатить наше концептуальное понимание гипертекста сегодня.

Важно отметить, что хотя эти краткие резюме ключевых концепций из работ Дж.Ландоу и Дж.Болтера в основном сосредоточены на различных аспектах гипертекста, есть важные моменты, где они пересекаются, а также, в чем они расходятся. Один из моментов, где пересекаются работы Дж.Ландоу и Дж.Болтера, представлен в книге «Парадигма важнее покупки», где Дж.Ландоу утверждает, что ранняя теория гипертекста и постструктуралистская теория «заставляют нас осознать парадигму, используемую для образовательных и других форм гипертекста» [Lindow,2003:43]. То есть Дж.Ландоу утверждает, что они позволяют увидеть, как мы «основываем наши представления о природе чтения, цели документов и их отношении к отдельным людям и сообществам на ошибочном предположении, что электронные документы по существу то же самое, что и книги» [Lindow,2003: 43]. Дж.Ландоу далее предполагает, что именно пересечение этих теоретических перспектив позволяет «заметить, что важность теоретиков гипертекста, таких как Нельсон и Ван Дам, заключается в том, что они очень точно говорят о конкретных качествах книги, которые они хотят изменить или превзойти», и что они также «воспринимают эти инновации в терминах социальных и политических ролей более прямыми и эффективными, хотя и более ограниченными способами, чем большинство постструктуралистских теоретиков культуры и литературы» [Lindow,2003: 43]. Дж.Ландоу пишет далее, что, с другой стороны, «ценность теоретиков постструктурализма, которые по существу более негативны в своем подходе, чем теоретики гипертекста, состоит в том, что они насильственно привлекают

внимание к книге как мыслительной форме, поскольку они предлагают самостоятельное осознание природы и границ книги, а также литературных и других культурных форм, которые она порождает» [Landow,2003: 43-44]. С этих позиций кажется очевидным, что если мы игнорируем теорию и рассматриваем электронный текст как слишком похожий на книгу, Дж.Ландоу при этом считает, что мы не сможем воспользоваться всеми преимуществами, которые может предложить электронный текст.

В то время как Дж.Ландоу, как и Дж.Болтер, признает, что «наше понимание нового почти всегда опосредовано нашим знанием старого и знакомого», он настаивает на том, что «опосредование слишком часто маскирует новое, делая его невидимым для большинства людей» [Landow,2003:36].

Этот пункт разногласий между Дж.Ландоу и Дж.Болтером является одним из тех мест, где различные теоретические точки зрения, особенно их фундаментальный подход к электронному тексту и его отношению к печатному тексту, показывают разнообразие среди мнений ученых, имеющих дело с гипертекстом, которое способствует усложнению понимания сверхдетерминированной природы гипертекста. Если, например, гипертекст рассматривается как радикальный отход от печатного текста, как предполагает Дж.Ландоу, то его место в более широком контексте технологий грамотности теряется. Аналогично, если гипертекст рассматривается через его отношение к печатному тексту, как утверждает Дж.Болтер, то его потенциал как нового носителя рискует постоянно формироваться через ограничения старого носителя. Сохранение обеих точек зрения помогает представить гипертекст менее редуцированным образом, и в конечном счете он показывает концептуальное богатство, которое в противном случае можно было бы упустить.

Две из наиболее очевидных корреляций можно увидеть в заявлениях Дж.Ландоу о критической теории и о книге как парадигме электронного текста. Во-первых, Дж.Ландоу предполагает, что теоретики

постструктурализма, такие как Деррида и Р.Барт, и ранние разработчики гипертекста, такие как Теодор Нельсон и Андриес Ван Дам, «утверждают, что мы должны отказаться от концептуальных систем, основанных на идеях центра, границы, иерархии и линейности, и заменить их мультилинейными, узлами, связями и сетями» [Landow,2006: 1]. Т.Нельсон настойчиво утверждает, что гипертекст взаимосвязан и непоследовательное написание невозможно в печати. Однако, возможно, даже более непосредственно понимание Ван Дамом интермедии как средства связывания информации, создания путей через связанный материал и предоставления читателям возможности просматривать тексты в новом непоследовательном порядке.

Во-вторых, Дж.Ландоу утверждает, что «важность теоретиков гипертекста, таких как Нельсон и Ван Дам, заключается в том, что они очень точно говорят о конкретных качествах книги, которые они хотят изменить или превзойти», и что они также «воспринимают эти инновации в терминах социальных и политических ролей более прямыми и эффективными, хотя и более ограниченными способами, чем большинство постструктуралистских теоретиков культуры и литературы» [Landow,2006: 43]. Здесь можно найти параллель с точкой зрения Дугласа Энгельбарта о том, что гипертекст должен дополнять печатный текст таким образом, чтобы можно было сделать больше, чем было бы возможно без него, и с политическим заявлением Теодора Нельсона о том, что гипертекст – это «самый смелый и конкретный план познания, свободы и лучшего мира, который еще не вышел из компьютерного господства» [Nelson, 1982]. Обобщение этих критических пересечений среди работ в среде практиков, сосредоточенных на развитии гипертекста, и учеными, сосредоточенными на концептуальных отношениях между гипертекстом и печатным текстом, показывает, что эти различные точки зрения более взаимосвязаны, чем может показаться на первый взгляд, и в некоторой степени способствуют контекстуализации сверхдетерминированной природы гипертекста.

Представление о том, что гипертекст неизбежно изменяет литературные и культурные формы, которое характеризует ранние работы по развитию гипертекста и более поздние теоретические работы, приводит к другому важному моменту, лежащему в основе достижений, предположительно связанных с гипертекстом. Смысл того, что гипертекст является средством преодоления ограничений, накладываемых на прогресс современными системами управления информацией, можно увидеть в стремлении В.Буша создать расширение к человеческой памяти, в системе Д.Энгельбарта, чтобы увеличить ущербный человеческий разум, и в мечте Т.Нельсона о личной свободе через неограниченный обмен информацией. У Дж.Ландоу это можно найти в заявлениях о том, что «несколько ключевых особенностей гипертекстовых систем внутренне способствуют новому виду свободы и расширения прав и возможностей» [Lindow,2006: 343], из которых «результатом всегда была демократизация информации и власти» [Lindow,2003: 338]. У Дж.Болтера такой идеализм (хотя и более сдержанный) проявляется в выраженном убеждении, что гипертекст «тонко работает против расширения старых моделей экономического и культурного контроля посредством децентрализации, местной автономии и гибкости, так что ближайшее будущее будет свободным от социального и экономического контроля любого рода» [Bolter, 2001: 211-212].

В резком контрасте с подобными утверждениями о гипертексте существует также перспектива, которая часто находит свой путь в описаниях всемирной паутины в целом. Один из критиков, Сильвио Гагги, утверждает в книге «От текста к гипертексту», что сеть обладает равным потенциалом вызывать негативный сценарий, который «очень отличается от неиерархического элитарного общества», описанного Дж.Ландоу, Дж.Болтером и ранними исследователями гипертекста [Gaggi, 1997:116]. С. Гагги пишет, что «для того, чтобы гипертекст обладал эмансипирующим и расширяющим возможности потенциалом, который предполагается, необходимо выполнить несколько условий» [Gaggi, 1997:118]. Во-первых,

гипертекст должен быть «доступен большому количеству людей и быть недорогим и «доброжелательным» настолько, чтобы быть доступным любому, кто хочет или нуждается в нем» [Gaggi, 1997:118]. Во-вторых, «гипертекст должен оставаться интерактивным не только в своем исследовательском качестве, но и в конструктивной вместимости» [Gaggi, 1997:119]. И наконец, «выбор, доступный в гипертексте – включенные тексты и ссылки между ними – должен быть значительным» [Gaggi, 1997:121]. Эти условия, пересекающиеся с более широкими культурными, политическими и экономическими проблемами, предназначены в качестве предписывающих ориентиров для будущего развития, но они также могут рассматриваться как бремя доказательств, стоящее перед более распространенными утопическими притязаниями на гипертекст. То есть, принимая во внимание эту точку зрения при оценке утверждений Дж.Ландоу о «растущей демократизации или распространении власти», можно вернуться в более широкую и, возможно, более сложную культурную динамику» [Landow,2006: 339].

В контексте более широкого аргумента, представленного выше, учет культурных, политических и экономических условий имеет потенциал для дальнейшей проблематизации сверхдетерминированной природы гипертекста путем увеличения множества способов, которыми он используется и концептуализируется, тем самым избегая тенденции сводить гипертекст к одной практической или теоретической перспективе.

В лингвистической перспективе в целях исследования истории и типологии гипертекста, в частности в отношении гипертекстуальности восточных текстов и эволюции способов представления текста – от нелинейных рукописей к линейности печатных книг и опять к нелинейности гипертекста – данный обзор представляется важным звеном в дальнейших исследованиях в следующих разделах и главах.

2.3. Гипертекст в досетевую эпоху

Несмотря на то, что идея гипертекстуальности не нова, современный (компьютерный) гипертекст принципиально отличается от гипертекстов досетевой эпохи тем, что указанная совокупность референтных текстов, т.е. текстов, связанных с основными (воспринимаемыми) текстами ссылочным аппаратом, находится в зоне непосредственной досягаемости реципиента (очевидно, что соединение текстов и мгновенный доступ к различным произведениям технически осуществимы только на компьютере).

Исследователи пытаются нащупать и осмыслить пути продвижения от линейности к нелинейности, выяснить, меняются ли формы знаний с переходом в электронную эру и что нас в связи с этим ожидает. Во многих публикациях конца 80-х – начала 90-х годов, посвященных гипертексту, провозглашается наступление новой эры, эры принципиально новых средств работы с текстом. Идея гипертекста воспринимается как революционная. Большинство исследований опирается на противопоставление печатных и электронных технологий, причем первые объявлялись неудобными, искажающими писательскую и читательскую природу [Искандарова, 2016]. Устная, письменная и электронная коммуникация (по Маклюэну) [Клюева, 2011] рассматриваются как этапы развития форм существования дискурса, последовательно сменяющие друг друга, в духе контовского закона трех стадий. Все это связано с теориями «информационных революций».

Разные авторы описывают от трех до пяти «информационных революций», произошедших на протяжении в истории человечества, которые привели к качественным изменениям механизмов человеческого мышления, к образованию новых когнитивных структур. Мы отметим четыре из них:

1. становление речи;
2. возникновение письменности;
3. изобретение книгопечатания;

4. появление электронных интерактивных средств коммуникации, т.е. гипертекста.

В.В. Миронов отмечает, что «возникшая письменность формирует новый тип интеллекта, отличный от эпохи устного текста», далее «письменность становится посредником между миром и человеком» [Миронов, 2015].

М. Маклюэн замечает, что «бесписьменные народы в гораздо большей степени ощущают своё единство с миром, в котором они живут, чем это свойственно письменным народам. Чем более "письменным" становится какой-либо народ, тем больше усиливается разобщённость между ним и его миром» [Маклюэн 2005, с. 114].

Современный человек, используя устную речь, на самом деле вынужден говорить «по-написанному», кроме, может быть, детей на ранней стадии развития. Мы смотрим на мир сквозь призму грамматики и тем самым отстраняемся от жизненности бытия. Часто бывает, что, оказавшись в некой ситуации, требующей от нас реального действия, мы вспоминаем, что читали по этому поводу, вместо того, чтобы приспособливаться к ней или овладеть ею. Это совершенно иная логика поведения, которая отличает современного человека от «бесписьменного», для которого «реальностью является то, что происходит» [Маклюэн 2005: 115].

Здесь следует отметить, что с появлением книгопечатания мышление человека становится линейным. Иначе говоря, линейное упорядочивание устной речи, имевшей немаловажное значение для культурного развития явилось другой особенностью письменности. «Речь перешла из стадии произнесения и прослушивания на стадию упорядоченного некими правилами записывания. Более того, устной речи стали учиться на основании зафиксированной линейной письменности. Именно поэтому (не считая технических и материальных ограничений) письменная речь не могла носить массового характера. Это был удел избранных. Не просто приобщённых, как

сегодня, к грамоте, а погруженных почти в реальное таинство письменности и рукописей» [Миронов, 2015].

Как отмечал Умберто Эко, уничтожение ценной рукописи для монахов средневековья было страшным преступлением, хотя таким образом одновременно они могли продемонстрировать свои возможности цитирования по памяти, буквально с указанием страниц. Демонстрация возможностей памяти была во времена средневековья вершиной учёности. «В общем, Хорхе – это была олицетворённая память книгохранилища, живой дух скриптория» [Эко 2004, с. 72], так оцениваются возможности памяти одного из героев романа «Имя Розы». Память данного человека – Хорхе, приравнивается к памяти книгохранилища. «Рукописи мертвы без памяти человека. Он здесь выступает как «запечатлитель». Какое ёмкое слово! Это тот, кто мог в буквальном смысле этого слова запечатлеть, то есть как бы впечатать в свою память [Миронов, 2015].

«В средние века, как и в античности, читали не так, как сегодня (т.е. в основном глазами), а губами, произнося видимые глазом буквы, и ушами, прислушиваясь к произносимым словам, т.е. к тому, что называется “голосами страниц”. Это было именно акустическое чтение...» [Маклюэн 2005: 134].

Очередная когнитивная революция или «культурный взрыв» происходит, когда книгопечатание начинает тиражировать эту линейность, а, «следовательно, линейное отношение к миру проникает на все уровни сознания. Происходит закрепление систематического линейного мировоззрения как способа объяснения всего линейной и замкнутой структурой, в качестве каковой выступает и весь мир в целом, от законов классической физики до линейной концепции развития общественных формаций у Маркса» [Миронов, 2005].

Как писали Жан-Клод Карьер и Умберто Эко относительно процесса перехода от манускриптов к книгопечатанию, «совокупная продукция всех рукописных, а затем и печатных текстов, этот «муравейник умов», этот «улей,

куда золотистые пчелы воображения приносят свой мед», внезапно в конце Средневековья весьма понизил их в звании [Карьер, Эко: эл.ресурс].

Следует отметить, что в условиях современной смены эволюционной парадигмы развития культуры человек вновь оказывается в некой схожей ситуации, теперь уже «обусловленной процессами визуализации и виртуализации современной коммуникации. Правда, реальностью здесь начинает выступать не просто то, что происходит, а то, что конструируется средствами коммуникации как событие» [Миронов, 2005].

2.3.1. Гипертекстуальность грамматики Панини

Дальнейшее изучение вопроса о досетевом гипертексте привело нас к интересным данным. Параллельно проводимые нами исследования в области максимально формализованного описания таджикского языка и знакомство в этой связи с самыми разнообразными грамматиками, начиная с грамматики Панини, стало для нас настоящим открытием, поскольку как оказалось, грамматика Панини «Аштадхьяи» также представляет собой не что иное, как гипертекст: «Целиком грамматика представляет собой гипертекст, весь построенный на перекрестных ссылках. Любое одно правило предполагает учитывание всех остальных единовременно. Точно так же, если убрать из aṣṭādhyāyī любую одну сутру, вся «сеть» рассыплется, точнее, все остальные сутры приведут к неправильным результатам, и то, что получится в итоге, уже не будет санскритом» [Грамматика Панини:электр.ресурс].

Граматику Панини сравнивают с таблицей Менделеева, который не придумывал новые элементы, но придумал новый способ их презентации, настолько замечательный, что позволил предсказать открытие новых химических элементов. Грамматика Панини полностью описывает все существующие формы слов, грамматические конструкции санскрита. «Аштадхьяи» содержит около 4000 сжатых правил – сутр. «Последовательность этих правил такова, что они образуют алгоритм,

компьютерную программу. Здесь нет объяснений, примеров, упражнений. Только последовательность действий: “если подразумевается прошедшее время, то перед глагольным корнем добавить приставку *a*” и тому подобное. Цель алгоритма – объяснить образование всех слов и оборотов, использованных признанными авторами, говорившими на этом языке» [Великая...электр. ресурс].

«Для человека, знакомящегося с текстом aṣṭādhyāyī (даже если он владеет санскритом как родным языком), этот текст представляется замкнутым в себе самом и абсолютно непонятным, т.к. «ключи» для расшифровки сутр зашифрованы тем же шифром, что и сутры. Возможно, что, воспринятый объемным сознанием, этот текст превратился бы в «самораспаковывающийся архив» и был бы понятен, но проверить это можно только практически, для обычного логического мышления это представляется невозможным. В любом случае, даже имея дело уже с «расшифрованными» сутрами, реально пользоваться ими можно только «удерживая» их в сознании все одновременно – все 4000 правил, а также сопутствующие тексты» [Самойлов: элект.ресурс].

Обратимся к личности известного грамматиста. В одном из источников мы прочли, что Панини не владел грамотой и не писал свою грамматику, а сочинил ее в устной форме: «Устный характер грамматики обусловил её строение. Стихи запоминаются легче, чем проза. Поэтому грамматика Панини состоит из коротких стихотворных кусочков – сутр, в которых спрессован гигантский объём информации» [Панини: элект.ресурс].

Кроме того, в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона приводятся данные, что Панини выгнали из школы, потому что считали, что он туп: «В детстве Панини был, будто бы, так туп, что его исключили из школы, но милость Шивы к нему поставила его в науке впереди всех» [ЭСБЕ: элект. ресурс].

И сразу вспомнилось, что многие известные люди также имели мягко говоря «проблемы с учебой»: Эдисон, Ньютон, Наполеон и др. (список можно

продолжать и получится он немалым). Но ведь вряд ли это случайность и с чем это может быть связано. Рассмотрим этот тезис.

2.3.1.1. Гипертекст и нелинейное мышление: “тупость” гениев

«Чтобы выжить, нам нужен иной способ мышления»

(А.Эйнштейн)

«Мышление гения, работа его сознания есть явление достаточно парадоксальное, не вписывающееся в рамки общепринятой логики мышления. Но одно несомненно – гении искусно владели не только навыком анализа, но и синтезом, как новым качеством мировидения. Именно логика синтеза рождала парадоксальные, на первый взгляд, идеи и лучшие решения» [Хмелева: элект.ресурс].

Читаем дальше: «В чем главное отличие восприятия способностей человека в массах и в реальных описаниях работы гениев или савантов? Главное отличие в представлении о восприятии информации - люди обычно считают, что восприятие даже у гениев линейно. Но главное отличие именно в нелинейном восприятии информации гениями. Наполеон воспринимал всю карту и даже ситуацию как единое целое, Рузвельт читал блоками, Ленин страницами, Бетховен всю свою симфонию воспринимал постоянно как одно целое, охватывая все ноты сразу. И, как показывают современные исследования граничных состояний творчества, аутизма, клинической смерти, стрессовой ситуации, нелинейное одновременное восприятие нескольких частей блоком есть действительно нелинейное одновременное восприятие, а не ускоренное линейное за счет абсолютной памяти, а не «чтение по диагонали» и т.д.» [Гераимчук,2010].

Если вернуться к феномену Панини, то можно задаться вопросом: как стало возможным создание такого текста? Изучая Аштадхьяи, которая является «осязаемым» свидетельством несомненно гениального мышления, сложно представить, что современному человеческому разуму доступно создать нечто подобное. Несмотря на то, что многие современные

исследователи говорят о «гениальности», «новаторстве», «изошренности» и т. д. Панини, «лингвистов интересует только то новое, что Панини привносит в лингвистику, программисты пытаются использовать принципы aṣṭādhyāyī для natural language processing, но никто не задается вопросом, как грамматика Панини была создана и на какое восприятие вообще рассчитана» [Грамматика Панини...Электр.ресурс].

Неслучайно текст Аштадхьяи обрастал в дальнейшем все новыми и новыми комментариями: «По сути каждый новый комментарий к “Аштадхьяи” – это скидка на то, что понять этот текст очень сложно. Ученики с каждым поколением все глупеют, поэтому требуются комментарии к комментариям. Все новые и новые попытки упростить понимание исходной грамматики. “Кашика” – объяснения к “Аштадхьяи”. “Сиддханта Коумуди” – объяснения к “Кашика”. “Лагху Сиддханта Коумуди”, которую в основном изучают сейчас – объяснения к “Сиддханта Коумуди”. Как-то стыдно становится за свой интеллектуальный уровень. А Панини вызывает все большее восхищение» [Грамматика санскрита...элект.ресурс].

Размышляя о данных проблемах, мы пришли к выводу, что нам удалось пока только поверхностно рассмотреть лишь «верхушку айсберга», тема настолько многогранна и глубока, что для более полного осознания всего изложенного, следует развернуть исследование в различных направлениях.

Однако считаем необходимым, резюмируя изложенное выше, сформулировать несколько основных выводов:

Пытаясь найти объяснение тому факту, что молодые люди все реже обращаются к книге, как источнику знаний, информации, мы достаточно часто стали задумываться над этим фактом, понимая, что тем, кто привык оперировать гипертекстом, мультимедиа технологиями, уже сложно вернуться к «скучности» линейного текста. Дальнейшее знакомство с литературой по линейному и нелинейному мышлению, а также свойствам гипертекста и привело нас к довольно интересным выводам, которые мы намерены здесь представить.

Как отмечалось выше, создание гипертекста рассматривается многими исследователями как начало новой информационной эпохи, противопоставленной эре книгопечатания и даже как одна из когнитивных революций в цивилизации человечества. Линейность мышления человека, ставшая обычной в связи с линейностью текста книги после изобретения печатного станка, меняется, мышление становится нелинейным в связи с появлением гипертекста. Сама линейность мышления ограничивает понимание текста, поскольку мир смысла не может быть линейным. Отказ от линейности текста, по мнению ученых, способствует «освобождению» мышления и даже возникновению его новых форм» [Компьютерная лингвистика: элект.ресурс].

Благодаря Интернету была создана техническая база для адаптации линейной структуры текста к нелинейной, основанной на ассоциации связи идей в мозгу человека.

О нелинейном мышлении человека писал В. Буш: «... мозг человека... действует по ассоциативному принципу. Уловив одну мысль, он немедленно переходит к другой, порождаемой ассоциациями мыслей в соответствии с некоторым сплетением следов в клетках головного мозга» [Bush, 2003:39].

Создание гипертекстовых сочинений в дописьменную или даже «догутенберговскую» эпоху носит не единичный характер, примеров достаточное количество. Собственно устные сочинения, передававшиеся изустно из поколения в поколение по всей видимости представляли собой гипертексты. Таким образом, одним из древнейших способов передачи информации и коммуникации служил гипертекст, представлявший собой прецедентные, научные и художественные тексты. Люди, занимавшиеся сочинением такого рода текстов, вероятнее всего обладали объемным, нелинейным мышлением и были способны удерживать в памяти огромные массивы взаимосвязанных текстов, которые можно было передавать в различной последовательности, ссылаясь при этом на тот или иной отрезок, рассказываемый в другие дни (ср. гиперссылки).

Следовательно, нелинейное мышление характерное для относительно небольшого количества современных людей, вероятно было не столь редким в дописьменную эпоху.

Поскольку наука в традиционной иерархической картине мира восточных народов, в частности, индийской, относилась к разряду «Высшее», наряду с такими категориями, как время, пространство и т.п., научные знания передавались изустно от «избранных» к «избранным». Далеко не каждый был способен заучить наизусть и передать без искажений такой труд, как «Аштадхьяи» Панини. С письменной фиксацией грамматики композиция сохранилась, однако каждое следующее поколение языковедов стало снабжать текст Аштадхьяи комментариями, примерами и т.п. и сама грамматика стала намного объемней. Наиболее оптимальным способом записи классического труда стал гипертекст, представленный в цифровом формате (<https://ashtadhyayi.com/>)

Изучение других памятников дописьменной и рукописной эпохи позволит сделать более точные наблюдения.

2.4. Древние и средневековые рукописи как гипертекст

Несмотря на то, что идея гипертекстуальности не нова, современный (компьютерный) гипертекст принципиально отличается от гипертекстов досетевой эпохи тем, что указанная совокупность референтных текстов, т.е. текстов, связанных с основными (воспринимаемыми) текстами ссылочным аппаратом, находится в зоне непосредственной досягаемости реципиента (очевидно, что соединение текстов и мгновенный доступ к различным произведениям технически осуществимы только на компьютере).

Древние рукописи представляют собой примеры нелинейного текста. В них на одной странице могут быть представлены разные произведения на одном или разных языках.

Можно привести множество образцов нелинейного представления текста в рукописях с арабской графикой. Необходимо отметить, что 115 рукописей на фарси представлены в коллекции Библиотеки Конгресса США на сайте <https://www.loc.gov/>. Образцы некоторых из них, представляющих интерес для нашего исследования, представлены в Приложении 2.

На рис.1 представлена рукопись, представляющая собой такой образец. Особенность подобных рукописей в том, что на одной странице могут быть представлено несколько текстов и читатель сам может выбрать точку входа в текст и проложить собственную тропинку (trail) переходов из текста в текст.

Как говорится в источнике, в описании рукописи, находящейся в коллекции Библиотеки Конгресса США (<https://www.loc.gov/resource/amedscd.2019714581/?r=-1.321,-785,3.642,1.57,0>), на центральной текстовой панели стихи, написанные на чагатайском языке, скорее всего, приведены из дивана поэзии Алишера Навои. В нижнем левом углу основной текстовой панели, содержащей стихи на чагатайском, появляется подпись каллиграфа Мир Имада Хасани.

Этот каллиграфический фрагмент включает ряд стихов на персидском и чагатайском языках. Сплошная лирическая поэма – газель на фарси написана на верхней и нижней горизонтальных прямоугольных панелях, в то время как другая газель написана по диагонали в правом и левом вертикальных столбцах. Обе газели написаны известным поэтом Шейхом Саади и затрагивают моральные вопросы.

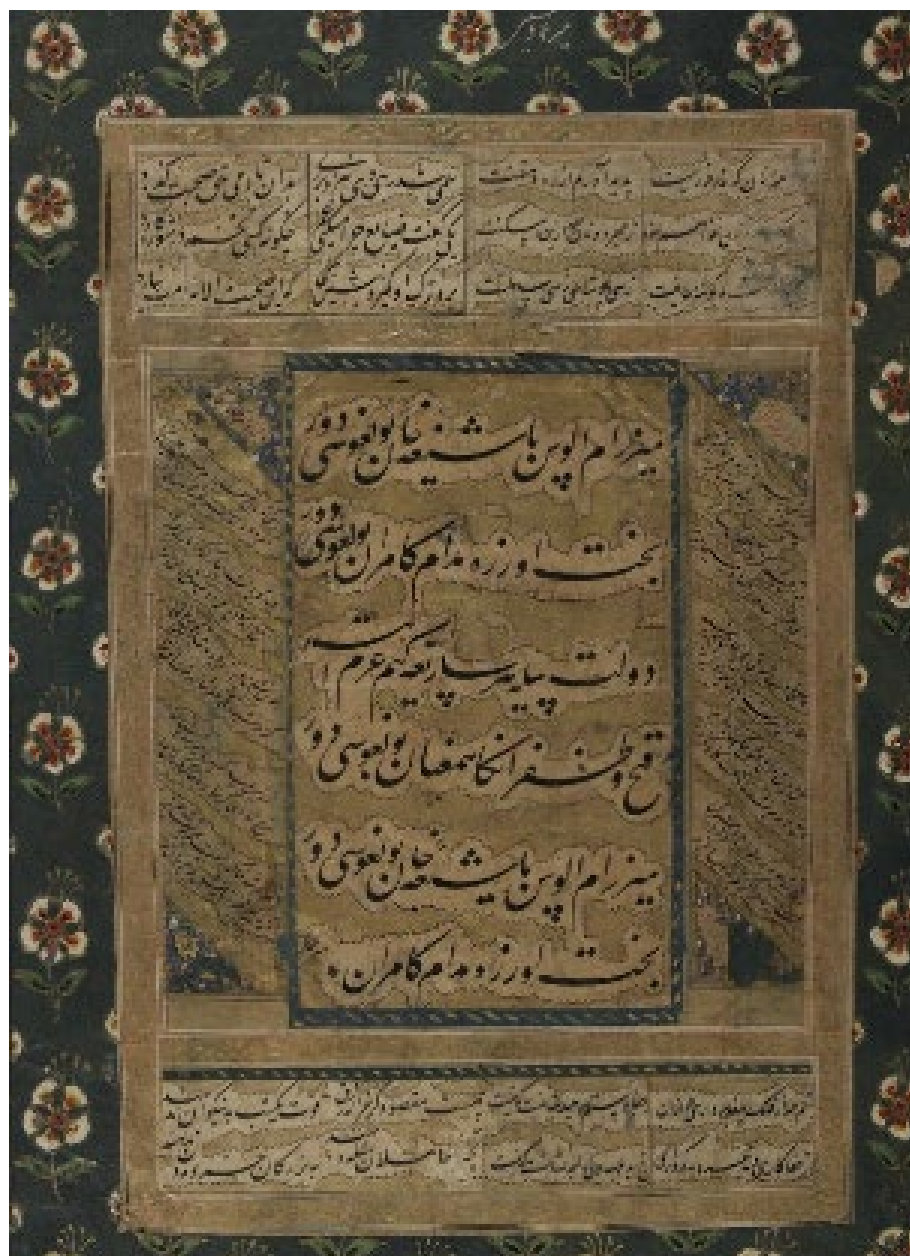

Рис. 1. Образец рукописи. Стихи на персидском и чагатайском языках
[Verses in...элект.ресурс].

Как будто именно об этих восточных произведениях писал представитель французского структурализма Ролан Барт, определяя гипертекст: «...текст пронизан сетью бесчисленных, переплетающихся между собой внутренних ходов, не имеющих друг над другом власти; он являет собой галактику означающих, а не структуру означаемых; у него нет начала, он обратим; в него можно вступить через множество входов, ни один из которых нельзя признать главным; вереница мобилизуемых им кодов теряется где-то в

бесконечной дали, они «не разрешимы» (их смысл не подчинен принципу разрешимости, так что любое решение будет случайным, как при броске игральных костей); этим сугубо множественным текстом способны завладеть различные смысловые системы, однако их круг не замкнут, ибо мера таких систем – бесконечность самого языка» [Барт, 1989:391].

Исследованием подобных манускриптов занимаются многие ученые с различных аспектов исследования, однако мы не нашли работ, связанных с нашими научными интересами.

Например, российский ученый В.В.Полосин, исследуя вопросы передачи невербальной информации в арабских рукописях, приводит весьма интересные для нас образцы:

Рис.2 Образец турецкой рукописи [Полосин, 2016:163]

Другой исследователь – А.Б.Куделин в своей статье о роли арабской графики в средневековой словесной культуре, с опорой на два персоязычных источника, подготовленных и изданных Н. Ю. Чалисовой, перечисляет ряд формальных признаков в арабских и персидских текстах, дающих основание считать особую графическую культуру как инструмент поэтики и стилистики арабографичной средневековой литературы. Первая из фотографий (рис. 3) представляет персидский *мувашишах*¹ с особенностью, которая иллюстрирует следующее положение персидского источника: «Последние буквы в первых мисра составляют некую фразу; первые буквы вторых мисра образуют другую. (...) Слова, находящиеся внутри первых мисра над ромбом, образуют еще одну фразу (...) слова внутри вторых мисра – следующую. Слова, окружающие правый ромб, образуют дубайти определенного содержания по обеим правым сторонам ромба (...), а на левых сторонах – другой. Слова, окружающие левый ромб – это другой дубайти. На обеих правых сторонах (<...) и на левых сторонах фразы – разные» [Kudelin, 2004:6].

В.В.Полосин представляет в своей книге много интересных рукописей и отмечает арабский текст этого же рода: «Он представляет собой целых пять текстов в одном. Правда, все они написаны прозой, а по формальному признаку относятся, по-видимому, к другой разновидности «текста в тексте», к той, в которой написанное читается вдоль и поперек (*мудалла-и мурабба*)».

Далее он отмечает, что «сложная комбинаторная работа, которая потребовалась для сочинения представляемого текста, удивительна. Но не менее удивительно и то, что придуманный автором текст, латентно живущий в *мувашишахе*, выявляет себя на бумаге как правильная ромбоидная фигура...» [Полосин, 2016:166].

¹ Мувашишах – вид строфической поэзии. Об арабском мувашишахе подробнее у [Крачковский, 1956: 260-262]

разграничения полустийши как бы делит текст на две колонки, каждая из которых получает вследствие этого свою собственную рамку одинакового формата» [Полосин, 2016:167]. Сравним:

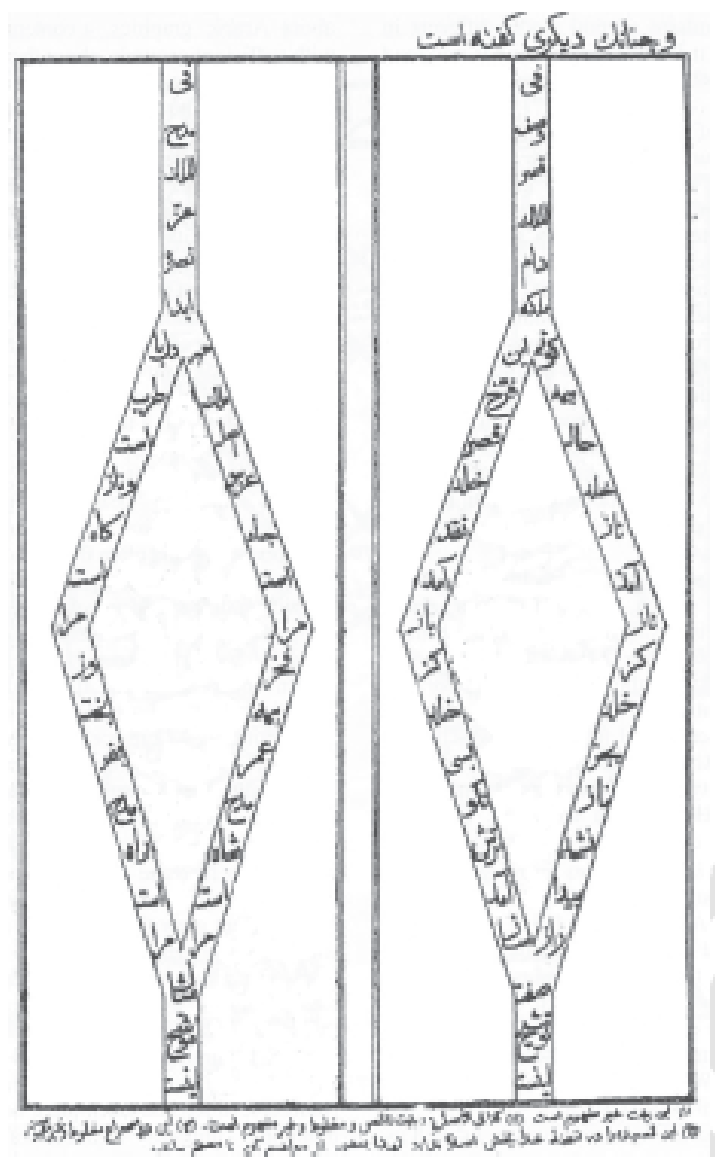

Рис.4. Вставные тексты в мувашшахе

«Фигурные и фигуративные стихи» (по В.В.Полосину), а также прозаические тексты, которые не исследованы с точки зрения гипертекстуальности и интертекстуальности, попадают при подробном рассмотрении в подходящий для них научный контекст.

Следующая иллюстрация (рис. 5) также представляет интерес, поскольку является примером фигурных стихов. На ней нет «привычной текстовой полосы, как в рассмотренном выше случае, чтобы искать на ней

«текст в тексте». Поэтому бросается в глаза прежде всего причудливое движение текста» [Полосин, 2016:167] по петлеvidной схеме, о которой в персидском источнике, по словам А.П.Куделина сказано так: «стихи (...) начертанные в виде переплетения геометрических форм» [Kudelin, 2004:9].

В.В. Полосин отмечает, что подобные стихи назывались «*муаккад* (араб. узловатые, запутанные; однокоренное слово с *укда* - фаланга, сустав пальца). Но небольшая изюминка в виде «вставного текста» есть и здесь. Один из изощренных стихотворцев, - продолжает персидский источник, - поместил в такую форму кита, и на каждом из участков, образуемых от пересечения линий, расставил слова, которые при соединении складываются в бейт» [Полосин, 2016:171].

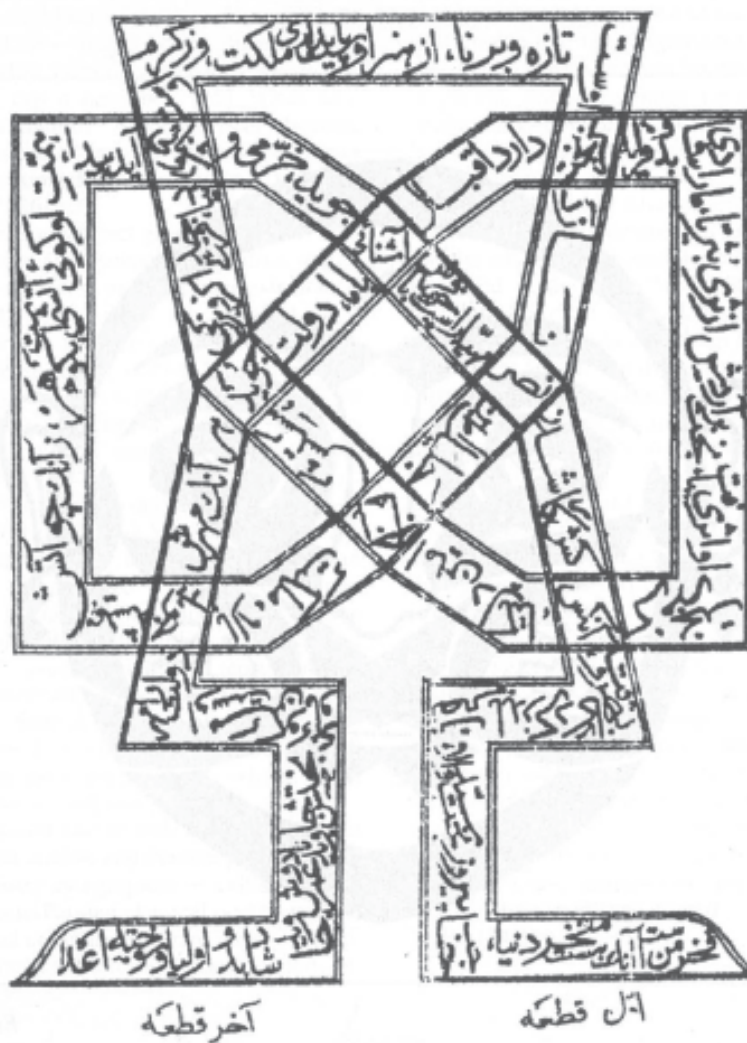

Рис.5. Стихи типа *муаккад* на фарси

А. Б. Куделин сопоставляет тексты *муаккад* с *poesia artificiosa*: «Позднее у мусульманских авторов появились стихи, которые были составлены в форме простых геометрических фигур и рисунков, подобно жанру фигурных стихов в Европе (*poesia artificiosa*)» [Kudelin, 2004:9].

Наше внимание при прочтении бесценного труда арабиста В.В.Полосина привлек еще один вид текста, которое он назвал «арабское средневековое сочинение-кроссворд» [Полосин, 2016:225].

В качестве образца такого произведения он приводит текст, написанный Исмаилом бин Абу Бакром ал-Мукри из Йемена, умершим в 837/1433 г. «Его сочинение называется: «Унван аш-шараф ал-вафи фи-л-фикх ва-т-тарих ва-ннахв ва-л-аруд ва-л-кавафи». Вторая часть названия раскрывает тематическую – направленность каждого из пяти сочинений, уложенных автором в единый текст. Первая же часть, состоящая из трех слов, вероятно, намекает на расулида Исмаила бин ал-Аббаса, которому было посвящено это уникальное произведение; он имел титул «ал-малик ал-ашраф» и почетное прозвище «Шараф ад-дин».

Сочинение Исмаила ал-Мукри было, по-видимому, достаточно популярным и поэтому дошло до наших дней не менее чем в 37 рукописях; три из них хранятся в Институте восточных рукописей РАН» [Полосин, 2016:228] - таким образом описывает В.В.Полосин автора и само сочинение.

Книга, которую описывает В.В.Полосин, представляет собой сочинение по фикху. В таких сочинениях описывался «комплекс юридических норм и правил жизненного поведения, соблюдение которых обеспечивает мусульманину праведную жизнь, приводящую его в рай». Далее ученый отмечает: «У нее довольно обычная для данного жанра структура - тематические разделы, которые называются *китаб*, и главы (*баб*) внутри этих разделов, от 3 до 40 в каждом, где рассматриваются конкретные аспекты разделов *фикха*» [Полосин, 2016:226].

Автор отмечает необычность данного текста, выделяющую его из общей массы подобных сочинений, что позволяет ему назвать данный текст

«кроссвордом».

Приведем в точности его цитату: «Если читать по вертикали в тексте рукописи начальные буквы всех его строк, то получается новое, второе сочинение, целиком посвященное *аруду*. Еще одно сочинение, уже третье по общему счету, читается таким же способом по последним буквам строк.

Оно посвящено учению о рифме (*илм ал-кавафи*). Наконец, еще двумя вертикальными колонками по зеркалу текста основного произведения проходят сочинение по истории Йемена (о династии Расулидов) и сочинение по арабской грамматике (*нахв*) [Полосин, 2016:226].

И далее: «Таким образом, книга по правоведению написана автором так, что, читая ее по вертикали в определенных местах, читатель дополнительно получает четыре небольших монографии на различные темы. При этом все пять сочинений начинаются одновременно, в четырех пунктах первой строки книги. И так же синхронно заканчиваются на ее последней, 2564-й строке» [Полосин, 2016:227].

Подобную необычную организацию текста ученый называет кроссвордом «в котором клетки уже заполнены текстом», отмечая при этом, что это просто аналогия, поскольку кроссвордом такую организацию текста можно назвать лишь условно. «С большим основанием ее можно сравнивать со старинными крестословицами – те не загадывали никаких загадок, а просто демонстрировали филологическое остроумие их составителей. Точно так же и здесь. Рукописи показывают не клетки, которые нужно заполнить буквами, а уже готовую крестословицу, где все клетки уже заполнены и читателю остается только восхищаться искусством ее составителя. Сами клетки, конечно, отсутствуют, но их заменяют другие средства выделения встроенных (поперечных) текстов: цветные чернила, вертикальные линии и т. п.» [Полосин, 2016:227].

Отсутствие научного интереса к сочинению, которое оформлено как кроссворд или «крестословица», В.В.Полосин объясняет тем, что пока в арабистике не завершилось освоение ключевых рукописей, нельзя говорить о

внимании к подобному «курьезному сочинению-кроссворду». На наш взгляд, подобные рукописи представляют особый интерес при изучении явлений гипертекстуальности древних и средневековых письменных текстов, однако до сих пор ученые не уделяли пристального внимания данному вопросу.

Представим ниже описанное сочинение, включающее в себя при чтении в разных направлениях пяти разных произведений:

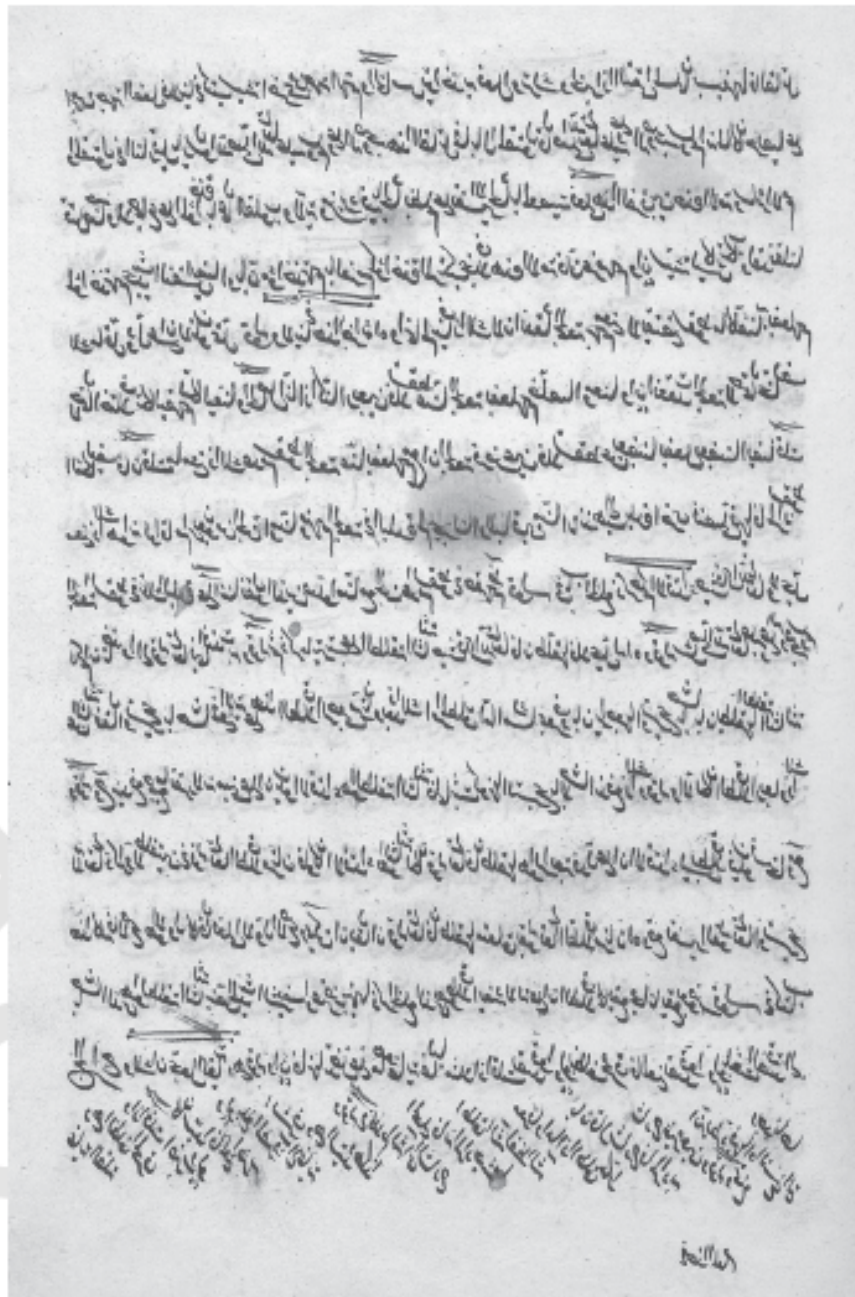

Рис. 6. Страница из рукописи «Унван аш-шараф ал-вафи фи-л-фикх ва-т-тарих ва-н-нахв ва-л-аруд ва-л-кавафи»

Известный иранист О.Ф.Акимушкин отмечает: «все обилие и исключительное разнообразие персидской словесности дошло до наших дней благодаря рукописи, страницы которой донесли до нас обширный эпос и блистательную поэзию, народные предания и математические формулы, данные о движении светил и медицинские рецепты, философские системы и мистические откровения, историческую правду и добросовестный вымысел. Говоря о настоящем и прошлом, книга всегда направлена в будущее, потому что она содержит в себе крупицу аккумулированного общечеловеческого знания, опыта поколений, адресованного потомкам» [Акимушкин, 1984:6].

Еще раз следует подчеркнуть, что текстуально-лингвистические особенности гипертекста являются в большей или меньшей степени отличными от характерных особенностей традиционного текста. Это открывает широкую перспективу для лингвистических исследований в этом направлении в целом.

2.5. Структура гипертекста в сказках «Тысячи и одной ночи»

Анализируя такие особенности гипертекста, как «принципиальная дисперсность, нелинейность и, как следствие, полисемия гипертекста, а также возможность свободной навигации в нем реципиента...», невольно вспоминаешь произведения средневековой персидской и арабской прозы, коих множество, но имеют они при этом схожую структуру. Известны достаточно четкие принципы их композиции: либо множество эпизодов сосредотачивались вокруг одного сюжетного стержня-«рамки» (так называемая «обрамленная повесть»), либо широкое применение «сказки в сказке».

По такому же типу «обрамления» построена композиция не менее известных произведений древности, в частности, древнеиндийского эпоса «Махабхарата», датируемого концом I тысячелетия н.э., а также других древнеиндийских произведений, таких как «Панчатантра» («Пять книг»),

«Шукасаптати» («Семьдесят рассказов попугая») и др., которые в свою очередь являются интекстами многих произведений восточной литературы (подробнее см. в следующей главе).

В качестве примера также можно привести известные во всем мире «Синдбад-наме»: сюжет рамки «Синдбад-наме» основывается на возможности спасти принца, приговоренного к смертной казни по ложному обвинению, семью мудрецами, рассказывавшими в течение семи дней истории и тем самым отсрочившими день казни.

Ярчайшим примером несомненно является «Тысяча и одна ночь», «рамку» которой составляют рассказы Шахрезады, и ее способе спасения своей жизни и жизни других девушек путем рассказывания ночь за ночью сказок, обрываемых на самом интересном месте, с многочисленными вставными сказками – сказка в сказке. «Рамочная структура» при этом содержит в себе большие возможности для фантазии, вовлечение самого читателя в творческий процесс вымысла [Брагинский, 1990:5].

Многие известные восточные произведения, имеющие «рамочную» конструкцию, примеры которых мы привели, представляют собой образцы гипертекста, которые служили своеобразным «средством массовой информации» об устройстве мира, об обычаях и традициях, укладе жизни иных городов и стран.

Принцип обрамленной повести, по которой строится «Тысяча и одна ночь», позволяет включать в сборник новые, имеющие самостоятельное значение тексты. Как правило, один из героев «рамки» произносит по какому-либо поводу бейт, содержащий намек на некое событие. Другой герой непременно задает вопрос: «А как это случилось?» – и первый подробно рассказывает соответствующую историю. Затем действие повторяется (намек - вопрос) и приводится новый рассказ. «Нередко рассказы, присоединенные непосредственно к рамке, заключают в себе другие рассказы, а те, в свою очередь, рассказы третьей, четвертой и даже пятой ступени подчинения,

отчего композиция обрамленной повести получила название композиции «выдвижных ящичков» или «матрешек»» [Грязнова, 2012: 152].

Мы провели анализ структуры текстов сказок, здесь мы представим результаты исследования одной сказки. Так, например, в «Хикояти Малики Шахрмон ва Қамаруззамон» [Ҳазору як шаб, 1951] – повести о царе Шахрамане, сыне его Камар-уз-Замане и царевне Будур, которые рассказывались Шахерезадой со 170 до 249 ночи, повествование все время включает в свои рамки все новые и новые сказки, которые переходят одна в другую, имеют общую рамочную конструкцию.

Сказка начинается так:

— *Эй малики чавонбахт, дар замони гузашта подшоҳе буд, малики Шахрмон ном, ки сипоҳи бегарон дошт, вале солхӯрда ва ранҷур буд ва аз фарзанд насибае надошт. Рӯзгоре дар кори худ ба фикр андар шуд ва маҳзун гардид ва аз кори худ ба яке аз вазирҳо шикоят карду гуфт:*

— *Маро тарс аз он аст, ки чун бимирам, мулки ман зоеъ шавад, аз он ки фарзанде надорам, ки пас аз ман мамлакатдорӣ кунад.*

Вазир гуфт:

— *Таваккал бар худо кун, пас аз он дасти намоз гирифта дугона ба ҷо овар, пас аз он бо ҷуфти худ бихоб, умед ҳаст, ки ба мақсад бирасӣ.*

Малик ҳамон сон кард, ки вазир гуфта буд. Зани малик дар он соат обастан шуд.

Чун нӯҳ моҳ бар ӯ бигузашт, фарзанди бадеъулҷамоли наринае зоид...

Пас, ӯро Қамаруззамон ном ниҳоданд. Малик бар ӯ шодмон гафт» [Ҳазору як шаб, 1951:103].

«Дошло до меня, о счастливый царь, что был в древние времена и минувшие века и столетия царь, которого звали царь Шахраман. И был он обладателем большого войска и челяди и слуг, но только велики сделались его годы, и кости его размякли, и не было послано ему ребенка.

И он размышлял про себя и печалился и беспокоился и пожаловался на это одному из своих везирей и сказал: «Я боюсь, что, когда умру, царство

погибнет, так как я не найду среди моих потомков кого-нибудь, чтобы управлять им после меня». И тот визирь отвечал ему: «Быть может, Аллах совершит впоследствии нечто; ложись же на Аллаха, о царь, и взмолись к нему».

И царь поднялся, совершил омовение и молитву в два rakata и воззвал к великому Аллаху с правдивым намерением, а потом он призвал свою жену на ложе и познал ее в это же время, и она зачала от него, по могуществу Аллаха великого.

А когда завершились ее месяцы, она родила дитя мужского пола, подобное луне в ночь полнолуния, и царь назвал его Камар-аз-Заманом и обрадовался ему до крайней степени» [Тысяча и одна ночь: элект.ресурс].

Далее на протяжении нескольких ночей (170-179) рассказ идет о том, что сыну исполнилось 15 лет и отец решил его женить, но сын отказался и так отец его несколько раз призывает к себе и приказывает жениться, но тот отказывается. По совету визиря отец заточает его в темнице на 15 дней, чтобы сломить его волю. Однако та темница была очень древней и в ней был колодец, в котором обитала джинния по имени Маймуна: *Он макон бисъёр қадим ва солҳо мешуд, ки рафту омади мардумои аз он ҷо бурида буд. Дар он макон чоҳе буд, ки ҷиннияе аз авлоди иблис манзил дошт ва он ҷиннияро Маймуна ном буд ва духтари подшоҳи тоифаи ҷин буд* (176-я ночь) [Ҳазору як шаб, 1951:110].

Далее на протяжении нескольких ночей ведется рассказ о том, как Маймуна увидела юношу и подивилась его красоте и совершенству и решила стать его защитницей: *Чун Маймуна шамоили бадеи Қамаруззамон бидид биистод ва ба холиқи ӯ ҳамду сано гуфт. Бо худ гуфт: «Ба худо савганд ки ман ҳаргиз инро наозорам ва кас нагузорам ки ӯро биозорад ва агар ӯро бадӣ руй диҳад, худро фидои ӯ кунам* [Ҳазору як шаб, 1951: 112].

Джинния Маймуна встречает на своем пути ифрита Дахниша, который ей рассказывает о красоте царевны Будур, которая так же заключена в темнице

(179-я ночь). Происходит спор между двумя ифритами, кто красивее: Камар-аз-Заман или Будур: *Маймуна ба суханҳои ӯ хандид ва гуфт, ки:*

— *Ин духтар, ки ту ӯро таъриф кардӣ ва накӯиятро сутудӣ, нохуни буридаи маъшуқи ман нахоҳад шуд. Агар ту маъшуқи маро бубинӣ, ҳамаро фаромӯш мекунӣ ва аз ҳеч кас ёд наорӣ. Ман гумон кардам, ки дар ту хабарест зариб! Эй малъун, ман имшаб писаре дидам, ки ту ӯро агар дар хоб бинӣ, маст мешавӣ ва оби даҳонат мерезад [Ҳазору як шаб, 1951: 116].*

Поскольку никто не уступал в споре и каждый настаивал на своем, решили сравнить их между собой, Дахниш доставил царевну Будур на своих крыльях и положил ее рядом с шахзаде: — *Эй малики чавонбахт, Маймуна ва Даҳниш ҳамон духтараки хурнаждодро биёварданд ва дар паҳлуи Қамаруззамон бихобониданд ва рӯйандоз аз рӯи ҳарду баргирифтанд, диданд, ки ба якдигар мемонанд ва гӯё бародар ва хоҳари модарзод ва ё амакбачаанд ва ҳар ду фитнаи рӯзгор ва ошӯби дили парҳезгоранд... [Ҳазору як шаб, 1951: 118].*

Таким образом, на протяжении 180-200 ночей появляется новое развитие событий, которое связано с действиями ифритов. Каждый из них продолжает восхвалять красоту своих возлюбленных, спор не угасает и тогда на помощь призывают ифрита Кашкаша, который также не смог решить кто краше и предложил:

— *Ба худо савганд ин ду ҳеч кадом аз он дигаре накӯтар ва хубтар нест, балки ин ду дар ҳусну ҷамол ба якдигар монанданд. Лекин маро дар ин боб ҳукми дигаре ҳаст ва он ин аст, ки ҳар як аз инҳоро беҳабар аз дигаре бедор кунем, ҳар кадом ба рафиқи худ майл кунанд ва суст шавад, ӯро хубӣ ва накӯӣ камтар аз они дигар аст.*

Маймуна гуфт:

— *Ин рағи савоб ва ҳукми матин аст, ман ба ин ҳукм розӣ ҳастам.*

Даҳниш гуфт:

— *Ман низ ба ин ҳукм розӣ ҳастам.*

Пас дар он ҳангом Даҳнаш ба сурати кайк даромад ва Қамаруззамонро газид... [Ҳазору як шаб, 1951: 121-122].

«Клянусь Аллахом, если вы хотите истины, то я скажу, что оба они равны по красоте, прелести, блеску и совершенству, и отличить их можно только по полу – мужскому и женскому. Но у меня есть другой способ: разбудим одного из них так, чтобы другой не знал, и тот, кто загорится любовью к своему соседу, будет ниже его по красоте и прелести». – «Это мнение правильное!» – воскликнула Маймуна, а Дахнаш сказал: «Я согласен на это!»

И тогда Дахнаш принял образ блохи и укусил Камар-аз-Замана, и тот вскочил со сна, испуганный» [Тысяча и одна ночь: элект.ресурс].

Так по очереди разбудили юношу, потом девушку и те влюбились друг в друга без памяти. Но с рассветом ифриты вернули царевну домой и далее излагается история страданий влюбленных, которых все вокруг считают безумными, потерявшими рассудок (до 200-й ночи). Пересказывать всю сказку не представляется возможным, отметим лишь, что сказка продолжает включать в себя все новые и новые сюжеты-рамки.

Таким образом, повествование представляет собой гипертекст, имеющий следующую структуру (см. рис.7).

Повесть о царе Шахрамане, сыне его Камар-аз-Замане и царевне Будур (ночи 170-249)

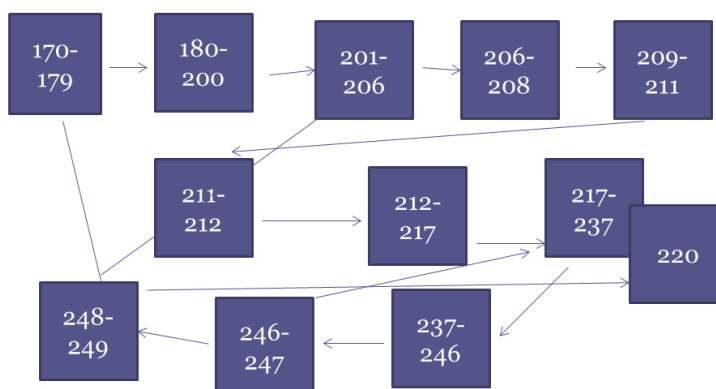

Рис.7. Структура повествования в «Повести о царе Шахрамане, сыне его Камар-аз-Замане и царевне Будур».

Тексты, связанные между собой, оставляют «след» или тропинку для чтения. Текст, таким образом, приобретает разветвленную структуру. В упрощенном виде это выглядит следующим образом (рис. 8):

170-249

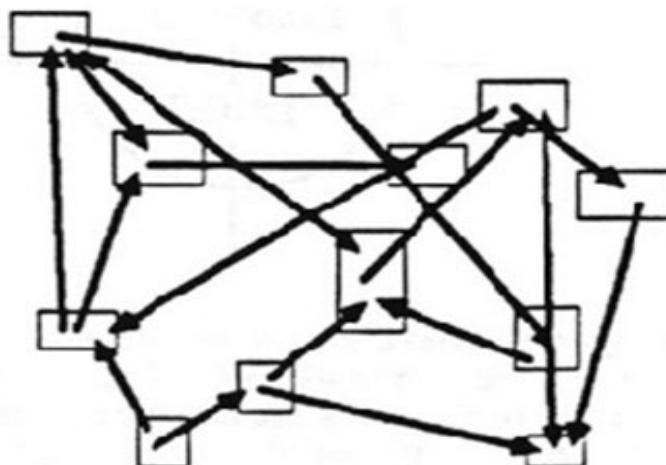

Рис.8. Схема связей в гипертексте Повести о царе Шахрамане, сыне его Камар-аз-Замане и царевне Будур».

Интернет-проект «Сказки «1001 ночи», в котором для упрощения работы с текстом была использована технология гипертекстовой разметки, позволяет мгновенно получать доступ к любой части этого произведения и дает возможность перекрестного или нелинейного чтения гипертекста большого объема, которая не доступна в бумажных изданиях [Тысяча и одна ночь: элект.ресурс].

Важно отметить, что подобные восточные «рамочные» произведения представляют собой сложную систему взаимосвязей, внутри которой через рассказ переплетающихся текстов рассказов, стихотворных отрезков, притч, басен выражается мироощущение и модель человеческих взаимоотношений и взаимодействий. Таким образом, прецедентные, научные и художественные тексты, представлявшие собой гипертекст, служили одним из старейших способов коммуникации и передачи информации. Создание подобных

гипертекстовых сочинений в дописьменную или даже «догутенберговскую» эпоху носит не единичный характер, примеров достаточное количество.

Приведенные выше факты служат безусловным свидетельством гипертекстуальности восточных рукописей.

2.5.1. Гипертекст, устное творчество и коммуникация

Знакомство с онлайн-версией «1001 ночи» лишний раз доказывает, что изначально это не что иное, как гипертекст, который после своей письменной записи приобрел некую линейную структуру, которая несколько мешает восприятию сказок в том русле, в котором они рассказывались сказителями, рассказчиками, которые рассказывали их на восточных базарах, которые традиционно являлись местом скопления большого количества народа и средоточием культурной и торговой жизни.

Основоположник таджикской современной литературы С. Айни, по воспоминаниям известного исследователя таджикско-персидской литературы Брагинского И.С., рассказывал своим ученикам о традиционных мероприятиях, которые он посещал в конце XX - начале XIX в. в Бухаре, на которых *киссахоны* (чтецы поэм) читали по своим огромным рукописным книгам различные произведения. Брагинский И.С. отмечает, что он нашел одну из таких рукописей в рукописных фондах республиканской библиотеки им. Фирдоуси в Душанбе. Книга представляла собой объемистый фолиант метрового формата «в цветастом твердом картонном переплете», написанном «мелкой изящной арабской вязью на языке фарси и равного (при пересчете на современные типографские меры) никак не менее ста двадцати – ста пятидесяти печатным листам, набранным петитом. Рукописная книга содержала семь многочастных «романов» и свыше сорока сказочных повестей. Кроме того, поля рукописи были испещрены написанными еще более мелким почерком сотнями анекдотов, коротких притч, всяческих прибауток и т.п.» [Брагинский, 1986:8].

Следовательно, существует связь между устным творчеством, памятью и мышлением, которое скорее всего было нелинейным, объемным.

Рассуждая далее об особенностях гипертекста как средства коммуникации, мы обратились к другим источникам и подтвердили свои предположения относительно устного творчества, в частности эпоса, который также характеризуется как гипертекст.

Бухарова Г.Х. в своем диссертационном исследовании о башкирском эпосе приходит к выводу, что можно говорить о гипертекстуальности и интертекстуальности эпоса «Урал-батыр»: «В нем можно выделить следующие признаки интертекстуальной открытости: содержательно-смысловую незамкнутость текста по отношению к иным текстovým системам, коммуникативно-прагматическую открытость, идейную и тематическую, функционально-стилистическую открытость текста. Несмотря на то, что эпос «Урал-батыр» содержит в своем составе различные жанры башкирской устной словесности – элементы сказки, песню, благопожелание, проклятие, обрядовый плач, пословицы и поговорки, его текст воспринимается как нечто целое благодаря различным видам текстовой когезии. Интертекстуальные связи в нем выступают как необходимый элемент или как особый способ смысло- и текстопостроения» [Бухарова, 2009].

То же самое можно сказать и о таджикском эпосе. В первую очередь, необходимо отметить персидско-таджикское эпическое произведение великого Фирдоуси «Шахнаме». Однако более подробно мы рассмотрим его в следующей главе. Здесь же приведем в качестве примера эпос «Гуругли», который так же пересказывался сказителями и передавался из уст в уста.

Героический эпос «Гуругли» является достоянием целого ряда народов Центральной Азии и Кавказа, поскольку у многих народов есть аналогичный эпос. Однако, как отмечал известный востоковед А.Н. Болдырев: «...справедливости ради необходимо отметить, что самостоятельность таджикского эпоса настолько очевидна и располагает такими крепкими и

богатыми традициями, что тут уж нельзя обойтись лишь утверждением о его принадлежности тому или иному народу» [Болдырев, 1934: 37].

Первые упоминания о таджикской версии эпоса «Гуругли», включающем более 30 *дастанов*, встречаются в «Дневнике Искандеркульской экспедиции» (1870) Н.Д. Миклухо-Маклая [приводится по: Гуругли, 1987: 9-10]. В отличие от других национальных версий, где есть и прозаические отрывки, у таджиков «Гуругли» полностью представлен поэтическими текстами.

Основная тема эпоса «Гуругли» – защита Родины от захватчиков, борьба сил добра против зла. Этот эпический цикл о богатырях сказочной страны Чамбул изобилует фантастическими сюжетами и мотивами, «делится на десятки составных частей – дастанов, поражает множеством действующих лиц: свыше ста персонажей при 10-15 основных героях» [Гуругли, 1987: 8].

Исследователь эпоса «Гуругли» К.С. Рахимов пишет, что большинство таджикских сказителей считают родиной эпоса Гуругли регион Сари Хосор, примыкающий к Бальджуану. «... в дальнейшем, в процессе урбанизации населения, жанр географически расширил свои территории. Выйдя за пределы территории Кулябского (Хатлонского) региона (южная граница Таджикистана), он зазвучал в Раште, Файзабаде, Гиссарской долине. В результате на юге Таджикистана образовались несколько центров эпического искусства – Куляб, Сари Хосор, Бальджуан, Рашт» [Рахимов, 2011: 239].

Другой исследователь «Гуругли» С.Фатхуллаев, отмечая особую роль сказителей, пишет, что сказители играют значительную роль в обогащении фольклора, поскольку осваивают, сохраняют и творчески перерабатывают произведения устно-поэтического творчества. «Изящная, но в то же время простая форма повествования, избираемая ими для того, чтобы донести до народных масс фольклорные произведения, требует от них высокого таланта и тонкого чувства поэтического слова» [Фатхуллаев, 2004].

Ученые также описывают силу воздействия эпоса. В частности, знаменитый сказатель Хакназар рассказывал: «В годы Великой Отечественной

войны таджикские воины, перед тем как отправиться на фронт, просили меня исполнить для них «Гуругли». В ночи прощенья я исполнял им отрывки из героических подвигов Аваза, и люди давали им напутствие возвращаться победителями, подобно Авазу. Исполняя дастан, я замечал, как лица призывников, загорались пламенем ненависти к кровожадному врагу» [приводится по Фатхуллаев, 2004].

Любовь народа к сказителям эпоса и певцам была исключительной. Эта была важная сфера удовлетворения духовных потребностей, что свидетельствует о важности эпоса как средства коммуникации и речевого воздействия на слушателя. «По традиции, мужчины организовывали посиделки (гаштак) и каждый вечер по очереди ходили друг к другу и приглашали друг друга. Важной частью общения было слушание певцов и сказителей» [Рахимов, 2001: 240].

Один из исполнителей эпоса – гуруглихон Хикмат Ризо вспоминал, что мастера могли петь «Гуругли» в течение двух-трех суток и на протяжении всего этого времени слушатели выдерживали его выступление, с большим вниманием слушая сказителей.

Известно, что сказители заучивали тексты дастанов не из готового источника, а записывали его в процессе выступлений своих наставников, осваивали его из народных легенд, после чего перерабатывали весь этот огромный материал и, отыскав более приемлемую для своего стиля форму изложения, делали его достоянием слушателей [Фатхуллаев, 2004].

Изучение эпосов таджикского народа с точки зрения наличия в нем интертекстов и гипертекстуальных связей несомненно интересно, весьма актуально и должно послужить темой новых исследований.

Таким образом, можно согласиться с мнением ученых, в частности, М.Маклюэна, который считает, что рассмотрение эволюции средств коммуникации следует начинать с дописьменного периода в истории культуры, а, следовательно, периода господства устной коммуникации, хотя, как мы видим, устная коммуникация имеет хождение и в настоящее время,

правда, все реже. «В дописьменный период коммуникация осуществляется путем прямой передачи информации на уровне индивидуального общения, при этом хранителем информации оказывается человеческий мозг, задействуются **механизмы памяти**. Этот тип хранения информации предопределяет и форму передачи информации, использование **ритмических повторов**, что способствует лучшему запоминанию. Хорошо известны литературные формы, отражающие дописьменную культуру: мифы, народные сказки, притчи и т.п. Такие тексты не предназначены для письменной фиксации, а множество повторов способствует лучшему запоминанию» [Клюева, 2011].

Книга Маршалла Маклюэна, упомянутого выше, – «Галактика Гуттенберга: Сотворение человека печатной культуры» (1962) посвящена в частности теме устной коммуникации. В ней автор ставит цель – «проследить, каким образом сначала фонетический алфавит, а затем книгопечатание изменили формы опыта, мировоззрения и самовыражения» [Маклюэн, 2004:6]. Далее проанализируем эволюцию текста от рукописи к печатной книге.

2.6. Переход от рукописи к печатной книге как одна из информационных революций

Создание письменности и рукописи стали переходной формой к книгопечатному способу распространения информации. С одной стороны, она систематизировала информацию в соответствии с определёнными правилами, обеспечивая сохранение данных. С другой стороны, она была слишком ограничена географически и рассматривалась в первую очередь как средство фиксации устной речи. Развитие письменности внесло значительный вклад в структурирование языка и усовершенствование коммуникации. Письменность позволила сохранять информацию на долгие времена и передавать её через поколения. Она стимулировала развитие грамматики, лексики и стилистики языка, что в свою очередь повлияло на формирование правил устной речи.

Таким образом, письменность и устная речь взаимодействовали друг с другом, способствуя обогащению и развитию языка в целом.

Она обеспечила возможность широкого распространения знаний и идей, способствуя развитию образования и науки. Печатная культура стала мощным средством формирования общественного мнения и возможностью для людей общаться и обмениваться информацией на новом уровне.

Однако, с развитием технологий и появлением цифровой эры, печатная культура постепенно уступает свои позиции. Сегодня мы сталкиваемся с новыми формами коммуникации, где информация передается мгновенно, без ограничений географии и времени. Это открывает новые возможности, но также представляет вызовы, такие как фильтрация информации, контроль за ее достоверностью и сохранностью.

Тем не менее, история печатной культуры остается важной частью нашего культурного наследия. Она сформировала основы нашего образования, науки, искусства и общественной жизни. Понимание этого исторического контекста помогает нам ценить исторические достижения и осознавать значение каждого этапа развития человеческой цивилизации.

Несомненно велика роль языка, фиксирующего и несущего информацию об особенностях становления того или иного социума, отражающего особенности коммуникации между конкретными индивидами, закрепившейся в каждом конкретном обществе.

«Мыслительная работа не столько предшествует работе над словом, сколько идёт с ней рука об руку, перекрещиваясь в непредсказуемых пересечениях» [Аверинцев, 2004: 109].

Культура устной традиции требовала высокого уровня абстрактного мышления, так как она оперировала словами. В устной коммуникации слово играло ключевую роль в передаче информации. При этом само слово, благодаря своим фонетическим характеристикам, способствовало развитию словотворчества как особой игры звуков. Это приводило к появлению множества новых элементов культуры, основанных на организации слов. Так,

например, С.С. Аверинцев отмечал, что философия также порождена словом. Она получает «импульсы от энергии слова» [Аверинцев 2004: 106], и эти импульсы получает вся культура человечества, которая благодаря слову становится «культурой разнообразных смыслов».

Слова, как абстрактные образования речи, становятся важнейшей единицей коммуникации, образуя систему значений, в которой может храниться и передаваться информация. Вполне естественно, что в связи с этим возникает необходимость в различных формах фиксации значения слов, причем не только при передаче визуальных образов, например наскальных рисунков, но и в особой форме абстрактной письменной фиксации. Это позволяет зафиксировать обозначаемый словами смысл во внешней письменной форме, то есть концептуализировать слова. Можно сказать, что письменность возникла как конкретная реализация потребности в фиксации смыслового содержания, то есть в хранении и передаче информации. Письменность во многих традициях возникает также, отвечая на практическую необходимость сохранить тексты священных книг и уберечь их от искажений. Но чаще всего, это происходило в восточных странах. "Письменное сообщение есть один из видов сообщения, - писал девять веков назад великий энциклопедист Абу Рейхан Бируни, – и, пожалуй, более предпочтительный, чем какой-либо другой, ибо откуда мы знали бы предания народов, если бы не вечные памятники пера" [цит.по Акимушкин, 1984:6].

Что касается Средневековой Европы, М. Маклюэн отмечает: «"Письмо" в средневековом смысле было не только устной деятельностью, но даже формой ораторского искусства, или тем, что в то время называлось *pronuntiatio* [Речь, декламация (лат.) – прим. переводчика книги], которое составляло пятый основной раздел нормативного риторического учения... "Искусство письма почиталось столь высоко, потому что в нём видели доказательство прочной устной учёности"» [Маклюэн, 2005: 141].

В этот период Средневековья, в который пишет Маклюэн, преобладает устная речь. Письменность здесь функционирует как дополнение к устной

речи, как особый механизм, гарантирующий ее качество, или, говоря средневековым языком, как «ученость». Она еще не имеет того самостоятельного характера, который приобретет впоследствии. Это происходит потому, что этот естественный язык еще не связан с другими языками, сохраняя определенную «чистоту»: как пишет У. Эко, это закрытая система, даже целостная система, но эта полнота и закрытость не отягощена связями с другими языками. Это гарантирует естественность конкретного языка, который не отягощен коррелятами другого языка, который «предполагает определённое видение мира. Согласно некоторым теориям, естественный язык приспособлен для выражения определённого реального опыта, но не опытов, реальных для других естественных языков» [Эко, 2007: 31].

То, что произошло в истории цивилизации с появлением книгопечатания, хорошо описал М.Маклюэн; «Книгопечатание дало толчок развитию индивидуализма и стремления к самовыражению в обществе. Оно способствовало формированию привычек к частной собственности, уединению и другим формам индивидуальной "замкнутости". Наконец, совершенно очевидно то, что печатная публикация стала средством завоевания славы и увековечения памяти о себе» [Маклюэн 2005: 196].

Иначе говоря, анонимности, которая была неизбежным следствием рукописной культуры, пришел конец с появлением книгопечатания. В рукописной культуре авторы и переписчики могли полностью слиться, а рукописи редактировались таким образом, что в них могли смешиваться совершенно разные авторы. Рождение автора как личности, претендующей на свое авторство, заявляющей о нем другим и отстаивающей свое авторство, происходит в эпоху книгопечатания [Миронов, 2005].

Главной особенностью печатной культуры является то, что это популярная культура: культура масс. Примечательна работа Петера Винтерхоффа-Шпурка, который отсчитывает этот момент с 1445 года.: «Первые книги, напечатанные по этой технологии, впервые появились в

Париже и Венеции в 1470 году, в 1471 такие книги появились в Неаполе, в 1473 – в Левине и Леоне, в 1474 году – в Кракове, а в 1479 году – в Потире. В 1500 году собственные типографии были уже в 236 европейских городах. При среднем тираже 1000 экземпляров в XV–XVI веках появилось уже около 140000–200000 новых изданий с общим тиражом около 140–200 млн. экземпляров. Кроме того, в небольшом объеме, но большим тиражом стали производить и другую печатную продукцию, например, издания на одном листе, листовки, прокламации, что, в конце концов, привело к созданию первых регулярно выпускаемых газет, которые состояли из 8 страниц. Так, в 1605 году первая такая газета появилась в Страсбурге и называлась "Relation", а в 1609 году похожая газета под названием "Aviso" вышла в Вольфенбюттеле. Подобные печатные издания появились в Нидерландах (1618), Испанских Нидерландах (1620), Англии (1621), Швейцарии (1622), Франции (1631), а также Италии (1643), а несколько позже – в Швеции (1645), Испании и Польше (1661), в США (1690) и России (1703) – почти спустя 100 лет после выхода в свет "Relation". Первую ежедневную газету мир увидел в 1650 году» [Винтерхофф-Шпурк 2007: 50–51].

Исследователь отмечает, что новые изобретения попросту начали захлестывать человечество и упоминает в этой связи имя другого автора Шрамма, который в своей статье под названием "Что значит большой промежуток времени?" всю историю человечества рассмотрел и просчитал как сутки (24 часа) и выделил те моменты времени, в которые были изобретены технологии коммуникации: « Например, речь появилась в 21 час 33 минуты, письмо – в 23 часа 52 минуты. Первую книгу мир увидел в 23 часа 58 минут, а через минуту с небольшим, в 23 часа 59 минут и 14 секунд, уже появился печатный станок с подвижными буквами – изобретение Гутенберга. Через 33 секунды люди получили радио и телевидение» [Винтерхофф-Шпурк 2007: 53].

Необходимо заметить, что прогресс идет ускоренными темпами и информационные технологии развиваются все быстрее и быстрее.

2.6.1. Переход от рукописи к книге в таджикско-персидской культурной традиции

Историю изобретения книгопечатания в Европе связывают, как мы отметили выше, с именем Иоганна Гутенберга, хотя разные страны Европы претендовали на то, что печатные станки были изобретены еще раньше и не в Германии.

Что касается начала истории книгопечатания на территории Ирана и Мавераннахра, здесь следует отметить, что в отличие от Европы данный процесс здесь происходит достаточно поздно. Рукописный период в истории таджикско-персидской книги имеет исключительное значение еще и поэтому, поскольку вплоть до первой четверти XIX в. книгопечатания здесь практически не было. Известный исследователь О.Ф.Акимушкин пишет: «Почти одиннадцать веков из своей двенадцативековой истории литература на новоперсидском языке существовала в рукописном виде. Именно рукописная книга явилась заботливым хранителем и передатчиком многообразного наследия письменной культуры Ирана, а также тех сопредельных народов, для которых персидский язык долгое время служил языком поэзии, художественной прозы и историографии» [Акимушкин, 1984:6].

В Центральной Азии и Иране на смену рукописям пришли печатные книги, которые также называют старопечатными. Иными словами, это местные литографированные книги, появившиеся в конце XIX века (и преимущественно литографированные, а не печатные) [Османова, 2013:62].

Литография — это способ печати, при котором краска переносится непосредственно с плоской (нерельефной) печатной формы на бумагу, прижимаемую к форме для получения оттиска. Печатная форма изготавливается на литографском камне (известняке). Изображение наносится на поверхность камня жирной краской или литографским карандашом, а затем подвергается химической обработке. После увлажнения поверхности формы и нанесения краски происходит печать [КЭС, 1982:325].

Литографические методы широко использовались в XIX веке для издания книг в восточных странах, что можно объяснить экономическими соображениями. Арабская письменность высоко ценилась, а печатные станки были дорогими и громоздкими. Возможно, немаловажную роль в этом сыграло и то, что наборная система не получила быстрого распространения под влиянием многовековых традиций и сложившихся обычаев в отношении рукописей, их внешнего вида, формы и структуры.

Можно предположить, что не последнюю роль в этом сыграли и интересы очень большого числа писцов, которые приходили выполнять заказы литографов и играли активную роль в производстве литографии.

«Литографский способ печати давал значительные преимущества перед типографским: отпадала необходимость в сложном и дорогом шрифтовом хозяйстве, не нужны были наборщики и корректоры. Машины для литографской печати были значительно проще, и работа на них без особенного труда осваивалась восточными мастерами» (Чабров Г.Н., 1961: 312013:8). [цит. по Османова, 2013:63].

Прогресс, однако, шел своим чередом, переходя от литографии к набору. Мастера литографии, опиравшиеся на традицию рукописных книг, стали присматриваться к новым способам печати и ощущать на себе влияние набора. Как отмечает исследователь, «Произведения классической восточной поэзии становятся доступными широким массам благодаря своей дешевизне, дорогие кожаные переплеты сменяют картонные обложки, а потом и бумажные» [Османова, 2013:63].

Книгопечатание постепенно формировало и совершенствовало печатную культуру, опираясь на то, что мы сегодня называем классической культурной моделью. Именно язык постепенно формирует язык конкретной культуры, закрепляя систему значений тех или иных понятий и одновременно выстраивая семантические культурные границы, локализуя конкретную культуру и превращая всю культуру в «систему определенных кластеров, связанных друг с другом, но имеющих свою специфику». Язык сначала

«отделяет» свою материальную сущность от реального объекта, фонетически модифицируя материальность в звуковую форму и создавая упорядоченный звуковой мир, к которому добавляется смысл. Это позволяет манипулировать смыслом, не распознавая визуально сам объект" [Миронов, 2005].

В то же время, отрываясь от своих материальных и визуальных носителей смысла (от нарисованного или реального объекта) и переходя в более абстрактную плоскость, слово перестает просто обозначать что-то, оно порождает свой внутренний смысл и может само по себе стать источником визуализации.

Оно напрямую связано с текстом, и для печатного текста, будь он на бумаге или на электронном носителе, это по-прежнему не имеет значения. Однако "носитель" (формат хранения) информации неизбежно влияет на характер ее содержания. Как печать повлияла на литературу, так и электронные системы неизбежно изменят и даже уничтожат печатную культуру. Электронная культура ведет к господству образов, или картинок, начиная с такой простой вещи, как картинка, где можно найти туалет в любой стране, и заканчивая сложным построением виртуальных образов, которое уже осуществляется компьютерами.

Однако здесь следует подчеркнуть, что мы полностью согласны с мнением Карьера и У.Эко, которые считают: «точно так же, если электронная книга в конце концов получит признание в ущерб печатной книге, вряд ли первой удастся изгнать вторую из наших домов и наших привычек. Так что e-book не убьет книгу. Как и Гутенберг с его гениальным изобретением не сразу отменили рукописные книги, а те, в свое время, торговлю папирусными свитками или volumina». ... [Карьер,Эко: эл.ресурс].

2.6.2. Современная гиперлитература как когнитивно-коммуникативная единица

Несмотря на то, что гипертекст считается новейшим изобретением, как мы уже показали в предыдущих разделах главы, таковым можно назвать только электронный, обусловленный интернет-технологиями и виртуальной реальностью. Поскольку современные ученые усматривают его элементы во всей истории литературы, начиная с Библии, Боккаччо, Л. Кэролла и кончая современными создателями книжных гиперроманов-гипертекстов Итало Кальвино, Милорадом Павичем и др. [Гипертекст:электр.ресурс].

Библия также считается одним из древнейших примеров гипертекстуальности. Текст Библии изобилует так называемыми параллельными местами (своеобразными ссылками), связывающими события Священной истории, Старого и Нового Завета, которые через литургию включаются в настоящее и определяют будущее. Библию не читают от страницы к странице, а читают в соответствии с церковным календарем. Каждому дню соответствует свой текст и определенное храмовое действие, которое, конечно, тоже является текстом. Текстом, актуализируемым богослужением, является убранство храма, фрески и иконы. Все, что происходит в отдельном храме, связано с церковью, которая, согласно христианским догматам, есть собор всех живых и всех почивших. Церковь, естественно, связана с миром, культура которого в значительной степени детерминируется церковными устоями.

В литературоведении гипертекст – это форма организации текстового материала, при которой его единицы представлены не в линейной последовательности, а как система явно указанных возможных переходов, связей между ними. Следуя этим связям, можно читать материал в любом порядке, образуя разные линейные тексты (определение М. М. Субботина – российского учёного, пионера в области развития российских гипертекстовых систем) [Субботин 1993,1994].

Гипертекстовость, иногда называемая гиперлитературой, – новое свойство или характеристика литературного прозаического произведения, для которого характерны черты гипертекста (внутренние корреляционные ссылки,

отсутствие линейного повествования). Данное свойство используется для создания эффекта игры, свойственного постмодернистской литературе: количество значений изначального текста расширяется, благодаря читательскому формированию сюжетной линии.

Ю. М. Лотман писал о черновиках Достоевского следующее: «Текст фактически теряет линейность. Он превращается в парадигматический набор возможных вариантов развития. И так почти на каждом повороте сюжета. ...Фразы бросаются на страницы без соблюдения временной последовательности в заполнении строк или листов. Никакой уверенности в том, что две строки, расположенные рядом, были написаны последовательно, чаще всего, нет. Слова пишутся разными шрифтами и разного размера, в разных направлениях. ... Многие записи – не тексты, а мнемонические сокращения текстов, хранящихся в сознании автора. Таким образом, страницы рукописи имеют у Достоевского тенденцию превращаться в знаки огромного многомерного целого, живущего в сознании писателя, а не в последовательное изложение линейно организованного текста» [Лотман, 2000: 215].

Как целостное литературное произведение по принципу гипертекста написана «[Поэма без героя](#)» А. А. Ахматовой, начатая ею в 1940 году и писавшаяся на протяжении дальнейшей жизни (<https://anna-ahmatova.su/poemy/poema-bez-geroya-triptih-1940-1962/>).

Из других литературных произведений, характеризующихся гипертекстовостью, отметим роман «[Игра в классики](#)» Хулио Кортасара (https://mir-knig.com/read_246912-1), роман-лексикон «[Хазарский словарь](#)» Милорада Павича (https://mir-knig.com/read_31526-1), философская повесть «[Бесконечный тупик](#)» Дмитрия Галковского (https://mir-knig.com/read_241419-1), роман «Т» В. Пелевина (<https://proza.ru/2014/04/09/491>), роман Джонатана Сафрана Фоера «[Дерево кодов](#)» (<https://www.livelib.ru/book/1000680229-tree-of-codes-jonathan-safran-foer>).

Рассмотрим более подробно некоторые из названных произведений.

«В некотором роде эта книга – несколько книг...» Так начинается роман, который сам Хулио Кортасар считал лучшим в своем творчестве.

«Игра в классики – это легкомысленная детская забава. Но Кортасар сыграл в нее, будучи взрослым человеком. И после того как его роман увидел свет, уже никто не отважится сказать, что скакать на одной ножке по нарисованным квадратам – занятие, не способное изменить взгляд на мир» – говорится о книге на одном из сайтов, где представлена книга (https://mir-knig.com/read_246912-1).

И там же приводится Таблица для руководства, в соответствии с которой необходимо читать текст: «Эта книга в некотором роде – много книг, но прежде всего это две книги. Читателю представляется право выбирать одну из двух возможностей:

Первая книга читается обычным образом и заканчивается 56 главой, под последней строкою которой – три звездочки, равнозначные слову Конец. А посему читатель безо всяких угрызений совести может оставить без внимания все, что следует дальше.

Вторую книгу нужно читать, начиная с 73 главы, в особом порядке: в конце каждой главы в скобках указан номер следующей. Если же случится забыть или перепутать порядок, достаточно справиться по приведенной таблице:

73 – 1 – 2 – 116 – 3 – 84 – 4 – 71 – 5 – 81 – 74 – 6 – 7 – 8 – 93 – 68 – 9 – 104 – 10 – 65 – 11 – 136 – 12 – 106 – 13 – 115 – 14 – 114 – 117 – 15 – 120 – 16 – 137 – 17 – 97 – 18 – 153 – 19 – 90 – 20 – 126 – 21 – 79 – 22 – 62 – 23 – 124 – 128 – 24 – 134 – 25 – 141 – 60 – 26 – 109 – 27 – 28 – 130 – 151 – 152 – 143 – 100 – 76 – 101 – 144 – 92 – 103 – 108 – 64 – 155 – 123 – 145 – 122 – 112 – 154 – 85 – 150 – 95 – 146 – 29 – 107 – 113 – 30 – 57 – 70 – 147 – 31 – 32 – 132 – 61 – 33 – 67 – 83 – 142 – 34 – 87 – 105 – 96 – 94 – 91 – 82 – 99 – 35 – 121 – 36 – 37 – 98 – 38 – 39 – 86 – 78 – 40 – 59 – 41 – 148 – 42 – 75 – 43 – 125 – 44 – 102 – 45 – 80 – 46 – 47 – 110 – 48 – 111 – 49 – 118 – 50 – 119 – 51 – 69 – 52 – 89 – 53 – 66 – 149 – 54

– 129 – 139 – 133 – 140 – 138 – 127 – 56 – 135 – 63 – 88 – 72 – 77 – 131 – 58 – 131» (https://mir-knig.com/read_246912-1).

Как видим из руководства, такой способ чтения книги представляет не что иное, как гипертекст. В следующих разделах мы покажем, что по аналогичному шаблону читается и сказки «Тысяча и одной ночи».

Еще один пример произведения. Д.Е.Галковский следующим образом характеризует свое произведение «Бесконечный тупик»: «Моё произведение состоит из трёх частей: вступительной статьи "Закруглённый мир", исходного текста "Бесконечный тупик" и огромных "Примечаний к "Бесконечному тупику"", которые в народе собственно "Бесконечным тупиком" и называют. ... на самом деле "Третья часть" – это совершенно законченное, замкнутое на себя произведение, не нуждающееся в каких-либо дополнительных филологических конструкциях. По своей сути "Примечания" являются гипертекстом в самом прямом и точном смысле этого слова.

Думаю, что до сих пор это единственное серьёзное гипертекстовое произведение» (https://mir-knig.com/read_241419-1). Таким образом, автор сам неоднократно подчеркивает, что его произведение представляет собой гипертекст.

Известный философ, представитель французского структурализма Ролан Барт так пишет о гипертексте: «...текст пронизан сетью бесчисленных, переплетающихся между собой внутренних ходов, не имеющих друг над другом власти; он являет собой галактику означающих, а не структуру означаемых; у него нет начала, он обратим; в него можно вступить через множество входов, ни один из которых нельзя признать главным; вереница мобилизуемых им кодов теряется где-то в бесконечной дали, они «не разрешимы» (их смысл не подчинен принципу разрешимости, так что любое решение будет случайным, как при броске игральных костей); этим сугубо множественным текстом способны завладеть различные смысловые системы, однако их круг не замкнут, ибо мера таких систем – бесконечность самого языка» [Барт, 1994].

Важной особенностью гипертекста, сближающей его с постмодернизмом, является так называемая «имманентность» – образно говоря, срастание сознания со средствами коммуникации и способность мгновенно осваивать все новые и новые коммуникационные средства. Гипертекст рождается в попытках использовать компьютер в науке и литературе, в результате компьютер становится неотъемлемой частью среды сообщения.

Перейдем к рассмотрению текста в эпоху новых информационно-коммуникационных технологий.

2.7. Текст и гипертекст в новую цифровую эпоху

Век современных технологий требует все более быстрого и быстрого доступа к его основному продукту - информации. Люди, которым удастся держать их под контролем, смогут извлечь выгоду из больших возможностей доступа к ним и их повторного использования. Согласно У. Эко, история, язык, культура интерпретировались с течением времени в форме дерева, в то время как все существование и весь Текст Мира интерпретируются с точки зрения лабиринта. Сам смысл лабиринтный, неоднозначный. Способ доступа к информации в Интернете также является энциклопедическим или библиотечным [Эко, 2010]. Интернет – это также лабиринт технологий и культуры. Это измерение имманентно естественному языку [Масалова, 2003], и язык Интернета выдвинул его на первый план в видимой, цитируемой и поддающейся количественной оценке форме.

Мы находимся в эпицентре информационной революции, которая происходит на наших глазах, она скрытая, но агрессивная, захватывающая, но ужасная. Интернет, который, по прогнозам некоторых специалистов, уже в детстве устанавливает новые формы общения во всех сферах человеческой деятельности, переопределяет будущее. Все становится электронным: электронная наука, электронное искусство, электронное обучение

(электронное образование), электронная медицина, электронный бизнес, электронная среда, электронная культура, электронная экономика, электронный банкинг, электронное обучение, электронная коммерция, электронные деньги, электронная торговля и т. д. – основан на культуре и экономичности текста, все чаще заменяется электронным текстом и, особенно, текстом со ссылками. Мы все больше начинаем жить в мире и в законе «идеального текста» (Р. Барт), предсказанном постструктуралистами еще в середине прошлого века.

В настоящее время мы переживаем переход к образно-визуальным методам образования (демонстрация аудио-видеоматериалов), который легко воспринимается обучающимися, и даже сталкиваемся с определённым недовольством с их стороны, когда такой визуальности в лекциях нет или мало. Следует понимать, что это не вина или ущербность современных людей, а их постепенное погружение уж в иную культуру, причём быстрое погружение, которое стимулируется технологическими возможностями современного общества.

Любое письмо оформляется и помещается в огромный текст, который семиологи, филологи, герменевтики и т. д. пытаются расшифровать, и любая работа по расшифровке, в свою очередь, окружается оставшимся текстом (который остается, который сохраняется). Весь мир – это текст – в смысле мегатекст. Жизнь, как и литература, всегда была гипертекстом, и современное сознание пытается вписать их во все более широкие парадигмы, причем виртуальность является одним из аспектов, находящихся в центре внимания современной философии языка [Кирик, 2004; Трофимова 2004; Юдина и др.,2008].

В электронном пространстве информация движется со скоростью света. Однако формат «печати» с изображением листа с краями и фиксированными буквами, «застрявшим», по-прежнему очень сильно сохраняется в онлайн-пространстве. В этом смысле можно сказать, что «Гутенберг все еще живет в сети» [Шлыкова,2003].

Текст как основная коммуникативная единица вошел в виртуальное пространство в новом «костюме» – гипертексте [Унгурияну,2015]. Постепенно накапливаясь, все типы текстов претерпевают «технологические» изменения: документальный текст и художественный текст, словарный текст и текст энциклопедии, устный и письменный текст, научный текст и электронный текст (электронная почта) ... Технологический, виртуализированный, со степенью свободы и максимальной демократии, гипертекст отражает постмодернизм, в котором мы живем – человеческое мышление постмодерн, с прессованной информацией, становится поверхностным, фрагментарным, щелчковым (так называемое «кликерное мышление») [Worton,1986].

В новом электронном формате речь представлена глубоко измененными чертами виртуального пространства, порожденными связью с суперсовременными технологиями. Пользователь, вошедший в сеть, автоматически становится субъектом сети, становясь пользователем Интернета. Каждый раскрывает и использует свои навыки письма, просмотра, взаимодействия и т. п. в сети. Правила правописания, установленные институтами и академиями, кажутся почти угрожающими из-за сленга и жаргона пользователей Интернета. Интернет стал неконтролируемым явлением. Таджикский сегмент интернета, особенно соцсети выплеснули такие способы написания, такую «орфографию», что филологи хватаются за голову. Интернет-лихорадка еще затронула не всех, но учитывая, что стратегии цифрового развития являются серьезной проблемой для всех стран, она уже касается всех.

Интернет отличается необычайной емкостью, которую можно было бы назвать «ничего не потеряно, все добавлено». Следует констатировать, что текст был помещен туда, где он больше не принадлежит исключительно автору, поскольку он начинает принадлежать всем или, по крайней мере, Интернету как месту хранения [Лекманов, 2004:64]. «Смерть автора» (концептуально представленная Р. Бартом и М. Фуко) [Барт, 1989] начинает зримо материализоваться через формы виртуального текста. «Электронная

смерть автора» уже обсуждается учеными. Наложение текстов, существование всего и вся «сразу», поэтика мгновенности, созвучная «мгновенному обмену сообщениями», вызывают у пользователя состояние бреда, восхищения, желания узнать их все сразу, состояния, которые находятся на границе между удивлением и отчуждением языка. Современные средства информационных технологий имеют то преимущество, что они «сжигают сцены», «съедают расстояния» с невообразимой скоростью [Горина, 2015].

В отличие от текста книг в традиционном формате (напечатанном на бумаге) электронный текст отличается важными особенностями. Исследователи обнаруживают, что распространение электронных средств массовой информации, таких как Интернет, электронная почта, и постоянно расширяющийся публичный доступ к ним, сильно повлияли на развитие современного языка: специфическая терминология. опубликованные новые коммуникативные ситуации создают уникальные формулы взаимовлияния письменной и устной речи, о чем свидетельствует новое письмо. Существует противоречие между стандартным языком (иногда с техническими элементами) и знакомым регистром [Ахренова, 2013; Горошко, 2007 и др]. Тексты в формате .pdf или .doc, .docx визуальнo ничем не отличаются от текстов в бумажном формате; только формат .html придает ему многомерность, нелинейность, объединяя его через гиперссылки с другими (гипер) текстами. Этот динамический и интерактивный формат с его сетью гиперссылок раскрывает, прежде всего, особенность продуктивности.

Внимание науки переносится с периодических и повторяющихся явлений на вторичные и случайные, изучение которых приводит к чрезвычайно важным выводам [Буторина, 2011: 5]. Таким образом, более или менее маргинальные явления, такие как сленг и жаргон (по сравнению с литературным языком / кодом / нормой), комментарии и рисунки на краю текста (по сравнению с самим текстом), пунктуация, сокращения, написание только заглавными буквами или только строчные буквы, написание без

диакритических знаков и т. д. теперь они становятся такими же важными, как и те, которые считались исконными традициями.

Гипертекст – не что иное, как визуализированное выражение того потока слов, о котором говорил Р. Барт (идея жидкого текста, никогда не законченного, предвещается все яснее и яснее). Нелинейность, динамизм, хаос, симметрия и асимметрия – характеристики гипертекста, которые делают этот продукт объектом междисциплинарного исследования, с одной стороны, и видимым и действующим выражением самоорганизующейся системы, столь синергетической, с другой [Белоусов,2008].

Гипертекст начинает все чаще и чаще рассматриваться как ткань или действие, и восприятие цифрового текста из-за динамизма его изменений и его видимости ближе, чем когда-либо, к восприятию языка как живого явления. Л. Витгенштейн еще говорил, что «язык – это не менее сложная часть нашего тела» [Витгенштейн, 2005]. Язык как система знаков для многих теоретиков означает, прежде всего, текст. Концепция живого текста или живой ткани не новость в текстологии, по крайней мере, за последние полвека [Залевская, 2012;2013]. Хотя идея продуктивности текста плодотворна, реальную «жизнеспособность» «печатного» текста пока сложно продемонстрировать. Термин «живой текст» передавался и продолжает передаваться скорее в метафорическом, чем в прямом смысле, хотя в точных науках (биология, анатомия и т. п.) Живая ткань никоим образом не оспаривается своей способностью к непрерывному трансформация. Динамизм, пульсация, землетрясения, скорость, расстояние, время, пространство, продолжительность, частота и т. д. – это физические понятия, которые по отношению к понятию текста возвращают ему именно то, что было частным: «текст как вибрирующая ткань». В биологическом ритме природы изменения происходят со скоростью и ритмами, заметными «невооруженным» глазом, но есть и множество незаметных изменений. В речи изменения происходят так же быстро (в любой момент и через каждого участника акта общения), но по большей части они несущественны (произношение, письмо и индивидуальное

использование) и создают впечатление одного и того же языка – единого, единого, единого. статический, благодаря которому можно понимать между коммуникаторами. Языковая система меняется в любой момент: достаточно подробно изучить, как она работает, чтобы обнаружить различные процессы, которые могут сделать ее почти неузнаваемой через долгое время.

В эпоху Интернета изменения языка, текста и даже слова происходят буквально на наших глазах – тексты постепенно накапливаются в виртуальном пространстве, и их анализ с помощью поисковых систем, словарей или электронных энциклопедий (типа Википедия), с помощью корпусов текстов и т. д., не в последнюю очередь, все яснее и яснее показывает путь этих изменений. С момента создания таджикского сегмента Интернета, появления таджикских новостных сайтов, Википедии на таджикском языке и особенно с появлением Национального корпуса таджикского языка, мы можем все это видеть воочию.

Диахроническое исследование резко сократило свой «путь» за счет возможности в режиме онлайн проследить эволюцию любого знака (буквы, слова, выражения, текста) с момента его образования в этом пространстве. Таким образом текст рождается, живет и даже умирает (мгновенно, отмечая и удаляя, используя простую клавишу – удалить) прямо на глазах у пользователя онлайн-текстов. семантическая сеть будет иметь тенденцию изменять жизнь каждого: компьютер сможет за одну ночь обнаружить больше связей между определенными понятиями, чем человек может найти за всю жизнь. Термин «сеть» особенно эффективен: вебметрия, веб-мастер, веб-страница и др.

Неожиданные метаморфозы, происходящие на уровне виртуального языка, порождаемого информационными технологиями, связаны с концепцией гипертекста, которая оказалась особенно полезной для текстологии, чтения и письма [Vandendorpe, 2015]. Его упрощенная формула будет следующей: гипертекст – это текст сети («Гипертекст – это сетевой текст», – сказал Дж. Ландоу). Каждый гипертекст может быть сетью ссылок и в то же время частью всей всемирной паутины.

2.7.1. Метафоры гипертекста

Говоря о технологии печати, У. Эко видел в тексте «забывающего» производителя [Эко, 2016: 83-87]. Таким образом, хотя идея расширения памяти распространена часто, она относится только к способности технологий делать это, а не к человеческой памяти. Являясь разновидностью гиперметафоры [Эпштейн, 1995], гипертекст является ключевым понятием WWW, порождающим самые разнообразные ассоциации: помимо тех, с которыми похож Интернет и Интернет (сеть, лабиринт, карта, глобальная паутина, космос, библиотека, Библия, энциклопедия, словарь, языковая игра, картина мира, робот-машина), связь с мозгом и деятельностью человеческого мозга является наиболее примечательной. Объясняя структуру гипертекста, Тим Бернерс-Ли [Berners-Lee. 1999] отмечает, что он похож на нейронную структуру человеческого мозга. Логический способ, которым мозг хранит накопленную информацию, способ, которым он связывает ее с данными того же калибра (ассоциативными), генерируя новую идею, мнение или концепцию, такой же, как и в сети, называемой Интернетом.

Здесь можно привести параллели с ассоциативным сознанием человека, о котором мы будем говорить в четвертой главе.

Итак, логическая структура компьютера в значительной степени копирует человеческий разум, но не имеет эмоциональной поддержки. Гипертекст особенно исследует виртуальное в человеке.

Метафоры гипертекста также действительно наводят на размышления: документ (или файл), след (Дж. Деррида), ткань (Р. Барт), муравейник (М. Фуко), ключ, эхо, искусство, дом, жизнь, рождение, смерть, дыхание, сон, еда, синергия, облако (облачные технологии), вода, навигация, сокровища, битва (война), русская матрешка, китайские ящики, пазлы, кластер, путешествия, приключения, охота и др. (некоторые из вышеперечисленных метафор см. в [Войскунский 2011;Игнатьева 2006 и др.]).

Аспекты, связанные с терминологией гипертекстуальности (гипертекст, гиперссылка, текстон): метафоры гипертекстуальности (ткань, значение, @, которые часто порождают метафорические термины или научные метафоры; чат, ссылки, гуглинг и т. д.) мы обсудим в четвертой главе.

Важность метафоры для человеческого сознания неоспорима [Уфимцев, 2010]. Все великие мыслители создали ассоциации, которые остались в культурной памяти человечества. Поскольку это невозможно представить без текста / чтения / письма, из всех метафор Интернета, метафора электронной ткани, используемой для гипертекста, показалась нам наиболее актуальной, как и во взгляде Барта на текст. Эта ассоциация очень распространена во многих исследованиях, и не только лингвистических.

Метафоры присутствуют повсюду в электронной сети, Интернет представляет собой «вибрирующую паутину отношений» [167, с. 80-82]. Наличие и ассоциации, которые он запускает, облегчают пользователю навигацию в информационном пространстве, будь то текстовые знаки, символы или изображения: клавиатура, мышь, движок (поиск), значок, стрелка, хвост обезьяны, улыбка, окно, дом (дом) или даже очаг, пароль (логин), мусор (спам), жесты рук, движения тела, пространственные сигналы и т. д. Величие некоторых метафор в том, что они «захватывают воображение врасплох. Но, может быть, это дано каждому из нас - почему бы на это не надеяться? – возможно, нам дано изобретать метафоры, которые еще не основаны ни на одной из признанных моделей» [Borges, 2002: 41].

Мы считаем оправданным метафорический подход для лучшего понимания концепции лингво-технологической природы, для многих все еще непонятный, потому что известно, что многие ученые, особенно те, кто совмещал исследования с преподаванием, используют метафоры, помогающие раскрывать суть и сравнения в своем дискурсе, так что аналогии, которые можно привести: именно желание быть лучше понятыми. Здесь уместно вспомнить великого лингвиста Фердинанда де Соссюра, чьи десятки

аналогий в «Курсе общей лингвистики» сделали прорыв, войдя в сознание более поздних лингвистов.

Гипертекст – это наша реальность, наше существование во всемирной сети, проанализируем, что дают нам перспективы гипертекстовой среды.

2.7.2 Перспективы развития гипертекста

Представление о том, что гипертекст неизбежно изменяет литературные и культурные формы, которое характеризует ранние нарративы развития и более поздние теоретические работы, приводит к другой важной критике, на этот раз о чрезмерно утопическом духе, лежащем в основе достижений, предположительно связанных с гипертекстом. Смысл того, что гипертекст является средством преодоления ограничений, накладываемых на прогресс современными системами управления информацией, можно увидеть на заре развития гипертекстовых технологий в стремлении В.Буша создать дополнение к человеческой памяти, в системе Энгельбарта, чтобы увеличить ущербный человеческий разум, и в мечте Т.Нельсона о личной свободе через неограниченный обмен информацией. У Дж.Лэндоу это можно найти в заявлениях о том, что «несколько ключевых особенностей гипертекстовых систем внутренне способствуют новому виду свободы и расширения прав и возможностей», из которых” результатом всегда была демократизация информации и власти ” [Landow, 1992]. У Д.Болтера такой идеализм (хотя и более сдержанный по сравнению с ним) проявляется в выраженном убеждении, что гипертекст “тонко работает против расширения старых моделей экономического и культурного контроля” посредством “децентрализации, местной автономии и гибкости”, так что ближайшее будущее существует свободным от социального и экономического контроля любого рода [Bolter,2001:211-212).

Рассмотрим, как эта перспектива может обогатить наше понимание.

Изучение гипертекста через работу Дж.Ландоу и Д.Болтера, в том числе критика их общего подхода к технологии-помогает развить представление о способах теоретизации гипертекста как сконструированного объекта. Рассматривая аргументы Дж.Ландоу и Д.Болтера о стандартном описании развития, рассмотренным в предыдущей главе, следует отметить несколько особенно важных моментов.

Один из моментов заключается в том, что критическая теория действительно помогает объяснить аспекты гипертекста, однако исследователям необходимо быть знакомыми с теориями постструктурализма и рассуждать о способности теории гипертекста объяснять аспекты постструктурализма, а также ознакомиться с относительной сложностью гипертекста. Из-за этих ограничений, на наш взгляд, здесь можно поставить под сомнение ценность рассмотрения гипертекста и постструктурализма вместе.

Еще один момент, который вытекает из рассмотрения теорий Дж.Ландоу и Д.Болтера, заключается в том, что определение парадигмы для понимания гипертекста является спорным вопросом в рамках теории гипертекста. С одной стороны, многие, в том числе и Дж.Ландоу, хотят отделить гипертекст от книги, чтобы электронный текст можно было концептуализировать как нечто совершенно новое. Дж.Лэндоу утверждает, что такое мышление гипертекста является единственным средством для разработки систем с самым широким спектром функций – функций, которые более полно отвечают видениям первых исследователей гипертекста и отходят от ограничений печатного текста. Д.Болтер, с другой стороны, утверждает, что сохранение парадигмы книги для гипертекста, при этом не характеризуя ее как совершенно новую, открывает больше возможностей или «дверей», чем закрывает. Он считает, что есть веские основания полагать, что понимание гипертекста таким образом, через знакомство с печатным текстом, является важным шагом в предоставлении его ученым в других областях,

преподавателям и студентам, и что он связывает гипертекст более непосредственно с более широким изучением технологий грамотности.

Таким образом, на наш взгляд, ученые пытаются разграничить собственно гипертекст и гиперлитературу.

Вопрос о том, что и как мы думаем об электронном тексте, не является вопросом, который может быть легко решен, но признание как плюсов, так и минусов каждой парадигмы в отдельности, на самом деле может оказаться столь же важным, как выбор того или другого. То есть, по-видимому, стоит говорить о ценности размышлений о связи между печатным текстом и гипертекстом, с одной стороны, и ценности в рассмотрении потенциала развития гипертекста радикально различными и пока еще непредвиденными путями.

Заключительный пункт этой главы состоит в том, что имеется определенный смысл в том, что гипертекст может порвать со своей тенденцией к технологическому детерминизму. Так Д.Болтер признает, что «письменные технологии не изменяют культуру как бы извне, потому что они сами являются частью нашего культурного развития и формируются социальными и культурными силами» [Bolter,2001:xii]. Этот подход может найти свое отражение в теории литературы и культурологии. Пока относительно немного работ по исследованию потенциальной ценности этого пересечения с точки зрения понимания гипертекста, но как считает Д. Болтер, поскольку культурология была «заинтересована как визуальной, так и вербальной коммуникацией», это может быть идеальным способом взглянуть на гипертекст во Всемирной паутине, среде, которая широко использует мультимедиа, способами, невозможными в первых гипертекстовых системах, с которых Дж.Ландоу начал исследовать их пересечения с постструктурализмом [Bolter,2001:183].

Исследования, ориентированные на теоретизирование отношений между гипертекстом и печатным текстом посредством теории литературы и лингвистических исследований, помогают продемонстрировать

концептуальное богатство, однако упускается из виду, при рассмотрении только технологического развития или гипертекста в мире Всемирной Паутины. Анализ данного аспекта будет проведен в четвертой главе.

Выводы по второй главе

Итак, гипертекст предстает как сложное явление современной человеческой коммуникации, являющееся объектом изучения различных наук – информатики, социологии, культурологии, теории литературы и, конечно, лингвистики. Концепция гипертекста, используемая и ранее, с появлением компьютера получила наиболее широкое применение.

Благодаря Интернету была создана техническая база для адаптации линейной структуры текста к нелинейной, основанной на ассоциации связи идей в мозгу человека.

Гипертекст обеспечивает функционирование большого объема информации в электронном пространстве. Коммуникация осуществляется в условиях множественного, фрагментарного дискурса, который постоянно разрастается и осваивает новые форматы (текст перестает быть только текстом, видео и звук являются его неотъемлемыми частями).

Понятие гипертекста привлекло внимание ученых различных областей науки в начале 1990-х годов. В России первыми обратили внимание на гипертекст специалисты в области информатики, психологии, социологии и теории обучения.

Исследованиями гипертекста сейчас занимаются в самых разных направлениях. Он интересен и гео-, и этно-, и социолингвистике, психолингвистике, когнитивной лингвистике, тектологии и др. областям лингвистики.

У нас в стране лингвистические исследования гипертекста начались относительно недавно и достаточно много неисследованного в данной области

. Следует отметить, что на изучение гипертекста и интертекста, первой среди таджикских исследователей обратила внимание профессор Дилоро Мукаддасовна Искандарова.

Гипертекст в компьютерной терминологии понимается как текст, сформированный с помощью языка разметки, потенциально содержащий в себе гиперссылки. Гипертекст обеспечивает функционирование большого объема информации в электронном пространстве. Коммуникация осуществляется в условиях множественного, фрагментарного дискурса, который постоянно разрастается и осваивает новые форматы, текст перестает быть только текстом, видео и звук являются его неотъемлемыми частями. Как способ коммуникации гипертекст имеет ряд характерных особенностей, таких как мультилинейная структура и интерактивность, а также имманентность. Эти особенности, по нашему мнению, дали основание некоторым исследователям говорить о «постмодернистском» характере гипертекста. Подчеркнем, что текстуально-лингвистические особенности гипертекста являются в большей или меньшей степени отличными от характерных особенностей традиционного текста. Это открывает широкую перспективу для лингвистических исследований в этом направлении в целом.

Во второй половине 1990-х годов были сформированы основные перспективные направления изучения гипертекста в лингвистике:

- Определение гипертекста;
- Описание основных лингвистических категорий гипертекста;
- Сопоставительное описание понятий текстуальности и гипертекстуальности.

Мы в данной главе рассмотрели такие аспекты исследования, как эволюцию текста от рукописи к печатному тексту, а затем к электронному гипертексту. Как было показано, понятие гипертекста тесно связано с нелинейным мышлением и представлением информации. Эти аспекты мы проанализировали на примере древних (Грамматика Панини «Аштадхьяйи») и средневековых рукописей с арабской графикой, показав способы

представления мультилинейной информации, а также структуру гипертекста в сказках «Тысячи и одной ночи». Итак, на основе сказанного, можно утверждать, что восточные обрамленные тексты, возникшие на пересечении устного народного творчества и письменной литературы, продолжали свое количественное и качественное развитие, переходя из одной языковой культуры в другую. Важный и значимый след это исключительно важное творение человека оставило в истории всемирной и национальной литературы, так как является безусловным носителем народной традиционной культуры.

Рассмотрена роль сказителей – киссахонов и гуруглихонов - в устной коммуникации, передаче эпических произведений, которые также представляют собой интертексты, связанные гипертекстуальными ссылками и связями.

Переход от рукописи к печатной книге в таджикско-персидской традиции произошел относительно недавно, значительно позднее, что наложило свой отпечаток на свойства литературных произведений – особенной восточной гиперлитературы.

Четвертая информационная революция, связанная с созданием компьютерных технологий, привела к созданию электронных гипертекстов и Интернета. Если говорить о гипертексте с лингвистической позиции, то более уместным будет назвать способ организации субтекстов (сегментов) в гипертексте не нелинейным, а мультилинейным. Дело в том, что, с одной стороны, любой гипертекст состоит из линейных субтекстов; с другой стороны, в действительности последовательность прочтения отдельных субтекстов зачастую оказывается заданной автором с помощью встроенных ссылок.

Другой важной особенностью гипертекста является его интерактивность. Пользователь имеет возможность вступать во взаимодействие со средством коммуникации. Зачастую на Веб-странице можно найти предложение отправить автору электронное послание или написать комментарий на статью, опубликованную в электронном издании.

Особенность гипертекста как структуры заключается в способности, сохраняя сетевой характер, переходить в форму упорядоченной по смыслу последовательности высказываний, в форму текста. В то же время гипертекст открыт для новых элементов и траекторий, которые не нарушают, а лишь обогащают его структуру. В гипертексте субъект самостоятельно движется по цепочке гипертекстовых связей, создавая свою информационную модель.

Специфика гипертекста как определенной модели текста заключается как в нелинейности его построения, так и восприятия. К основным композиционным принципам построения гипертекста относят:

1. дискретность подачи информации, то есть отсутствие непрерывности;
2. нелинейность;
3. антропоцентричность, или субъективизм в отношении коммуникативной завершенности гипертекста;
4. «демократичность» – отдельные части гипертекста, в зависимости от позиции, избранной читателем, могут служить и началом, и завершением одновременно.

Подчеркнем, что текстуально-лингвистические особенности гипертекста являются в большей или меньшей степени отличными от характерных особенностей традиционного текста. Это открывает широкую перспективу для лингвистических исследований в этом направлении в целом.

Понятие гипертекста неразрывно связаны с понятиями интертекстуальности и интертекста, которые будут рассмотрены в следующей главе.

ГЛАВА III. ИНТЕРТЕКСТ И ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ

Сосредоточив внимание на интертекстуальности, данная глава призвана способствовать не только раскрытию более глубоких уровней смысла в термине, но и помочь раскрыть его интеллектуальный потенциал, что в свою очередь способствует культивированию диалога, необходимого для продолжения языковой и литературной культуры с точки зрения сторонников теории интертекстуальности, в первую очередь французских структуралистов.

3.1. Интертекстуальность: параметры классификации и связь с гипертекстом

Интертекстуальность – понятие сложное, ввиду расплывчатости и чрезвычайной неопределенности его содержания. Такая неопределенность объясняется отчасти отсутствием единства в понимании базисных категорий теории интертекста, отчасти тем, что интертекстуальность обычно воспринимается исследователями как понятие элементарное и далее неделимое; между тем при внимательном его рассмотрении оказывается, что оно представлено целым рядом субкатегориальных подтипов. В данном контексте очевидной кажется необходимость уточнения ключевых понятий теории интертекста.

Несмотря на то, что различные проявления интертекстуальности известны с давних времен, появление соответствующего термина и теории в последней трети XX века не случайно, а закономерно. «Искусство и с некоторых пор повседневные семиотические процессы в XX веке становятся в значительной степени «интертекстуальными»» [Фатеева, Паршин:элект ресурс].

Как было отмечено в первой главе, Юлия Кристева первой ввела термин «интертекстуальность» (*intertextualité*) [Кристева, 2004] для обозначения общего свойства текстов, которое выражается многими различными способами, чтобы явно или неявно сослаться друг на друга, в попытке

синтезировать семиотику Фердинанда де Соссюра (его исследование о том, как знаки обретают свое значение в структуре текста) с диалогизмом М.М. Бахтина (теорией, которая предполагает непрерывность диалога с другими литературными произведениями и другими авторами – и его изучение множественных значений, или «гетероглоссия», в каждом тексте и в каждом слове [Гаспаров,1996]).

«Весь текст, – пишет Ю.Кристева, – построен как мозаика цитат», посредством чего «весь текст есть поглощение и преобразование другого текста» [Кристева, 2004:146]. Р.Барт считает, что "Текст – это не линия слов, высвобождающих единый "теологический" смысл ("послание" автора-Бога), а многомерное пространство, в котором смешиваются и сталкиваются самые разные произведения, ни одно из которых не является оригинальным. Текст представляет собой ткань цитат, взятых из бесчисленных культурных центров» [Барт, 1989:140].

Для Ю.Кристевой «понятие интертекстуальности заменяет понятие интересубъективности» [Кристева, 2004], когда мы осознаем, что значение не передается непосредственно от автора к читателю, а скорее проходит через "коды", которые передаются как автором, так и другими текстами читателю. Этот интертекстуальный подход к литературе, представленный в работе Ролана Барта [Барт, 1989], подчеркивает идею о том, что смысл текста не заключен непосредственно в самом тексте, а формируется читателем не только в контексте рассматриваемого произведения, но и в широкой сети текстов, которые используются в процессе чтения. «Всякий текст есть интертекст по отношению к какому-то другому тексту, но эту интертекстуальность не следует понимать так, что у текста есть какое-то происхождение; всякие поиски «источников» и «влияний» соответствуют мифу о филиации произведения, текст же образуется из анонимных, неуловимых и вместе с тем уже читанных цитат – из цитат без кавычек» [Барт, 1989:418].

Интертекстуальность – это формирование значения текста другим текстом. Это взаимосвязь между подобными или родственными

литературными произведениями, которые отражают и влияют на интерпретацию текста аудиторией.

Существует несколько разных точек зрения, определяющих термин «интертекст»:

1) «Любой текст, в котором просвечивается все возможное множество претекстов» [Васильчикова,2016].

2) Интертекст как «основной вид и способ построения художественного текста», состоящий в том, что «текст строится с обязательным использованием цитат и реминисценций из других текстов» (В.П.Руднев) [Руднев, 1999].

3) Интертекст, как совокупность текстов: «история поэтического языка – это история текстов или, иначе говоря, история интертекста» (Н.А.Кузьмина) [Кузьмина, 1999].

4) Определенный уровень дискурсивной модели текста[Васильчикова,2016]. По мнению О.Н.Гришковой, «в дискурсивной модели текста присутствует уровень интертекстов, который важен для адекватного понимания текста» [Гришкова, 2004:386].

5) М.Л.Гаспаров акцентирует момент повтора в интертексте, трактуя его как «словосочетание, повторенное в поэзии несколько раз, так что новое употребление заставляет вспомнить о старом» [Гаспаров, 2002:9].

6) Ю.С.Степанов определяющим свойством интертекста считает «явление контаминации текстов двух или более авторов» [Степанов,2001:3].

Хотя проявления интертекстуальности известны с незапамятных времен, появление соответствующего термина и теории в последней трети XX века неслучайно. Ведь практически каждый текст является интертекстом: другие тексты присутствуют в нем на разных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предыдущей культуры и тексты окружающей культуры. Всякий текст есть «новое полотно, сотканное из старых цитат. Фрагменты культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты идиом и т. Д. Все включены в текст и смешаны в нем, поскольку перед текстом и вокруг него всегда есть язык. В качестве необходимой предпосылки для

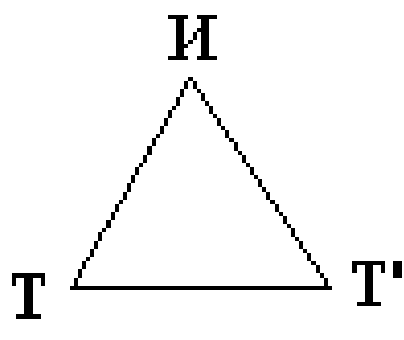
любого текста интертекстуальность не может быть сведена к проблеме источников и влияний; это общее поле анонимных формул, происхождение которых встречается редко, бессознательных или автоматических цитаций, приведенных без кавычек» [Гришкова, 2004: 386]. Интертекстуальность – это отношение между текстами, которые вносятся цитатами и аллюзиями.

Интертекст, в отличие от текста, характеризуется атрибутами, превосходящими его, поскольку его составляющие относятся к составляющим одного или нескольких других текстов. Следовательно, согласно этой точке зрения, все, что необходимо для функционирования текста, – это пресуппозиция интертекста. Интертекст, являющийся «корпусом текстов, которые читатель может законно связать с тем, что он видит перед собой, то есть текстами, вызванными в его сознании тем, что он читает» [Riffaterre, 1980: 626].

Интертекстуальность может быть описана и изучена с двух точек зрения – читателя и автора. С читательской точки зрения, способность идентифицировать межтекстовые ссылки в определенном тексте связана с установлением более глубокого понимания текста или предотвращением его недопонимания путем идентификации его многомерных связей с другими текстами [Гришкова, 2004: 386].

Интертекстуальность – это способ создания собственного текста и утверждения своей творческой идентичности путем построения сложной системы взаимоотношений с текстами других авторов. «Это могут быть идентификационные, оппозиционные или маскирующие отношения» [Васильчикова, 2016].

По мнению М.Риффатерра, при установлении интертекстуальных связей важен «принцип третьего текста», («третий» здесь, условно; важно, что количество текстов больше двух). Опираясь на семиотический треугольник Г.Фреге, Риффатерр в своей работе [Риффатерр, 1988: 139] предлагает свой треугольник, где Т – текст, Т' – интертекст, И – интерпретанта:

«Интертекстуальность не функционирует и, следовательно, не получает текстуальности, если чтение от Т к Т' не проходит через И, если интерпретация текста через интертекст не является функцией интерпретанты» [Риффатер, 1988: 139].

Как считает М. Риффатерр, это говорит о том, что «текст и интертекст не связаны друг с другом как «донор» и «получатель», и их отношения не сводятся к примитивному представлению о «заимствованиях» и «влияниях» [Риффатер, 1988: 140]. Значения взаимодействующих текстов пересекаются и взаимотрансформируются, благодаря интерпретации.

В то же время, как уже рассматривалось во второй главе, простейший пример гипертекста – это любой словарь или энциклопедия, где каждая статья имеет отсылки к другим статьям этого же словаря. В результате «читать такой текст можно по-разному: от одной статьи к другой, по мере надобности, игнорируя гипертекстовые отсылки; читать статьи подряд, справляясь с отсылками; наконец, пуститься в гипертекстовое плавание, то есть от одной отсылки переходить к другой» [Руднев, 1999].

Подобная структура текста в определенной мере выравнивает позиции писателя и читателя на уровне интерпретации, так как выбор фокуса и способ восприятия текста зависят в первую очередь от аудитории. В этом контексте интертекстуальность и гипертекстуальность имеют различное направление. Авторская интертекстуальность, представленная в тексте как структурированная сеть ограничений, накладываемых на читателя для восприятия, контрастирует с неструктурированной сетью свободных ассоциаций, которую допускает гипертекстуализация.

Таким образом, интертекстуальность и гипертекстуальность, будучи связанными друг с другом понятиями, имеет каждый свою специфику.

3.2. Интертекстуальность: формирование значения текстов для других текстов

3.2.1. Диалог текстов

Осмысление текста как интертекста через призму бахтинской теории диалогизма побудило некоторых ученых выдвинуть идею «диалогической грамматики», основанной на описании особенностей языка с внутренним диалогическим измерением. Диалог – это одновременно грамматическая и прагматическая категория, а также категория литературоведческих наук. Традиционная грамматика остановилась на «прямой и косвенной речи». Акцент должен быть изменен с соотношения субъект / объект на соотношение субъект/субъект. Бахтинский диалог – это тот, который породил возникновение концепции интертекстуальности, соответственно повторяющегося дискурса или, в терминах М. Бахтина, «чужое слово», «чужая речь». Грамматика текста считается одной из самых молодых, а для возможной «диалогической» («интертекстовой») грамматики, пока слишком мало непосредственно связанных с данной проблемой работ, хотя проблема затрагивается в многочисленных исследованиях. В свете теории «слова Другого/Иного» наиболее ярко проявляется тенденция к грамматикализации элементов языка. В подобного рода работах говорится не о каких-то субъективно-психологических процессах, не зафиксированных и случайно произведенных «в мыслях» получателя, а о постоянных социальных тенденциях активного восприятия иностранной речи, которые сохраняются в языковых формах. Механизм этого процесса заключается не в индивидуальном восприятии, а в обществе, которое отбирает и грамматизирует (т.е. знакомит с грамматической структурой языка) только те элементы активного и оценочного восприятия иностранного высказывания,

которые являются социально существенными и постоянными, следовательно, основаны на самой экономической реальности соответствующего сообщества говорящих» [Волошинов, 1930: 127] (книга, приписываемая М. Бахтину).

При анализе единиц диалогической грамматики наиболее актуальными и важными являются не столько отношения внутри высказывания, сколько связи между высказыванием и контекстными факторами. В отличие от псевдоутверждений (созданных лингвистами намеренно), строки в конкретном диалогическом контексте не изолированы, а связаны одна с другой. База данных грамматик должна представлять собой корпус текстов, представляющих диалогические ситуации, материализованные в письменной форме или в аудио/видео, будь то разговоры, знакомые тексты, научные тексты или художественные тексты. Во многих странах проводятся исследования с использованием аудиозаписей разговоров, которые происходят естественным образом (без стимулирования или направления), что может быть отличным материалом для исследования [Плунгян, 2008], тем более что виртуальность более диалогична, чем реальность. Интернет – это технология с наибольшим влиянием, в том числе с точки зрения запредельной записи электронных текстов, собираемых с помощью клавиатуры и мыши, а также текстов онлайн-разговоров.

Понятие диалогизма, будучи ключевой характеристикой языка, простирается гораздо дальше, чем простой диалог, рассматриваемый в традиционной грамматике. Научный дискурс основывается на идее интертекстуальности, выходящей за пределы простого обмена мнениями в конкретной коммуникативной ситуации. Согласно теории диалога, высказывания находятся в постоянном диалоге как внутри себя, так и с другими высказываниями, как в настоящем времени, так и вне его с другими высказываниями из прошлых, параллельных и будущих диалогов в определенное и то же время, что они образуют пространство для диалогов. Наш дискурс о всех нас всегда повторяется, то есть мы почти постоянно говорим то, что сказали другие. Сам язык – это сумма индивидуальных

действий, единичных высказываний, уникальных речевых актов. Каждое «Я» говорит само с собой [Кузьмина,2004].

Но в отличие от традиционного корпуса грамматик, корпуса диалогических грамматик будут записывать определенные высказывания - отсюда предмет, дискурс, время и место. Эти социальные и ситуативные якоря необходимы для восстановления автора, интертекстуальность – это концепция, решающая «серьезную проблему структуралистского метода: возвращение референта» [Кузьмина,2004:123], направленная на очеловечивание грамматики, которая должна стать гуманитарные науки и о человеке [Золотова, 2001]. В электронной речи можно собрать и расшифровать достаточно высказываний для создания баз данных. Веб-страницы, чаты, электронная почта, компьютерные программы и т. д. уже доступны для тематического сбора данных (например, база данных, ориентированная на «разговоры за чашкой кофе на работе» или «Разговоры о необычном событии», или «разговоры при неожиданной встрече с другом на улице» и т. д.). Типология и анализ диалоговых шаблонов, клише и др. они будут вписываться в контекст интертекстологической теории, потому что «текст не может быть понят независимо и изолированно, отделен и оторван от бесконечного текста, образованного историей человеческого общества, но в сложной сети взаимодействий, которую он устанавливает с этим бесконечным текстом в ее интертекстуальности» [Косиков, 2008: 19], непрерывно проявляющейся в динамике и семиосфере культуры [Лотман, 2001: 162].

Следовательно, диалогизм – это философия, и грамматика, которая представляет собой науку, описывающую структуру языка, не может игнорировать ее. Человеческий дискурс богат и разнообразен не только в рамках парадигмы естественного языка, но и вне этой парадигмы. Включение диалогической перспективы в грамматический анализ может только расширить горизонты понимания того, «каким может быть язык» (язык как система возможностей, согласно Э. Косериу [Косериу, 2010]).

Несомненно, понятие текста недостижимо без интертекста. Благодаря последнему, теория текста / дискурса также становится более обоснованной: весь язык – это внутреннее и текущее – теперь входит в текст / дискурс, изображение, которое обеспечивает его статус продуктивности, а не только статус воспроизведения. Тексты поступают из других текстов, поскольку они получены только путем уничтожения, деструктуризации, реконфигурации, перекомпоновки предыдущих текстов. Интертекст является объектом изучения интертекстологии, и он не всегда будет областью литературы (как давно настаивали), поскольку только художественные тексты будут иметь отметку интертекстуальности). На самом деле все стили языка подтверждают интертекстуальность (официально-административный, научный, публицистический, разговорный). Кроме того, политика, искусство, точные науки и т. д. все больше настаивают на рассматриваемом понятии.

По мнению представителей яцкой школы, повторяющийся дискурс подразделяется на: (а) повторяющийся дискурс, принадлежащий традиции лингвистический и (б) повторяющийся дискурс, принадлежащий литературной традиции.

3.2.2. Повторяющийся дискурс, принадлежащий лингвистической традиции

Повторяющийся дискурс, принадлежащий лингвистической традиции, относится к дискурсу, который включает в себя общеизвестные и легко узнаваемые фрагменты текста, обычно с намерением усилить воздействие на читателя, чтобы сделать дискурс более пластичным и эмоциональным. Он включает пословицы, поговорки, фразы, крылатые слова, афоризмы, выражения на других языках, библейские цитаты и т. д., которые большинство говорящих без труда изучают и знают или распознают, они составляют языковую культуру и демонстрируют выразительную компетентность говорящих [Фатеева, 2001: 236]. Их стилистический потенциал как бы

«капитализируется», особенно в языке, которым пользуются журналисты, журналисты, публицисты и т. д..

Как правило, элементы повторяющегося дискурса, принадлежащие лингвистической традиции, остаются нетронутыми при воспроизведении, т.е. они никаким образом не модифицируются, поэтому принимаются как таковые (они грамматизированы, окостенели, они входят в состав языковых структур.). Фразеология, которой посвящены многочисленные исследования, на самом деле есть не что иное, как наука о повторяющемся дискурсе, принадлежащей лингвистической традиции. Принимая во внимание мнение Г. Попа, мы считаем, что изложение должно быть расширено: изучаться как в грамматике (морфологии и синтаксисе), так и в лексикологии »[Ропа, 2007: 25], к которым добавляется текстология (к которой предоставляет контекст / контексты), соответственно, интертекстологию (которая предоставляет набор контекстов) и, в последнее время, гипертекстологию, которую мы также изучаем в данной работе (которая предлагает технологический формат, значительно упрощающий отслеживание всех текстовых элементов, но особенно повторяющихся). Следовательно, под повторяющимся дискурсом следует понимать фразеологию в широком смысле, включающую как выражения, так и фразы, а также пословицы, цитаты, известные формулы и т. д.

3.2.3. Повторяющийся дискурс, принадлежащий литературной традиции

Повторяющийся дискурс, принадлежащий литературной традиции, включает в себя фрагменты художественного текста (литературы), которые воспроизводятся с определенной частотой носителями языка. Их также относительно легко распознать и воспроизвести, во многом благодаря школьному образованию и учебной программе, которая включает литературные произведения для изучения, процесс, который постоянно укрепляет их в сознании общества. Однако многие единицы дискурса, неоднократно принадлежащие к литературной традиции, не всегда узнаваемы

или распознаваемы небольшой аудиторией (обычно читающей, образованной), что опять же связано с уровнем читательской компетентности говорящего. Такие тексты могут иметь самые разные размеры - от слова до текстового произведения в целом. В ситуациях, когда они встречаются в повседневной речи, такие типы повторяющегося дискурса, по мнению Э. Косериу [Косериу, 2010], представляют литературные традиции, встроенные в лингвистические традиции. Также на устном, публицистическом и литературном языках сборные конструкции могут быть подвергнуты множественным модификациям с намерением ораторов / авторов. В этом случае они включают добавление значения, которое следует расшифровывать в соответствии со степенью «литературной» подготовки.

Повторяющийся дискурс представляет собой код интертекстуальности, по мнению постмодернистов: «Знаки языка имеют как ценность обмена, так и ценность использования. Согласование смысла аннулирует ограничения работы, отдавая предпочтение феномену интертекстуальности. Если интертекст через навязчивое повторение становится легитимным дискурсом постмодернизма, то повторный дискурс (на который прививается интертекстуальное пространство) становится интертекстуальным кодом постмодернистской литературы» [Пьеге-Гро, 2008: 130-131]. В этих условиях, однако, меняется статус повторяющегося дискурса: «если для структуралистов элементы повторяющегося дискурса лингвистически не структурируемы, потому что, будучи фиксированными конструкциями, они не могут быть заменены, переключаемы и не участвуют в текущих функциональных оппозициях; он становится законодательно закрепленная литературная конвенция, (...) построение через «общие места», которое она предлагает читателю, определенную лекторскую компетенцию, а также статус информированного читателя» [Пьеге-Гро, 2008: 131].

В литературе повторная речь также называется сообщаемой речью. Можно оперировать следующим различием: сообщаемый дискурс – цитируемый дискурс – цитирующий дискурс. Самый важный глагол

интертекстуальности, с этой грамматической точки зрения, должен быть из категории глаголов говорения (говорить, сообщать, утверждать, замечать, подтверждать и т. п.), в поверхностной или в глубинной структуре высказывания.

Категория повторяющегося дискурса – это формулы в религиозном дискурсе. На наш взгляд, к этим формулам можно отнести как метафорические сочетания, так и фразы и выражения, многие из которых прочно вошли в общественное сознание. Это и библеизмы, которые прочно вошли в художественную литературу, а также пословицы и поговорки разных народов мира, в том числе и иранских народов, в частности, таджиков. Ср.: *«дурр назди гуроз гуррондан – метать бисер перед свиньями»* и др.

В том же духе М. Бахтин сказал в 1975 году, что до сих пор лингвистика с научной точки зрения не продвинулась дальше фразы; это считается самым широким явлением языка (...). Создается впечатление, что лингвистический анализ с методологической точки зрения резко прекращается (...). Однако чисто лингвистический анализ может быть продолжен, как бы трудно и даже несмотря на искушение представить здесь точки зрения чужды языкознанию» [Бахтин, 1975:81]. Данный анализ касается, с нашей точки зрения, именно текста-интертекста. А электронное пространство предлагает большие возможности для анализа сверхфрастических единиц, анализ содержания текстовых корпусов предлагает «виденное сверху» изображение текстов и взаимосвязей между ними, предлагает визуализацию данных – дисциплина, имеющая большие перспективы для языковой науки (рассмотрим в четвертой главе). В таком анализе место повторного дискурса особенно важно, потому что в нем хранится дискурсивный опыт говорящих, который постепенно грамматически оформляется и становится общеупотребительным, становится «языком».

3.3. Виды интертекста

Интертекст (как текст, как и гипертекст, как мы увидели в предыдущих разделах) можно рассматривать узко и широко (как, например, это делает Ю.Кристева). В самом широком смысле – термин относится к совокупности текстов или всему тексту (тотальный дискурс). В узком смысле, который связан с генерацией типов, видов, родов и т. п., интертексты обычно рождаются в «горячих точках культуры» [Степанов, 2001]. Мы обратимся к ним ниже.

В настоящее время существует множество классификаций интертекстов. Многочисленные жанры, виды и текстовые формы могут быть включены в типологию интертекстуальности: цитата, пародия, пастиш, палимпсест, плагиат, аллюзия, компиляция, клише, ирония, имитация, влияния, стереотип, парафраз, банальность, мотив, тема с вариациями, девиз, культурный архетип, артефакт и т. д. В специализированной литературе один или несколько из них обычно анализируются выборочно, например, ирония, пародия [Кристева, 2004; Проскурина, 2014;], стилизация, клише, цитирование, аллюзия, ссылки, плагиат [Кузьмина, 2004; Москвин, 2014; Шестак, 2014] и т. п. Библиография для каждого из них настолько богата, что только ее обзор сам по себе представляет собой отдельное исследование. В Dictionary of Language Sciences (2001), например, анализируются только три типа:

1. пародия (пародийный текст нельзя понять, не зная пародируемого текста);
2. стилизация (миметическая форма, близкая к пародии);
3. цитирование (процесс, посредством которого фрагмент текста T1 воспроизводится в тексте T).

Однако, чтобы отличать формы интертекста, относящиеся к литературным наукам, от форм интертекста, мы выбрали три типа, которые мы считаем существенными (которые можно использовать как в научном, так и в устном стиле); это: цитата, ссылка, плагиат – понятия, особенно актуальные для феномена гипертекста, проявляющегося в виртуальном пространстве (глава 4).

3.3.1. Цитата

Цитата – одно из основных понятий теории интертекстуальности. При отсутствии единства в понимании интертекстуальности, и учете того мнения, что «лингвистические механизмы интертекстуальных отношений по-прежнему неясны» [Ревзина 2001: 60], приходится констатировать неопределенность и многозначность понятия цитаты.

Цитата – это «отрывок из письменной работы, воспроизведенный точно, слово в слово и обычно с точным указанием источника, чтобы усилить и проиллюстрировать идею или аргумент». Согласно Р. Якобсону, цитата представляет собой «сообщение в другом сообщении» [Якобсон, 1975], другими словами, это «текст в другом тексте», составляющий форму ссылки на другие тексты. Ж.-Л. Борхес сказал, что весь язык – это система цитат. Текст представляет собой систему цитат, часто анонимных, введенных и сохраненных в культуре человечества. Цитирование используется в исследовательских целях (в случае науки) или в эстетических или как выражение выразительной компетентности в устном или письменном общении. Цитата, сознательная или бессознательная, представляет собой «третий текст», возникший на пересечении гипотекста и текста, в который он включен [Воркачев, 2014: 52-70]. Исследователи говорят о двух типах цитирования: прямое цитирование (воспроизведение в неизменной форме исходного текста) и косвенное цитирование (модифицированное воспроизведение исходного текста).

Основными графическими обозначениями отграничения цитаты непосредственно от нецитированного текста являются кавычки [""], курсив, полужирный шрифт, изменение шрифта, подчеркивание и т. п. в тексте с научной точки зрения цитаты снова бывают двух типов: а) цитируется текст, на котором мы останавливаемся, чтобы переосмыслить его; б) текст цитируется в поддержку собственной интерпретации [Земская, 1996: 168]. Если мы намерены воспроизвести цитату, мы должны соблюдать правила написания научного текста. Обычно рекомендуется переводить цитаты, если

предполагается, что они непонятны среднему читателю. Однако авторы нередко отдают предпочтение цитатам, сохраненным на языке оригинала, иногда сопровождаемым переводом.

Как прямая, так и косвенная цитата являются объектом изучения грамматики, которая традиционно изучается в «прямой и косвенной речи». Но традиционная грамматика здесь останавливается, не рассматривая их как явления интертекстуальности. Отсюда необходимость внести в грамматику текст, диалог, продуктивность, концепции, о которых говорили М. Бахтин и Р. Барт [Бахтин,1975; Барт, 1989].

3.3.2. Ссылка

(Библиографическая) ссылка – это точное примечание или указание, относящееся к конкретному произведению, примечание внизу или в конце текстовой страницы, указывающее на публикацию, документ, книгу и т. п. Обычно ссылки (библиографические ссылки) оформляются в круглых или квадратных скобках, в которых указываются автор, источник, год, страница и т. п. В научном тексте цитаты и ссылки представляют собой наиболее четкое выражение межтекстовых отношений и могут быть представлены на том же языке, что и сам научный текст, описательно, на языке оригинала или на языке символов. Цель и значение этих процедур в научном тексте заключается в следующем: «В эволюции интертекстуальных отношений существует общая тенденция превращать цитату в общее место и ссылку в аллюзии» [Михайлова,1999: 15]. Н.Медведева в своем докторском исследовании отмечает, что интертекстуальный по определению постмодернистский поэтический текст явно или неявно подчеркивает интертекстуальные отношения [Медведева, 2013].

Цитацию и ссылки в восточных произведениях исследуем в следующем разделе.

3.3.2.1. Аллюзия

Аллюзия или намек, в свою очередь, обозначает слово или фразу, с помощью которых делается ссылка на человека, ситуацию и т. п., не выражая себя напрямую [Фатеева, Паршин: эл.ресурс]. Кроме того, аллюзия – это образ речи, который заключается в выражении одной вещи с намерением сделать понятным что-то другое.

От цитаты аллюзию отличает то, что заимствование элементов происходит выборочно, а целое выказывание или строка прецедентного текста, соотносимая с новым текстом, присутствуют в нем как бы «за текстом». В случае цитации автор преимущественно эксплуатирует реконструктивную интертекстуальность, регистрируя общность «своего» и «чужого» текстов, а в случае аллюзии на первое место выходит конструктивная интертекстуальность, цель которой организовать заимствованные элементы таким образом, чтобы они оказывались узлами сцепления семантико-композиционной структуры текста.

В художественном тексте намек имеет коннотативное значение. Средствами выражения аллюзии могут быть: имя (псевдоним), названия текстов, принадлежащих посвященным авторам, фрагменты текста или авторских текстов (повторение речи), а в семиологии аллюзия может распространяться на авторские предметы, авторские жесты, одежду и т. д. Так, Э. Косериу в сборнике «Лекций и конференций» делает многочисленные ссылки на известных специалистов в данной области, не прибегая к реальным цитатам (Платон, Аристотель, Хайдеггер и др.) ().

Сюда же можно отнести и широко используемый в персидско-таджикской литературе **тамсил** (араб. – «уподобление») как миниатюрный аллегорический жанр; видом которого является масал (басня). Изображение жизненных ситуаций, социально-общественных явлений в них происходит через условные, аллегорические образы (животного мира, вещей и т.д.)

3.3.2.2. Парафраз

Парафраз и перефразирование имели бы одно и то же значение, но в то же время перефразирование означает изложение, объяснение и т. п. в личной (и более развитой) формулировке содержания текста, устного общения и т. п. У. Эко заявил, что «у вас будет самое надежное доказательство, когда вам удастся перефразировать текст, не держа его перед глазами. Это будет означать не только то, что вы это не копировали, но и то, что вы это поняли» [Эко, 2016: 179]. Своим научным текстом исследователь, как и писатель, «обращается ко всему человечеству» (Э. Косериу).

С появлением новых информационных технологий ссылка или библиографическая ссылка, считавшаяся ранее обычным явлением текста (частью паратекста), расширила свои свойства, обратив внимание на себя, например, не только исследователей, но и стала настоящим «информационным благом» общего пользования. Благодаря новому качеству гиперссылки, библиографическая ссылка приобретает особое значение внутри гипертекста (подробнее см. четвертую главу).

3.3.2.3. Плагиат

«Связанный» с цитатой плагиат означает кражу (полностью или частично) и представляет собой присвоение идей, методов, процедур, технологий, результатов или текстов человека, независимо от способа их получения, представляя их как личные творчество. Слово плагиат происходит от латинского «продать другим рабов, украденных или не принадлежащих продавцу», что со временем стало означать «украсть то, что вам не принадлежит». Вне зависимости от типа настоящего автора и формы публикации (анонимно, под псевдонимом или под настоящим именем) принятие его творения без указания источника является плагиатом. Взаимодействие двух понятий - интертекста и плагиата - до сих пор вызывает жаркие дискуссии, в том числе среди специалистов, литературоведов, которые

без колебаний квалифицируют определенные жанры и литературные виды на грани плагиата и оригинальности (пародия, пастиш, палимпсест и т. п.).

Плагиат также связан с термином компиляция – работа, которая содержит идеи, собранные у разных авторов, без личной обработки автора, что менее наказуемо. В области гуманитарных наук вопрос остается открытым. В других областях, особенно в точных науках это гораздо более выражено. В отличие от экспериментальных наук, для которых характерен синергизм (результаты эксперимента должны содержать добавленное к предыдущему результату, чтобы их можно было использовать в других экспериментах), гуманитарные науки являются авторскими работами, цитируемыми, но редко подходящими для разработки другими исследователями. В то время как фундаментальные исследования в области естественных наук основаны на «вторичной информации», накопленной в литературе определенной области, исследования в области гуманитарных наук опираются на первичные источники информации (архивы, литературные или художественные произведения и т. п.). Таким образом, в гуманитарных науках продукт исследования менее подвержен моральному износу теоретических или экспериментальных результатов в точных науках, требует больше времени на разработку (иногда годы) и - гораздо чаще, чем в экспериментальных науках - материализуется в виде объема.

Как и цитата, которая хоть и считается нормой в научных трудах, но «далеко не безобидна ...» [Козицкая, 1999], плагиат по своей сути очень соблазнителен. Таким образом, это также связано с удовольствием от текста, о котором говорит Р.Барт: Это правда, полученная обманным путем. Феномен глобализации, усиленный Интернетом, вызвал плагиат Великого текста, последний представляет собой совокупность текстов, внесенных в универсальное достояние человечества в онлайн-формате, которые постепенно дополняются на каждом новом этапе и которым многие пользуются без зазрения.

Кампании по борьбе с плагиатом стали необходимостью, так же как и умение писать текст - с кавычками или без, со ссылками или без, с повторной речью или без, с намеками или без них. Гипертекстуальность (о которой мы поговорим в следующей главе) делает видимыми и особенно работоспособными и многократно используемыми отношения между текстами. Как феномен постмодернизма, электронный гипертекст отличается чертами, которые постструктурализм прекрасно интуитивно чувствовал, и тоталитарные эпохи их не только отвергали, но даже не представляли себе.

В заключение этого подраздела приведем замечание (из раздела примечания) к редактору Йорну Альбрехту в томе «Лингвистика текста». Введение в герменевтику смысла Э.Косериу: «Хотя термин интертекстуальность был официально введен с 1967 года (Юлией Кристевой (...)), он только сейчас, на момент публикации этого отредактированного издания, приобрел широкую известность. степень познания и эффективность в общей научной сфере настолько велики, что редактор больше не может избегать надлежащих ссылок на тот факт, что обсуждаемые здесь «отношения со знаками из других текстов» представляют собой твердое ядро (и на самом деле только это) сложного, все труднее оценивать, что сегодня считается термин «интертекстуальность». Интертекстуальность, понимаемая в обсуждаемом здесь смысле, которую легко проверить на интересубъективном уровне, для Косериу является лишь одним из многих аспектов «несовершенного характера» [Unabgeschlossenheit] текста, указывающего на то, что «значение» текста является результат внутритекстовых и внетекстовых отношений.) [Косериу, 2010: 123].

3.4. Особенности интертекста в восточной литературе

Прежде, чем приступить к исследованию интертекстуальных особенностей восточной литературы, определимся, что мы будем понимать

под «восточной литературой». В самом широком смысле – это китайская, японская, индийская, арабская, иранская, турецкая, а также вьетнамская, монгольская и другие литературы – все литературы народов Азии, Ближнего, Среднего, Дальнего Востока, Урала и Поволжья. Таким образом, в самом широком смысле слова речь идет об огромной территории и огромном количестве литератур. Более того, каждая из перечисленных литератур не является однородной или моноэтнической, а включает в себя литературу многих других народов. Так, до XIV-XV веков персидская литература обслуживала не только иранские народы, но и литературу арабских и тюркоязычных народов и считалась их общим достоянием. В узком смысле под «восточной литературой» мы подразумеваем персидско-таджикскую литературу, поскольку персидский язык долгое время играл роль не только государственного, но главным образом литературного языка во многих странах региона. «Персидско-таджикская литература на языке фарси зародилась на территории, где обитали восточные иранцы, в том числе таджики, затем распространилась на территорию, где проживали западные иранцы (персы). В VIII-XV вв. литература на фарси создавалась и другими народностями, заселявшими просторы Средней Азии, собственно Ирана, Азербайджана. На языке фарси формировалась литература также в сопредельных с Ираном странах (Индии и Турции)» [Брагинский, 1984: 255]

Например, азербайджанский поэт и мыслитель Низами Гянджеви (XII в.) первым продемонстрировал персоязычную хамса-патерицу («Сокровищница тайн», «Хосроу и Ширин», «Лейла и Меджнун», «Семь красавиц», «Искандер-наме») – классическую жанровую форму восточной литературы. Лишь в XVI веке начинает формироваться самостоятельная тюркоязычная литература, основы которой были заложены Алишером Навои в XV веке в его сочинениях и научных трудах («Тяжба двух языков», «Весы размеров» и т.д.).

Аналогичным образом, понятие "индийская литература" включает в себя тамильскую, бенгальскую и другие литературы этнических групп, проживающих в Индии, такие как хинди и урду. Можно сказать, что каждая

из вышеперечисленных литератур обладает внутренней природой в плане стилистических систем, жанров и поэтических типов, обусловленной особенностями их исторического развития.

Они различаются по своим историческим "эпохам" и уровню развития. Например, индийская, китайская и иранская литературы имеют древние корни. Индийские эпосы, такие как "Панчатантра", "Махабхарата", "Камасутра" и "Рамаяна", а также древнеиранская (зороастрийская) и китайская (конфуцианская) религиозная литература были созданы в глубокой древности, а некоторые и до современной эпохи. Вместе с тем, арабская, японская и тюркская литературы сформировались в Средние века. А у казахов, туркмен, киргизов и других народов, ведущих кочевой образ жизни, специализированная литература на родном языке была написана уже в "новое время", то есть в XVIII-XXI веках нашей эры. Вместе с тем у них развито устное творчество и ораторское искусство.

В то же время, по мнению исследователей, эволюционные пути древних и относительно молодых литератур схожи. Формирование "молодых" литератур (например, арабской, японской, казахской) проходит те же этапы развития, что и древние литературы (китайская, индийская, иранская):

- а) переход к национальному устному творчеству, фольклору;
- б) искусство красноречия (творчество сказителя, сэсэнов, шаиров, бакши и т. д.)
- в) авторское письменное творчество писателей.

Это происходит потому, что молодая литература активно опирается на опыт древней литературы во всех областях литературной формы, содержания и техники. Японцы, например, переняли готовые китайские иероглифы для письма (ок. VI в.), наряду с конфуцианским канонам, и параллельно создали собственную слоговую азбуку (ок. IX в.). Арабы и турки заимствовали уже существующий материал (из древней литературы) для письма и вскоре начали использовать изобретенную бумагу. С точки зрения содержания, ранние виды "молодой" литературы, а также древняя и античная литература, завершились

созданием своеобразных кодексов, которые впоследствии стали священными текстами. К ним относятся Коран (VII в.), который вытеснил у иранцев - «Авесту» (зороастризм), а у тюрков их древний свод «Огуз-наме». Они ознаменовали начало письменной литературы и ускорили развитие молодой литературы.

3.4.1. Интертекстуальные особенности персидско-таджикской литературы

Необходимо отметить, что в развитии восточных литератур есть еще несколько общих закономерностей. Одна из них – особая роль мифологии и устного народного творчества в литературе и духовной культуре в целом. Это уникальный синтез мифа и фольклора, фантазии и реализма, аллегории, мистического символизма и невымышленной конкретики, являющийся ярчайшим примером интертекстуальности.

«Первые десять царей из «Шах-наме» великого Фирдоуси являются мифическими (Киюмарс, Тахмурас, Джамшид, Зоухак и т.д.). Реальные герои хамса-пятериц Низами, Дихлави, Джами, Навои совершают очень часто сказочные подвиги, не говоря уже о наличии (наряду с реальными героями) мифических персонажей (драконов, ведьм, дивов и т.д.); рядом с реальными земными существами в произведениях шагают пророки и боги, «увиденные» земными глазами (например, клерикальная и еретическая литературы, индийские эпические памятники и др.). Или более древние произведения - «Воспоминания о Зарере», «Книга деяний Ардашира Бабакана», «Сказание о Баттале», «Сказание о Данышменде», где в героические сюжеты и мотивы вплетаются романтические фантастические эпизоды. В поэме Чондидаша (Индия, XV в.) «Песнь в честь Кришны» аллегория как бы смыкается с реальностью и происходит «обмирщение» религиозно-мифологического сюжета. «Естественные и сверхъестественные элементы в поэме так тесно переплелись между собой, что читатель едва ли в состоянии различить, где

кончается человеческое и начинается божественное...» [цит.по Конрад, 1970: 425]. И эта особенность, а именно интеграция реальности и мифа в поэтике произведения, характерна для восточной литературы всех эпох и "периодов".

Еще одна общая черта восточной литературы – доминирование поэзии над другими видами литературы. Вторая особенность, характерная для литератур народов Средней Азии в дореволюционный и первые годы послереволюционного периода, – это безраздельное господство жанра поэзии. Как упоминается при описании истории литературы: «Это обусловило и особенности развития прозы, а также драматургии, которые у народов Средней Азии появляются лишь после Великой Октябрьской социалистической революции» [История литератур...,1960: 139].

Однако это утверждение бесспорно. Конечно, к поэтическому языку, поэзии и "высокому стилю" на Востоке особое отношение. Не случайно многие поэтические произведения, даже эпические поэмы, такие как такие, как «Калила и Димна» Рудаки, «Шах-наме» Фирдоуси, «Хосров и Ширин» и «Искандер-наме» Низами и многие другие, являются произведениями поэтическими, написанными размером маснави (парной рифмой, особым бейтом-строфой).

Следует также подчеркнуть, что проза восточной литературы обладает поэтическими характеристиками, такими как метафора, поэтическая образность, рифма и ритм. Тем не менее, нельзя столь категорично утверждать о "безраздельном доминировании" поэзии, и особенно о прозе и драматургии, которые появились у народов Центральной Азии только после революции [История литератур...,1960: 140]. Очевидно, что здесь можно говорить лишь о неравномерном развитии различных видов литературы в разных государствах и в разные периоды. Народы Центральной Азии унаследовали духовный опыт более древних литератур, таких как индийская и персидско-таджикская.

В Индии, например, пьесы и драмы появились в глубокой древности (Бхавабхути и Вишакхадатта). В средние века (XI-XII вв.) начинается уже

новый этап в истории театрального искусства Индии (Кришнагила, Рамгила и др.).

То же самое относится и к прозе. Зачатки героического эпоса «Шах-наме» (хроники царствований) появились в иранской литературе еще до нашей эры («Авеста», манихейская литература, «Книги владык» и др.). «В период господства Саманидов возродился интерес к иранской старине, в частности составлялись на фарси сборники легенд и преданий о мифических и исторических богатырях и царях, живших до арабского нашествия. Эти мифологические своды обычно называют «Шах-наме» («Книга о царях»)» [Брагинский, 1984: 258].

В III-VIII веках были составлены сасанидские хроники, например «Книга деяний Ардашира Папакана» («Бабакана») (ок. 601 г.). Известны также и сказания о Зарере (VIII в.), борце за веру зороастризма, о «Йавиште из рода Фриянов» (VIII или XII в.) и т.д. В VI веке переведена часть рассказов «Панчатантры», одновременно в Иран пришла книга о женской хитрости и коварстве «Синдбад-наме». В VII веке Ибн аль-Мукаффа перевел (вольный перевод) части "Панчатантры" на арабский язык под названием "Калила и Димна". В это же время были переведены некоторые из историй, например, "Сказка тысячи и одной ночи". Позднее (XV-XVIII века) в период становления вошли и другие формы: «Повесть об Антаре», «Повесть о Бану Хиляль», «Жизнеописание Победоносного Бейбарса» о легендарном султани Египта из династии Мамлюков.

В XI-XII веках в персидско-таджикской литературе появились такие произведения, как «Кабус-наме» Унсуралмаали Кай-Кавуса, посвященное вопросам воспитания и этики; «Синдбад-наме» Мухаммеда аз Захири ас-Самарканди, получившее всемирную известность благодаря своему второму названию «Женское коварство», а также и сказочных романов-дастанов [История литератур...,1960].

Ярким примером интертекста является эпопея «Шах-наме» Фирдоуси. Она имеет сложную стилевую природу, представляет собой синтез традиций

изустной и письменной литературы, ораторского искусства; синкретизм эпических и лирических жанровых форм; словесные споры, диалоги, обращения, речи царей и т.п. Многообразие разнозначного материала (мифологического, реального, исторического и т.д.), вставных эпизодов, отдельных историй и цельность сюжетно-композиционной структурной поэтики эпопеи делает это произведение интертекстуальным.

Общественно-исторические условия формирования придворной литературы диктовали свои правила. Это были, в первую очередь, необходимость изучения основных наук своего времени - философии, астрономии, астрологии, истории, медицины, теории стихосложения, терминологии богословия и т.д.; знания наизусть десятков тысяч стихов предыдущих поэтов. Существовали традиции сочинения подражательных стихов мастерам слова, как испытание мастерства молодого поэта. А собственными стихами Следующая ступень мастерства уже собственные стихи Существовала преемственность традиций и формирование при дворах самостоятельных творческих направлений, школ, что и порождало различные виды подражательности. Сюда можно отнести подражательный **мухаммас** или **тахмис**, так называемые «**бродячие сюжеты**», **назиру**.

Мухаммас (арабское - пентаграмма, пять), вид мусаммата, состоящего из пяти строф. Его рифмованные рифмы в форме ааааа, бббба и т. д. были распространены в персидско-таджикской классической литературе. Мухаммасы в основном бывают двух видов: 1) пятистрочное в каждой строфе стихотворение, написанное одним поэтом; 2) стихотворение, в каждой строфе которого первые три равные по метру и рифме строфы принадлежат поэту-мухаммасу, а последние две строфы строфы - из газели другого поэта, которая называется мухаммасбанди или ботазмин мухаммас. В этом типе Мухаммаса в последнем абзаце упоминаются псевдонимы двух поэтов. Мухаммасы обычно сочиняются на тему любви. Однако есть и мухаммасы, созданные на темы этики, жалобы на время, горе друзей и т. д. Мухаммас также популярен в современной литературе. Мухаммасы, Сариддина Айни, О. Лутфи, Б.

Рахимзода, М. Рахими и другие основаны на газелях персидско-таджикской литературы, а также на газелях их современников. Например, два стиха-мухаммаса Садриддина Айни на газели Лохути таковы:

*Аз он рӯзе, ки бурдастӣ зи мо дил,
Надид аз илтифотат як адо дил.
Ба сад ғам гарчи гардид ошно дил,
«Нашуд як лаҳза аз ёдат ҷудо дил.
Зиҳӣ дил, офарин дил, марҳабо дил»...
...На ёрое, ки фарёде барорад.
На бахти он, ки хун аз дида борад.
Ба хичронат кунун чун тоб орад
«Даруни сина оҳе ҳам надорад.
Ситамкаш дил, парешон дил, гадо дил.*

Прежде чем приступить к анализу собственно интертекста в таджикско-персидской литературе, следует отметить, что повторяемость, подражательность и прецедентные тексты имеют много примеров в мировой литературе вообще и в восточной, конкретнее таджикско-персидской, в частности, которые рассмотрим ниже.

3.4.2. Назира и бродячие сюжеты

Восточную литературу отличает наличие своеобразной формы *взаимосвязей и взаимодействий* – жанровой формы **назира** («ответ», «состыязание», «полемика», «подражание»). Суть назиры ("отклика") заключается в том, что поэт опирается на сюжетную структуру, образную систему и тематику произведений предшествующего периода и, сохраняя ту же звучность и просодию, дает через них понимание сюжета (темы, героев, их поступков) и вступает в полемическое состязание.

Назира – это поэтическое, литературное состязание, ответ или спор путем подражания образной системе, поэтической структуре к произведениям предыдущих, как правило, классических поэтов. Иногда форма назира – средство литературной борьбы, соперничества, что можно проследить, начиная с XI века. Форму назира можно отметить по отношению к «Хамсе» (пятернице) Низами Ганджави (XII в.). Становление жанровой формы назира прослеживается также в творчестве Амира Хусрава Дехлави, Абдурахмана Джамии, Алишера Навои, Мухаммада Физули и др., писавших назиру на «Хамсу» Низами Ганджави.

В этой связи отметим, что в мировой литературе, и особенно в литературе Востока, существует понятие есть понятие «кочующие или бродячие сюжеты». Не только сюжеты, но и целые структурные поэтики, образные системы и жанровые мотивы очень часто переходят из литературы в литературу, из прошлого в настоящее.

Бродячий сюжет, как можно судить по названию, переходит из культуры в культуру, незначительно меняется контекстуально. Прослеживая, как трансформируется один и тот же сюжет, можно многое понять о менталитете конкретного народа в конкретную эпоху. Есть несколько теорий происхождения бродячих сюжетов.

Одна из теорий бродячих сюжетов появилась во второй половине XIX века и известна под названием миграционной. Ее основателем считается Т.Бенфей, переводчик «Панчатантры», который показал, как индийские сюжеты распространились по всему свету. Суть теории заключалась в том, чтобы объяснить сходство в фольклоре разных народов единым источником, которым, как доказал автор теории, была Индия [<https://bigenc.ru/literature/text/2211321>].

Миграционной теории предшествовала мифологическая теория; теперь и миграционная теория морально устарела, и им на смену пришло сравнительное литературоведение.

В целом, очевидно, что оригинальные сюжеты были придуманы еще в древности, и человеческая природа с тех пор не сильно изменилась. Литературоведы активно спорят о количестве этих сюжетов. Борхес, например, упоминает четыре мотива в новелле «Четыре цикла»:

- падение города,
- возвращение,
- поиск
- самоубийство Бога.

Кристофер Боккер считает, что существует семь сюжетов:

1. приключение,
2. возвышение,
3. до и после,
4. трагедия,
5. комедия,
6. воскрешение,
7. победа над чудовищем.

У Роберта Тобиаса есть сюжеты, среди которых поиск, месть, загадка. Но больше все сюжетов у Ж. Польти, он выделяет их 36, например, «жертва безмерной радости», «жертва кого-нибудь», «борьба против бога», «достижение» [36 сюжетов: элект.ресурс]. Так или иначе, но эти мотивы встречаются в литературе любой эпохи и любой культуры, и в гомеровском эпосе, и в Библии, и в народных сказках.

Типичными примерами *бродячих сюжетов* и *назиры* в таджикско-персидских подражательных ответах являются Хамса-пятерицы Низами («Сокровищница тайн», «Хусрав и Ширин», «Лейла и Меджнун», «Семь красавиц», «Искандер-наме»), а также аналогичные хамса-пятерицы Хусрава Дехлави и Абдурахмана Джамии. Произведения этих авторов кардинально отличаются и независимы в своем отношении к любви, женщине и общественным делам, а зачастую даже диаметрально противоположны по содержанию и трактовке традиционных образов (например, образы реальных

царей Хусрава и Бахрама в поэмах Низами «Хусрав и Ширин», «Семь красавиц» и Навои – «Фархад и Ширин», «Семь планет»).

Как пример жанровой формы *назира* можно привести обработку Гургани пехлевийского сюжета маснави "Вис и Рамин" (XI в.). В его произведении видоизменены поступки героев, мотивировки их действий в соответствии с историзмом XI века, отдельных сюжетных мотивов, при этом сохраняются одновременно сюжетные действия зороастрийской эпохи "язычества".

"Сокровищница тайн" Низами Ганджави – *назира* на маснави "Сад истин" Санаи. Отражение в каждом из произведений мировоззрений поэтов, преследующих мистические (узко суфийские – Санаи) и земные, общечеловеческие (Низами) цели. Содержание "Сокровищницы тайн" - отражение социальных и философских воззрений Низами. Это притчи о тиранах, справедливости и несправедливости, благости крестьянского труда, симпатия к угнетенным, требования справедливости от правителей и т.д.

В годы советской власти таджикский поэт Абулькасим Лахути написал поэму-назиру на касыду «Руины Медаина» Хагани (XII в.) под названием «Кремль» (1923). Маснави "Руины Медаина" – о древней столице Сасанидов, оплакивающая разрушение персидской столицы Ктесифона (Медаина) Это размышления над развалинами некогда могущественной страны, в котором высказаны мысли о равенстве людей, о вечности и сиюминутности, бренности, переменчивости бытия. В поэме А.Лахути в отличие от Медаина, разрушенного войнами, Московский Кремль возродился и ведет народы к свободе.

Любое новаторство по отношению к традиционному в определенной степени можно рассматривать как форму *назира*. Например, персоязычная эпическая литература, которая считается общим наследием многих стран и народов, сформировалась и оформилась отчасти благодаря использованию сюжетных мотивов и структурной поэтики древнеиндийских эпосов «Панчатантра», «Махабхарата», «Рамаяна» и др., например, поэма-маснави

Рудаки "Калила и Димна" (IX в.), представляющая поэтическую обработку одноименного индийского сказочного сюжета (из "Панчатантры") и "Книги Синдбада".

Эти традиции впоследствии, пройдя в Европу, получили там новое развитие. Например, "Западно-восточный диван" И.Гете, или проникновение формы газели в европейскую, в частности, немецкую поэзию (И.Гете, Ф.Боденштед, А.Платен и т.д.), опыты газели в русской поэзии (А.Фет, В.Брюсов, В.Иванов, М.Кузьмин, А.Пушкин и др.) являются примерами подражания и, следовательно, интертекстуальности

3.4.2.1. Бродячие сюжеты в сказках

Рассмотрим интертекстуальность на материале народных сказок, потому что они есть практически в любой культуре.

Архетипический персонаж становится главным героем сказки. Термин «архетип», введенный Г.К. Юнгом, обозначает «коллективные по своей природе формы и образцы, встречающиеся практически по всей земле как составные элементы мифов и в то же время являющиеся автохтонными индивидуальными продуктами бессознательного происхождения [Юнг,1995]. Архетипические мотивы происходят от архетипических образов в человеческом сознании, которые передаются не только через традиции и миграции, но и через наследственность. Эта гипотеза необходима, поскольку даже самые сложные архетипические паттерны могут воспроизводиться спонтанно, без традиции. Архетипы и прототипы – это сформулированный продукт огромного технического опыта бесчисленных предков". Примером спонтанного воспроизводства являются сказки.

В своей знаменитой работе "Морфология волшебной сказки" В.Я. Пропп писал, что морфология сказок – это описание их по составным частям и их отношениям друг к другу и к целому. [Пропп, 1928]

Пропп, изучавший фольклор, заметил, что в сказках есть постоянные и переменные величины.

К постоянным относятся функции действующих лиц и их порядок. Под функциями Пропп понимает действия персонажей с точки зрения их отношения к процессу их поведения.

Четыре центральные пропозиции, разработанные в его работе, таковы:

1. Постоянными и стабильными элементами сказки являются функции персонажей, независимо от того, как и кем они выполняются. Они образуют основные строительные блоки сказки.

2. количество известных функций в сказке ограничено

3. порядок функций всегда один и тот же. В то же время эта закономерность применима только к фольклору.

4. все сказки идентичны по своей структуре.

Ее переменными являются количество функций и способ их выполнения, мотивы и атрибуты персонажей, а также языковой стиль.

Таким образом, порядок выполнения функций составляет единое композиционное ядро всех сказок:

Пропп утверждает, что всего в сказке 31 функция.

Многие функции являются парными (например, запрет – нарушение, борьба – победа, преследование – спасение). Иными словами, в сказке всего семь персонажей: герой, вредитель, отправитель, даритель, спасатель, принцесса и ложный герой.

«В результате, отмечая все местные, вторичные образования, оставив только основные формы, мы получим ту сказку, по отношению к которой все волшебные сказки являются вариантами. Произведенные нами в этом отношении разыскания привели нас к тем сказкам, где змей похищает царевну, где Иван встречает ягу, получает коня, улетает, при помощи коня побеждает змея, возвращается, подвергается погоне змеих, встречает братьев и т. д., как к основной форме волшебных сказок вообще» [Пропп,2001: 82].

В. Пропп отмечает, что на основной исторический вопрос «Откуда происходит сказка?» невозможно ответить без рассмотрения особенностей рассказа как такового: «Если мы не умеем разложить сказку на её составные части, то мы не сумеем произвести правильного сравнения. А если мы не умеем сравнивать, то как же может быть пролит свет». [Пропп, 2001: 19].

В. Пропп отмечает, что структура сказок полностью унифицирована, и оставляет на усмотрение исторических исследований, опубликованных в 1946 году под названием "Исторические корни волшебных сказок", чтобы определить, имеют ли сказки единое происхождение.

Возьмем для сравнения по одной русской и таджикской сказке. Для примера возьмем таджикскую сказку «Говорящие попугаи»:

Правда ли, неправда ли, в древние времена жил один падишах. Он женился три раза. Несколько раз расцветали и увядали тюльпаны на холмах, несколько раз густые травы буйно покрывали поля и долины, а потом засыхали. Но за все это время ни одна жена не родила ему ни одного ребенка.

Однажды, после долгого раздумья над своей судьбой, падишах вызвал своего вазира, который был его правой рукой, и сказал ему:

Как тебе известно, я всю жизнь мечтаю о ребенке, но ни разу еще мое сердце не наполнилось радостью при виде желанного дитяти. Приказываю тебе объехать весь свет и найти мне такую жену, которая обрадовала бы меня сыном или хотя бы дочерью.

Услышал это вазир, удивился словам падишаха, хотел сказать, где же он найдет такую жену, но возражение падишаху равносильно требованию для себя смерти, поэтому он, ничего не сказав, поехал искать падишаху желаемую жену.

Не успел он еще выехать за пределы страны, как в одном кишлаке до него долетел разговор девушек. Он подъехал поближе к ним, остановил коня и увидел на берегу быстро текущего потока трех дочерей пастуха.

Если б я вышла замуж за падишаха ,—говорила одна из девиц,— я сварила бы котел плова, которым накормила бы весь народ его царства, да еще оставила бы в запасе...

Если б я вышла за падишаха, — говорила другая девушка,— я соткала бы ковер, которым можно было бы покрыть весь мир. Если же свернуть его, он станет таким же, как скорлупа фисташки...

Если б я вышла замуж за падишаха, — сказала третья девушка,— я родила бы ему сына с дочерью с золотыми кудрями, с лучезарными лицами, похожими на солнце, освещающее мир.

В целом в данной сказке есть и зависть и коварство (старших жен, не сумевших родить шаху детей), наговор (родились котенок с кутенком, а не златокудрые брат с сестрой), в результате которого детей пытаются умертвить, но отдают пастуху, а их мать кидают в темницу. После долгих лет шах узнает правду и воссоединяется со своей женой и детьми.

Сравним с ней “Сказку о царе Салтане” А.С.Пушкина:

Три девицы под окном

Пряли поздно вечерком.

«Кабы я была царица, —

Говорит одна девица, —

То на весь крещеный мир

Приготовила б я пир».

«Кабы я была царица, —

Говорит ее сестрица, —

То на весь бы мир одна

Наткала я полотна».

«Кабы я была царица, —

Третья молвила сестрица, —

Я б для батюшки-царя

Родила богатыря».

Очень похож зачин сказки. Здесь просматриваются явные параллели.

Присутствуют те же коварство и зависть (ткачихи, поварихи и Бобарихи), наговор (неведома зверюшка), заточение матери и сына в бочку и бросанием в воды океана. И так же в конце концов правда торжествует и царь Салтан снова вместе с царицей и сыном – Гвидоном.

Исследователи утверждают, что в отношении источников пушкинских сказок нет сомнений в том, что Пушкин знал многие восточные сказки, особенно те, которые рассказывала ему няня, Алина Родионовна. Он также был знаком как с русскими, так и с зарубежными сборниками сказок. Например, сказки баронессы д'Онуа из «Тысячи и одной ночи», причём текст прозаической записи 1828 года очень близок к последней из них [Азадовский, 1936]. Американский сказковед С. Томпсон, наиболее известный как составитель индекса сказочных сюжетов Аарне-Томпсона (AaTh) писал, что вообще «это один из восьми или десяти самых известных мировых сюжетов. Беглый просмотр доступных справочных работ обнаруживает 414 версий, и это говорит о том, что более тщательные поиски могли бы привести к открытию и ещё нескольких сотен версий» [Thompson, 1973].

В 1712 году французский перевод "Тысячи и одной ночи" был опубликован А. Галланом, где есть похожая история *Histoire des deux sœurs jalouses de leur cadette* ("История двух сестер, ревнующих к младшей "). Благодаря этому французскому «переводу» сказка о чудесных детях неоднократно издавалась и стала хорошо известна в Европе. Эту параллель отмечали А. Н. Афанасьев, В. В. Сиповский и Е. Е. Аничкова [Аничкова, 1927].

Известный фольклорист М. К. Азадовский в качестве основных литературных источников для произведений Пушкина называет западноевропейские сказки: «все эти тексты были, без сомнения, хорошо известны Пушкину, в библиотеке которого был и Галлановский перевод 1001 ночи и сборник д'Онуа ([фр. d'Aulnoy](#))» [Азадовский, 1936].

Таким образом, сравниваемые сказки также представляют собой «бродячие сюжеты», характерные, как мы уже отмечали, для всей мировой литературы.

Обобщая, необходимо отметить, что основными моментами, которые представлены в сказках, являются:

- Наличие волшебства;
- Зависть, злоба;
- Приключения героев (злоклучения);
- Помощь со стороны (пастух, старуха);
- Победа добра над злом;
- Прощение.

Одним из практически идеальных образцов эпического произведения, представляющего собой интертекст и прецедентный текст, в котором переплетены много видов разнообразных текстов, в том числе и сказочных, является «Шахнаме» Фирдоуси, которое мы и проанализируем далее.

3.5. «Шахнаме» Фирдоуси как интертекст и прецедентный текст

Эпопея "Шахнаме", созданная Фирдоуси в X-XI веках, является ярким примером интертекстуальности. Это произведение представляет собой синтез различных литературных и культурных традиций, исторических и мифологических сюжетов, жанровых элементов. В "Шахнаме" используются словесные споры, диалоги, обращения, речи монархов, что указывает на тесные связи с устным народным творчеством.

Интертекстуальность эпопеи проявляется в многообразии используемых материалов. В «Шахнаме» переплетаются мифологические мотивы с историческими событиями и реальными персонажами. Фирдоуси включает в повествование вставные эпизоды, отдельные истории и анекдоты, которые не

всегда имеют непосредственное отношение к основной сюжетной линии, однако обогащают повествование и делают его более живым и реалистичным.

Несмотря на многообразие и разнородность используемых источников, «Шахнаме» отличается цельностью и единством композиционной структуры. Эпизоды и истории органично вплетены в общий сюжет, который представляет собой легендарную историю персидских царей. Связь между различными эпизодами поддерживается с помощью повторов, мотивов, образов и приемов художественной выразительности.

Многослойность и интертекстуальность «Шахнаме» способствуют созданию богатой и многообразной панорамы персидско-таджикской истории и культуры. Эпопея отражает представления персов о своем прошлом, их мифы, легенды и устремления.

3.5.1. Литературное и культурное значение "Шахнаме"

«Шахнаме» имеет огромную литературную и культурную ценность. Поэма считается одним из величайших эпических произведений мировой литературы, а также национальным эпосом иранских народов. Она сыграла значительную роль в формировании многих восточных литератур, а также оказала влияние на европейскую литературу.

Помимо литературных достоинств, «Шахнаме» является ценным историческим источником. Она описывает историю Ирана от мифических времен до раннего исламского завоевания. Эпизоды, посвященные различным царям, содержат многочисленные исторические сведения и отражают политические и социальные процессы, происходившие в разные периоды в регионе.

«Шахнаме» отличается высоким художественным мастерством и идейной глубиной. Фирдоуси был выдающимся поэтом, который мастерски владел словом и мог создавать яркие и запоминающиеся образы. В поэме

представлена широкая галерея персонажей, каждый из которых имеет свой уникальный характер и судьбу.

Помимо художественных достоинств, «Шахнаме» обладает глубокой идейной и философской составляющей. Эпопея пронизана идеями справедливости, чести и доблести. Фирдоуси воспевает мужество и самопожертвование, осуждает тиранию, предательство и коварство. «Шахнаме» является настоящей энциклопедией моральных ценностей и нравственных предписаний, которые были актуальны для людей всех времен и народов.

В сочетании с высокими художественными достоинствами идейная глубина «Шахнаме» делает ее монументальным произведением, которое на протяжении веков продолжает восхищать и вдохновлять читателей. Поэма «Шахнаме» Фирдоуси - выдающееся и монументальное произведение, созданное одним человеком, а не собранное из различных народных эпосов и литературных источников, как, например, индийская «Махабхарата»

В создании «Махабхараты», согласно академику А.П. Баранникову (издание Академии наук, 1950), участвовали представители разных народов и каст Древней Индии. Процесс ее обработки и переработки продолжался несколько столетий, и единой редакции памятника не было создано, хотя авторство его было приписано легендарному мудрецу и поэту Вьясе.

Среди эпосов мира «Шахнаме» занимает уникальное место по охвату событий. Если бы некий древнегреческий поэт, подобный Гомеру, воссоздал в единой поэме весь цикл греческих сказаний, включая ранний исторический период, эпоху войн, расцвет и падение Афин, возвышение Македонии, завоевательный поход Александра Македонского, борьбу диахов и эпигонов и завершил бы повествование битвой при Пидне и подчинением Греции Риму (168 г. до н.э.), то получилось бы произведение, сопоставимое с "Шахнаме" Фирдоуси.

Подобные аналогии можно провести и с эпосами других народов. Однако ни одна из этих эпопей не объединяет так органично мифологию,

народные предания и историю в единое композиционное целое, как это сделано в «Шахнаме» Фирдоуси.

Автор «Шахнаме» не просто собрал и систематизировал отдельные фрагменты устной традиции, но создал грандиозное повествование, которое охватывает всю историю Ирана от мифических царей до арабского завоевания. Фирдоуси не просто последовательно изложил исторические события, но сплел их в сложную сеть взаимоотношений, раскрывая такие темы, как добро и зло, долг и честь, любовь и предательство.

В «Шахнаме» переплетаются различные сюжетные линии, описывающие подвиги легендарных героев, дворцовые интриги и сражения между армиями разных эпох. Поэма отражает не только военную и политическую историю Ирана, но и его культурные традиции, мифологию и фольклор.

«Шахнаме» – это не просто поэма, это персидско-таджикский эпос, который сыграл огромную роль в формировании культурной идентичности и самосознания таджикского народа. Произведение Фирдоуси вдохновляло поэтов, художников и музыкантов на протяжении столетий и продолжает быть источником гордости и вдохновения для современных таджиков.

Культурное значение «Шахнаме» сложно переоценить. Во-первых, она является отражением иранской национальной идентичности и самосознания. Поэма рассказывает о героической борьбе иранцев против иноземных захватчиков и прославляет великих иранских героев. Во-вторых, "Шахнаме" стала основой для многих произведений средневековой и современной персидско-таджикской литературы. В-третьих, она стала источником вдохновения для многих художников, музыкантов и кинематографистов, создающих произведения на тему иранской истории и культуры.

Таким образом, «Шахнаме» великого Фирдоуси является не только всемирно значимым литературным произведением, но и важным культурным феноменом, который продолжает жить и развиваться в последующих поколениях. Интертекстуальность этой поэмы позволяет ей сохранять

актуальность для разных эпох и поколений, а также обогащать мировую культуру новыми идеями и образами.

3.5.2. Претексты эпоса

Фирдоуси сам отмечает, что использовал множество источников при создании «Шахнаме». Одним из ключевых источников «Шахнаме» является древнеиранская «Авеста», священная книга зороастризма. В поэме Фирдоуси можно найти многочисленные отсылки к зороастрийской мифологии и религиозным учениям.

Он также использовал более поздние иранские эпосы и исторические хроники. Кроме того, Фирдоуси, безусловно, добавлял свои собственные идеи и образы, чтобы сделать «Шахнаме» более монументальным трудом, который, как он предполагал, должен был по достоинству быть оценен правителем.

Вот как сам Фирдоуси перечислил все источники своего великого произведения:

*Сухан гуфта шуд, гуфтанӣ ҳам намонд,
Ман аз гуфта хоҳам яке бо ту ронд.
Сухан ҳарчӣ гӯям, ҳама гуфтаанд,
Бари боғи дониш ҳама руфтаанд.*

*Агар бар дарахти барӯманд ҷой
Наёбам, ки аз бар шудан нест рой.
Касе к-ӯ шавад зери нахли баланд,
Ҳамон соя з-ӯ боздорад газанд.*

*Тавонам магар пойгаҳ сохтан
Бари шохи он сарви сояфикан,
К-аз ин номаи номвар шаҳрёр
Ба гетӣ бимонам яке ёдгор.*

*Ту инро дурӯзу фасона мадон,
Ба яксон равиш дар замона мадон.
Аз ӯ ҳарчӣ андархурад бо хирад,
В-агар бар раҳи рамз маънӣ барад,*

Переводчик произведения Ц.Б Бану комментировала это таким образом: «Во вступлении к поэме первые строки раздела «О происхождении Шахнаме» прозвучали в переводе с достаточной убедительностью лишь после того, как стал ясен внутренний смысл образа: в саду поэзии плоды уже обобраны другими – неведомых преданий не осталось. Но если поэту не дано сорвать плоды – найти новые сюжеты, «Шахнаме» то он готов обратиться к сюжетам уже известным – к преданиям древности; они, как тень густолиственного дерева, спасут от гибели, дадут возможность поэту обрести бессмертие в поэме, увековечивающей эти старинные предания» [Фирдоуси 1957]:

*О чем же запеть? Все пропето давно.
Сказать мне о сказанном только дано.
Преданий неведомых я не найду,
Плоды все обобраны в этом саду.
Но если плоды мне сорвать нелегко —
Забраться не мыслю я столь высоко, —
Под древо заманит прохладная тень,
Укроет, спасет благодатная сень.
Быть может, я места добыю своего
Под ветвью тенистого древа того, —
Избегнув забвенья, не сгину в пыли,
Пребуду я в книге великих земли.
Не все одинаковы жизни пути:
Ты выдумкой повесть мою не сочти;
Согласна в ней с разумом каждая речь,*

Хоть мысль доводилось мне в символ облечь.

Далее указываются собственно зороастрийские источники, которые хранились у жрецов-мобедов:

*Яке нома буд аз гаҳи бостон,
Фаровон бад-ӯ - андарун достон.
Пароканда дар дасти ҳар мӯбаде,
Аз ӯ баҳрае бурда ҳар бихраде.*

*Старинная книга хранилась, и в ней —
Немало сказаний исчезнувших дней.
В руках у мобедов тот клад уцелел,
Но каждый мудрец только частью владел.*

Вслед за этим упоминается витязь-мудрец из дехканского рода, который, расспрашивая старцев, собрал все сказания о древних царях и богатырях и создал «Книгу времен», воздвигнув, тем самым себе вечный памятник:

*Яке паҳлавон буд деҳқоннажод,
Далеру бузургу хирадманду род.
Пиҷӯҳандаи рӯзгори нахуст,
Гузашта суханҳо ҳама бозчуст.*

*Зи ҳар кишваре мӯбаде солх(в)ард
Биёвард, к-ин номаро гирд кард.
Бипурсидашон аз нажоди каён,
В-аз он номдорони фаррухгавон,*

*Ки гетӣ ба оғоз чун доитанд,
Ки эдар ба мо хор бигзоитанд?
Чӣ гуна сар омад ба некахтарӣ*

Бар эшон ҳама рӯзи кундоварӣ?

*Бигуфтанд пешаш якояк меҳон
Суханҳои шоҳону гашти чаҳон.
Чу бишнид з-эшон сипаҳбад сухун,
Яке номвар нома афканд бун.*

*Чунон ёдгоре шуд андар чаҳон,
Бар ӯ офарин аз кеҳону меҳон.*

*Жил рода дехканского витязь-мудрец
Из чистых, добром озаренных, сердец.
Любил он в глубины веков проникать,
Забывтые были на свет извлекать.
Мобедов из ближних и дальних сторон
Созвал и воссоздал он книгу времен.
Расспрашивал старцев о древних царях,
О славных воителях-богатырях, —
Как правили гордо они в старину
Землю, что ныне у горя в плену,
И как доживали со славой они
Свои богатырские, ратные дни.
Поведали старцы друг другу вослед
О жизни царей, о течении лет,
И витязь, прилежно внимая речам,
В заветную книгу их вписывал сам. . .
Так памятник вечный себе он воздвиг.
Чтут витязя мудрого мал и велик.*

Также в Шах-наме присутствуют элементы из «Шахнаме» Дакики, произведения X века, и других более ранних иранских эпосов, о чем Фирдоуси пишет в «Достони Дақиқи шоир» (О поэте Дакики):

*Чу аз дафтар ин достонҳо басте
Ҳаме хонд хонанда бар ҳар касе,
Ҷаҳон дил ниҳода бад-ин достон
Ҳама бихрадон низу ҳам ростон.
Ҷавоне биёмад кушодазабон,
Сухан гуфтани хубу равшан равон.
«Ба назм орам ин номаро-гуфт-ман».
Аз ӯ шодмон шуд дили анҷуман.*

*Прославился труд достопамятный тот;
Внимая чтещу, собирался народ.
Был каждый в сказания эти влюблен,
Кто чистой душой и умом наделен.
Молва разнеслась о певце молодом
С чарующей речью и ясным умом.
«Сказанья, — он молвил, — оправлю я в стих»,
И радость в сердцах поселилась людских.*

С большим сожалением великий Фирдоуси отмечает, что если бы не внезапная смерть, которая поразила молодого Дакики, который успел написать лишь две тысячи строк:

*Ҷавониширо хӯи бад ёр буд,
Або бад ҳамеша ба пайкор буд.
Бар ӯ тохтан кард ногоҳ марг,
Ба сар барниҳодаш яке тира тарг.*

Бад-он хӯи бад ҷони ширин бидод,

*Набуд аз ҷаҳон дил-ш як рӯз шод.
Якояк аз ӯ бахт баргашта шуд.
Ба дасти яке банда-бар кушта шуд.*

*Бирафт ӯву ин нома ногуфта монд,
Чунон бахти бедори ӯ хуфта монд.
Худоё, бубахио гуноҳи варо,
Бияфзой дар ҳашир ҷоҳи варо!*

*Но спутником был ему тайный порок,
И в тяжких бореньях певец изнемог.
Нагрязнула смерть, навлеченная злом,
Надела на юношу черный шелом.
Пороку пожертвовав жизнью своей,
Не знал он беспечных и радостных дней;
Сраженный рукою раба своего,
Погиб: отвернулась судьба от него.
Лишь только воспел он в двух тысячах строк
Гоштаспа с Арджаспом — пришел ему срок.
Он умер и сказ не довел до конца:
Погасла звезда молодого певца.
Будь милостив, Боже, прости ему грех,
Его не лишай ты небесных утех!*

Все это позволяет говорить о том, что «Шахнаме» не просто копирует древние тексты, но интерпретирует их, дополняет и перерабатывает, адаптируя к новым историческим и культурным условиям, соответственно, представляет собой интертекст. Об интертекстуальных особенностях «Шахнаме» можно рассуждать бесконечно, но это тема отдельного монографического исследования.

3.5.3. «Шахнаме» как прецедентный текст: прецедентные имена

О связи интертекста с прецедентными текстами, как упоминалось в предыдущих разделах писали многие известные ученые – С.Г. Воркачев, Ю.Н. Караулов, В.В. Красных, В.П. Москвин и др. Так, Ю.Н. Караулов сравнивая интертексты с прецедентными текстами, отмечает, что это тексты «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов 2006: 216].

В.В. Красных в своих работах, проводя дальнейшее расширение теоретической базы, ввела понятие прецедентных феноменов и назвала их: *прецедентные ситуации, прецедентные тексты, прецедентные имена и прецедентные высказывания* [Красных 2002: 47].

Герои «Шахнаме», такие как Рустам, Сухроб, Заххак и Кова, являются яркими и запоминающимися персонажами, чьи имена стали нарицательными и используются до сих пор в современном персидском языке. Однако, вопрос являются ли они «прецедентными именами» в том смысле, как это понимается в современной лингвистике и теории дискурса. В.П. Москвин пишет: «к прецедентным текстам относятся не только цитаты из художественных произведений. Прецедентным текстом может быть и имя собственное» [Москвин 2013: 55], для таджикской лингвокультуры такими именами служат, например, Рустам, Сухроб, Заххак, Кова, Рахш из «Шахнаме» или Синдбад, Лаку Пак, Афанди и др. Иначе говоря, прецедентное имя – это имя, которое стало известным и узнаваемым благодаря какому-то конкретному произведению, событию или явлению и которое затем используется для обозначения других подобных событий или явлений.

С одной стороны, в случае с героями «Шахнаме», их имена стали известными благодаря самому произведению и их роли в нем, и они

используются для обозначения каких-то других событий или явлений, кроме тех, которые описаны в «Шахнаме», но это характерная особенность для восточной (таджикской, иранской и некоторых других лингвокультур и литератур). Поэтому, хотя герои «Шахнаме» являются важными и запоминающимися персонажами, их имена возможно не могут считаться «прецедентными» в западных культурах, в том же смысле, как другие имена, ставшие известными благодаря другим событиям или явлениям в европейской литературе и культуре.

Кроме того, для восточных, особенно, ираноязычных народов, чьим литературным и культурным наследием считается «Шахнаме», как само произведение, так и имена многих его героев являются несомненно прецедентными, поскольку о богатыре мы называем Рустам, говоря об убийстве сына отцом, вспоминаем Рустама и Сухроба, Заххок олицетворяет для нас зло, Рахш – легендарный конь Рустама и т.п.

«Шахнаме» Фирдоуси, таким образом, являясь предметом законной гордости современных таджиков и персов, для которых «Шахнаме» – одно из основных классических произведений родной литературы, представляет собой источник для многочисленных последующих произведений литературы и культуры, что свидетельствует о интертекстуальности «Шахнаме».

Рассмотрим далее виды интертекстов на материале сказок «Тысячи и одной ночи».

3.6. Виды интертекстов в сказках «Тысяча и одной ночи»

Прежде чем приступить к анализу сказок «Тысяча и одной ночи», необходимо вкратце отметить историю подготовки издания на таджикском языке.

В предисловии к таджикскому изданию говорится о том, что «Тысяча и одна ночь» была переведена на персидский язык примерно в 1840 году в

Тебризе, во время правления Мухаммад-шаха. По приказу царя перевод осуществил Абдуллатиф Табрези, а его стихи написал Мирзо Сарваш.

В результате усилий этих двух авторов персидская версия «Тысячи и одной ночи» стала по-настоящему приятной для чтения и оригинальной, которую читателю понравится читать. Авторы перевода использовали такие навыки, что для этой книги, сказок и легенд были использованы стихи Хафиза, Хайяма, Саади, Фирдоуси и других.

В Тегеране в 1937 году «Тысяча и одна ночь» Мохаммада Рамазани была переиздана в пяти томах в типографии «Саншайн» с исправлениями и сопоставлениями, основанными на том же переводе Абдуллатифа Табрези.

«Текст книги, – писал Мохаммад Рамазани, – переведен Абдуллатифом ат-Тасваджи, за исключением некоторых моментов». Единственный момент, который необходимо прояснить, – это имя «Шахриёр», которое является главным героем этой повести, повсюду публикуемой «Шахрбоз» из-за соответствия персидскому тексту, который зафиксировал имя этого царя в прозе и поэзии именно в таком виде".

«Когда встал вопрос о подготовке к изданию книги «Алфуллайлава Лайла», сталинабадские ученые решили не переводить эту книгу с арабского отдельно, а получить такой же персидский перевод. Потому что персидский перевод очень высок как с точки зрения языка и художественного выражения, так и с точки зрения поэзии, и он понятен и приятен таджикскому читателю. Поэтому мы подготовили и последнюю персидскую версию (издание Тегерана) для таджикского издания «Тысяча и одна ночь»...«При подготовке к публикации мы постарались оставить как можно больше оригинального персидского и заменить только некоторые слова, которые имеют значение, противоположное таджикскому. Мы также сократили некоторые сказки в связи с необходимостью» [Икромӣ, 1959: 4].

Сюжетно-композиционная структура сказок «Тысяча и одной ночи» идентична другим подобным произведениям, например, «Синдбад-наме» [ас-Самарканди, 1960]. Принцип подобных произведений – рамочная структура

(см. раздел 2.5) или по-другому «ящичная» композиция с «обрамленным» сюжетом. Фактически «Синдбад-наме» является структурной частью и «Тысяча и одной ночи».

Главные герои "Синдбад-наме", формирующие своеобразную структуру произведения: Шах (Курдис), его сын – Шах-заде, коварная рабыня-соблазнительница и семь визирей.

Формальная и повествовательная «рамка» романа «Синдбад-наме»: Шах-заде оклеветан невольницей-соблазнительницей, но поскольку у него обет молчания, за него вступаются семь визирей. Течение сюжета: роман о семи визирях чередуется с историей девушки-рабыни. В основном книга рассказывает о проделках, хитростях и коварстве неверных жен. Структура и фабульная последовательность глав и разделов «Синдбад-наме»: «Начало повествования», «Раздел об особенностях человека».

Начинается «Книга Синдбада» со следующих сказок: «Рассказ об обезьяне, лисе и рыбе», «Рассказ о волке, лисе и верблюде», «Рассказ о кашмирском шахе и погонщике слона», «Рассказ о женщине, баране, слонах и обезьянах»).

Первый визирь приходит к шаху: «Рассказ о муже, его жене и попугае», «Рассказ о воине, его любовнице и слуге».

На второй день к шаху приходит невольница: «Рассказ об отбельщике, его сыне, осле и пучине».

К шаху приходит второй визирь: «Рассказ о куропатках, самце и самочке», «Рассказ о красивой жене и бакалейщике».

Невольница приходит к шаху на третий день: «Рассказ о царевиче, визире и гулях».

К шаху приходит третий визирь: «Рассказ о воине, мальчике, кошке и змее», «Рассказ о жене купца».

Невольница приходит к шаху на четвертый день: «Рассказ о свинье, смоковнице и обезьяне».

Четвертый визир приходит к шаху: «Рассказ о банщике, его жене и царевиче», «Рассказ о влюбленном, старухе и плачущей собаке»).

Невольница приходит к шаху на пятый день («Рассказ об охотнике, меде, собаке, ласке и бакалейщике») и так далее на протяжении нескольких дней.

На седьмой день Шах-заде заговорил и об этом рассказывается в следующих сказках: «Рассказ о хозяине и гостях», «Рассказ о жене, ребенке, колодце и веревке», «Рассказ о двухлетнем мальчике», «Рассказ о пятилетнем мальчике, старухе и ворах», «Рассказ о слепом старце, купце и ворах», «Рассказ о дочери кашмирского шаха, пери и четырех братьях», «Рассказ о лисе, сапожнике и жителях города», «Рассказ о шахе Кашмира и сыне его визира», «Рассказ об удоде и праведном муже», «Рассказ об осе и муравье».

Афоризмы, начертанные на стенах дворца Фаридуна: «Тот, кто прислушивается к клеветнику и ябеднику..., окажется в трудном положении»; «... Враг все равно что змея, которая никогда не станет другом человека», «Не сторонись друга., не обижайся из-за небольшой шутки... ибо это – признак глупости»; «Совет держи с мудрецами, чтобы избежать глупости...»; «Берегись и остерегайся домашнего врага...», «Не говори необдуманных слов... Всегда думай о результате поступков».

Диалог (испытание, соревнование) между шахом Курдисом и его сыном Шах-заде, основанный на следующих изречениях: (Шах: «...Кто самый достойный из людей?») «Тот, – отвечал Шах-заде – кто умеет отличать достоинства знатных и простолюдинов» ... Шах: «А какое качество более других достойно похвалы?» Шах-заде: «...Избегать торопливости при подписании приговоров относительно важных дел» ..., Шах: «А какое свойство достойно порицания?» ...Шах-заде: «Поспешность в делах, алчность и корыстолюбие». Шах: «Кому труднее всего умереть?» Шах-заде: «Тому, чьи поступки неприглядны».

Показанная формальная структура «Синдбад-наме» является показательной как образец произведений рамочной структуры.

Формально-сюжетная структура всех сказок 1001 ночи намного обширнее, соответственно описывать ее здесь полностью мы не будем. Рамочную структуру некоторых сказок мы подробно рассмотрели во второй главе (2.5).

Проанализируем интертекстуальность цитат, ссылок, пословиц, поговорок и афоризмов, поэтических вставок и внутреннюю речь на материале сказок «Тысяча и одной ночи».

3.6.1. Цитаты и ссылки как интертекст

К представителям интертекстов, являющихся «чужим» словом, как было рассмотрено выше, относятся: цитаты, ссылки, эпитафии и в, определенной степени, пословицы и поговорки.

Одним из способов ведения диалога между текстами является цитирование. Цитата – это один из способов создания полифонии в произведении искусства и введения в нее иной точки зрения. Именно в изложении этой точки зрения состоит основная функция цитаты как интертекста в прагма-семантической структуре художественного текста.

Относительно классических восточных текстов, таких как сказки «Тысяча и одной ночи», уместнее говорить не о цитате, а о ссылках на великих или известных личностей. Например:

Пас аз он гуфт:

— *Миннат худоеро, ки туро аз беморӣ халос дод ва акнун чӣ қасд дорӣ? Сар хоҳӣ тарошид ва ё рағхоҳӣ зад, ки аз **Ибни Аббос расида**: «ҳар кас агар дар рӯзи чумъа як тора мӯ кам кунад, ба ивази он худованд ҳафтод дардро аз ӯ дур мегардонад». Ривоят аст, ки ҳар кас агар дар рӯзи чумъа ҳаҷомат кунад, нури чашмаширо ҳифз мекунад».*

«И сказал он после этого:

*- Слава Создателю, который уберег тебя от болезни и каково твое намерение теперь? Хочешь обрести голову или сделай кровопускание, ибо **как сказал Ибн Аббос**: «каждому, кто в пятницу убавит хоть один волос, взамен*

Всевышний отведет от него семьдесят болезней». И есть легенда, что каждый, кто в пятницу сделает хиджаму, защитит свет своих очей» (28 ночь).

В данном примере есть ссылка на слова Ибн Аббаса и кроме того на ривоят – легенду, которая представляет собой прецедентный текст.

Очень часто в художественных текстах приводятся ссылки на слова Пророка (с.а.с.). Поскольку в таджикском тексте они приведены в кавычках, будем считать их цитатами. Например:

Пайгамбар фармуда, ки: «Нафрини худо бар гусоранда ва фишиоранда ва бардорандаи шароб бод!» - «Пророк наказал: «Да будет отвращение Всевышнего к тем, кто готовит и разливает вино»» (34 ночь).

Чун ба рӯи Зу'улмакон назар кард, дид ки хат баораз надорад ва худованди хусну чамол аст. Донист,ки гарибу ранчур аст. Меҳраш бар ӯ бичунбид ва гуфт:

— *Субҳоноллоҳ, чӣ гуна ваболи ин кӯдак ба гардан гирифтам?*
Пайгамбар фармуда, *ки «Ғарибонро гиромӣ бояд дошт, хоса ки бемор бошанд».*

Пас ӯро бардошта ба хонаи худ бурд ва зани худро ба хизматгузорию ӯ бигумошт. Зан бархоста хобгоҳ бигустурд ва болин бигузошт ва об гарм карда дасту пои ӯро шуст ва гӯлаҳӣ ба бозор рафта гулобу шакар овард; шакараш бихӯрониданд ва гулобааш бакор бурданд ва чомаи покизааш бипӯшониданд

Когда он посмотрел на лицо Зу'улмакона, то увидел, что на нем нет морщин, и он был обладателем красоты. Он понял, что тот чужеземец и страждущий. Жалость к нему тронула его, и он сказал:

- Слава Богу, что я не взял грех на душу за этого юношу. Пророк сказал: «Нужно уважать чужеземцев, особенно если они больны».

Поэтому он взял юношу к себе домой и велел жене ему прислуживать. Женица встала, расстелила постель и положила подушку, согрела воду и

вымыла руки и ноги, а слуга пошел на базар и принес розовую воду и сахар; они накормили его сахаром и возовой водой и надели на него чистую одежду
(53 ночь).

Особенностью семантики цитаты является сосуществование собственно значения и значимости.

Пас аз он каниз дар охири суханаиш ба сӯи мо ишорат карда гуфт:

— *Худовандони хирад гуфтаанд, ки беҳтарин бародарон он аст, ки дар панд гуфтан исрор кунанд ва беҳтарин амалҳо он ки оқубати он некӯ бошад ва беҳтарин саноҳо он аст, ки дар забони мардум бошад. **Ва гуфтаанд**, ки бандаро сазовор он аст, ки аз шукргузории худо гафлат накунад ва пайваста ду неъматӣ худоро шукр гузорад: яке офият ва дигаре ақл. **Ва гуфтаанд**: «ҳар, ки меҳнатҳои кучакро бузург шуморад, ба меҳнатҳои бузург дучор шавад ва ҳар кас пайрави ҳавою ҳавас кунад, ҳақро зоеъ гузорад ва ҳар кас итоати сухан чунон кунад, дӯстонро зоеъ кунад. Ва ҳар кас туро хуб гумон кунад, бо ӯ хубӣ кун ва ҳар, ки душманӣ аз ҳад бигузаронад, гунаҳгор аст ва ҳар кас, ки аз ситамгарӣ натарсад, аз шамшер эмин нанишинад».*

После этого служанка указала на нас в конце своей речи и сказала:

— *Лучшие из мудрецов сказали, что лучшие братья — это те, кто настаивает на наставлении, и лучшие дела — те, последствия которых хороши, и лучшие гимны — те, что на языке народа. **И сказали**, что слуга не должен забывать благодарить Бога и постоянно благодарить Бога за два блага: одно — здоровье, а другое — разум. **И сказали они**: «Кто малые дела считает великими, тот столкнется с великими делами, и кто следует прихотям и желаниям, растратит истину, а кто повинуется словам, растратит друзей. И кто думает, что ты хороший, обращайся с ним хорошо, и кто доводит вражду до крайности, тот виновен, и кто не боится угнетения, тот не уберется от меча» (78 ночь).*

Подобных цитат и ссылок на изречения великих огромное количество в классической литературе.

Эпиграф является одним из наиболее изученных типов включения цитат. Среди других интертекстовых компонентов эпиграф является чрезвычайно автономным, что выражается как в его структурной организации, так и в его семантической специфике. Относительно эпиграфов можно сказать, что они встречаются в современных таджикских текстах достаточно широко. Это могут быть как художественные, так и научные или публицистические тексты.

В таджикских современных текстах эпиграфами служат, как правило, известные изречения классиков таджикско-персидской литературы. Например, эпиграфом к книге Эмомали Рахмона «Точикон дар оинаи таърих» («Таджики в зеркале истории») послужило четверостишие:

*Бани одам аъзои якдигаранд,
Ки дар офариниш зи як гавҳаранд.
Чу узве ба дард оварад рӯзгор,
Дигар узвҳоро намонад қарор.
Саъдӣ*

Через эпиграфы автор открывает внешнюю границу текста для интертекстуальных связей и литературно-языковых веяний разных направлений эпох, наполняя и раскрывая внутренний мир своего текста.

Ср., также, эпиграф ко второй книге «Зарафшон» Сорбона, которым начинается его произведение:

*Ин чаҳонро нигар ба чашми хирад...
Рӯдакӣ*

Будучи совсем необязательным по своим внешним характеристикам, эпиграф представляет собой семантически завершенную и синтаксически сформированную мысль, представляющую либо предсообщение, либо встречное сообщение, перекликающееся с основными моментами текста.

3.6.2. Поэтические вставки как интертекст

В большинстве случаев «интертекстуального пересказа» происходит трансформация формы по оси «стих-проза». Это особенно явно прослеживается в восточных текстах, где прозаический текст всегда имеет интертекстемы-поэтические вставки.

Общеизвестно, что в тексте «Тысячи и одной ночи» проза перемежается с многочисленными поэтическими вставками. Они часто играют роль в развитии фабулы и несут информацию – письма в стихах, разнообразные надписи и т. п., в других случаях они становятся формой диалога между персонажами. Такое включение поэзии в прозу в значительной мере связано с тем культом поэтического красноречия, которое, восходя к доисламской вере в магию слова, на протяжении всего средневековья процветало на арабском Востоке. Стихи-песни нужны были поэту-декламатору, рассказчику и исполнителю, они украшали его выступление, делая его более театрализованным.

Поэтический язык некоторые авторы трактуют как абсолютный язык [Pfister, 1991]. Мотивация для такого подхода проистекает из соображения, что, если бы он отказался служить литературному анализу, лингвистика потеряла бы одну из основных причин своего существования. Таким образом, возрастает потребность в поэтическом видении языка, что позволило бы обосновать возможную связь между терминами обыденного и поэтического языка.

Лингвистика обслуживает литературу. В свою очередь, литература – это, прежде всего, языковое произведение. Великий теоретик Мартин Хайдеггер определяет герменевтику как метод вывода существа из состояния сокрытия, а поэзию – как «утверждение о том, что существо не скрывается». По его мнению, искусство – это «оригинальный скачок» и «превращение в дело истины». Высшей возможностью быть человеком остается язык. Это высший смысл бытия в хайдеггеровской герменевтике. Письмо Хайдеггера о «гуманизме» заканчивается метафорой, которая доказывает, что один из

величайших мыслителей века скрывает в себе поэта: «В большинстве случаев «интертекстуального пересказа» происходит трансформация формы по оси «стих-проза». Мысль оставляет своим высказыванием борозды, едва заметные на языке. Они стираются даже сильнее, чем оставляет после себя пахарь, медленно бороздя поле» [Strhan, 2011: 926].

По сравнению с постструктуралистским и постмодернистским видением текст – это продуктивность, поэтому он «становится», концепция, которую мы проиллюстрируем в следующих главах.

Для Бенедетто Кроче, как и для Мартина Хайдеггера, поэзия означает величие языка. Кроче даже будет учитывать, что существует тождественное отношение между искусством / поэзией и языком, поскольку «наука об искусстве и наука о языке, эстетика и лингвистика, рассматриваемые как собственно науки, – это не две разные вещи, а одно и то же. Не то чтобы существует специальная лингвистика, но общая лингвистика в том смысле, в котором она сводится к философии, есть не что иное, как эстетика. Тот, кто занимается общей лингвистикой, то есть философской лингвистикой, занимается эстетическими вопросами и наоборот. Философия языка и философия искусства – одно и то же» [Кроче, 2011]. Евгению Косериу также интерпретирует язык как поэзию, только в том, что, в отличие от них, он находит уникальную формулу в терминах отношения идентичности: абсолютный язык – это поэзия, которая не о коммуникации и измерении инаковости; он не связан с отношением одного предмета к другим предметам, но относится к предмету, который объективизирует: «абсолютный язык, оторванный от других предметов, тождественен поэзии» [Косериу, 2011: 162]. Это совершенно противоположная концепция структуралистской лингвистики (как в случае Ц. Тодорова, который сказал, что поэзия – это отклонение языка от нормы, или, как в случае Дж. Деррида, который интерпретирует поэзию как отклонение от нормы).

Между языком и поэзией существует разрыв. Эта метафора ткани стала видимой в сети, называемой Интернетом. Деррида также говорит об этом

«разрыве»: «Разрывы они всегда фатально заново вписываются в старую ткань, которую мы должны продолжать распутывать бесконечно. Эта бесконечность – не случайность или случайность; это существенно, систематично и теоретически. Это никоим образом не меняет необходимости и относительной важности определенных разрывов, появления или определения новых структур» [Деррида, 2000: 23]. То же видение разрыва, прерывности мы находим у Ролана Барта, когда он ссылался на текст удовольствия (текст, вызывающий удовольствие от чтения): «прерывистость» – «инсценировка появления-исчезновения» [Барт, 1989: 17], утверждал он в связи с «игривостью» поэтического акта: «Удовольствие от фразы (текста) очень культурно. Артефакт, созданный риторками, грамматиками, лингвистами, мастерами, писателями, родителями, этот артефакт имитируется более или менее в игровой форме; мы используем исключительный объект, чей лингвистический парадокс хорошо его подчеркивает: неизменяемый и, Барт тем не менее, бесконечно возобновляемый: что-то вроде игры в шахматы» [Барт, 1989: 80]. «Поэтика разрыва» перелома будет зримо показана в веб-пространстве. Отметим также, что разрыв и связь – взаимосвязанные понятия, поэтому онлайн-пространство предлагает взгляд и интерпретацию, а также поэтику связи (см. главу 4).

Функциональные и структуралистские теории давно считают, что поэтический язык – это особый язык, который явно отличается от непоэтического, определяется стилистическими отклонениями, субъективизмом, семантической двусмысленностью и т. п. Впоследствии эта концепция была переоценена, и размеры поэтического существа языка были приписаны повседневному языку. Поэтический язык больше не квалифицируется как антиязык, в отличие от других языков, он больше не противопоставляется им, а кумулирует их функции. Он, как настойчиво заявлял Э. Косериу, абсолютный язык, потому что берет на себя ответственность за все предметы. Сам автор становится абсолютным субъектом. Следовательно, поэтический язык «не может быть отклонением от

простого языка или повседневного языка, а, напротив, поэтический язык, в котором то, что уже актуально для знака, обновляется, является языком со всеми функциями, то есть в нем проявляется функциональная полнота языка» [Косериу,2011:163].

Теория Е. Косериу сосредоточена на концепции субъекта языка и на измерении инаковости языка. Измерение инаковости изначальное, общение всегда ориентировано на другого, на кого-то. Субъективность поэтического акта приобретает при чтении читателем, оказавшимся в поэтическом дискурсе. Взаимодействуя во временных рамках между двумя разными мирами – объективным и его субъективным представлением – модулирующий субъект устанавливает более глубокое знание о себе. Создатели постмодернистского поэтического языка очень хорошо заметили то, что Э. Косериу называет «миром из кусочков», который является фрагментарным, то есть не воображаемым миром, а нашим повседневным миром.

В искусстве (в том числе в поэзии) отсутствует измерение общения с кем-либо. Этот факт придает ему особую эстетическую коммуникацию, выполняя определяющую эстетическую функцию:

Аммо канизтаббох моҳиёнро ба тоба андохта бар оташ гузошт,то як сӯи онҳо сурх гардид ва оташ дар зери тоба ҳамесӯзонд, ки дид девори матбах шикофта шуд вадухтари моҳрӯе ба матбах даромад, ки дар хубӣ чунон буд, ки шоир гуфта:

*Шоҳро монад, ки андар садраҳи дебо бувад,
Ҳар, ки андар садраҳи дебо бувад, зебо бувад.
Ошиқонро дил ба доми анбарин кардаст сайд,
Сайди дил бояд чу дом аз анбари соро бувад.
Ҳаст даръеи малоҳат рӯи ӯ аз баҳри он-к,
Анбару марҷону лӯълу ҳар се дар даръе бувад.
Гар ба ҳукми табоъ яғмо расм бошад туркро
Он санам турк асту дил дар дасти ӯ яғмо бувад.*

Но служанка положила рыбу на сковороду и поставила на огонь, пока одна сторона их не покраснела и огонь не горел под сковородой, когда она увидела, что стена кухни треснула и в кухню вошла луноглазая девушка. и она была так хороша, как сказал поэт:

*Пусть шах останется во дворце,
Что бы это ни было, пусть это будет красиво.
Влюбленные попались в ловушку сердца,
Улов сердца должен быть подобен приманке.
Гладкая река на лице ее из-за того, что
В море есть кораллы, жемчуг и все три.
Если есть эмпирическое правило, то картинка турецкая
Та красавица турчанка и мое сердце в ее руках. (6-я ночь)*

В данном отрывке видим метафоры. Метафора и другие фигуры замещения – это концепции, основанные на процессе ассоциации. А именно, ассоциативность обнаруживается с невообразимой силой со средствами, предлагаемыми новыми технологиями, на которых она основана и которые она использует. В других языках эстетическая функция может быть вторичной или полностью отсутствовать. Поэтический язык постоянно стимулирует отношения между языком и реальностью, постоянно раскрывая структуру языкового знака и его бесконечные возможности использования / значения.

Пас бо худ гуфтам: «фурӯтанӣ карда бинолам. Шояд аз куштанам бигзорад». Пас ин байт бихондам:

*Зи қатли чун мане гар хотират хушнуд мегардад,
Ба ҷон миннат, вале теги ту хунолуд мегардад.
Чун шеър ба анҷом расонидам, бигристам, нигоҳе ба ман кард ва
дашномам дод ва ин ду байт бархонд:*

*Хез к-андар дилбарӣ дар банди паймон нестӣ.
Рав, ки андар дӯстӣ якрӯву яксон нестӣ!
Чун ба тарки ҷон бибояд гуфтанам дар ишқи ту,
Ҳам ба тарки ту бигӯям хуштар аз ҷон нестӣ!*

Поэтому я сказал себе: «Я должен быть смиренным. Может, он передумает меня убивать». И прочитал этот стих:

Если ты будешь доволен из-за убийства такого, как я.

Благодарю, однако твой клинок будет в крови.

Когда я закончил стихотворение, я заплакал, он посмотрел на меня и обругал меня и продекламировал эти два стиха:

Встань, ты не выполняешь обещаний.

Иди, ты не постоянен в дружбе!

Если мне придется умереть за твою любовь,

Позволь мне сказать тебе, что ты не лучше души!

В данной поэтической вставке просматривается аллюзия. Всякий намек неслучаен и запускает механизм ассоциаций». Затем чужой голос или, скорее, голоса (в данном случае представленные в стихах), сплетаются в благозвучный хор, исполняющий песню автора. Интертекстуальность способствует созданию в произведении поэтической реальности, параллельной или созвучной авторской. Вероятно, подобную картину представлял Х. Борхес, заметивший в «Книге песка» (1975): «Сверхкнига состоит из бесконечного множества книг».

Повседневный язык, напротив, обладает измерением внутренней инаковости, которая всегда ориентирует его на другой субъект, участвующий в речевом акте (в интернет-пространстве акт речи можно легко переименовать в акт онлайн-общения). Диалогичность языка не предполагает идеи «понимания, понимания, общения», так что лишь иногда бывает, что собеседник находится на одной волне. Общение не обязательно означает «ладить» с собеседником, но, прежде всего, вы соглашаетесь слушать его или заставлять его слушать вас. Даже когда мы с кем-то не согласны, когда мы боремся с идеей или когда мы ссоримся и в состоянии защитить себя, мы все равно общаемся. Мы не можем сказать того же о поэтическом языке.

*Он гоҳ зарҳо ба зери болии ниҳода бозгаишам ва пайваста маро кор
ҳамин буд то ин, ки маро диноре ва дираме намонд, хештанро маломат карда
гуфтам:*

Сабр кам гаиш, ишқ рӯзафзун,

Киса бе сим гаишту дил пурхун.

Ҳолам ин асту ҳирси ишқам бин.

Рост гуфтанд:—«Алчунуну фунун».

*Тогда я положил золото под подушку и вернулся, и я продолжал делать
то же самое, пока у меня не осталось ни динара, ни дирхема, я винил себя и
сказал:*

Терпение на исходе, любовь растет день ото дня,

Карман пуст, а сердце полно крови.

Это моя ситуация и увидит мою любовь.

Правильно говорят: «Горе от ума» (26 ночь).

Интертекстуальность интересна непредсказуемостью, наличием «игры».

В данном произведении соединяются несколько внетекстовых реальности. И чем их больше, тем очевиднее желание авторов/рассказчиков жонглировать литературными пространствами, тем осознаннее подход. Конечно, ввод «чужого» слова в произведение не говорит о какой-то слабости автора, а только о значимости конкретной темы, показать которую в перспективе невозможно без должного контекста.

3.6.3. Пословицы и поговорки как интертекст

Пословицы и поговорки таджикского народа исследуются в различных аспектах, однако нам представляется актуальным не только новый ракурс исследования пословиц и поговорок, но и рассмотрение вопросов функционирования отдельных единиц текста сквозь призму интертекстуальности, выявление особой роли паремиологических единиц при их включении в текст.

Новым является подход к исследованию таджикских пословиц и поговорок, которые рассматриваются, с одной стороны, как самостоятельный текст, а с другой – как «текст в тексте», что выявляет их характерную особенность – интертекстуальность. Изучение паремиологических единиц таджикского языка и функционирования таджикских пословиц и поговорок в тексте затрагивает вопросы, относящиеся к фразеологии, паремиологии, лингвистике текста, что определяет междисциплинарный характер исследования.

Выявление текстологических характеристик таджикских пословиц и поговорок дает основание для их рассмотрения как текстов особого рода. Таджикские пословицы рассматриваются в аспекте их функционирования в тексте как самостоятельных текстовых единиц, а также как интертекстуальных включений. Исследование таджикских пословиц и поговорок в тексте вносит вклад в изучение интертекстуальных связей, отраженных в параллельно существующих текстах.

«Ҳаммоҷ гуфт:

— На, валло! Даҳ баробари музди худ гирифтаам, валокин дар кори шумо ба ҳайрат андарам, ки шумо бадин сон чаро нашастаед ва дар миёни шумо аз чӣ сабаб марде нест, то ба шумо унс гирад ва занонро бемард айш базе нотамом аст ва гуфтаанд, ки: «Сақфро чор поя бояд, то дер пояд!» Акнун шумо се тан ҳастед ва аз чорӯмин тан ночор аст, ки марди озода, оқил ва сухандон ва розпӯш бошад. – Ҳаммал сказал:

– Нет конечно! Я получил десятикратное жалованье, но дивлюсь вашим делам, почему вы не так хороши, и почему среди вас нет мужчины, чтобы который мог бы сладить с вами, и жизнь женщины без мужчины неполна, и говорят: "Крыша держится на четырех столбах. Должно быть поздно!" Теперь вас трое, и необходимо, чтобы четвертый человек был мужественным, умным, красноречивым и приятным. (9 ночь)

В таджикских классических текстах «чужое слово» вводится, как правило, словом *гуфтаанд* – «говорят». Однако интертекстема может быть

введена также синонимическими средствами. Например, как в следующем примере : *нашнидаї – разве ты не слышал:*

«Чун духтарон сухан гуфтани фасеҳи ўро бидиданд, ба ў гуфтанд:

*— Ту медонї, моли бисёр ба ин маҷлис сарф кардаем, агар туро зар набошад, нахоҳем гузошт, ки дар ин ҷо бинишинї ва бар ҷамоли сабеҳ ва малеҳи мо назора кунї? Магар нашнидаї: **«Муҳаббати безар, дарди сар аст ва ба ошиқи бемол иқбол накунад»**. – Когда девушки услышали его красноречивую речь, они сказали ему:*

*- Вы знаете, что мы потратили много денег на это собрание, если у тебя нет золота, мы не позволим сидеть здесь и наблюдать за нашей красотой. Разве ты не слышала: **«Любовь без золота — головная боль, а бедному любовнику не везет»** (9 ночь).*

Гўлахї чун хаими ходимро дид, ҳаросон гашт ва бо худ гуфт: «Ба балое, ки ҳаметарсидам, бияфтодам». Пас ин байт бихонд:

Ваҳ, ки дар меҳнате бияфтодам,

Ки надидор нест поёнаш.

Он гоҳ ходим бонг бар гулом зад, ки «ўро аз хар ба зер оред!»

Гуломон гўлахиро аз хар ба зер оварданд ва бар асб нишонданд, гуломон посбонї карда, бо қофила ҳамебурданд. Вале ходим бо гуломон гуфта буд, ки «ўро азиз бидоред ва агар мўе аз ў кам шавад, яке аз шумо ба ивази он мў кушта хоҳад шуд».

Когда истопник увидел гнев слуги, он испугался и сказал себе: «Я попаду в беду, которой всегда боялся». Тогда прочитайте этот стих:

Ох, попал я в переделку,

Конца которого не видно.

Тогда слуга закричал на раба: «снимите его с осла!»

Рабы сняли истопника с осла и посадили на коня, рабы охраняли его и взяли с караваном. Но слуга сказал рабам, что «берегите его, и если с его головы упадет хоть волос, то одного из вас убьют в обмен на этот волос».(76 ночь)

Ва аз сабаби нохушии ӯ бaсе пурсидам ҳеҷ нагуфта табассуме кард ва гуфт:

— Эй зани амм, агар писарат бихоҳад, ба он макон, ки одати ӯст, биравад, ба ӯ бигӯ, ки ҳангоми бозгаиштан аз он макон ин ду калима бигӯяд, ки: «Вафо хуҷиста ва некӯст ва макр қабех ва ношоистаст!» ва ин ки месупорам, меҳрубонӣ, аст, ки ба ӯ мекунам, то ин ки дар ҳаёт ва мамот бо ӯ меҳрубонӣ карда бошам. Пас аз он чизе ба ман супурд ва савгандам бидод, ки онро ба ту надиҳам, магар вақте ки бубинам аз барои ӯ гирья ва навҳа мекунӣ ва он чиз дарназди ман аст, ҳар вақт туро ба он ҳолат бубинам, онро ба ту хоҳам дод. И из-за его неудовольствия я его много спрашивал, он ничего не говорил, улыбался и говорил:

– О женщина, если твой сын захочет пойти туда, где он привык, скажи ему, чтобы он сказал эти два слова, когда вернется из того места: "Вера - правдива и добра, а хитрость безобразна и недостойна!" и то, что я даю, есть добро, которое я делаю ему, так что я был добр к нему в жизни и смерти. После этого он передал мне что-то, и я поклялся, что не дам тебе этого, кроме как когда я увижу, что ты плачешь и сетуешь по нему, и эта вещь находится рядом со мной, всякий раз, когда я увижу тебя в таком состоянии, я дам тебе это. . (120 ночь)

Следует отметить, что пословицы и поговорки таджикского языка, отражая основные текстовые функции и категории, выступают в статусе интертекстов, обладая при этом ярко выраженной маркированностью.

3.6.4. Внутренняя речь: психолингвистические и интертекстовые особенности

Интертексты, репрезентирующие внутреннюю речь, входят в ядро семантической структуры художественного текста.

Для исследования внутренней речи как интертекста вначале рассмотрим аспекты психолингвистического понимания внутренней речи. Многие лингвисты стремятся трактовать внутреннюю речь на основе концепций и

положений, сложившихся в психологии и психолингвистике. В теории когнитивного развития Л.С.Выготского (1934/1987) внутренняя речь является результатом процесса развития. Выготский полагал, что понимание того, как такое явление возникает на протяжении жизни, необходимо для полного понимания его субъективных качеств и функциональных характеристик. Посредством механизма интернализации лингвистически опосредованные социальные обмены (например, между ребенком и взрослым) трансформируются в модели Л.С.Выготского в «интернализированный разговор» с самим собой. Внутренняя речь «есть немая, молчаливая речь. Это - ее основное отличие» [Выготский, 1996:347].

С точки зрения психолингвистики, внутренняя речь – это первый момент производства речи, «внутреннее программирование», предшествующее устному или письменному воплощению речи [БПС,2003: 77]. С этой точки зрения процесс развития речи представляет собой непрерывный и циклический переход от мысли к слову и от слова к мысли.

: *«Ман аз бим биларзидам ва бо худ гуфтам, ки: «ба яқин маро хоҳанд кушт ва ман низ ногузирам, ки ҳикояти худ ба вазир бозгӯям...» Гар бикӯшад ҳоқим аст, в-ар бинвозад равост. «Я дрожал от страха и сказал себе: «Я уверен, что они убьют меня, все-таки мне придется рассказать свою историю визирю ...» Если убьет, его право, а если приласкает, будет прав» (28 ночь).*

Л.С. Выготский сформулировал свой взгляд на внутреннюю речь отличную от теории Джона Б. Уотсона. Наиболее известный как основатель бихевиоризма, Дж.Уотсон видел внутреннюю речь (которую он идентифицировал с «мышлением») как результат процесса постепенного сокращения самонаправленной речи: другими словами, чисто механический процесс, в котором речь становится тише и тише, пока не станет сначала просто шепотом, а затем тихой мыслью [Watson,1913]. Л.С.Выготский же, по мнению Л.Берка, считал, что такое представление о внутренней речи как о субвокализованном языке было ошибочным [Berk]. Скорее, утверждал он, внутренняя речь глубоко трансформируется в процессе интернализации, и ее

развитие включает в себя процессы более сложные, чем простое ослабление поведенческих компонентов речи.

Внутренняя речь, выполняющая внутреннюю психологическую функцию, служит важным компонентом речевого мышления. Л.С. Выготский выделял три плана речевого мышления: слова, мысли и внутреннюю речь. По его мнению, внутренняя речь является динамичным и неустойчивым образованием и функционирует как особый внутренний план речевого мышления; Л.С. Выготский выделил три основных смысловых преобразования, связанных с интериоризацией [Выготский, 1996: 13]:

1. преобладание значения над смыслом (при котором личные, частные значения приобретают большее значение, чем общепринятые, общественные): *«Он гоҳ дарбон зарфе аз лимӯ ба шакари гудохтаомехта пораи ях бар он рехта, пеши халифа овард. Халифа бо худ гуфт: «Фардо подоши некӯ ба ин духтар хоҳам дод». Чун ёрон ба бодагусорӣ бинашастанд ва давр аз ҳафт бигузашт, бодагусорон аз шароби ноб маст шуданд. Духтаракон аз хона бадар омада, дар канори ҳавз истоданд ва ҳаммодро пеши худ хонданд»* - Тогда привратник принес сосуд с лимонной водой смешанной с сахаром и кусочком льда, и принес его халифу. Халиф сказал себе: «Завтра я дам этой девушке хорошую награду». Когда приятели сели пить вино и пошел седьмой круг, они опьянели. Девушки вышли из дома, встали у бассейна и позвали перед собой носильщика (10 ночь).
2. процесс агглютинации (развитие гибридных слов, обозначающих сложные понятия): *китобфурушиашро дидам (С.Айни), мушкилосонкункасонро гум накун (М.Турсунзода);*
3. вливание смысла (в котором определенные элементы внутреннего языка проникаются более семантическими ассоциациями, которые присутствуют в их традиционных значениях): *«Бародарам бо худ мегуфт, ки: «Ин мард аз истеҳзо чизе фуру нагузошт, ман ҳам коре бо ӯ бикунам, ки ин гуна корҳоро тавба кунад».* – Мой брат сказал себе:

«Этот человек издевается, я должен сделать с ним что-то, чтобы он раскаялся в таких действиях». (36 ночь)

Таким образом, четко противопоставляется внутренняя и «внешняя» речь, при этом внутренней речи приписываются эти три специфические характеристики.

Люди часто разговаривают сами с собой, используя местоимение первого лица, например: *«Бародарам бо худ мегуфт, ки: «Ин мард аз истехзо чизе фуру нагузошт, ман ҳам коре бо ӯ бикунам, ки ин гуна корҳоро тавба кунад»*[5]. *«Мой брат сказал себе: «Этот человек не перестал издеваться надо мной, поэтому я тоже сделаю так, чтобы он раскаялся в совершенном»* (36 ночь).

В целом, разговор с самим собой усиливает как фактическое поведение, так и предполагаемые поведенческие намерения: *«Ман бо худ гуфтам: «Агар бори дигар дастгир шавам, аз дасти вазир ҷон нахоҳам бурд».* *Ночор занах битарошидам ва ҷомаи кӯҳан дар бар карда, ба қасди Дорулислом аз шаҳр бадар шудам, ки шояд касе маро ба халифа бирасонад»* [5]. *«Я сказал себе: «Если меня вновь поймут, я не уйду живым от рук визиря».* *Вынужденно побрил подбородок, надел старую одежду и покинул город, чтобы отправиться в Дар-уль-Ислам, чтобы кто-нибудь мог отвести меня к халифу»* (12-я ночь).

Внутренний монолог необходим здесь для демонстрации принятия сложного решения человеком. Когда он стоит перед трудным выбором, взвешивает аргументы, размышляет над последствиями. Для того чтобы показать эти метания и необходима здесь внутренняя речь. Такой монолог-размышление может содержать не только сам выбор между одним или другим, но и просто мысли героя о внутреннем конфликте, в котором он находится. Герой знает, что, возможно, будет страдать, сделав определённый выбор, но не может не идти в эту сторону. Поэтому ему приходится размышлять над тем, как он проживёт это добровольно-вынужденное страдание.

Когда люди размышляют о собственном внутреннем опыте, они часто сообщают, что он имеет вербальный характер [Baars, 2003]. В психолингвистике считается, что внутренняя речь, известная также как вербальное мышление, внутренняя речь, скрытый разговор с самим собой, внутренний монолог и внутренний диалог, должна играть важную роль в саморегуляции познания и поведения как в детстве, так и во взрослом возрасте, что имеет последствия для внутренней речевой дисфункции при психических состояниях и нарушениях развития, связанных с атипичными языковыми навыками или дефицитом саморегуляции [Выготский, 1996; Diaz & Berk 1992; Fernyhough 1996,2004; Vygotsky 1934/1987].

Проанализируем интертекстовые особенности внутренней речи, для чего вначале упомянем основные характерные черты интертекста. Интертекстуальность или множественные способы, которыми тексты ссылаются на другие тексты, привлекают значительное внимание при анализе письменного, особенно литературного, дискурса [Бахтин 1975; Fairclough 1992]. Интертекстуальность основана на взгляде на текст как на центр, пространство, где различные дискурсы, мотивы и изображения вместе образуют лоскутный интертекст, напоминающий некий коллаж других голосов [Hartman, 1992:122-123].

Напомним, что Р. Барт писал о том, что текст сплошь «соткан из цитат, отсылок, отзвуков»; все это старые и новые языки культуры, которые проходят сквозь него и создают мощную стереофонию. Всякий текст, который образуется из анонимных, неуловимых и вместе с тем уже читанных цитат, есть «междутекст по отношению к какому-то другому тексту, но эту интертекстуальность не следует понимать так, что у текста есть какое-то происхождение» [Барт, 1989:418]. Например,

*Маликзода Шаркон ба худ гуфт: «Ҳеҷ ризқро бесабаб натавон хӯрд»
Принц Шаркон сказал себе: «Нельзя есть никакую пищу без причины».* (47
ночь).

Р.Барт также отмечает, что тексту присуща множественность: «у него не просто несколько смыслов, но что в нем осуществляется сама множественность смысла как таковая – множественность не просто допустимая, а неустранимая: текст пересекает смыслы, движется сквозь них, поэтому он не поддается даже какому-либо незначительному толкованию, так как в нем происходит определенное «рассеяние» смысла» [Барт, 1989:420]:

— *Эй фарзанд, ин писар дар хурдсолӣ хоҳари худро дӯст медошт ва ман ўро ҳамеша насиҳат мекардам ва бо худ мегуфтам, ки: «Ҳанӯз тифл аст» - О дитя, этот мальчик любил свою сестру, когда был маленьким, и я всегда увещевал его и говорил себе: «Он еще ребенок». (12 ночь)*

На самом деле, истинное богатство текста проявляется в его способности содержать несколько уровней смысла, открывая перед читателем различные перспективы и интерпретации. Таким образом, множественность текста не ограничивается лишь поверхностным разнообразием его компонентов, но раскрывается в глубине его значения и взаимосвязей между ними. В этом заключается уникальность и сложность текста как искусства и средства коммуникации.

Внутренняя речь как интертекст входит в структуру гипертекста: *«Духтар бо гуфтугӯ андар буд. ки шароре ба синааш баромад ва бисӯхт ва дарҳол муште хокистар шуд. Ҳамагӣ ба ҳайрат дармонданд ва ман бо худ мегуфтам, ки: «Кош ман месӯхтам ва чунин зебосанамеро, ки бо ман ин ҳама накӯӣ кард, бад-ин сон намедидам». Чун малик духтари худро дар он ҳол бидид, чома бар тан бидарид» [5].*

«Девушка была занята беседой, как вдруг искра влетела в ее грудь и она загорелась, и тут же на землю упала горсть пепла. Все были поражены, и я сказал себе: «Лучше бы я сгорел и никогда бы не увидел, что такое произошло с этой красавицей, сделавшей столько добра для меня».

И увидев дочь в таком состоянии, правитель разорвал на себе одежды» (14 ночь).

Выводы по третьей главе

Книги, которые мы читали, фильмы, которые мы видели, истории, которые мы слышали, и, что не менее важно, те, которых мы не слышали, составляют неотъемлемую часть нашей личности. Распознавание ссылки на текст может вызвать чувство удовольствия, опыта и даже самодовольства; потеря возможной значимости ссылки может привести к отчуждению от текста или разговора. Интертекстуальность на практике предлагает читателям когнитивно-обоснованную основу для практического анализа интертекстуальности, как в письменных текстах, так и в устной речи. Книга предлагает исторический обзор существующих исследований, подчеркивая, что большая часть этой работы сосредоточена на том, что такое интертекстуальность концептуально, а не на том, как ее можно идентифицировать, описывать и анализировать. Эта глава, основанная на исследованиях литературной критики, лингвистики и социологии, предлагает когнитивно-стилистический подход, представляя «структуру нарративной взаимосвязи» как способ операционализации концепции интертекстуальности для проведения тщательного практического анализа.

В главе исследованы такие аспекты интертекстуальности, как диалог текстов (тексты тесно переплетены, интекст включается в другой текст); интертекстуальные особенности восточной литературы, такие как назира и бродячие сюжеты. Определены виды интертекстов и описаны цитаты, ссылки, аллюзии, внутренняя речь и поэтические вставки. Особое место уделено поэтическим вставкам, поскольку они характерны

Литературное произведение – это не просто текст, это текст плюс еще кое-что существенное: поэтический текст имеет функцию гиперсигнала, поэтому он и является неким гиперсигналом, генератором непрерывного смысла.

Поэтический текст излучает сообщение, которое меняет видение реальности читателем.

В главе изучены известные тексты персидско-таджикского литературного наследия «Шахнаме» Фирдоуси, сказки «Тысячи и одной ночи» как образцы интертекста. В то же время приводятся примеры из современной таджикской литературы.

Расширяя целостное видение отношений между языком и поэзией, можно увидеть, что поэтический язык также отражает координаты повседневного разговорного языка. Обычный, «нормальный» язык отличается от поэтического языка, особенно от (пост) модернистского, который идет все дальше и дальше от общения в традиционном смысле. И дело не только в привилегированном пространстве произведения искусства. Глубоко отмеченные изменениями смысла, как повседневного, обычного языка, так и технического, специализированного, компьютеризированного языка - все они прибегают к стратегиям, которые взаимодействуют друг с другом, выбирая между преобладанием значимого или значимого.

ГЛАВА IV. ТИПОЛОГИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ГИПЕРТЕКСТА И ИНТЕРТЕКСТА

4.1. Интернет-лингвистика как новое направление

С появлением современных информационно-коммуникационных технологий и новых форм коммуникации лингвисты все чаще обращают внимание на особенности языкового общения в компьютерной сети, в частности, в фокусе внимания оказывается гипертекстовая организация интернет-пространства. Как мы уже наблюдали, цифровой текст является наиболее ярким выражением онлайн-общения. Третье тысячелетие началось с переоценки печатного текста, наделения его возможностями и достоинствами, которых он не знал раньше: прямая связь с другими текстами, возможность размножения, печати, редактирования, удаления, перевода, дизайна, архивирования, управление версиями и т.п. Онлайн-текст или онлайн-дискурс – это макро-признак коммуникации, опосредованной информационно-коммуникационными технологиями, анализ которой уже несколько десятилетий является предметом внимания наиболее важных исследовательских школ и направлений во всем мире [Ревзина, 2004]. Интернет предлагает для этого огромную строительную площадку, в бесконечном пространстве которой зарождается творчество пользователей. Онлайн-культура (также называемая мягкой культурой) – это новая среда обитания языка, текстов, развивающаяся гораздо быстрее, чем наука успевает их описать [Галушко, 2000].

Информационные технологии в лингвистике – это совокупность законов, методов и средств производства, хранения, передачи, распространения, преобразования информации о языке и законов работы с помощью компьютеров. К основным задачам использования информационных технологий в области лингвистики относятся: создание искусственного интеллекта; машинный перевод; автоматическая аннотация и

реферирование; разработка систем генерации текста; разработка систем изучения языков; развитие систем понимания речи; создание систем генерации речи; разработка систем поиска информации о программе; разработка систем присвоения и дешифрования анонимных и псевдо-анонимных текстов; разработка баз данных (библиотек, корпусов, регистров) по гуманитарным наукам; разработка различных типов автоматизированных словарей; разработка систем передачи информации в сети Интернет и др. [Потапова, 2005].

По мнению специалистов, способ, которым лингвисты будут проводить исследования, резко изменится (если уже не изменился для некоторых), и чем больше лингвисты данных будут использовать Интернет, тем более важные изменения произойдут [Berners-Lee, 2009]. Поскольку лингвисты будут (взаимно) оперировать данными с сотней языков, основной объект изучения лингвистики (язык) также претерпит радикальные изменения в подходе. Будущее, бесспорно, за технологиями: наука будущего будет электронно-технологической, в том числе филологической. Многоязычие, интерактивность между говорящими, влияние новых текстовых и нетекстовых знаков, изменения в структуре языков и т. п. окажет сильное влияние на гуманитарные науки. Интернет-дискурс рассматривается в первую очередь как гипертекст из-за глобальности, доступности (как для просмотра, так и для редактирования) и автоматизации гипертекста [Ахренова, 2016].

Неудивительно, что концепция гипертекста будет встречать достаточное сопротивление, несмотря на то, что текстовое измерение более чем необходимо и актуально в теории гипертекста. Объяснение кроется в существовании достаточного количества филологов, недостаточно знакомых с новыми информационными технологиями, с одной стороны, но и в предвзятом отношении многих из них к «качеству» информационного содержания в сети, с другой стороны. В этой огромной электронной библиотеке собраны все виды текстов: тексты, написанные исследователями (научные электронные тексты), писателями (литературные электронные

тексты), журналистами (в последнее время блоггерами), простыми пользователями (чат), электронной почтой или публикациями, комментариями в социальных сетях.

Рассматриваемый феномен стал все больше интересовать исследователей по двум причинам: общение переместилось в Интернет, стало онлайн, приобретая черты, отличные от традиционных. Гео-, этно-, социо-, психо-, нейро- и другие виды лингвистики, а также философия языка, культурология, киберлитература и т.п. интересуются новым объектом исследования.

В онлайн-пространстве любой текст может стать гипертекстом, предоставляя ссылки, и это может сделать любой пользователь Интернета, действие, которое веб-создатель призывает нас делать [Berners-Lee, 2009]: генерировать «взаимосвязанные данные», другими словами – взаимосвязанные тексты. Для новой филологической дисциплины (лингвистика гипертекста) важнейшим предметом становится взаимосвязь естественного и искусственного языков (обработанного, технологического).

Компьютерный текст, который в течение некоторого времени считалось исключительно объектом компьютерной лингвистики (и сегодня зачастую продолжает интерпретироваться так же), область, известная и практикуемая небольшим числом специалистов, становится рабочим инструментом любого онлайн-браузера. Бумажный текст, «твердый» («текст – это застывшая речь») постепенно трансформируется на экране компьютера в гибкий, динамичный, плавный текст.

В чем же тогда специфика этой новой лингвистики, лингвистики Интернета, также называемой сетевой лингвистикой? [Горошко, 2007; Полякова, 2011]. Данный термин, вероятнее всего, появился благодаря исследованиям Дэвида Кристалла, посвященным языку Интернета в начале 2000-х годов. Одно из первых прикладных исследований появляется в 2006 г., в котором автор рассматривает его как раздел общей лингвистики [Crystal, 2006]. Сетевая лингвистика или интернет-лингвистика изучает новые стили и

изменения в структуре и содержании языков, возникшие под влиянием Интернета и других современных технологических средств (мобильная телефония, айпады и др.), а также поведение пользователей Интернета в процессе общения в виртуальной среде. По словам того же автора, изучение (интер)сетевой лингвистики может осуществляться с четырех основных точек зрения: социолингвистика, лингводидактика, стилистика и прикладная лингвистика. В 2011 году тот же Д. Кристал, сторонник этой области, также отредактировал несколько выпусков справочника для студентов, в котором он подходит к новой области.

В.А.Плунгян считает, что измерения, по которым развивается интернет-лингвистика, относятся к распространению и влиянию стилистических вариаций Интернета и печатных текстов через средства массовой информации и литературные произведения, а также к развитию Интернета как мегакорпуса текстов [Плунгян, 2008]. Новая лингвистика будет основана на концепциях традиционной лингвистики: все, что предлагает последняя, будет найдено в новом формате с технологическими измерениями. В то время как естественный язык работает без технологий, обработанный язык невозможно представить без них. Перед (интер) сетевой лингвистикой появляются новые аспекты исследования с новыми инструментами и методами. Это:

- новый формат текста – гипертекст (веб-язык или язык общения онлайн) как метод, текст, механизм, форму, средства и документацию;
- новые пространства для общения (электронная почта, обмен мгновенными сообщениями, чат, блог, форум обсуждение, портал, социальные сети, виртуальные миры и др.);
- новые коммуникативные знаки (ссылки, символы, @; например, смайлы типа :) или, а также другие иконки и т.п.), которые являются разновидностью новых графических знаков «онлайн-алфавита»; веб-знаки) [Рожанский,2000];
- новые онлайн-жанры и виды, лежащие в основе онлайн-речевых / письменных действий (эпистолярный жанр (электронная почта), поисковые

системы, энциклопедии и онлайн-словари, такие как Википедия, корпуса и базы данных, библиотеки, архивы, цифровые репозитории, онлайн-комментарии, личная страница в социальной сети, «ник» и «аватар» как представление человека, генерирующего текст в виртуальном мире, спаме, онлайн-играх и т.п.);

- новые интернет-языки (сленг, жаргон, терминология, сокращения, акронимы, модификация синтаксиса и т.п.); многоязычие; прогрессивный отказ от языковой нормы [Плунгян, 2009], компьютерной терминологии обыденного языка, ретерминологизация и др.

Следовательно, охватывая их, гипертекст:

- используется как текст и как технология в новых коммуникационных пространствах;
- он сам по себе является новым признаком онлайн-коммуникации, генерируя, в свою очередь, другие коммуникативные знаки;
- это элемент и определяющая черта новых родов и видов, генерируемых онлайн, пространство, где рождаются новые языки и сленги.

Онлайн-письмо, онлайн-чтение и онлайн-общение – это новые реальности, которые интернет-лингвистика начинает систематически изучать. Изучая литературу по теме, мы также обнаружили, что уже около двух десятилетий используется термин «гипертекстовая лингвистика» [Jucker, 2002:29-51], в которой гипертекст следует анализировать, используя новые инструменты, в том числе технологические, напрямую [Саенко, 2004].

В целом, мы согласны с мнением ученых, которые считают, что интернет-лингвистика – это широкая, полипарадигматическая область исследований, изучающая типологические особенности всех уровней коммуникации в Интернете (функционально-системного, дискурсивного, когнитивного, социолингвистического и гендерно-лингвистического) [Компанцева, 2010: 26].

Следовательно, эта область лингвистики ждет своего развития и в таджикской лингвистике, так же как обширное и разностороннее исследование гипертекста и интертекста во всех его проявлениях.

4.1.1. Гипертекст как объект интернет-лингвистики

Текст и интертекст традиционно считается объектом изучения текстологии и интертекстологии, теории дискурса, семиотики, прагматики, культурологии и др. Гипертекст также часто встречается в печатном формате: в библейском тексте, в энциклопедиях, глоссариях и словарях, медицинских книгах и законодательных актах с поправками, каталогах и путеводителях, поваренных книгах и научных журналах, в рефератах и указателях, в литературных текстах и т. д. Однако технологическая революция принесла радикальную новизну, дав возможность абсолютно любому знаку в онлайн-пространстве мгновенно подключиться к любому другому виртуальному знаку. Гипертекст является объектом изучения нескольких дисциплин, но в первую очередь он является объектом изучения двух основных наук: точных и гуманитарных. Это фундаментальная особенность гипертекста. Между интертекстом и гипертекстом существует такая крепкая связь, что иногда возникает вопрос, являются ли эти два понятия по существу одним и тем же понятием, только с разных точек зрения: интертекст с исключительной точки зрения гуманитарных наук, а гипертекст – с точки зрения двойной: гуманитарные науки и информационные технологии. Разберемся в этом вопросе в дальнейших разделах данной главы.

Гипертекстовая лингвистика предлагается как новая дисциплина, в том числе: теория и практика гипертекста, семиотико-лингвистический анализ гипертекста, электронный текст, использование гипертекста для лингво-поэтического анализа художественных произведений и др. Гипертекст как отдельная область лингвистических исследований, как отмечалось во второй главе, привлекла внимание лингвистов после 2000-х гг. [Сергиенко, 2009].

Хотя, как мы уже отмечали, многие аспекты нового направления исследований все еще находятся в зачаточном состоянии.

Для того чтобы найти для гипертекста с лингвистической точки зрения, более точное место в парадигме современных наук, мы сочли необходимым отграничить интернет-лингвистику от других областей лингвистики. Аргументом в пользу этого разграничения является организация во всем мире почти ежегодных конференций, посвященных исключительно проблемам гипертекста и гипермедиа, начиная с 1987 года (гипертекст и медиа).

Интернет-лингвистика также должна уделять внимание анти-орфографии (даже если она вызывает раздражение у филологов), которая стала некой альтернативной формой письма в сети, ставшая обычным явлением в интернет-коммуникации, сосуществуя с орфографией. Новые языки и сленг вторгаются в онлайн-пространство. Задача нового поколения лингвистов – засвидетельствовать их и описать как можно более адекватно. Таким образом, интернет-лингвистика может рассматриваться как новая междисциплинарная наука с целью исследования того, как языки и языковые стили подвержены влиянию и изменениям, являющимся прямым результатом Интернета. Как дисциплина, которая оценивает языковые тенденции, интернет-лингвистика изучает конкретный способ, которым новые формы коммуникации, такие как ведение блогов, обмен мгновенными сообщениями и социальные сети, влияют на коммуникативные практики как на индивидуальном уровне человека, а также в сети, с неограниченным количеством других людей. При анализе компьютерно-опосредованной коммуникации, как части прикладной лингвистики, основные принципы доинтернетовской лингвистики должны быть единым блоком с новыми технологическими методами и процедурами [Коммуникация:элект.ресурс]. Анализ текстов, которые представляют собой онлайн-общение, может дать принципиально новые результаты по сравнению с офлайн-текстами («бумажными»). Акцент делается уже не на том, как это сказано, а на том, что сказано. Все компоненты лингвистики (фонетика, лексикология, грамматика

(морфология, синтаксис), стилистика, дискурсология, текстология и т.п., к которым добавлен дизайн письменного текста и т.п.) сильно модифицируются электронным форматом, постепенно превращаясь в электронную фонетику, электронную лексикологию, электронную текстологию и т.п. Лингвист больше не может игнорировать их или методически оспаривать их, считая их лишь временными отклонениями. Все, что становится повторной речью пользователей, демонстрирует, как языки развиваются. Интернет визуализирует эти события с необычайной скоростью, скоростью и размахом.

4.1.2. Функции электронного гипертекста

Для того чтобы объяснить особенности гипертекста, необходимо упомянуть о функциях, которые он выполняет. Ученые систематически описывают пять функций гипертекстов: репрезентативную, когнитивную (или эвристическую), дидактическую, суггестивную и фатическую [Рязанцева 2008].

Репрезентативной функцией гипертекста являются возможность хранения информации, упорядочивание (систематизация и классификация), обобщение, создание когнитивных карт, энциклопедий и т.д. Гипертекст позволяет охватить большой объем хорошо изученной, обобщенной и упорядоченной информации и представить ее в виде, понятном даже неподготовленному читателю. Информация представляется в наиболее полном виде и, что особенно важно с функциональной точки зрения, в сжатой и компактной форме. Эта функция гипертекста реализуется при создании различных видов баз данных, нормативных документов, словарей, справочников, инструкций, обзоров, рефератов, адаптаций и т. д.

Когнитивная, или эвристическая, функция гипертекста предполагает распространение и накопление информации, а также изучение малоизученных областей. В случае реализации этой функции достоверной информации по теме исследования, как правило, мало, и она носит частный или узкий характер. Прагматика таких текстов означает, что автор хочет представить

информацию в виде частного исследования, а читатель предполагает, что он обладает значительным опытом и хочет дополнить его новым описанным исследованием.

Областью, в которой реализуется когнитивная функция гипертекста, являются научные исследования, которые могут быть представлены отчетами, диссертациями и другими видами текстов. Структура гипертекстов позволяет дополнять существующие гипотезы, «строить» неограниченное количество новых гипотез и увеличивать объем доступной информации.

Возможность изучения и получения информации обеспечивается дидактической функцией гипертекстов, которые могут охватывать большие объемы как общей, так и специальной информации. Структура гипертекста позволяет всесторонне охватить учебный объект и учесть различные аспекты и подходы к его изучению. Кроме того, изложение материала может быть дополнено визуальной, звуковой и наглядной видеоинформацией, что способствует его наиболее эффективному усвоению. Примерами реализации дидактических функций являются учебники, инструкции, пособия и своды правил.

Суггестивная функция гипертекста позволяет манипулировать информацией, воздействовать на читателя, приводить аргументы и альтернативы, поощрять выбор читателя. В тех случаях, когда эта функция достигается, мы обычно имеем дело с небольшими объемами информации, которые не имеют подкрепления или вызывают споры. Потенциальные получатели такого рода сообщений либо совершенно не знакомы с предметом, либо знакомы, но сомневаются в своих знаниях, либо не знают деталей и тонкостей описываемой ситуации. Суггестивная функция гипертекста реализуется в таких практиках, как СМИ, связи с общественностью, реклама и юридические процедуры. Примерами этого типа текстов являются публикации политического, рекламного, спорного или аналитического характера.

Фатическая функция гипертекста подразумевает воздействие на эмоционально-психологическое восприятие читателя, установление и поддержание контакта.

4.2. Структурные элементы текста, гипертекста и интертекста

Поскольку в данном исследовании текст, гипертекст и интертекст рассматриваются в тесной связи, рассмотрим минимальные единицы данных понятий. Это – текстемы, гипертекстемы и интертекстемы. Их так называют в соответствии с традициями, заложенными в грамматике, аналогично таким единицам, как фонема, морфема, лексема, семема, и т.п. В то же время, как мы видим, текстема – это единица повторяющегося дискурса, гораздо более широкое понятие, чем считалось ранее.

Если, с той же точки зрения Барта, любой текст является интертекстом, то любой электронный интертекст можно считать гипертекстом. Термин интертекстема считается наиболее подходящим для обозначения минимальной единицы интертекста (интертекстология) и представляет собой «сегмент отношений текстовой структуры, вовлеченный в интертекстуальные отношения и организованный многоуровневый» [Гусева, 2004:70] и появился в лингвистических исследованиях в около 2000 года. Следуя той же логике и тому же принципу, мы считаем, что гипертекстема - это минимальная единица гипертекста.

Поэтому мы рассматриваем гипертекстему как любую онлайн-овую (меж)текстовую единицу, которая, если цитировать, может стать повторяющейся онлайн-речью (или повторяющейся электронной речью).

Гипертекст имеет инвариант и бесконечное количество вариантов. Мы называем инвариантной гипертекстемой исходную единицу, то есть впервые представленную в виртуальном пространстве. С этой целью мы провели исследование, задав в поисковой системе Яндекс запрос «дарахти дӯстӣ» путем инвентаризации 10 наиболее ярких вариантов гипертекста, часто

встречающегося на обычном языке. В первую очередь, сразу вспоминается:
Дарахти дӯстӣ биншон , ки коми дил ба бор орад...

Проанализируем первые результаты поиска:

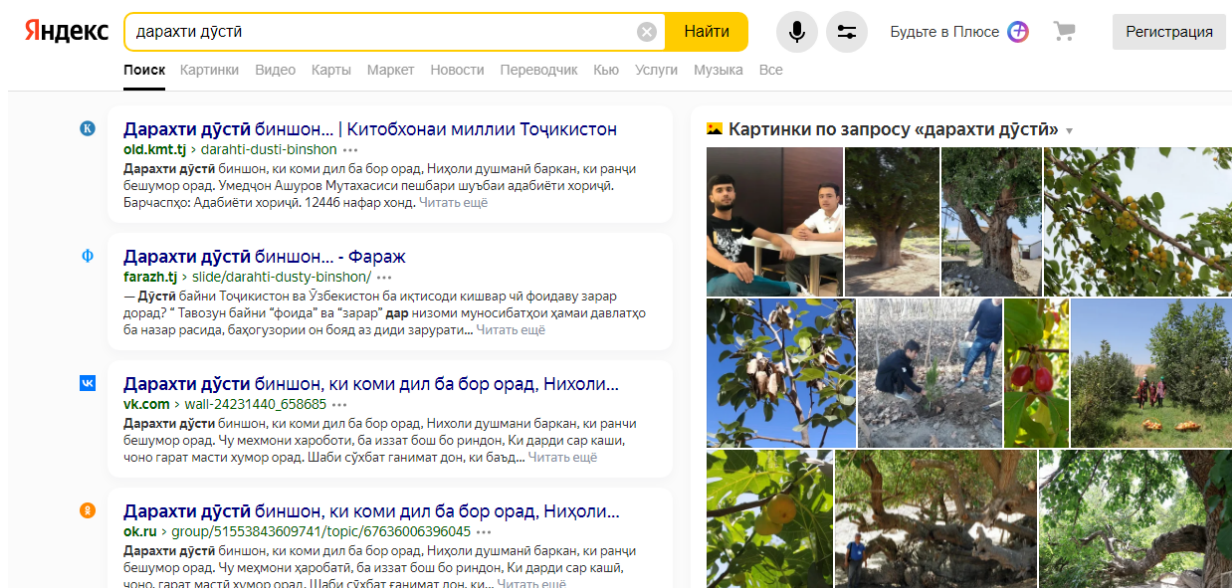

Рис.9. Поисковый запрос «Дарахти дӯстӣ»

Первый материал называется «Дарахти дӯстӣ биншон...» (<http://old.kmt.tj/darahti-dusti-binshon>) и представляет собой линейный гипертекст, включающий в себя текстемы и интертекстемы:

«Дӯст беҳтарин, наздиктарин ва азизтарин касест, ки инсонро дар зиндагӣ роҳбалад аст. Дӯст касест, ки ҳамчун оина айбатро рӯ ба рӯ гуфта, ҳамеша мекӯшад, маслиҳатчи наздик бошад. Дӯстон бояд дар ҳамаи мавридҳо мададрасон, ёвар ва ислоҳкунандаи ҳама гуна хатогиwu нуқсонҳо бошанд,агар хоҳӣ, ки дӯсти воқеӣ бошӣ, ба китоб ба илм ватандӯстиву хештаниносии қабл аз ҳама ба худшиносии рӯй биёвард». – «Друг – самый лучший, самый близкий и родной человек, который направляет человека в жизни. Друг – это тот, кто, как зеркало, сталкивается с чувством вины и всегда старается быть близким наставником. Друзья должны быть полезными, помогать и исправлять все ошибки и недостатки во всех случаях, если вы хотите быть настоящим другом, необходимо обратиться к книге, науке, патриотизму и самопознанию, прежде всего, самопознанию.»

В материале приводится несколько интертекстем в виде поэтических вставок, что является характерной особенностью таджикского текста:

*Дӯст он бошад, ки айби дӯсташиро,
Ҳамчун оина рӯ ба рӯ гӯяд.
На ин ки чун шона бо ҳазор забон,
Аз ҷафо рафта, мӯ ба мӯ гӯяд.*

Следующая интертекстема:

*То абад бо дӯстон осудагист,
Марг ҳам бе дӯстон осон нашуд.*

Еще одна вставка: *Ба ибораи шоир:*

*Дӯст машмор он ки дар неъмат занад,
Лофи ёриву бародархондагӣ.*

*Дӯст он бошад, ки гирад дасти дӯст,
Дар парешонҳоливу дармондагӣ.*

Еще одной интертекстемой является вставка-паремия:

*Аз касе пурсидаанд, ки дар зиндагӣ бародар хуб аст ё дӯст, ҷавоб дода:
«Бародар хуб аст, агар дӯст бошад» – «Кого-то спросили, кто лучше в жизни
- брат или друг, на что он ответил: «Брат хорош, если он друг»».*

И опять интертекстема -поэтическая вставка:

*То тавонӣ, дӯстонро гум макун,
Дӯстони меҳрубонро гум макун.
(М. Турсунзода)*

И в заключение приводятся те строки Хафиза, которые вошли в заголовок:

«Пас, биёед, азизон, мекӯшем пайи чамъоварии дӯстони чонӣ, ки лаззатгарои ҳар калому равшанидиҳандаи хонадону илҳомоварандаи имону чонамон бошанд. Ончунон ки Ҳофизи бузург фармуда:

**Дарахти дӯстӣ биншон, ки коми дил ба бор орад,
Ниҳоли душманӣ баркан, ки ранчи бешумор орад».**

(<http://old.kmt.tj/darahti-dusti-binshon>)

«Итак, дорогие, давайте стремиться собирать дорогих друзей, которые чьими словами будем наслаждаться, кто будет освещать наши дома и вдохновлять нашу веру и души. Как сказал великий Хафиз:

*Древо дружбы посади – плод благого зерна принесет.
Ветку злости сорви – сто страданий она принесет».*

Следующий пример гипертекста с мультимедиа:

Рис. 10. Скриншот по запросу с сайта (<https://farazh.tj/slide/darahti-dusty-binshon/>):

«Тоҷикон ва ўзбекҳо дар ҳама лаҳзаҳои душвориву нокомӣ, барору нобарорӣ бо ҳам буданд ва дӯстиро ҳамеша пос доштаанд. Ин дӯстӣ ба

шарофати шахсиятҳои барҷастаи қарни 15, аз қабили Мавлоно Абураҳмони Ҷомӣ ва Мир Алишер Навоӣ сарчашма гирифтааст.

Дӯстиву бародарӣ, эҳтирому муҳаббат байни ин шахсиятҳо самимияти хос дошт. Мавлоно Абураҳмони Ҷомӣ нисбат ба шогирдаш Мир Алишер Навоӣ назари некбинона ва садоқату самимият дошта, дар рисолаҳои «Нафаҳот-ул-унс», «Ҳафт авранг» ба ҳунари эҷодӣ ва андешаҳои фалсафии вай баҳои баланд додааст». – «Таджикӣ ва узбекӣ вместе пережили все трудности и неудачи, успехи и неудачи и всегда дорожили дружбой. Эта дружба зародилась благодаря выдающимся личностям 15 века, таким как Мавлоно Абураҳмони Ҷомӣ и Мир Алишер Навоӣ.

Дружба, братство, уважение и любовь между этими людьми отличались особой искренностью. Мавлоно Абураҳмони Ҷомӣ оптимистично, лояльно и искренне относится к своему ученику Мир Алишеру Навоӣ и в своих трактатах «Нафаҳот-уль-унс», «Ҳафт авранг» высоко оценил его творческое искусство и философские идеи».

Текст сообщения содержит несколько интертекстем-ссылок в виде имен, представляющих для большинства таджиков и узбеков прецедентные тексты – Джами и Навоӣ и их произведения, особенно «Ҳафт авранг».

Далее в материале есть несколько интертекстем – цитат:

«Қоршиноси тоҷик Шерали Ризоён бар ин назар аст, ки “шуруъ аз соли 2016 низоми муносибатҳои дуҷониба ва бисёрҷониба дар минтақаи Осиёи Марказӣ сифатан дигар шуд ва ин шароит бешубҳа аз сиёсатҳои нави Ўзбекистон сарчашма мегирад. Дар муддати кӯтоҳ силсилаи омилҳои хатарзо ва таҳдидофар бартараф карда шуданд ва дар натиҷа ҳамкориҳои наздики давлатҳо дар Осиёи Марказӣ шакл гирифт, ки маҷмуан ба нафъи ҳамаи кишварҳо буда, барои амалӣ шудани манфиатҳои миллии мусоидат мекунад”. – «Таджикский эксперт Шерали Ризоён считает, что «с 2016 года система двусторонних и многосторонних отношений в регионе Центральной Азии качественно изменилась, и это, несомненно, связано с новой политикой

Узбекистана. За короткий период времени был устранен ряд опасных и угрожающих факторов, и в результате сформировалось тесное сотрудничество между государствами Центральной Азии, что отвечает интересам всех стран и способствует реализации национальных интересов».

Еще несколько раз в статье даются интертекстемы – ссылки на эксперта и в заключение делается вывод, который перекликается с названием «Древо дружбы посади»:

«Бовар дорем, ки таширфи меҳмони олиқадр муҳтарам Шавкат Мирзиёев ба кишвари мо боз ҳам дӯстиро мустаҳкам карда, пайгоми меҳру муҳаббат ва рафоқату бародарии ин халқҳоро чун пайгомрасонони сулҳ ба дуриҳои дур расонида, номи ин ду халқро боз ҳам машҳур мегардонад» - «Мы верим, что визит высококого гостя Шавката Мирзиёева в нашу страну еще больше укрепит дружбу, передаст послание любви, дружбы и братства этих народов как вестников мира и сделает имя этих двух народов еще более известным».

Следующий пример с сайта газеты «Садои мардум» о конфликте на таджикско-кыргызской границе, который также имеет название, заданное в поиске:

АСОСӢ ДАР БОРАИ НАШРИЯ РОҶБАРИЯТ ФОТОГАЛЕРЕЯ ТАМОС

Садои Нашрия
МАРДУМ Маҷлиси Олии
Чумҳурии Тоҷикистон

Бо забони соддаву оммафаҳм ва салису раво расонидани иттилоот ва матолиби таҳлилий яке аз вазифаҳои асосии матбуот ва умуман аҳли қалам мебошад.
Эмомалӣ Раҳмон

Президент Маҷлиси Олӣ Интиҳобот Иқтисод Минтақаҳо Илм ва маориф Фарҳанг

Дарахти дӯсти биншон, ки коми дил ба бор орад...

№61 (4323) 06.05.2021

Ҳодисаҳои нангини дар сарҳади байни Чумҳурии Тоҷикистон ва Чумҳурии Қирғизистон ҳафтаи гузашта рухдода, ки боиси талафоти ҷидди молино чонӣ аз ду тараф гардид, ҳеч як шахси солимфикрро бетараф гузошта наметавонад. Масъалани баҳсиро бо роҳи осоишта сад дарсад ҳал кардан имкон дошт. Мутаассифона, тарафҳо ҳеч ба мувофиқа омада натавонистанд.

Дар ҳоле ки ҳама гуна сатҳи даъво, хоҳ он онлавай бошад, хоҳ дар сатҳи байналмилалӣ, ҳангоми баррасию ҳаллу фасл ва баровардани ҳуҷми ба далелҳои мушаххасу муътамад таъя карда мешавад. Он чӣ тарафи Тоҷикистон сад дарсад онҳоро дар иқтиёр дораду чониби муқобил дидаю дониста, бидуни даладу аснод ва мантиқ, рад кардан меҷоҳад. Ба хотири пешпирӣ аз такрори паёмадҳои ноҳуш хатман ва фаврӣ бояд ин кор сурат гирад. Он бояд бо иштироки васеи мутахассисони

Қонуниҳои Чумҳурии Тоҷикистон
Бойгонии нашрия
Китобҳо

Маводҳои охири

Иттилоия
№145 (4407) 02.12.2021

Бучети давлатӣ барои соли 2022 ба имзо расид
№145 (4407) 02.12.2021

Рис.11. Скриншот по запросу со странички (<http://sadoimardum.tj/minta-a-o/darahti-d-st-binshon-ki-komi-dil-ba-bor-orad/>)

И в заключение также приводится интертекстема – поэтическая вставка со ссылкой на Хафиза:

«Танҳо дар сурати ризояту ҳамдигарфаҳмӣ метавон бо истифода аз сарвату неъматҳои табиӣ бидуни ҳеҷ мушкил зиндагӣ ва Ватан обод кард.

Ба қавли Ҳофизӣ бузургвор:

Дараҳти дӯстӣ биншон, ки коми дил ба бор орад,

Ниҳоли душманӣ баркан, ки ранҷи бешумор орад»

«Только при согласии и взаимопонимании можно жить и благоустроить Родину с использованием природных ресурсов без проблем.

Как сказал великий Хафиз:

Древо дружбы посади - плод благого зерна принесет.

Ветку злобы сорви - сто страданий она принесет».

Еще несколько сайтов с материалами под названием «Дараҳти дӯстӣ биншон...» – это сайты:

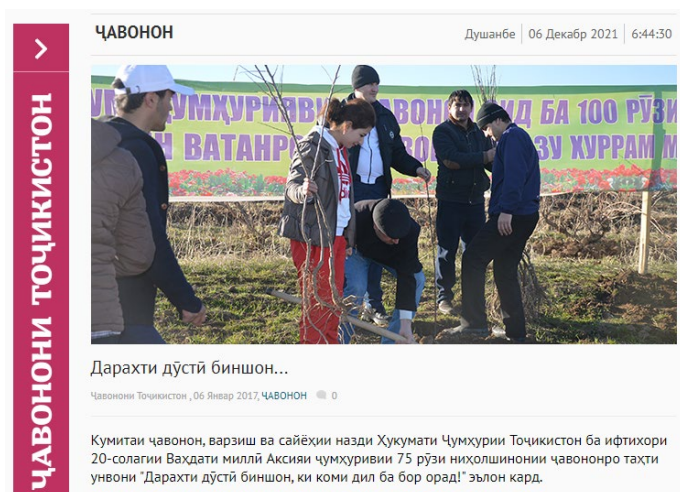

Рис.12. Скриншот по запросу со странички

<http://javonon.tj/news/youth/darakhti-d-st-binshon-/>

где приведен материал под данным названием об инициативе молодежи по озеленению города: *«Кумитаи чавонон, варзиш ва сайёҳии назди Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон ба ифтихори 20-солагии Ваҳдати миллӣ Аксияи ҷумҳурии 75 рӯзи ниҳолшинонии чавонро таҳти унвони 'Дараҳти дӯстӣ биншон, ки коми дил ба бор орад!' эълон кард.*

ҷумҳуривии 75 рӯзи ниҳолшинонии ҷавононро таҳти унвони «Дарахти дӯстӣ биншон, ки коми дил ба бор орад!» эълон кард.

Ақсия бо мақсади тарбияи ҷавонону наврасон дар рӯҳияи ватанпарастӣ, арҷгузорӣ ба муқаддасоти миллӣ, тавсеа баҳшидан ба корҳои ободониву созандагӣ, сарсабзу хуррам гардонидани кишвар аз 1 январ то 15 март соли равон ҷараён мегирад». – «Комитет по делам молодежи, спорту и туризма при Правительстве Республики Таджикистан в честь 20-летия Народного Единства объявил Республиканскую акцию 75 дней посадки деревьев под названием «Посади дерево дружбы, которое принесет радость!».

Кампания направлена на воспитание молодежи в духе патриотизма, уважения к национальным святыням, расширение благоустройства и строительных работ, процветание страны с 1 января по 15 марта этого года».

Или возьмем материал с сайта Академии МВД РТ, где материал под данным названием говорит о расширении дружбы и сотрудничества названной Академии с иностранными партнерами, в данном случае, с Полицейским колледжем Катара :

ДАРАХТИ ДҶСТӢ БИНШОН, КИ КОМИ ДИЛ БА БОР ОРАД: ҲАМКОРИИ БАЙНАЛМИЛАЛИИ АКАДЕМИЯИ ВКД МУСТАҲҚАМ ШУДА ИСТОДААСТ

Рис.13. Страничка по запросу: <https://avkd.tj/tg/khabarho/1238-darakhti-dusti-binshon-ki-komi-dil-ba-bor-orad-hamkorii-baynalmilalii-akademiyai-vkd-mustahkam-shuda-istodaast.html>

Как видим, строчка из великого Хафиза Ширази – интертекстема стала прецедентной, она настолько узнаваема для носителей языка, что может стать лозунгом, девизом, названием статьи, интервью, другого материала, всем, что связано с дружбой и сотрудничеством.

Таким образом, можно констатировать, что авторы публикуют свою интертекстуализированную версию, иногда прибегая к указанию автора (в данном случае, великого поэта и др.).

Отобранные примеры являются доказательством того, что гипертексты с запоминающейся средней длиной (минитексты и мидитексты, см. глоссарий в Приложении) являются наиболее цитируемыми, быстро сохраняются в коллективной памяти сообщества. Гипертексты покидают исходный текст, циркулируют, перемещаются, разлагаются, проникают в обычный язык, увеличивая степень выразительности и, в свою очередь, бесконечно цитируются в основной части других текстов. Это процесс создания языка, гипертекстовая сеть Интернета только выделила его.

Рассмотрим те же строки Хафиза в Национальном корпусе таджикского языка (НКТЯ), задав комплексный поиск:

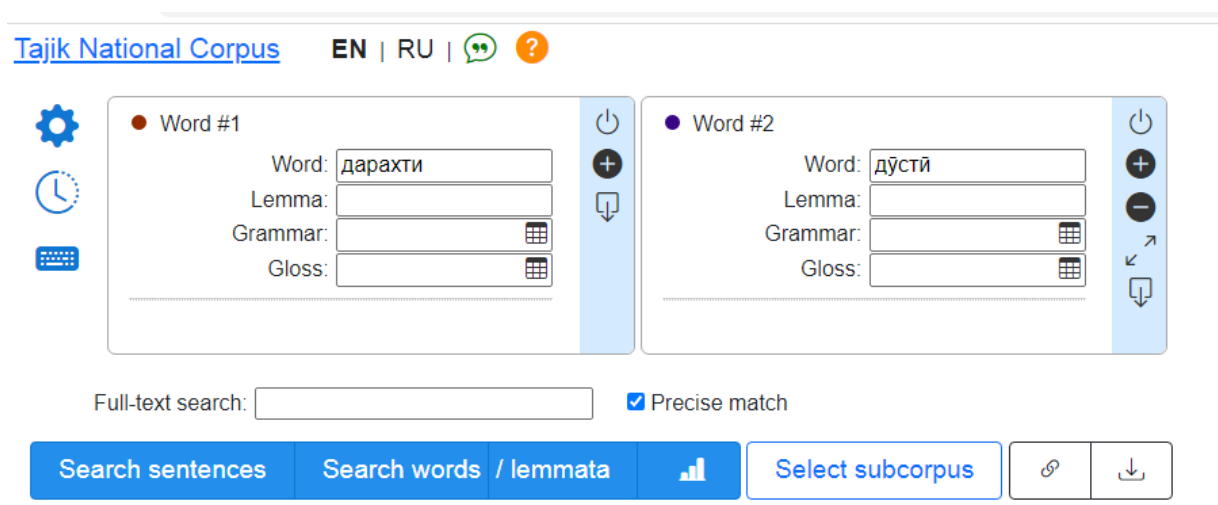

Рис.14. Снимок запроса в Национальном корпусе таджикского языка (https://tajik-corpus.org/tajik_corpus/search)

В результате поиска нашлось 27 примеров с таким сочетанием:

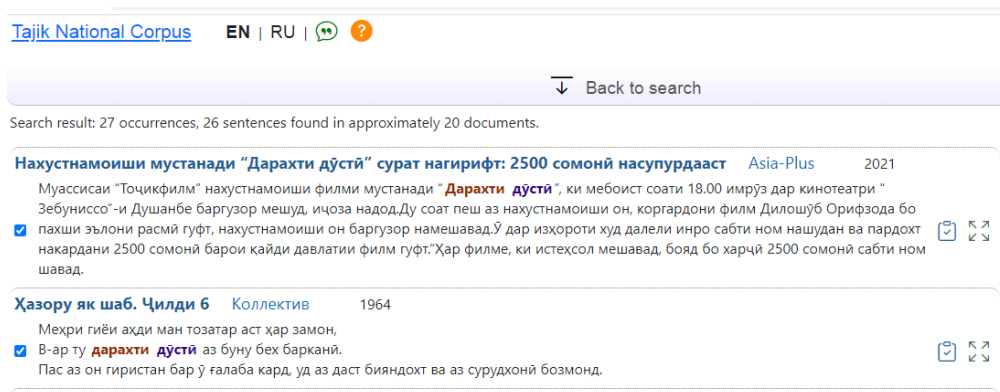

Рис.15. Результаты запроса в НКТЯ

Среди результатов мы не обнаружили текст из книги Хафиза, но это вполне понятно, потому что создатели корпуса пишут, что в него включены тексты 20-21 века, но пока нет классических.

Однако в двух результатах приведены данные строки: «*Дарахти дӯстӣ бинишон, ки коми дил ба бор орад*» ["Мухтасар оид ба истилоҳоти забоншиносии пешини тоҷик" (Косимова М.Н.) [2003]] и «*Вале Ҳофиз матлаби фавқро бо истиораи дарахти дӯстӣ ва монанд кардани дӯстӣ ба дарахти пурсамар баён кардааст*» – «Однако Хафиз выразил необычную тему с помощью метафоры дерева дружбы и уподобил дружбу плодовитому дереву» [«Равзанаи хирад» (Муллоаҳмад М.) [2017]].

В других случаях речь идет о фильме с одноименным названием, об акции по высадке деревьев, а также интертекстема – поэтическая вставка в сказках «Тысячи и одной ночи»:

*Меҳри гиёи аҳди ман тозатар аст ҳар замон,
В-ар ту дарахти дӯстӣ аз буну бех барканӣ.* [«Ҳазору як шаб». Ҷилди 6" [1964]].

Таким образом, гипертекст имеет несколько текстовых, графемных и иконических средств выражения: буква, слово, словосочетание, высказывание, фрагмент текста, текстон, сплошной текст, ссылка, корпус

текста, корпус, корпус символов). Благодаря технике копирования/вставки любую информационную единицу веб-пространства можно копировать, цитировать, воспроизводить и изменять на неопределенный срок. Таким образом, в интернет-пространстве «повторная речь» повторяется несравнимо чаще, чем в бумажном тексте.

Что касается текста, любая отдельная информационная единица, представленная в виде файла (модуля, узла), может составлять ядро структуры гипертекста в узком смысле. Вся информация структурирована в определенное количество текстом (текстовых блоков) относительно небольшого объема, организованных линейно (как в традиционном бумажно-печатном книжном формате). Для определения этих блоков текста употребляется термин «текстон», как структурированный блок информации, который по своей терминологии аналогичен понятиям «лексикон» [Барт, 1994: 67-81] и «текстовый фрагмент» (серия фрагментов текста). Другими словами, текст представляет собой усеченный текст/фрагмент гипертекста (обычно начало), состоящий из заголовка, заверщенного или незаконченного утверждения, последней перитекстовой ссылки, которая соединяется с гипотекстом.

Текст представляет собой семиотическую структуру Интернет-пространства, графическое оформление которой состоит из фрагментов текста ограниченного объема, возможно, сопровождаемых перитекстом, таблицами, рисунками, диаграммами, ссылками и т. Д. Последней перитекстовой ссылкой может быть: слово, высказывание, дейктическое средство типа *здесь*, *щелкните здесь*, *посмотрите дальше*, *введите здесь*, *продолжите*, *здесь*; знак препинания, например, многоточие (...) и т. п.

В свою очередь, каждый текстон имеет свой паратекст. Структура текстона и все вокруг него составляют его паратекст. Текст следует модифицированной структуре печатной книги: у него есть заголовок (адрес-ссылка может быть псевдозаголовком текста); домашняя страница (или первая страница; главная); панель параметров (или инструменты), меню (книжное,

короткое или развернутое), внутренние и внешние ссылки, уведомление об авторских правах (©) и т. д.

4.2.1. Гиперссылка на пересечении текста, интертекста и гипертекста

Как уже упоминалось в предыдущем разделе, исследователи выделяют следующие структурные элементы гипертекста

- 1) независимые информационные единицы;
- 2) гипертекстовые ссылки (средство, позволяющее переходить от одной информационной единицы к другой) [Дедова, 2006; Масалова, 2003].

Основой структуры гипертекста являются отдельные информационные единицы, представленные файлами, узлами и модулями. Авторы гипертекста структурируют всю информацию в виде определенного количества текстов относительно небольшого объема.

Гипертекстовые ссылки считаются основным средством достижения связности и обеспечения когерентности электронных гипертекстов; О.В. Дедова считает основной характеристикой гиперссылки «двунаправленность, т. е. функциональную связь двух текстовых или графических изображений» [Дедова, 2006: 29].

Гиперссылка – «важнейший элемент структуры гипертекста, по сути дела, является материализовавшейся коннотацией, призванной эксплицировать имплицитно выраженные в тексте семантические и ассоциативные связи» [Дедова, 2006: 27]. Гипертекстовые ссылки можно разделить на интерактивные структурные, такие как оглавление книги, и контентные, которые представляют собой различные типы семантических отношений между источниками и объектами [Дедова, 2006: 30].

Гиперссылки классифицируются на однонаправленные и двунаправленные (кросс-ссылки) по критериям возможных переходов, а также на внутритекстовые и межтекстовые по положению информационной

единицы [Клочкова 2010, Стройков 2010]. В рамках одной гиперссылки различают следующие понятия:

- источник ссылки – фрагмент текста, текстовое или графическое изображение на экране, при активации которого на экран вызывается новый текст или изображение;
- объект ссылки – новый текст или изображение, появляющееся в результате активации ссылки.

Структурно гипертекст состоит из минимального количества значимых единиц, называемых гипотекстами, которые обладают семантической целостностью, простым текстовым форматом и единым неразрывным внутренним содержанием. Очевидно, что современные гипертексты, опосредованные компьютерной средой, предоставляют реципиенту немедленный доступ к набору эталонных текстов, что является главным отличием от гипертекстов доинтернетовской эпохи.

Гиперссылка повсеместно встречается в гипертексте и метафорически означает и то, и другое: связь, отношения, язык, значение, рот, речь, открытость, значение и т. п. Другая ассоциация – калейдоскоп, основанный на смеси цветов, света и зеркал, который из конечного набора первичных элементов создает бесконечное количество уникальных мозаичных панно. Наконец, калейдоскопические изображения – это тоже своего рода ткань [Науменко, 2005: 183]. И на этом ассоциации не заканчиваются: *мост, радуга, прыжок, пружина, желоб, дверь, ворота, дыра, адрес, местоположение, тканевая нить, отверстие для закрытия, хвост ящерицы* и т. п. – вход в другой текст и т. д.

В английском языке слово «link» многозначно. Первое, наиболее важное и наиболее распространенное значение «ссылка». Тогда как существительное это также означает: звено, элемент, за, кольцо, цепочка, глаз, петля, завиток, пуговица, зажим, а как глагол: связывать, соотносить, связывать, объединять, связывать с цепочкой, чтобы связывать, цепляться за, цепляться и т. д. Многие

из этих значений действительно реализуются в сети, цепочка является одним из ее графических представлений. В русском языке значений данного слова намного меньше: во-первых это ссылка в значении депортации, во-вторых, это запись в документе, указывающая на другую часть документа.

Как непрерывность текста, так и его прерывность можно проследить в онлайн-среде в первую очередь благодаря гиперссылке.

Другими словами, гиперссылки - это своего рода «ярлыки из цифрового пространства», «прыжки», «переходы» от одного текста к другому – отсюда и выражение «от ссылки к ссылке». А для интертекстуальности ключевые слова являются определяющими, они создают сеть. Гиперссылка является наиболее важной категорией или характеристикой киберпространства. Этот гиперсигнал становится связкой для всех элементов языка, являясь красной (или синей) нитью сетевой ткани.

Гиперссылка является гипертекстовым движком. Среди структурных элементов гипертекста гиперссылка играет важную роль и действительно представляет собой новый знак киберпространства. Автором гиперссылки считается Тед Нельсон – отец гипертекста.

Сами ссылки образуют гипертекстовую сеть, и их активация (активация) способствует как достижению сплоченности и связности гипертекста, так и их разрушению (из-за бесконечности гипертекста некоторые исследователи ставят под сомнение его сплоченность и согласованность). Автор может только приблизительно догадываться, как читатель или пользователь прочитает текст, в каком порядке он будет отображаться на экране монитора, в каком контексте будут использоваться обе отдельные информационные единицы (цитаты, текст, ссылки и т. п.), а также и весь гипертекст, но не может заставить его перейти по определенному заранее определенному пути. Пользователь будет строить посредством чтения свой особый гипертекст.

Ссылка возникла из-за необходимости быстрого доступа пользователя к информации (документу, тексту). Скорость и удобство доступа к онлайн-текстам - самые ценные преимущества гиперссылок. Гиперссылка является

«фундаментальным элементом структуры гипертекста и, по сути, представляет собой материализованную, конкретизированную коннотацию, предназначенную для отражения семантических и ассоциативных связей (отношений), неявно выраженных в тексте» [Дедова, 2006: 27].

Гипертекстовые ссылки характеризуются существованием функциональной связи между двумя текстами или графическими изображениями, называемой однонаправленностью, когда программа не предоставляет обратный путь, ярким примером является поисковая система Google.com или двунаправленностью, когда такая возможность существует, например, Яндекс.

Таким образом, в гиперссылке различают:

1. Источник ссылки - часть отображаемого на экране текста, текстового или графического изображения, при действии ссылки на этом же экране вызывается новый текст или новое изображение (рис. 16).

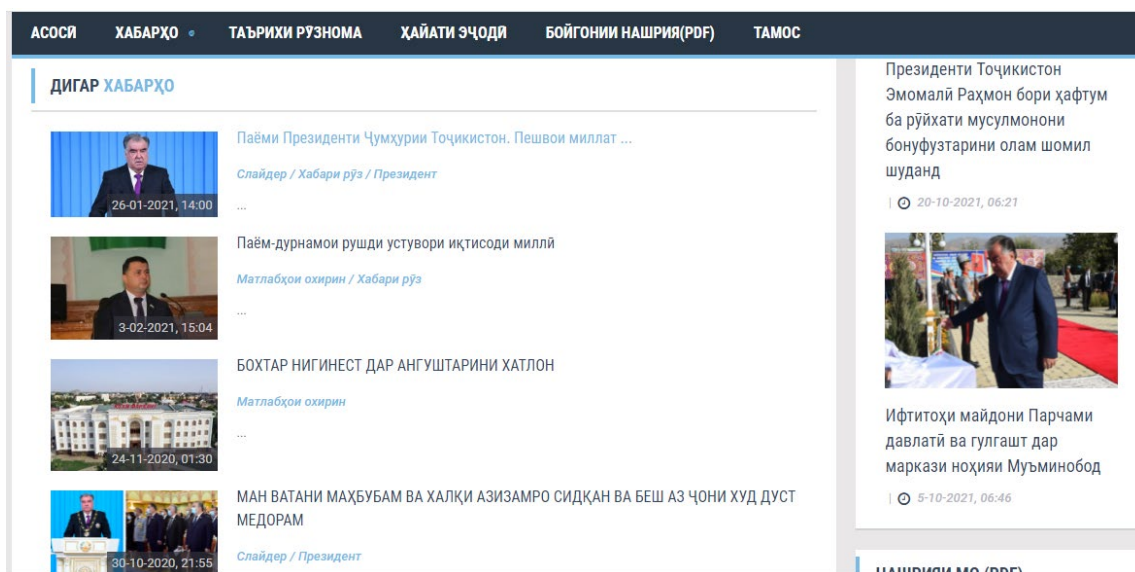

Рис.16. Источник ссылки (<http://khatlon-ruznoma.tj/itisodivu-itimo/430-darahti-dst-binshon.html>)

2. Объект ссылки – новый отображаемый текст (или изображение), который открывается в результате активации ссылки (рис. 17).

АСОСИ ХАБАРҶО ТАЪРИХИ РЪЗНОМА ҲАЙАТИ ЭҶОДИ БОЙҶОНИИ НАШРИЯ(PDF) ТАМОС

Паёми Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон. Пешвои миллат ...

Муҳаррир: Зиёдулло Раҳимов аз 26 январ, Бахш: Слайдер / Хабарӣ рӯз / Президент, Боздид 1 002

В f t g o

Паёми Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон. Пешвои миллат мухтарам Эмомалӣ Раҳмон ба Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи самтҳои асосии сиёсати дохилӣ ва хориҷии ҷумҳурӣ»

Ҳамватанони азиз!
 Мухтарам аъзои Маҷлиси миллӣ ва вакилони Маҷлиси намояндагон!
 Паёми Президенти мамлакат ба мақоми олии қонунбарори кишвар дар соли барои мардуми шарифи Тоҷикистон воқеан таърихӣ – сиқомин солгарди истиқлолу озодии Ватани азизамон пешниҳод мегардад.
 Тавре ки қулли ҳамватанони азизи мо, инчунин, ҳар яки шумо – вакилони мухтарам ва ҳозирини гиромӣ медонед, соли 2020 барои соқинони сайёра, аз ҷумла Тоҷикистони мо яке аз солҳои аз ҳар лиҳоз вазнин буд.
 Дар натиҷаи паҳн шудани бемории сироятии коронавирус ва вобаста ба он, босуръат паст рафтани фаъолнокии иқтисодӣ ва афзоиши бесобиқани бекорӣ вазъияти сайёра боз ҳам печида гардида, ба бӯҳрони бисёр шадиди иқтисодиву молиявӣ ва иҷтимоӣ рӯ ба рӯ омад.
 Имрӯз дар дунё амалан давлат ва соҳае нест, ки аз таъсири бӯҳрон эмин монда бошад.

Рис.17. Объект ссылки (<http://khatlon-ruznoma.tj/slajder/221-paemi-prezidenti-umarii-toikiston-peshvoi-millat-mutaram-jemomal-ramon-ba-malisi-olii-umarii-toikiston-dar-borai-samtoi-asosii-siesati-dohil-va-horiii-umur.html>)

Текстовые средства создания гипертекстовых ссылок не ограничены в том смысле, что гиперссылка может быть или стать любым элементом гипертекста, включая изображение. Обычно в качестве связующего звена между двумя информационными единицами вырабатываются ключевые слова (автономные части речи: существительные, глаголы, наречия, прилагательные), словосочетания и т. п.

Но и вспомогательные части речи не редкость, особенно в литературные гипертексты, блоги. Наиболее часто используемые слова в качестве связующего звена с исходным текстом – это местные символы, такие как: *здесь, щелкните / щелкните, щелкните здесь, (щелкните) здесь, (прочитайте) далее* и т. п.) при активации отправляет пользователя в другой текстон или другой гипертекстовый документ.

Гиперссылку можно разместить как внутри текста, так и на панели инструментов (меню) – и в этом случае это будет перитекст-адрес рассматриваемого документа, например:

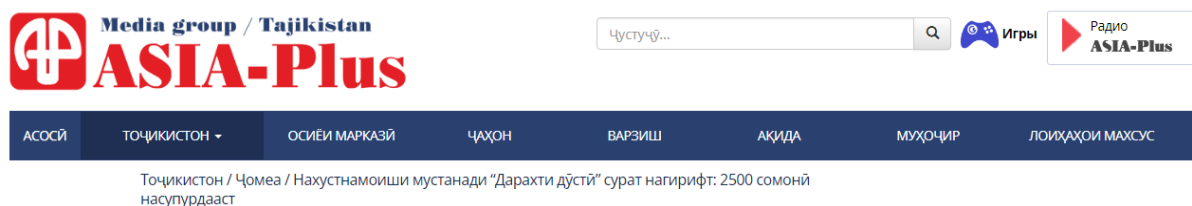

Рис. 18. Ссылки на панели инструментов

<https://asiaplustj.info/tj/news/tajikistan/society/20210625/nahustnamoishi-mustanadi-darahti-dst-surat-nagirift-2500-somon-nasupurdaast>

Однако особенно интересным аспектом нам кажется появление в виде гиперссылок целых предложений или даже целых текстовых фрагментов; следовательно, любое слово, комбинация слов или утверждение, которое может стать гиперссылкой. Обычно содержание гипертекста уведомляет читателя, пользователя или браузер о том, что должно произойти, чтобы подготовить восприятие другой единицы гипертекста, по которому он перемещается, а иногда текстовое содержание ссылки информирует пользователя об источнике (ср. рис.16).

Однако ссылка может быть и недействующей, если страница не доработана и не дополнена документами:

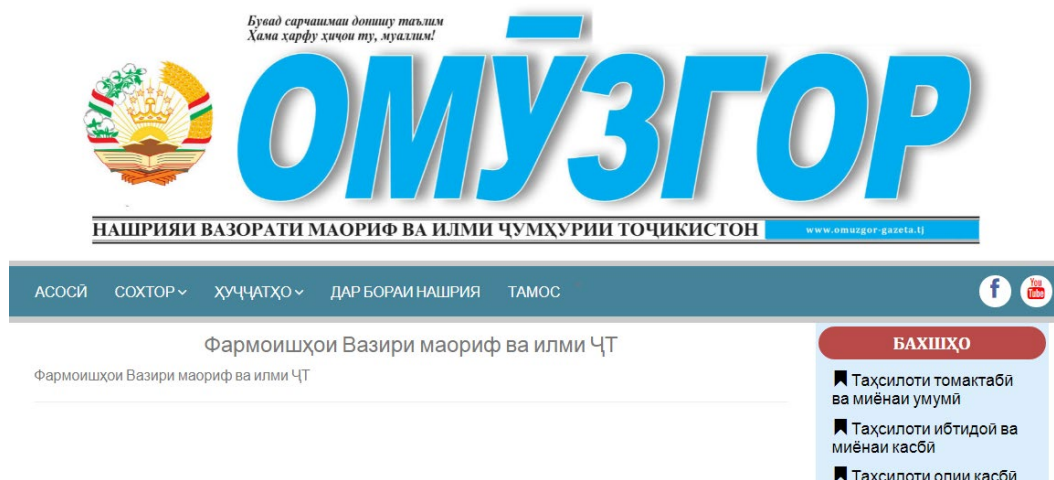

Рис.19. Пример неработающей ссылки с сайта <http://omuzgor-gazeta.tj/vazir.php>

Несмотря на то, что она предназначена только для установления связи между информационными единицами гипертекста, гиперссылку можно квалифицировать как самостоятельную смысловую единицу. Ее можно «выбросить» за пределы текстона (который при установлении связи с другим текстом превращается в гипотекст). Если это адрес документа, то он сможет функционировать «сам по себе», став самостоятельной единицей. Когда ссылка воспроизводится на странице печатного текста, она теряет свою важнейшую емкость (как, кстати, и весь текст): она перестает быть активной или интерактивной, динамической, и тогда становится просто нефункциональной.

4.3. Типология интертекста: параметры классификации

В первой главе (раздел 1.2.) мы рассмотрели, каким образом Жерар Женетт – французский литературный критик, провел наиболее общую классификацию взаимодействий интертекстов в рамках транстекстуальности. В его труде «Палимпсесты: литература во второй степени» [Genette, 1982], который был переведен на русский язык в 1989 г. [Женетт, 1989] предлагается классификация различных типов взаимодействия текста, его классификацию дополнили и переработали российские ученые, и состоит она из пяти пунктов:

1. Интертекстуальность, как взаимодействие двух или более текстов в одном тексте (цитата, аллюзия, плагиат и т.д.); ср. высказывание Ю. Кристевой, «любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст – это впитывание и трансформация какого-либо другого текста» [Кристева, 2004: 167].
2. паратекстуальность «как связь между текстом и его заголовком, послесловием или эпиграфом»;
3. метатекстуальность «как комментарий и часто как критическая ссылка на предтекст»;

4. гипертекстуальность «как насмешка или пародия на один текст со стороны другого»;
5. архитектстуальность «как жанровая текстовая связь» [Ильин,1989].

В первом типе, под названием «интертекстуальность», немаловажным является различие «цитат» и «аллюзий». Цитирование – это воспроизведение двух или более компонентов предшествующего текста (претекста) с сохранением «описания положения дел», данного в оригинале. Образец может быть воспроизведен в точности или несколько трансформирован. Аллюзия – заимствование только определенных элементов претекста, который является их признанием в тексте получателя, но предикация осуществляется по-новому [Ильин,1989].

В случае аллюзии элементы заимствованы выборочно, а все высказывание или строка текста-донора, имеющие отношение к новому тексту, присутствуют в нем только имплицитно, как бы «за текстом».

И.П. Смирнов считает, что в случае цитирования автор оперирует преимущественно «реконструктивной интертекстуальностью, регистрируя общность «их» и «чужих» текстов, а в случае аллюзии на первом месте стоит конструктивная интертекстуальность, целью которой является заключается в том, чтобы расположить заимствованные элементы так, чтобы они представляли собой сцепление семантически-составной структуры нового текста» [Смирнов, 1995].

Как цитаты, так и аллюзии могут быть типологизированы в зависимости от степени их атрибуции, а именно от того, является ли «интертекстуальное общение специально обозначенным фактором конструирования автора и восприятия читателем текста или нет» [Субботин, 1994].

Проблема интертекстового взаимодействия ставит вопрос о взаимосвязи понятий интертекст и троп и о рассмотрении интертекстуальности как риторической фигуры. Поскольку интертекстуальные отношения и формальные элементы, которые их связывают, очень разнообразны по своей

природе и проявлениям, похоже, нет однозначного ответа на вопрос, с чем можно сравнить межтекстовое преобразование тропа. Он показывает признаки как метафоры [Ямпольский, 1993], так и метонимии [Минц, 1999]; в частности, синекдохи [Ронен 1997; 2000]), а в некоторых контекстах также гиперболу и иронию (Л.Женни). В то же время обнаружено, что как декодирование тропов, так и декодирование межтекстовых отношений основаны на «расщепленной референции» языковых знаков (Р.Якобсон), или «sillepsis» в терминах М. Риффатерра [Риффатерр, 1988]. Силлепсис, по М.Риффатерру, заключается в понимании одного и того же слова сразу двумя различными способами: как контекстуального значения и как интертекстуального значения. Контекстуальное значение – это то, что требуется грамматическими словосочетаниями слова, ссылкой слова на другие слова в тексте. Интертекстуальное значение – это другое значение, которое может иметь слово, одно из его словарных значений и/или актуализированное в интертексте. В любом случае это интертекстуальное значение совместимо с контекстом и бессмысленно внутри текста, но оно все еще действует как вторая ссылка – на этот раз на интертекст [Riffaterre, 1980:637-638].

Однако в обоих случаях для адекватного понимания конструкции, смещенной ее синтагматикой, необходимо обратиться к пространству языковой памяти: либо к интегративной системе транспозиции, обоснованной в поэтическом языке, узаконенной в поэтическом языке – так называемой «поэтической парадигмы» по Н. В. Павловичу, либо к интегральной парадигме текстов, создающей культурный контекст для этого текста [Фатеева, Паршин: эл.ресурс].

Интертексты, как метафора и метонимия, не знают границ ни языка, ни художественных способов выражения «как внутри самого языка (в интертексте параллели не подчеркивают разделение на стих и прозу), так и при изменении средств выражения, характерных для разных искусств, которое порождает феномен так называемой интермедальности, комплексное

переплетение интертекстуально-интермедиальных аллюзий» [Фатеева, Паршин: эл.ресурс].

Свою классификацию по типам приводит П.П.Москвин. Он считает, что противопоставлять два типа интертекста необходимо потому, что любой текст - это «семиотически двуплановая структура» [Москвин, 2013:58:

1) «материальную интертекстуальность», заимствующую элементы плана выражения текста [Plett., 1991:7];

2) «тематическую интертекстуальность», заимствующую элементы плана содержания текста: темы, мотивы, сюжеты, образы.

В данной связи интересна мысль Ю.С. Степанова о том, что корпус межтекстовых заимствований «многоярусен, «многоэтажен» и на уровне первого этажа уже имеет устоявшееся наименование – интертекст. Интертекст – это то, что можно читать в прямом смысле этого слова. Следующие этажи уже вряд ли можно назвать «текстами», поскольку они состоят из «нечитаемого» – понятий, образов, представлений, идей» [Степанов, 2001: 3]. С этой точки зрения, к сфере действия интертекстуальности следует отнести только первый тип – единицы плана выражения речи, что исключает широкую трактовку данного понятия как «способа, посредством которого новый текст создан из метафор, образов и символической системы раннего текста или традиции» [Москвин, 2013:59].

На уровне межтекстовых заимствований «первого этажа» (т. е. плана выражения речи) выделяются два ассоциативно противоположных типа единиц.

1. Коммеморативные (лат. *commemora-tio* ‘воспоминание’), т. е. интертекстуально имплицированные единицы, которые можно распознать как принадлежащие строго определенному тексту. Среди них следует различать:

1.1. Двусторонние единицы:

а) коммеморантная (аллюзийная) лексика, в частности авторские неологизмы. К таким отнесем авторские неологизмы, созданные А.Г. Волосом (уроженцем Душанбе, прекрасно знающим таджикский язык и активно

использующим его в своих произведениях, ср. роман «Хуррамабад» и др.) в антиутопическом романе «Маскавская Мекка»: *Маскав* (тадж. вариант Москвы): *Маскав, пятнадцатое октября. По сообщениям наших корреспондентов, в Маскаве набирает ход осеннее наступление трудящихся.*

Гумунизм, гумунистический (от гуманизм и коммунизм), ратийный (от партийный): раздумья же о том, чего нельзя изменить, только портят характер и мешают ратийной и гумунистической работе

Рабад (от Арбат): Он уже не мог и вспомнить, когда в последний раз был в Рабад-центре .

б) коммеморатные фразы и выражения, например: – *гумрати (компартия): Таким в гумрати не место! – бессвязно выкрикивала Твердунина*

Кисмет-лотерея (от қисмат – лотерея судьбы): Потерял кто-то? выбросил? почему драгоценный билет кисмет-лотереи лежит на тротуаре?

Или *шараб-кола: Шараб-кола есть?* (А.Волос. Маскавская Мекка)

1.2. Односторонние единицы, в частности, стилистические маркеры удачных текстов, например, маркеры знаменитого цикла Г. Остера «Вредные советы», вызвавшего сотни подражаний [Москвин, 2013:59].

2. Единицы, которые не могут быть признаны принадлежащими строго определенному тексту и, следовательно, не могут быть основой для интертекстуальных высказываний:

а) стереотипы, такие как номинативный, структурный, конститутивный и т. д., т. е. «то, что говорится всегда, говорилось прежде, в другом месте и независимо друг от друга» [42, р. 43] (как основа «интердискурса», по М. Пешо);

б) заимствования из текстов, незнакомых широкой публике.

Единицы 2а и 2б могут быть включены в интертекстуальные отношения только в том случае, если они приобрели статус цитаты и ее атрибуты: кавычки и /или указание на источник.

При отсутствии атрибута цитирования заимствование из единиц типа 2б считается плагиатом (лат. *plagium* «похищение»), то есть «попыткой выдать чужие идеи или язык за свои собственные» [Pfister, 1985: 29].

Интертекстуальность сильно различается по функциональным и структурным связям и их силе. Перечислим и рассмотрим типы интертекстуальности, связанные с этими различиями.

В зависимости от цели адресата интертекстуальные отношения можно разделить на три интенциональных типа (лат. *intentio* ‘замысел, намерение’):

1. Риторическая интертекстуальность, преследующая эстетические или иные цели, т.е. функционирующая «как риторическая стратегия» [Риффатер, 1988], возникает в результате использования таких фигур интертекста, как:

- а) цитирование;
- б) текстуальное применение и аллюзии;
- в) парафраз и пародия;
- г) пародирование;
- д) творческое подражание успешным писателям [Москвин, 2014]).

2. Спонтанная интертекстуальность, не обусловленная специальными приемами или средствами, возникает между исходными текстами и:

- а) переводом;
- б) переработанным либо прозаическим вариантом;
- в) новой редакцией текста;
- г) адаптацией;
- д) аннотацией;
- е) сокращенным вариантом.

3. Криптофорическая (от греч. *krypt* ‘скрывать, прятать’) интертекстуальность возникает в случаях неправомерного заимствования,

когда автор «стремится скрыть либо разрушить связь с претекстом» [Москвин, 2013].

Первый тип имеет положительную интертекстуальную интенцию, второй – нулевую, третий – отрицательную. Исходя из данной трихотомии, вслед за Ж.Женеттом, некоторые авторы рассматривают плагиат как «форму интертекстуальности» [Genette, 1982:2].

Неоднократно отмечалось выше, что интертекстуальность - это либо «поглощение», либо «трансформация другого текста», и «связана либо с перемешиванием высказываний или текстов, либо с производностью одного текста от другого» [Kristeva, 1969:146]. В соответствии со структурой интертекстуальной связи между оригинальным текстом и текстом с расширенной интертекстуальной связью можно противопоставить два типа отношений:

1. «текст-донор - текст-получатель (реципиент)».

Текст-донор и отрывки из него связаны ассоциациями типа ‘целое ~ часть’. Соответственно, вслед за В.П.Москвиным назовем данный тип интертекстуальности, основанный на таких ассоциациях, парциальным (лат. *pars* ‘часть’). «Необходимо различать текст-донор и выдержку из него; их отождествление приводит к логически небезупречным утверждениям: к прецедентным текстам относятся не только цитаты из художественных произведений. Прецедентным текстом может быть и имя собственное» [Москвин, 2014:73], например, Рустам, Сухроб, Заххок, Синдбад, Лаку Пак, Афанди и др. в таджикской лингвокультуре. При таком подходе прецедентный текст трактуется как знак, «единица обозначения» [Караулов, 1987: 217].

Если следовать данной трактовке, то получается, что и сами тексты, и извлечения из них являются прецедентными текстами (см. Главу 3).

2. «Производящий текст – производный текст».

Поскольку производные тексты имитируют основные черты производящих текстов, тип интертекстуальности, основанный на

производных ассоциациях, будем называть миметическим (подражательным). Примеры таких текстов приведены в разделах третьей главы.

Тексты, возникшие в результате подражания (мимесиса), называются вторичными; текст, послуживший основой для подражания, – первичным или оригинальным. Ж. Женетт называет первичный текст гипотекстом; вторичный, «производный от предшествующего путем трансформации» – гипертекстом; смену персонажей («ролей») – «гипертекстуальной переоценкой» [Genette, 1982: 10, 14, 367, 418].

В эпоху современных информационно-коммуникационных технологий проблема взаимосвязи понятий «интертекст» и «гипертекст» еще более актуальна. Постструктуралистские определения идеального текста, такие как «Всякий текст есть интертекст по отношению к другому тексту» [Барт, 1989] и «для познающего субъекта интертекстуальность – это концепция, которая будет признаком того, как текст читает историю и вписывается в нее» – пишет Юлия Кристева, как бы предвещая появление самого понятия «гипертекст» [Кристева, 2004]. Поэтому неудивительно, что термин «гипертекст» появился почти одновременно с термином «интертекстуальность», введенным Я. Кристевой.

Простейший пример гипертекста – это любой словарь или энциклопедия, где каждая статья имеет отсылки к другим статьям этого же словаря. В результате «читать такой текст можно по-разному: от одной статьи к другой, по мере надобности, игнорируя гипертекстовые отсылки; читать статьи подряд, справляясь с отсылками; наконец, пуститься в гипертекстовое плавание, то есть от одной отсылки переходить к другой» [Руднев, 1999].

Такая текстовая структура делает писателя и читателя в некотором роде равными на уровне интерпретации. Это связано с тем, что выбор и смена фокуса, способ прочтения текста зависят, прежде всего, от получателя или потребителя информации.

В данном контексте следует отметить различие между интертекстуальностью и гипертекстуальностью. Интертекстуальность, будучи

авторской и установленной в тексте, представляет собой структурированную сеть ограничений, которые формируют восприятие читателя. Гипертекстуальность же, основанная на свободных ассоциациях и возможная благодаря гипертекстуализации, создает аморфную сеть, не ограниченную авторскими заданиями. Таким образом, интертекстуальность и гипертекстуальность действительно имеют разные направленности, противопоставляя структурированный подход к тексту свободной и ассоциативной интерпретации.

Тексты, связанные между собой межтекстовыми ассоциациями, образуют гипертексты. Гипертексты, или гипертекстовые системы, являются абстрактными величинами и поэтому должны пониматься как ассоциативные ассоциации, или системы текстов, а не как конкретный «текст, внутри которого сосуществует несколько текстов» [Давыдова, 2006: 5]. Горизонтальный текст представляет собой прямолинейное изложение, в то время как вертикальный текст, или гипертекст, организован по темам. Тед Нельсон, придумавший термин «гипертекст», определял его как «структурированный комплекс мыслей» [Kitzmann, 2006:13-14]; а высшей формой гипертекста считается виртуальное пространство, которое сегодня известно, как Всемирная паутина или Интернет.

Таким образом, интертекстуальность и гипертекстуальность, будучи связанными друг с другом понятиями, имеет каждый свою специфику.

4.4. Типологические характеристики гипертекста

После исследования типологических признаков интертекста, рассмотрим типологические признаки гипертекста.

Гипертекст отличается от печатного текста («бумажного текста») по многим характеристикам (если мы можем подтвердить некоторые из них в случае традиционного текста, напечатанного на бумаге, они кажутся несравненно более развернутыми в случае онлайн-формата). «Простое»

определение гипертекста может быть дополнено рядом особенностей, вытекающих из сложной природы этого понятия. Многие из этих свойств гипертекста можно отождествить с характеристиками Интернета, в частности, с его наиболее динамичным компонентом – Интернетом.

В современной литературе можно выделить различные типологии гипертекстов, которые различаются в зависимости от подхода к данному понятию. Ю. Хартунг рассматривает гипертекст как разновидность массового текста с лингвистической точки зрения и выделяет различные типы гипертекстов на основе связей между информационными элементами в цифровом формате:

- референциальные;
- организационные;
- типы гипертекстов на основе словарей и карт;
- гипертексты в виде примечаний;
- гипертексты с кольцеобразной структурой. [Хартунг 1996].

М. Визель классифицирует гипертексты следующим образом:

1. Художественная/нехудожественная литература. Телефонные справочники, энциклопедии, руководства и справочники считаются нехудожественными гипертекстами и составляют их основную часть.

2. Изолированные (доступные только одному пользователю одновременно) и сетевые (доступные многим пользователям одновременно).

3. Только чтение / чтение с комментариями / чтение и письмо. Чтение с комментариями позволяет читателям выразить собственное мнение о прочитанном. Чтение и письмо реализуется в сетевых проектах, разделенных по количеству авторов.

4. Аксиальные / дисперсные. Аксиальными называются сочинения, которые имеют магистральный принцип построения, в отличие от которых дисперсные гипертексты не имеют четко выраженной повествовательной оси [Визель, 1999].

После всего проанализированного выше, а также в предыдущих главах и разделах, считаем необходимым сформулировать основные типологические признаки электронного гипертекста. К основным типологическим характеристикам мы отнесем следующие:

1. Нелинейность;
2. Динамизм;
3. Виртуальность;
4. Глобальность;
5. Фрагментарность
6. Децентрализация;
7. Визуализация;
8. Интерактивность;
9. Открытость, бесконечность;
10. Неоднородность или мультимедийность;
11. Анонимность, цитации или изменение отношения к авторству;
12. Временная и пространственная независимость

4.4.1. Нелинейность как основная особенность гипертекста

Нелинейность считается главной особенностью гипертекста, принципиально отличным от линейности текста в печатном или так называемом «бумажном» формате. Согласно концепции лингвистического гипертекста, предложенной Н.А. Шехтманом, непрерывность смысловой структуры текста всегда находится в противоречии с линейностью и дискретностью его речевого воплощения. В результате понимание прочитанного возможно только при условии выхода за пределы фонетического воплощения текста. Именно гипертекст дает такой выход, реализуемый в виде комментариев, сносок и аннотаций, объясняющих различные особенности художественного текста и глубинный смысл художественных деталей. «Предназначение гипертекста состоит в том, чтобы

превратить знания комментатора в информацию для читателя, расширить диапазон и знания, и информации» [Шехтман, 2005].

При определении гипертекста многие исследователи подчеркивают текстовую составляющую этого явления и системный характер связей между его единицами. Схожее определение можно найти у О.В. Дедовой и С.А. Стройкова, которые рассматривают это явление как системный характер отношений между единицами: «некоторый нелинейно организованный объем поликодовой и политематической информации, существующий в сети Интернет и обладающий текстовыми характеристиками, структурными и функциональными особенностями, интегрирующий непересекающиеся информационные ресурсы, между которыми могут быть установлены однонаправленные и перекрестные ссылки» [Дедова, 2003: 116, Стройков, 2007: 316]. Сходную точку зрения высказывает и М.М. Субботин. Он определяет гипертекст как систему нелинейного представления единиц текстового материала, в которой связи между элементами заданы явно, так что материал может быть прочитан в любом порядке и образуются различные линейные тексты [Субботин 2001: 37].

Однако такая нелинейная форма представления знаний не является феноменом, связанным с компьютерной глобализацией. Подобный стиль письма был характерен для религиозных писаний, в которых широко использовались многочисленные сноски, библиографии и комментарии. Например, Библия, состоящая из книг Ветхого и Нового Заветов, разделена на «стихи».

Однако, как мы показали во второй главе, в «догутенберговскую» или рукописную эпоху особенности восточных сочинений и манускриптов демонстрируют подобную нелинейность (см. разделы 2.3 - 2.5 второй главы). По мнению С.С. Панфиловой, книжный гипертекст представляет собой структуру, не имеющую линейного порядка, где содержание художественного произведения взаимодействует с содержанием вспомогательных

нехудожественных текстов, окружающих основной художественный материал в рамках одного издания. [Панфилова, 2009: 7].

До эпохи персональных компьютеров гипертексты представляли собой, с одной стороны, информационные массивы, не принадлежащие к художественной сфере: справочники, инструкции и тексты энциклопедий, а с другой – заведомо экспериментальные тексты, более интересные заявленной идеей, чем ее воплощением (например, произведение Х. Кортасара «Игра в классики») (см. раздел 2.6.2).

Представляется целесообразным разграничить понятия книжного, или лингвистического, гипертекста и электронного гипертекста. Гипертекст в эпоху Интернета в отличие от книжной больше не читается с головы до ног, в очень строгой последовательности, но можно сразу переходить от одного понятия к другому, от одного источника к другому, от одного автора к другому и т. п., что показывает возможности построения и эксплуатация сети. Согласимся с мнением Т.И. Рязанцевой, которая рассматривает электронный гипертекст как особый тип письменной коммуникации, особую форму композиции текста, опосредованную компьютерной средой, обусловленную сегментацией и «иерархической ассоциативной трибуцией фрагментов, а также возможностью множественного выбора развития сюжетно-тематического потока». Таким образом, гипертекст – это многоуровневая система, основными элементами структуры которой являются гипотексты, система связей и система навигации [Рязанцева 2008: 3].

Сильный гипертекст – это единое целостное произведение, в котором в то же время реализована возможность нелинейной композиции. Слабые гипертексты встречаются чаще и могут представлять собой сборники текстов или тексты с комментариями. Примером сильного гипертекста является Википедия.

В качестве примера приводим страничку «Забони тоҷикӣ» ([https://tg.wikipedia.org/wiki/Забони тоҷикӣ](https://tg.wikipedia.org/wiki/Забони_тоҷикӣ)) из таджикской версии Википедии, где весь текст изобилует гиперссылками:

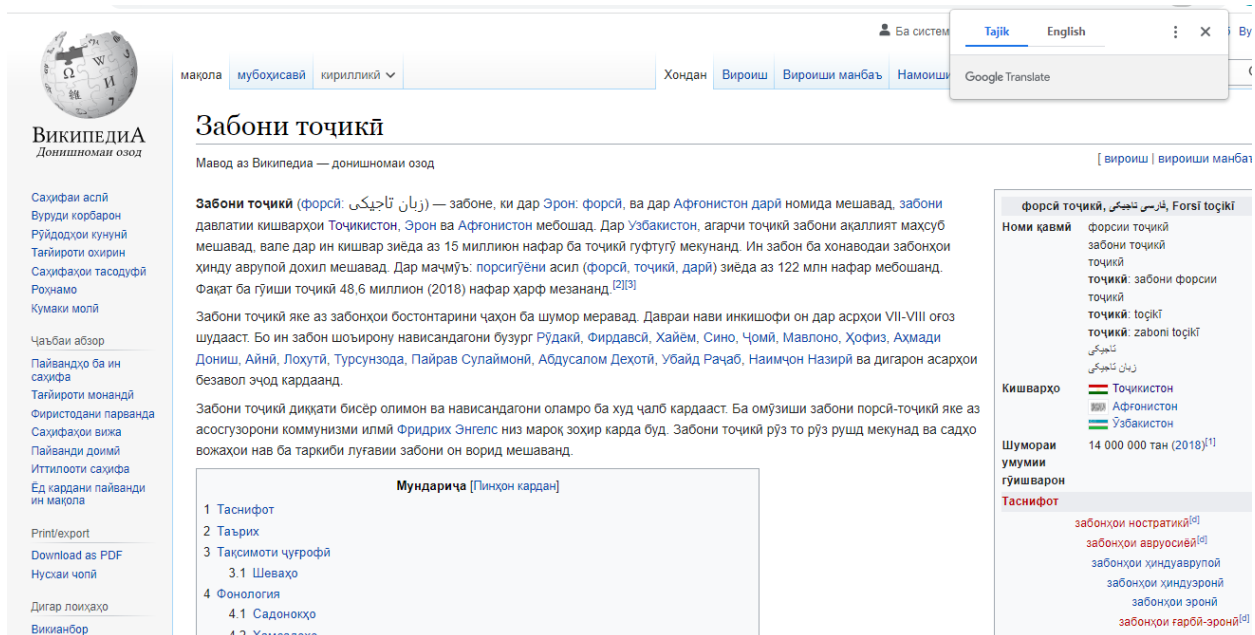

Рис.20. Фрагмент гипертекста из Википедии

Единицей информации, на которую ссылается гипертекстовая ссылка, является фрагмент непрерывно расположенного текста. Такой гипертекст можно читать линейно, то есть без отвлекающих гиперссылок, но наличие гипертекстовых ссылок также допускает непоследовательное чтение. Обилие гиперссылок дает возможность узнать много дополнительной информации и построить свой маршрут чтения.

Гипертекст характеризуется нелинейной структурой и возможностью расширения информационного пространства за счет добавления новых элементов. Структурно этот тип представлен отдельными законченными текстами с определенными смысловыми связями, которые также реализуются через систему гипертекстовых ссылок. Благодаря гиперссылкам мы можем подключаться к множеству источников информации, превращая процесс чтения в исследование, а навигацию по информации проводить с помощью тех же гиперссылок. Гиперссылки могут перевести вас на другую страницу, но есть и всплывающие ссылки. Например, при наведении на ссылку *порсигуён* всплывает текст с картинкой. Ср.:

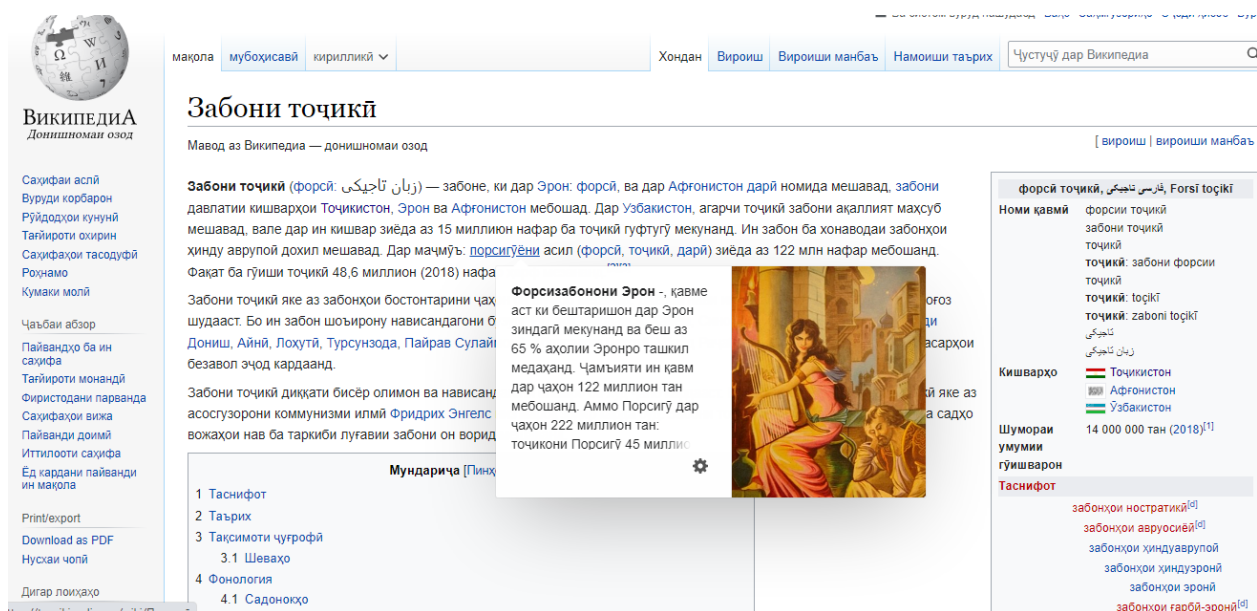

Рис 21. Фрагмент гипертекста с всплывающей гиперссылкой

([https://tg.wikipedia.org/wiki/Забони тоҷикӣ](https://tg.wikipedia.org/wiki/Забони_тоҷикӣ)).

Это напоминает некий лабиринт: пользователь интернета движется управляемо или хаотично от ссылки к ссылке, заблудившись и все больше и больше блуждая в сети - чтение становится все более и более поверхностным (если мы уйдем сначала по одной ссылке, потом по другой и т.п.), и фрагментарным, нет глубины, только всплывают значения.

По способу существования Википедию можно назвать динамическим типом гипертекста, который может постоянно пополняться и изменяться. По характеру прочтения — это скорее лабиринтная структура, которая представляет собой пересечение линейной, параллельной и циклической структур. В линейном гипертексте одна часть текста следует за другой, образуя непрерывный линейный текст. В параллельных гипертекстах читателю приходится выбирать между несколькими параллельными сюжетными линиями. В гипертексте с круговой структурой читатель в процессе чтения постоянно возвращается к началу гипертекста. Весь гипертекст представляет собой набор коротких текстов, раскрывающих одну сюжетную линию, но, тем не менее, противоречиво связанных друг с другом: каждый текст, начиная со второго, возвращает нас к началу

Таким образом, гипертекст представляет собой новый этап в эволюции текстовых практик, связанных с новым способом материального проявления, мы считаем верным лишь частично мнение о том, что текст может достигать характеристик, приписываемых гипертексту, и последняя может быть снижена по меркам текстуальности. Действительно, в современном мире ничего не делается без традиций. Следовательно, можно сказать, что текст без гипертекста существует, а гипертекст без текста не существует. Только в этом смысле можно принять идею непрерывности.

4.4.2. Динамизм, виртуальность и глобальность как признаки гипертекста

Динамизм можно назвать наиболее важной чертой гипертекста после нелинейности. Динамизм проявляется в том, что гипертекст становится как бы живым, подвижным, он относится к переходу текста от одной версии к другой, его модифицируемости, отмене жесткости, статичности, шаблонности. Само слово «шаблон» означает «зафиксировано в окончательной формуле». Статические гипертексты не меняются в процессе своего существования, динамические, напротив, могут пополняться и изменяться. Динамизм электронного текста обусловлен гиперссылкой и щелчком по ней, посредством которых он активируется и становится работоспособным, прикрепляя текст к другому (документу / файлу / изображению / видео и т. п.).

Гиперссылка – это новое понятие для лингвистики, но не для информационных технологий. Будучи, в свою очередь, наиболее важным понятием гипертекста, гиперссылка является фактором, который порождает и поддерживает связь между текстами. Без гиперссылки в пространстве Интернет-текста мы были бы как без маршрутов, без дорог, без дорожных знаков. Гиперссылка – это ссылка или технологический способ перехода в гипертексте к фрагментам того же (гипер) текста или к другим (гипер) текстам.

Ссылка аналогична сноскам, ссылкам, цитатам и библиографии, используемым в традиционных печатных текстах, с той разницей, что к месту назначения гиперссылки можно автоматически и мгновенно получить доступ, щелкнув ссылку мышью. Ссылка – это не просто электронная кнопка или просто «цвет», а форма гипертекста.

Киберкультура современного мира буквально «ликвидирует» текст, превращая его в живой текст («живую ткань»). Динамизм текста проявляется в его способности не оставаться в прежнем положении, периодически меняясь. Но бесконечная модификация текста создает недоверие не только среди приверженцев «бумажного» текста, но даже среди ярых сторонников гипертекста. Возможность управления версиями и ликвидность также делают текст динамичным (как в Википедии, например, где каждый желающий может стать и автором, и редактором). Обратите внимание на табличку «Ин фасл [ба васеъкунӣ](#) эҳтиёҷ дорад. Шумо бо [илова ё ислоҳи ин фасл](#) ба лоиҳа кӯмак мерасонед» на той же страничке в Википедии, которую мы проанализировали выше:

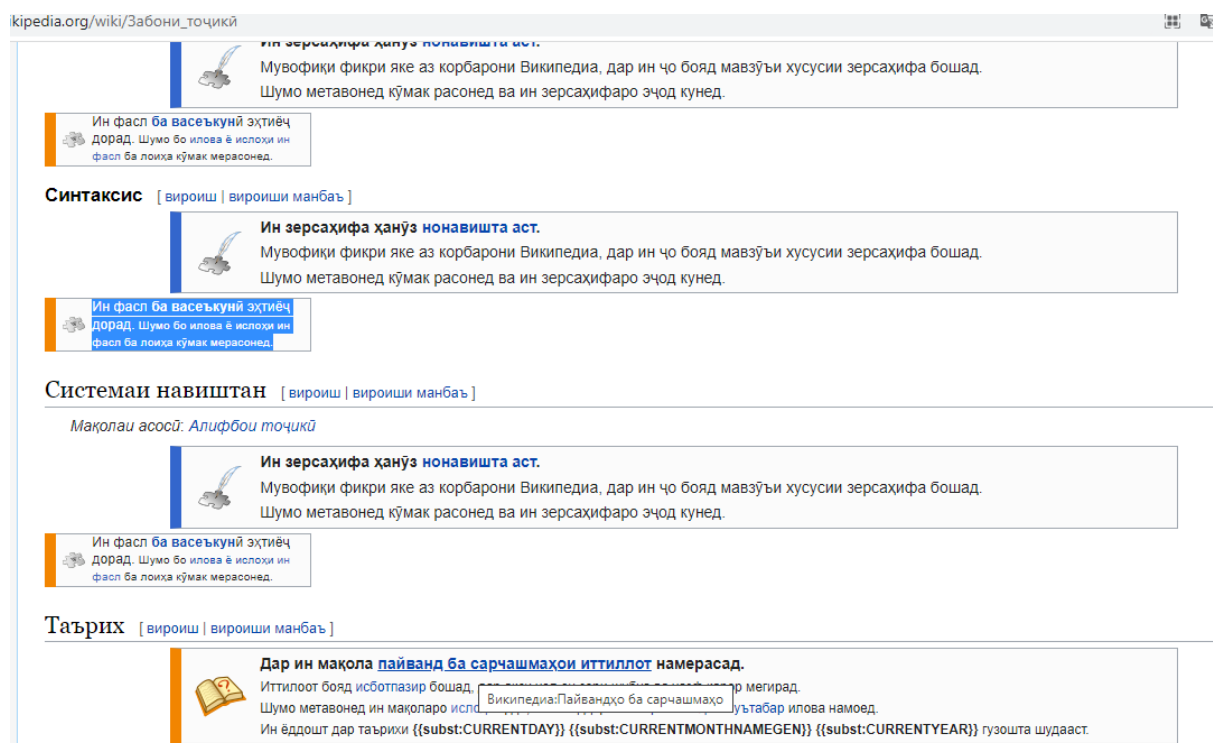

Рис.23. Скриншот странички Википедии с предложениями дополнить или отредактировать текст.

Виртуальность – это черта именно электронного гипертекста, уже ставшее реальностью явление и виртуальное пространство, в котором создается и проявляется гипертекст. Само понятие «виртуальный» (часто приравниваемое к электронному значению) пересматривается во многих философских исследованиях, в то время как толковые словари предлагают определения, которые вообще не складываются в киберпространстве. Виртуальная идентичность создается и аутентифицируется (становится «реальной») путем ее принятия онлайн-сообществом [Лутовинова, 2009; Негуторов, 2003]. Информационные технологии позволяют получить доступ к информации «вживую», подавляя пространственные и временные расстояния, но, прежде всего, изменяя то, как мы воспринимаем вещи: реальность уступает место тому, что показано. С этой характеристикой связан и признак необычности или инаковости.

Необычность – это особенность языка, соответствующая человеческой инаковости, т.е. проявление факта «бытия-с-другим» как существенного измерения человека. Это «бытие-с-другим» – факт узнавания себя в других, факт узнавания в «вас» другого «я» – и есть то, что называется «социальным (или политико-социальным) измерением человека» и совпадает с «изначальной intersубъективностью сознания» [Coseriu, 1994:17-18]. Необычность гипертекста постоянно направляет пользователя Интернета к другому пользователю Интернета, участвующему в процессе онлайн-коммуникации (речи). Письменный язык (точнее, письменное общение) никогда не был ориентирован на другого/других больше, чем сейчас, в век Интернета, когда существует неограниченное взаимодействие стилей письма. Социальные сети, например, представляют собой виртуальные сообщества с измерением интенсивно эксплуатируемой инаковости (ориентация пользователя Интернета на другие виртуальные идентичности, с которыми он общается). Это проявляется и в создании многочисленных групп в социальных сетях, таких как, например, «Маорифи Тоҷикистон», «Панду ҳикматҳои

бузургон”, “Китобхонаи электронӣ” и т.п.. в Фейсбук, Телеграмм и других социальных сетях.

К примеру, любители известного таджикского музыкального жанра Шашмаком или известного таджикского поэта Лоика Шерали, объединившись в группах, могут не только слушать любимые произведения и любимых исполнителей или читать любимые произведения, но и делиться своими мыслями с близкими себе по духу людьми:

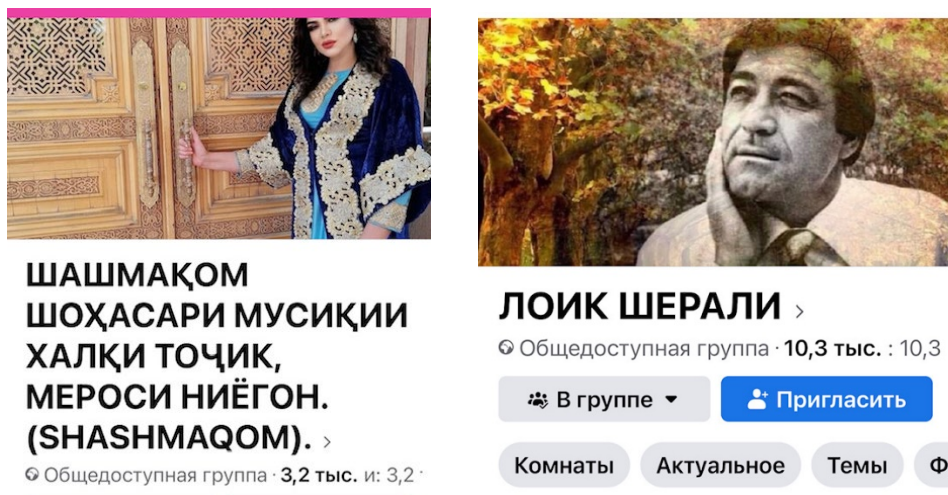

Рис. 24. Скриншот двух групп в соцсети Фейсбук

Другим типологическим признаком гипертекстуальности является глобальность, ведь не зря Интернет называют «глобальной деревней».

Глобальность, поскольку дигитализация или оцифровка текстов является глобальной, гипертекстуализация (как процесс переноса в новый формат текстового выражения человеческого существования) становится практикой, приобретенной во всем мире.

Доступ к способам передачи информации – беспрецедентный в истории. И он растет от года к году. Из более чем 7 миллиардов 875 млн. человек на планете пяти миллиардов уже имеют доступ к Интернету, так что 65% населения мира в 2021 г. являлись потребителями гипертекста [<https://www.internetworldstats.com/stats.htm>].

WORLD INTERNET USAGE AND POPULATION STATISTICS 2021 Year-Q1 Estimates						
World Regions	Population (2021 Est.)	Population % of World	Internet Users 31 Mar 2021	Penetration Rate (% Pop.)	Growth 2000-2021	Internet World %
Asia	4,327,333,821	54.9 %	2,762,187,516	63.8 %	2,316.5 %	53.4 %
Europe	835,817,920	10.6 %	736,995,638	88.2 %	601.3 %	14.3 %
Africa	1,373,486,514	17.4 %	594,008,009	43.2 %	13,058 %	11.5 %
Latin America / Carib.	659,743,522	8.4 %	498,437,116	75.6 %	2,658.5 %	9.6 %
North America	370,322,393	4.7 %	347,916,627	93.9 %	221.9 %	6.7 %
Middle East	265,587,661	3.4 %	198,850,130	74.9 %	5,953.6 %	3.9 %
Oceania / Australia	43,473,756	0.6 %	30,385,571	69.9 %	298.7 %	0.6 %
WORLD TOTAL	7,875,765,587	100.0 %	5,168,780,607	65.6 %	1,331.9 %	100.0 %

Рис.25. Количество пользователей Интернета в 2021 году

А уже в 2023 г. по данным статистики из почти 8 млрд. населения земли почти 70% охвачены Интернетом [<https://www.internetworldstats.com/stats.htm>] (рис. 26):

WORLD INTERNET USAGE AND POPULATION STATISTICS 2023 Year Estimates						
World Regions	Population (2022 Est.)	Population % of World	Internet Users 31 Dec 2021	Penetration Rate (% Pop.)	Growth 2000-2023	Internet World %
Africa	1,394,588,547	17.6 %	601,940,784	43.2 %	13,233 %	11.2 %
Asia	4,352,169,960	54.9 %	2,916,890,209	67.0 %	2,452 %	54.2 %
Europe	837,472,045	10.6 %	747,214,734	89.2 %	611 %	13.9 %
Latin America / Carib.	664,099,841	8.4 %	534,526,057	80.5 %	2,858 %	9.9 %
North America	372,555,585	4.7 %	347,916,694	93.4 %	222 %	6.5 %
Middle East	268,302,801	3.4 %	206,760,743	77.1 %	6,194 %	3.8 %
Oceania / Australia	43,602,955	0.5 %	30,549,185	70.1 %	301 %	0.6 %
WORLD TOTAL	7,932,791,734	100.0 %	5,385,798,406	67.9 %	1,392 %	100.0 %

Свобода и демократичность отношений в интернет-пространстве через гипертекст образует очень высокий уровень организации спонтанности речи. Каждый может свободно связываться с кем угодно, говорить то, что он хочет, и в любой форме, связываться с кем угодно, входить или выходить в любом месте и в любое время в виртуальной среде, только для того, чтобы иметь доступ к глобальной сети Интернет, используя псевдоним или имя пользователя для генерации данных, соблюдая правила, налагаемые этим новым способом записи и чтения и т.п.

4.4.3. Фрагментарность, неоднородность, открытость, децентрализация как черты гипертекста

Отметим следующий ряд типологических признаков гипертекста. Еще одним признаком гипертекста является фрагментарность. Любое явление, включая язык, в том числе электронный, любой объект делится на более мелкие, составляющие элементы. Блок или фрагмент гипертекста, информационная единица считаются новыми единицами сети. Гиперссылка – другая основная единица гипертекста, в свою очередь, отправляет нас к другому фрагменту или блоку текста. Все создается из кусочков-фрагментов: букв, имен, цифр, орфографических знаков, иконок, смайлов и т. п. Фрагмент или фрактал – это концепция, которая находится на пересечении хаоса и порядка. Такова природа гипертекста: он разбивает и разделяет значения, а затем отправляет их обратно в новый контекст. Умберто Эко заметил силу и большую перспективность этой концепции: «Гипертекст – это многомерная сеть, в которой каждая точка или узел могут быть связаны независимо и без малейших затруднений с любой точкой или узлом другого текста» [Эко, 2010: 276]. Рассматриваемое утверждение трудно проиллюстрировать глобально, если предположить, что все гипертексты могут быть видны и исследованы сверхсознанием, которое на данный момент принадлежит только разумным машинам, а не человеку-исследователю. Поэтому мы часто прибегаем к ассоциациям, позволяющим понять феномен, поскольку метафора является концептуальной единицей нелинейности языкового сознания фрагментарной природы.

Хаос и порядок, о котором сказано выше – субъект, вовлеченный в процесс познания, стремится воссоздать целостность культуры, придать ей форму, свободную или аморфную, но все же форму. В условиях хаоса и разветвленности нелинейного текста, разбросанного в онлайн-пространстве, гипертекст позволяет связать множество смыслов во времени, чтобы обеспечить иллюзию восприятия тотальности [Горина, 2016:139; Масалова,

2003]. Именно синергия (самоорганизация) гипертекста делает его идею столь популярной [Белоусов, 2008; Никифорова, 2015].

Прерывистость или прерывность гипертекста также является некой ошибкой, которая означает «отклонение» от исходной концепции или «несогласованность» и «несвязанность». Концепция прерывности в электронной среде текстуальности проявляется в отсутствии прямых отношений между составными частями гипертекста; несогласованность в общих категориях информационных единиц; несогласованность времен появления разных гипертекстов, «мертвые», нефункциональные связи и т.п.

Неоднородность – следующий признак, который следует упомянуть. В виртуальном пространстве подтверждается наличие и сопутствующее функционирование всех типов текстов (гибридность) (различающихся как по форме, формату и содержанию (стиль, объем, дизайн и т. п.), так и по типам взаимоотношений). между элементами (простой документ, HTML или 3D-формат). Оффлайн-дискурс перекликается с онлайн-языком, который является смешанным – иностранный языковой элемент сосуществует с местным, культурный престиж традиции (ценность, высокий стиль, научный стиль) пересекается с привычной или сленговой устностью, личное пространство становится публичным, культура стоит рядом с инкультурацией и т.п.

Необходимо отметить и **мультимедиа (гипермедиа)**, как одну из основных характеристик электронного гипертекста. Связь с некоторыми элементами медиа-коммуникации привела к распространению понятия гипертекста на гипермедиа. Мультимедиа относится к взаимодействию электронного текста с другими носителями. Когда аудио- и видеозаписи, фотографии, иллюстрации, анимация и т. п. вставляются в онлайн-текст, помимо уже необходимых гиперссылок, он становится мультимедийным гипертекстом. Гипертексты становятся как можно более заметными, как можно более частыми, и для этого они используют изображение и звук.

Например, при запросе в поисковой системе Яндекс лозунга “Точикистон, ба пеш”, система выдает следующие результаты:

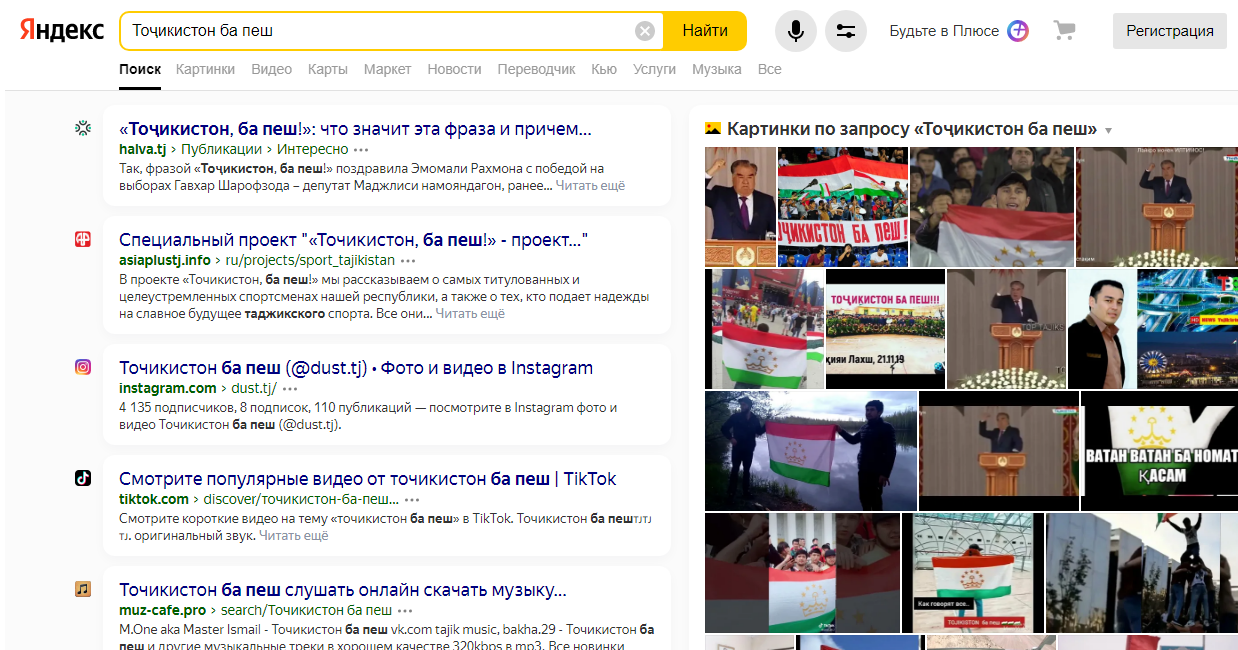

Рис. 26. Скриншот выдачи результатов «Тоҷикистон, ба пеш» в Яндексе

Вот какой результат нам принес первый источник: «Поздравляя Таджикистан сразу с двумя праздниками (запуском второго агрегата ГЭС и Днем независимости), Эмомали Рахмон завершил свою речь не совсем обычно: он сказал фразу «Тоҷикистон, ба пеш!». Причем «ба пеш» повторил три раза.

Эффект от этой простой фразы, понятной каждому таджику, был колоссальный, присутствующие встретили её овациями.

Используют ее сейчас везде: в комментариях, видео, названиях статей в прессе, в интернет-магазинах даже можно купить сумку с этой надписью. Прижилось это выражение и в государственных посланиях» (https://halva.tj/articles/education/to_ikiston_ba_pesh_chno_znachit_eta_fraza/).

На рис.13 видно, что результатами запроса стали также картинки, аудио и видеофайлы – мультимедиа.

Децентрализация, о данном признаке мы говорим, поскольку у гипертекста нет центра (некого человека, который бы руководил этим процессом), нет границ, нет ограничений общения, никто не диктует, никто не принуждает (даже если ответственность за то, как работает эта

технологическая индустрия, конечно, существует). Иначе говоря, отсутствие контролирующего органа в Интернете не означает состояния анархии. И именно потому, что у него нет центра и он полицентричен, безграничен или бесконечен, этот многомерный текст становится местом вмешательства многих интертекстуальных сетей, другими словами – интертекст, и тем самым он открывается общему тексту культуры и истории.

И еще одно важное качество, внутри гипертекста нет иерархий, нет подчиненности.

Таким образом, заключая сказанное в данном подразделе, необходимо отметить, что еще одним рядом типологических признаков гипертекста являются фрагментарность, неоднородность, децентрализация и включаемость различных мультимедиа-фрагментов, т.е. гипермедийность.

4.4.4. Интерактивность, визуальность, временная и пространственная независимость

Рассмотрим другие взаимосвязанные признаки гипертекста.

Интерактивность – любой текст, утверждение, ответ требует, в свою очередь, ответа. Чат, электронная почта, блог, форум, портал, список рассылки и т. п. являются формами интерактивности потребителей интернета и гипертекста соответственно. Основой электронной коммуникации был и остается гипертекст. В веб-пространстве гипертекст считается «сердцем онлайн-общения». Доступ и переход от ссылки к ссылке повышает интерактивность и мгновенную идентификацию источников и пользователей Интернета.

Визуальность или видимость проявляется в том, что гипертексты становятся видимыми при доступе, другие могут сосуществовать на экране монитора. Кроме того, гипертексты визуальны загружены другими (иконическими) знаками, а гиперссылка – это знак, привлекающий внимание через цветовую разницу (как правило, подчеркивание голубым цветом).

Однако у видимости есть противоположность: невидимость, особенно в социальных сетях.

Бесконечность означает, что гипертекст не имеет начала, конца и фиксированных границ. Идея о тексте без границ принадлежит Дж. Деррида [Деррида, 2000]. Также формула бесконечного текста, предложенная Р. Бартом для «идеального текста» [Барт, 1989], аналогична описанию гипертекстовой нелинейности. У традиционного текста есть пределы, он «закрыт» и закончен, но гипертекст открыт и бесконечен. В отличие от текста печатных книг на бумаге, здесь можно проследить всю эпопею письма - от манускрипта до компьютера, гипертекст можно перемещаться намного быстрее. Из него в любое время и из любого места. Любой гипертекст потенциально связан с любым другим (гипер) текстом через ссылки ср. также ссылку Борхеса на бесконечный текст в [Борхес:элект.ресурс]. Процесс бесконечной открытости – это даже словарь, в котором слово может быть определено только другими словами. Бесконечные гипертексты можно соотнести с динамическими гипертекстами, а конечные – со статическими.

Открытость – характеристика гипертекста, заключающаяся в том, что У. Эко называл «открытой работой», т.е. пространством, доступным всем, открытым для всех, неограниченно интерпретируемым (также о раскрытии текста говорил М. Бахтин [Бахтин, 1986: 343]). В принципе, любая речь / текст постоянно открыта для других речей / текстов. Таким образом, ссылки будут ориентированы как в будущее (предполагаемые ссылки), так и в прошлое (ретроспективные ссылки) [Кукушкина и др., 2002].

Важным качеством гипертекста является также **равенство**, поскольку гипертекст предлагает равные принципы участия всех пользователей Интернета в процессе разработки, без расовой, языковой, гендерной или конфессиональной дискриминации. Он может быть недоступен только из-за незнания правил, а также из-за уровня культуры, требуемого определенным онлайн-сегментом.

Временная и пространственная независимость. Гипертекст существует вне времени и вне реального пространства, в нем сосуществуют времена: вчера, сегодня и завтра, пространство: многогранно и негабаритно, и это не просто метафора. Интернет не спит 24 часа в сутки, 7 дней в неделю, 365/366 дней в году, т.е. никогда.

Пространственные и временные координаты разговоров пользователей Интернета регистрируются в автоматическом режиме (таким образом, хронотекст и пространственный текст свидетельствуют о его многомерности – 3D, 4D, 5D...).

Кроме того, следует указать на такой признак гипертекста, как интегрируемость, иначе говоря, свойство гипертекста быть наделенным ссылкой, чтобы бесконечно интегрировать все другие и другие тексты, другие и другие гипертексты (через заметки, ссылки, библиографии, мультимедийные компоненты и т.д., и все они только «ссылки»), что уже обсуждалось выше.

Таким образом, как мы рассмотрели в данном подразделе, следующим рядом типологических признаков гипертекста являются видимость, интерактивность, бесконечность, открытость, временная и пространственная независимость, равные возможности всех пользователей сети без дискриминации вне зависимости от расовой, языковой, гендерной или конфессиональной принадлежности.

4.4.5. Анонимность и отношение к авторству гипертекста

Несомненно, появление Интернета, создание гипертекстовых систем и размещение огромного количества текстового материала в сети привело к тому, что выросло целое «копи-пастовое» (copy-paste) поколение. Изменилось отношение к авторству – можно приписать себе чужие тексты (рефераты, статьи, курсовые и дипломные работы и проч.), происходит деперсонализация

и возможность получения и владения любым текстом, можно воспользоваться анонимностью в сети.

Анонимность – кодовое имя (или ник), пароль, логин и т. п. являются «масками» реальных имен [Аникина, 2011], которые были навязаны пользователю из-за потребности в безопасности, а также для того, чтобы спрятаться за вымышленным или «ложным» именем (но которое все же представляет его). По мнению Ю. Кристевой, «повествование всегда конституируется как диалогическая матрица, причем конституируется получателем, к которому это повествование обращено» [Кристева 2000: 441], и, более того, исследователь подчеркивает тот факт, что автор становится «кодом, неллицом, анонимом» [Кристева 2000: 439]. Кодовое имя скрывает личность реального человека, делая его своего рода анонимным. Однако это приводит и к тому, что в соцсетях появилось большое количество так называемых хейтеров (от англ. hate) – т.е. людей, которые выливают свой негатив, ненависть, зависть и другие низменные качества, пользуясь своей «маской» – анонимностью.

Дублирующая или множественная идентичность (в том числе и языковая) – достигается тем, что пользователь Интернета может взаимодействовать с другими гражданами на любом языке, который он знает, или на языке, который он приблизительно знает; он может сконструировать одну или несколько идентичностей, которые слишком мало совпадают или совсем не совпадают с реальной, из желания проявить другие стороны, которые реальность сдерживает или подавляет его, идентичность, построенная (реальная или виртуальная) через язык, на котором она выражается. Псевдоним превращает личность пользователя в двойную или множественную, в том числе лингвистическую, так как может бесконечно умножать его виртуальное эго [Асмус, 2005].

Существенное влияние на традиционные отношения автора и читателя оказало появление и распространение гипертекста. Изменение авторской и читательской позиций в гипертекстовом пространстве неотъемлемо связано с

контекстом постмодернистской ситуации. В трактовке постмодернистов, которые рассматривают текст как «многомерное пространство, сотканное из цитат, отсылающих к тысячам культурных источников» [Барт 1994: 384], на первый план выносятся проблема автора, который утрачивает традиционные функции. Р. Барт, описывая «удаление автора» в современном тексте, делает вывод о целостной сущности письма: «текст сложен из множества разных видов письма, происходящих из различных культур и вступающих друг с другом в отношения диалога, пародии, спора, однако вся эта множественность фокусируется в определенной точке, которой является не автор, как утверждали до сих пор, а читатель» [Барт 1994: 384]. Итак, в постмодернистском тексте, характеризуемом многомерностью смысла и позволяющем не учитывать замысел создателя, автор деперсонализируется, а возникновение смысла реализуется путем ориентации на читателя. Деперсонализация в свою очередь происходит, когда авторский текст, размещенный в сети, становится текстом или гипертекстом общим, которым может пользоваться каждый. Таким образом происходит то, что называется, «смерть автора» [Барт, 1989:391]. Возможность «владения» любым текстом, вмешательства в любой текст, а также мошенническое получение и использование текстов - плагиат и их размещение без указания имени автора также являются способами обезличивания текста.

Другими словами, читатель становится активным субъектом, наделенным свободой и интеллектуальной самостоятельностью. Идеальный читатель, по мнению У. Эко, должен быть «сообщником, готовым играть в игру, предложенную автором; читателем, который станет добычей текста» [Эко 2005: 245]. Такого рода общение автора и читателя – это сотрудничество, облегчить которое может гипертекст, призванный помочь реципиенту понять текст в релевантном для него социокультурном контексте.

В сети происходит изменение отношений автор-читатель, поскольку в случае гипертекста, пользователь может вмешиваться в текст, он может комментировать текст, он может инициировать обсуждения текста, он может

продолжить текст или даже удалить его и т.п. (например, такие платформы, как Facebook или Wikipedia). В то же время, в традиционном печатном тексте у читателя есть только одна пассивная функция, так как он не может вмешиваться в текст, его комментарий всегда будут оставаться за пределами прочитанного текста. В сети можно изменить или придать иное значение тексту со стороны читателя, всего лишь участвуя в акте чтения. Интернет-пользователь превращается из пассивного читателя в активного производителя текста, потребителя и в то же время своего толкователя текста.

Кроме того, следует отметить цитируемость и отношение к плагиату, который рассматривался в контексте интертекста в третьей главе. Технология копирования/вставки (copy-paste), которая претерпела значительные изменения и в процессе своего развития породила побочные эффекты, такие как плагиат в сети. В конечном итоге так происходит потому, что все нужно читать и цитировать. Любая информационная единица: от буквы или даже фрагмента буквы, элементарной единицы информации, графического изображения, знака, изображения, звука и т. п. до максимально возможных текстов или гипертекстов – все и вся может приводиться со ссылкой или нет кем угодно и в любом контексте (если, конечно, не предусмотрены ограничения). Причина довольно проста – текст в Интернете находится в свободном доступе, его копирование облегчается самой технологической системой, которая выполняется элементарной операцией маркировки текста, копирования и изменения положения в виртуальном пространстве (в другом документе, в другом тексте, в другом гипертексте – в других документах). Таким образом, противопоставление оригинального текста и скопированного или даже много раз растажиженного текста это еще одна проблема гипертекста.

4.5. Основные направления исследования лингвистического гипертекста

Безусловно, текст – важнейшая коммуникативная единица, лежащая в основе электронного гипертекста. В исследованиях понятие гипертекста в

гуманитарных науках пересекается с гипертекстом информационных технологий и становится междисциплинарным понятием. Более того, как гипертекст (бумажный), так и гипертекст (электронный), с точки зрения дисциплин, создавших их, являются одной из фундаментальных характеристик того времени, в котором мы живем. В информационном обществе гипертекст становится одним из наиболее важных типов информации, составляя новую форму и этап письменного общения. Гипертекстовые системы уже сейчас влияют и будут оказывать большое влияние на культуру, экономику, язык и в целом на все сферы существования. Также можно с уверенностью сказать, что XXI век будет электронным или компьютерным.

Гипертекст – это фундаментальная единица онлайн-общения. Эта новая область гуманитарных наук стала более серьезно привлекать внимание специалистов после 2000 года, вызвав живой интерес, особенно благодаря новизне формата, в котором она отображается (электронный, цифровой). Соединение двух великих наук (реальной и гуманитарной) и сбор интерпретационного дискурса самых разных дисциплин (философия, литературные науки, языковые науки, коммуникативные науки, психология, педагогика, антропология, информатика, искусство, маркетинг, менеджмент, библиометрия, вебометрия. и т.п.), в котором открываются все новые и новые грани, гипертекст имеет тенденцию становиться одним из тех, которые имеют особое значение в истории науки.

Многочисленные специалисты из самых разных областей интересовались и заинтересованы в изучении гипертекста: В. Буш, Д. Энгельбарт, Т. Нельсон, Т. Бернерс-Ли (блестящие изобретатели, пионеры и пропагандисты информационных технологий), Г. Ландоу. (первый критик и теоретик электронной литературы и гипермедиа), Д. Болтер, М. Джойс, С. Моултроп (авторы гипертекстовых произведений), К. Вандендорп, О. Эрцшайд, Дж. Клеман, Р. Вулдридж, А. Сторрер и др. (семиотики и лингвисты).

Однако, хотя практически каждый пользователь Интернета имеет дело с гипертекстом, точнее, «держит руку на мышке, которая мгновенно активирует любую гиперссылку, с помощью которой закреплены цифровые тексты», этот термин еще не встречается широко в лингвистических словарях, как правило, только последние редакции некоторых из них включают его, считая исключительным термином в области информатики. Иногда это подтверждается специализированными словарями.

Однако, следует отметить, что в гуманитарных науках, в том числе и в лингвистике, изучение электронного гипертекста в настоящее время развивается в следующих направлениях:

1. Гипертекст как новый способ представления знаний о нелинейности человеческого мышления, как способ мышления [Субботин, 1993;1994].

2. Гипертекст как способ общения и организации пространства социальных сетей [Войскунский, 2008; Купер, 2000; Ларионова, 2003; Левоненко, 2004 и др.].

3. Гипертекст как объект изучения лингвистического анализа, как новая языковая категория [Дедова, 2006; Зыкова, 2006; литвиненко, 2008; Рязанцева, 2008; Стройков, 2008-2016].

4. Гипертекст как способ организации литературно-художественных произведений [Визель, 2006].

5. Гипертекст как лингвистическое пространство электронной библиотеки (продвинутый способ разработки словарей, каталогов и оптимизация веб-поиска) [Яшина, 2004].

6. Гипертекст как средство повышения эффективности учебно-воспитательного процесса [Лошаков, 2008].

И все названные области могут и должны изучаться в таджикской лингвистике, затрагивая различные области интернет-лингвистики.

Однако, на наш взгляд нельзя игнорировать важность технологической составляющей для междисциплинарных исследований, поскольку это исключает исследование возможностей, создаваемых новой средой

гипертекста. Именно поэтому важно дополнить вышеприведенный список нижеследующими направлениями:

1. Гипертекст – это структурно-смысловая единица сети отношений интратекстуальных (имеющий определенный контент) и технической среды, которая позволяет пользователю перемещаться по этой сети по ссылкам.

2. Гипертекст – это механизм, позволяющий связывать фрагменты текста, мгновенно переключаясь с одного на другой, используя технологические средства.

3. Гипертекст – это информационная система, составными частями которой являются тексты или фрагменты текста, связанные между собой нелинейно, т.е. через множество различных отношений в сети; в гипертексте нет заранее заданных путей.

4. Гипертекст как система, способная соединять тексты, аудиоматериалы, фотографии, рисунки, карты, динамические изображения и другие информационные форматы в набор значений, доступ к которым можно получить с помощью системы индексации, ориентированной на конкретные идеи.

5. Гипертекст – это нелинейная, разветвленная и взаимосвязанная документация, позволяющая пользователю исследовать ее в выбранном им порядке (каталог, который можно просматривать в нужных конкретному пользователю направлениях).

Подавляющее большинство исследователей видят в гипертексте текст с нелинейной структурой. В российском языкознании одно из лучших и точных определений принадлежит М. Субботину – одному из первых исследователей гипертекстовых систем. Ученый подчеркивает, что гипертекст – это «форма организации текстового материала, в которой все единицы представлены не в линейной последовательности, а как система переходов (обозначенных и возможных), отношений между ними». Следуя логике этих переходов (= переходы, ссылки), пользователь имеет возможность просматривать материал

в любом порядке, который он предпочитает, составляя различные линейные тексты [Субботин, 1993:36-45].

Если подытожить некоторые другие определения, высказанные учеными – исследователями гипертекста и вытекающими из данного исследования, приведем характеристики, которые помогут расширить базовое определение:

1) Гипертекст – текст со ссылками, последний представляет собой ссылки на веб-страницу, которая ссылается на другое место на той же странице или в другом месте в Интернете.

2) Гипертекст в узком смысле – любой текст или фрагмент текста с гиперссылками; и гипертекст в самом широком смысле – все гипертексты в узком смысле, связанные гиперссылками.

4) Гипертекст – динамический текст. Поскольку гипертекст питается как «живая ткань» из других текстов, его можно считать гипертрофированным, то есть аномально большим. С развитием технологий меняется восприятие человеком объема, пространства, времени.

5) Гипертекст – разветвленный интерактивный текст. Гипертекст – это не сеть свободных, случайных и свободных ассоциаций, а сеть, созданная и контролируемая глазами пользователя Интернета и программиста. Навигатор волен выбирать и вносить свой вклад в ресурсы гипертекста [Субботин, 1993].

В данном аспекте интересны исследования, проводимые учеными РТСУ под руководством профессора Д.М.Искандаровой, создавших Национальный корпус таджикского языка.

6) Гипертекст – это система текстов, связанных интертекстуальными ассоциациями. Исследователи колеблются между двумя точками зрения: (а) что это будет полностью нелинейным, причем нелинейность является его определяющей характеристикой; или (б) что он представляет собой комбинацию линейности и нелинейности [Худолей, 2015: 231].

В этом плане особый интерес будут представлять дальнейшие исследования классических таджикско-персидских рукописей с точки зрения

их нелинейности (см. разделы 2.3.-2.4. Главы 2), назиры, тахмиса и подражаний (см. разделы 3.4.2. и 3.4.3 третьей главы), а также лингвокультурологический анализ таджикских сказок (раздел 3.4.4 третьей главы) с точки зрения их интертекстуальности.

Безусловно, исследования гипертекста представляют большой интерес и для психолингвистики, которая также развивается учеными кафедры теоретического и прикладного языкознания РТСУ под руководством профессора Д.М.Искандаровой. Преимущества гипертекста в Интернет-пространстве может быть предметом дискуссий в психолингвистике, поскольку оно непосредственно затрагивает проблемы онлайн-общения без временных и пространственных ограничений, установление и восстановление личных связей, личное продвижение, социальное признание, рост популярности и т. п. Но в то же время необходимо исследовать и недостатки гипертекста: избыток информации, поверхностность, кража личных данных, раздражающая реклама, манипуляции пользователями, личная деградация, чувство власти, но с другой стороны и незащищенность, психические дисбалансы, такие как разочарование, нарциссизм, застенчивость, шизофрения, социопатия, навязчивые идеи, зависимость от признания других, потеря коммуникативных навыков, убежище в иллюзиях, нарушение реальности, зависимость от сети и виртуальности, эфемерность информации и т. д. Важно исследовать все эти аспекты не только в психологии, социологии и пр., но и с лингвистической и лингводидактической точек зрения.

Несомненно, что в настоящее время не существует единодушно принятого определения гипертекста, поскольку эта область постоянно развивается. По крайней мере, на текущем этапе большинство текстов в сети (независимо от рода и вида) представляют собой смешанные, читаемые тексты, по которым можно перемещаться, переходя от ссылки к ссылке, поэтому это отражает идею линейности/ нелинейности. Но как показал анализ типологических признаков интертекста и гипертекста, сфер и аспектов изучения невероятно много.

Выводы к четвертой главе

Итак, мы придерживаемся следующего понятия лингвистического гипертекста: лингвистический гипертекст – это нелинейно организованный объем политематической информации толковательного плана, вынесенный за рамки основного содержания текста в виде блоков, которые могут быть связаны между собой при помощи ссылок. Гипертекст предстает как сложное явление современной человеческой коммуникации, являющееся объектом изучения различных наук – социологии, информатики и, конечно, лингвистики. Гипертекст и интертекст являются объектами исследования в различных областях прикладной лингвистики, но важно их изучение и с точки зрения интернет-лингвистики.

Язык Интернета – это сфера, получившая широкую огласку по самой своей природе, которая одинаково ценится и критикуется. В Интернете достаточно места как для литературного, так и для правильного и разговорного языка. Желание оторваться от того, что называется нормой языка очень ясен в «неаккуратном» письме, настоящий момент вынуждает нас признать, помимо терминов, метафор и жаргона или сленга интернет-поколения, также существует альтернативная запись устной речи. В таджикских соцсетях особенностью такой коммуникации является «консонантное письмо», т.е. игнорирование практически всех гласных.

При переходе текста в электронный формат общеизвестные стандарты текстуальности: связность, согласованность, интенциональность, приемлемость, информативность, ситуативность, интертекстуальность могут быть изменены путем добавления расширений, генерируемых виртуальной средой. Они либо были дополнены технологиями, либо пришли в противоречие со старыми функциями, либо были объединены, создав смешанный тип линейно-нелинейной организации. В случае электронного гипертекста сплоченность и когерентность приносятся в жертву в том смысле, что его нелинейная структура вынуждает постоянное прерывание беглости

речи из-за связей, становясь нелинейностью, соответственно, несвязностью. Эти два термина указывают на то, что оба условия и согласованность чередуется в гипертекстовом пространстве с отсутствием связности и несогласованности.

В аспекте интертекстуальности каждый новый текст рассматривается как некая реакция на уже существующие тексты, а существующие могут использоваться как элементы художественной структуры новых текстов. Основными маркерами, т. е. языковыми способами реализации категории интертекстуальности в тексте, могут служить цитаты, аллюзии, реминисценции, афоризмы.

Новые знаки Интернета – это пиктограммы, составленные из текстовых графем, на которых наложен текст или наоборот, мнемонические значки, значки ссылок, значки QR-кода, смайлы вроде :) и т. д. В течение нескольких десятилетий символ @ – коммерческая эт набирает популярность в большинстве языков.мира, в том числе и в таджикском, новое значение, которого раньше не было: отделение имени пользователя от виртуального доменного имени в электронной почте. Его значение расширилось, став сегодня настоящим символом виртуального пространства. Гипертекст наполнен лексическими новообразованиями, где @ иногда заменяет букву а, что предполагает привязанность к интернет-культуре и идеологии со смыслом взаимоотношений через адрес электронной почты.

Для гипертекста характерен также так называемый креолизированный текст – это смешанный текст, состоящий из двух неоднородных компонентов: вербально-языковой и невербальной. Гиперссылка – лишь один из новых признаков онлайн-пространства. В классическом общении доля невербального общения выше, чем вербального, жесты выражают больше, чем слова. В онлайн-общении смайлики заменяют невербальные выражения (мимика, жесты и т. п.).

В киберпространстве или онлайн-пространстве рождаются новые формы общения, коммуникации, жанры литературы (гиперлитература).

Большинство ученых единодушно считают гипертекст самой заметной чертой постмодернизма. Нелинейность – его определяющее качество. По мнению некоторых исследователей, в настоящее время гипертекст находится только в зачаточном состоянии, большая часть текстов в Интернете по-прежнему отображается в том же формате, что и в печатном тексте. Изучение гипертекстуальности станет одним из самых перспективных направлений прикладной, компьютерной и, уже, интернет-лингвистики. Библиография данной области уже насчитывает сотни тысяч ссылок, что лишь частично отражено в данном исследовании.

Сейчас мы находимся только в начале развития гипертекста, большинство из них текстов в Интернете, которые по-прежнему отображаются в том же линейном формате, что и в печатном тексте. Изучение гипертекстуальности станет не только одним из самых перспективных направлений лингвистики, но и теории литературы, и литературной критики. Роль гипертекста и ссылок как «живых» знаков в глобальной сети Интернет, а также гиперсигнала, текста и паратекста является первостепенной в свете современных теорий. Возможности гиперссылок безграничны, как мы показали в данной главе: любая ссылка, вставленная в любой элемент текста, открывает его для других текстов, умножая свои перспективы и значения (см. схему связей и ссылок в разделе 4.4.1).

Гиперссылка станет все более и более повсеместной в онлайн-письме и чтении: каждый щелчок – это ссылка и новое значение, которое она дает пользователю-читателю-пользователю Интернета. Их анализ открывает поле (пространство) исследований, столь же безграничное, как и сам язык. «Просмотр текстов» или просмотр межтекстовых отношений получает все большее распространение. Ожидается, что со временем иконотекст будет иметь еще большее влияние.

Гиперкорпусы они предоставляют исследователям массивные данные, ожидающие их междисциплинарных исследований. Гипертекст – явление глобальное, неоднозначное, завораживающее, провокационное.

Технологический механизм HTML еще больше увеличил степень интертекстуализации: он увеличил количество точек зрения и пересечений «онлайновых» текстов. И путем их гипертекстуализации он усиливает их значение и отправляет язык в онлайн в цифровые архивы Интернета, в цифровую память.

Подчеркивая роль психолингвистики в изучении языковой личности пользователя Интернета, мы отмечаем, что в виртуальном пространстве рождается новое поколение людей – *homo hypertextus*, который непрерывно генерирует, передает, умножает, удаляет и восстанавливает виртуальные гиперзнаки. Он представляет собой человека, помещенного перед компьютером, который перемещается в виртуальном пространстве через гипертекст, снабженный ссылками. Этот новый вид людей говорит все меньше и меньше, но все больше и больше узнает о гиперзнаках и гиперсимволах; он скорее визуализирует текст, чем читает его, информирует себя одновременно из множества источников и общается через различные каналы и коды. Его мир основан на новой цифровой культуре. И чтобы не оторваться совсем от таких представителей молодежи, главным образом, необходимо изучать их с точки зрения различных областей прикладной лингвистики, чтобы иметь возможность воздействовать на них и донести до них общечеловеческие знания и ценности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Текст – это категория гуманитарных наук, прежде всего, наук о языке.

Текстология (наука о тексте) определяет текст как семиотическую сущность (знак, мегазнак) с тремя измерениями: синтаксическим, семантическим, прагматическим, к которому добавляется когнитивное. Как текстовый знак, это также категория, с которой оперируют все другие науки, в том числе точные – через описательные тексты вся информация хранится в истории и культуре человечества. В конечном итоге к тексту могут быть применены все категории онтологии: субстанция, форма, значение, трансцендентность, интересубъективность, чтение, письмо, герменевтика и т. п.

В проведенном исследовании мы придерживались идеи, согласно которой текст определяется как «Неограниченный, безграничный, открытый» продукт (Дж. Деррида, Р. Барт, Юлия Кристева и др.), который рассматривает любой текст как непрерывную продуктивную взаимосвязь с другими текстами (прошлыми или будущими) (Р. Барт), вытекающими из постулата: «Текст живет, только соприкасаясь с другим текстом» (М. Бахтин). Ни один текст, записанный в письменной или устной форме, не существует без обращения к уже существующим текстовым элементам. Текст как «значимая практика» (Ю. Кристева) обеспечивает постоянную открытость для других текстов, обозначая его мобильный, плюралистический характер, а интертекстуальность всегда носит общий и имплицитный характер, сосуществующий с дискурсом.

В работе они были разделены на категории в соответствии с доминирующими признаками на: *контекстуальность/контекстуальность, темпоральность, процедурность, размер, аудиовизуальность, пространственность, виртуальность*. Рассматриваемая классификация существенно дополняет широко распространенную классификацию транстекстуальности Ж. Женетта (которая состоит из пяти типов:

метатекстуальность, паратекстуальность, интертекстуальность, гипертекстуальность и архитекстуальность) семантической классификацией по доминирующему признаку (семь типов): контекстуальность/котекустуальность (13 подтипов); темпоральность (9); процедурность (7); размерность (8); аудиовизуальность (7); пространственность (7); виртуальность (12). Категория виртуальности текста встречается особенно в терминах нового поколения, связанных с информационными технологиями: блог-текст, чат-текст, копи-текст, кибертекст, цифровой текст, электронный текст, гипертекст, мнемотекст, смс-текст, веб-текст, викитекст. Для лучшего восприятия двух основных понятий статьи (интертекста и гипертекста) мы выделили множество других терминов, образованных лексемой *текст* (подробнее см. в Приложении).

Исследование опирается на точку зрения Р.Барта, которое интерпретирует «любой текст как интертекст» и расширяет его на электронное пространство. Интертекст определяется как один или несколько текстов, которые читатель должен знать, чтобы понять произведение с точки зрения его общего смысла и интертекстуальности – как сеть функций, которые составляют и регулируют отношения между текстом и интертекстом. Значение является функцией не текста, а интертекста, следовательно, у нас есть все основания для интерпретации любого использования текста как диалога текстов и пространства для порождения другого (третьего) значения. Представляя собой результат внутритекстовых и внетекстовых отношений, значение текста рождается при любом прочтении текста читателем, а любое другое пересечение текстов ведет к прогрессивному умножению значений.

Важным моментом исследования явилось понимание того, что идея гипертекстуальности не нова, современный (компьютерный) гипертекст принципиально отличается от гипертекстов досетевой эпохи тем, что указанная совокупность референтных текстов, т.е. текстов, связанных с основными (воспринимаемыми) текстами ссылочным аппаратом, находится в зоне непосредственной досягаемости реципиента (очевидно, что соединение

текстов и мгновенный доступ к различным произведениям технически осуществимы только на компьютере). Именно поэтому мы включили в наше исследование рассмотрение гипертекста в досетевую эпоху, начиная с грамматики древнеиндийского ученого Панини и до восточных арабографичных рукописей (персидских и арабских), доказав примерами, что данные произведения по своей сути гипертекстуальны. При этом мы определили связи гипертекста с нелинейным мышлением, которое присуще гениям. Особенностью восточных рукописей оказалось то, что на одной странице могут быть представлено несколько текстов и читатель сам может выбрать точку входа в текст и проложить собственную тропинку (trail) переходов из текста в текст. В качестве примера приведены образцы персидского *мувашиаха* с вставными текстами, стихи типа муаккад, а также арабоязычное «сочинение-кроссворд» (раздел 2.4.). В качестве наглядного примера приведена структура гипертекста в сказках «Тысячи и одной ночи».

Кроме того, исследована связь устного творчества, интер- и гипертекстуальности на примера таджикского народного эпоса Гуругли.

Важным выводом при этом явилось то, что в гипертексте субъект самостоятельно движется по цепочке гипертекстовых связей, создавая свою информационную модель. Специфика гипертекста как определенной модели текста заключается как в нелинейности его построения, так и восприятия. К основным композиционным принципам построения гипертекста, таким образом, мы отнесли: дискретность подачи информации, то есть отсутствие непрерывности; нелинейность; антропоцентричность, или субъективизм в отношении коммуникативной завершенности гипертекста; «демократичность», т.е. когда отдельные части гипертекста, в зависимости от позиции, избранной читателем, могут служить и началом, и завершением одновременно.

Исследуя особенности интертекста в восточной прозе, мы обратили внимание на то, что в мировой литературе есть такое понятие, как «бродячие

сюжеты», которые заимствуются из одной культуры в другую, особенно ярко это можно проследить на примерах сказок народов мира.

Повторяющийся дискурс - это код интертекстуальности, в котором происходит «согласование» значений, повторяющийся дискурс - самая распространенная формула, и новый текст становится видимым.

Нами рассмотрены такие виды интертекста, как цитата, эпитафия, пословицы и поговорки, внутренняя речь, поэтические вставки.

В типологию интертекстов мы включили множество родов, видов и форм. Например, текстовые: цитата, пародия, стилизация, отсылка, палимпсест, плагиат, аллюзия, компиляция, клише, ирония, имитация, влияния, стереотип, парафраз, банальность, мотив, тема с вариациями, девиз, культурный архетип, артефакт и т.п. Наиболее распространенные типы интертекстов – цитаты, ссылки и плагиат – также можно найти в текстах Интернета, связанными в электронном гипертексте.

Повторное использование пародий, цитат, намеков и т. п. предшествующих текстов, а также необычное использование пунктуации, вставка иконического знака, преобразование письменного текста в изображение и т. д. предлагают расширение возможностей интерпретации поэтического языка как абсолютного языка, особенно в новое пространство существования, электронное, динамическое, мультимедийное, тесно связанное с другими текстами.

К типологическим признакам гипертекста мы отнесли: нелинейность; динамизм, виртуальность, глобальность, фрагментарность, децентрализация, визуализация, интерактивность, открытость, бесконечность, неоднородность или мультимедийность, анонимность, цитации или изменение отношения к авторству, временная и пространственная независимость.

Принципиально новые для науки и практики результаты, изложенные в диссертации, свидетельствуют о развитии новое научное направление - электронный гипертекст как объект изучения лингвистики и коммуникативистики.

Самое важное изменение, которое принесла эпоха информационных технологий (особенно Интернета), – это уровень чтения, письма и общения, которые происходят в основном с помощью текста / речи. В своем новом формате – электронном – они поддерживают существенные преобразования и инновации. Однако их исследование также превратилось в струну. специалисты-гуманитарии, а не просто представители точных наук.

Новая дисциплина, интернет-лингвистика или сетевая лингвистика, изучает новый формат текста, новые коммуникативные пространства, новые коммуникативные знаки (включая гипертекст с его гиперссылками), новые онлайн-роды и виды, а также новые интернет-языки и сленг.

Интернет (сеть) – это технология плюс форма общения. Значит, у него двойное призвание. В отношении этого «двойного призвания» мы принимаем и продвигаем мнение Теда Нельсона, который отметил специфику гипертекста как системы организации данных и образа мышления (системы организации данных и образа мышления). Если письмо по-прежнему линейно, человеческое мышление нелинейно, и технологии извлекают из этого выгоду в новом пространстве, прежде всего с помощью гипертекста, способствуя построению гиперреальности.

Если интертекстуальность – это то, что преобразует (разрушает, распределяет, деструктурирует, реконфигурирует, воссоздает) гипотезы (предыдущие тексты, из которых она утверждается), гипертекстуальность – это то, что визуализирует в онлайн-формате множество связанных с ними текстов. Место, где интертекстуальность проявляет себя наиболее ярко, – это в настоящее время Интернет в его веб-пространстве. И там, где гиперссылка «открывается», соединяется с другими гипертекстами, рождаются новые смыслы, на пересечении парадигматической оси (выбора) и синтагматической оси (комбинации) и в дифференциальной игре означающих. Абсолютная новизна Интернета – это сама гиперссылка – тоже новый знак, внутри-, меж- и внетекстовый. Гипертекст относится к сверхтексту, который изменяет мир и его восприятие технологии печати, поэтому он продолжает традицию печати,

революционизируя ее методы, предоставляя технологические возможности с высокой производительностью, динамичностью и интерактивностью.

Сложность термина «гипертекст» иллюстрируется не только его пересечением с точными гуманитарными дисциплинами, но и тем фактом, что гипертекст в то же время: метод, текст, механизм, форма, средства и документация. В области филологии он породил новые дисциплины, которые анализируют язык Интернета: гипертекстовая лингвистика, которая в настоящее время заявляет о своем праве на существование, самая новая из них.

Свойства гипертекста, по сути, являются особенностями сети, которые постструктурализм интуитивно осознал за десятилетия до того, как он полностью проявился: нелинейность (также называемая гипер)табличностью), динамизм, креативность, виртуальность, бинарность, глобальность, цитируемость, фрагментарность, прерывность, децентрализация, неиерархичность, текучесть (ликвидность), мозаицизм, изменчивость, видимость, интерактивность, диалогизм и полифония, открытость, равенство, бесконечность, неоднородность, мультимедиа, анонимность, деперсонализация, карнавальный, манипулируемость, интегрируемость, креолизация, прослеживаемость, детализация, узловатость, оцениваемость, повсеместность или повсеместность и т. д.

Электронный гипертекст можно и нужно изучать с позиций лингвистики текста как продукт электронного общения, имеющий текстовый характер. Однако механическая сущность параметров и характеристик традиционного текста в электронном гипертексте не позволяет раскрыть сущность этого технологически-лингвистического явления, столь сложного по своей природе, а среда, в которой он оперирует, обладает онтологическими свойствами, которые существенно его дифференцируют от традиционного печатного текста. Вот почему, по нашему мнению, следует обратиться к междисциплинарным областям для более адекватного исследования.

В гипертексте интертекстуальный потенциал текста (явный или неявный) материализуется в виде гиперссылок. С этой точки зрения

гипертекст образует дополнительный слой текста, достижимый за счет компьютерных технологий и сложной семиотики цифрового знака. В результате одни качества текста усиливаются, другие отодвигаются на задний план. Эти процессы имеют видимые последствия для текста в цифровой среде. В нашем исследовании мы к особенностям печатного текста добавили функции онлайн-текста (линейность/нелинейность), либо объединили их, создавая смешанный тип линейно-нелинейной организации.

В концепции, которую мы исследовали, три личности четко обозначили эволюцию гипертекста: Тим Бернерс-Ли, автор концепции сети WWW (1989–1990), которые понимали, что связи между информацией «спасут мир», сохраняют и приумножат его знания; Джимми Уэльс, автор Википедии, который считает, что все человеческие знания хранятся в энциклопедиях, а авторами знаний являются не только ученые, но и все генераторы онлайн-контента, и Марк Цукерберг, один из авторов социальной сети Facebook, который выбрал своим технологическим мегапродуктом гуманизацию сетевых отношений. Из более чем 7 миллиардов 875 млн. человек на планете уже в 2021 г. более пяти миллиардов или 65% уже имеют доступ к Интернету, соответственно являются потребителями гипертекста. Взаимосвязь всех участников сети и преобразование человека-текста в человек-образ требуют своего изучения.

Таким образом, на многочисленных примерах из проанализированного корпуса была продемонстрирована гипотеза о том, что гипертекстуальность является технологической материализацией интертекстуальности. Другими словами, с процессом создания гипертекстов, чтобы сделать их прозрачными, с высокой степенью воздействия, доступными для оценки, интегрируемыми в компьютерные системы и т. д.

Запуск академических исследовательских проектов, направленных на создание цифрового контента (с использованием методов разработки гипертекста), а также исследовательских проектов о том, как защитить здоровье пользователей гипертекста способствует повышению осведомленности для создания качественного цифрового контента для всего

сообщества пользователей, в том числе для научных исследователей и для научных исследователей - работа с несколькими авторами, которая работает для глобализации и взаимодействия данных.

Традиционные методы редактирования бумаги ушли в прошлое, и их заменили технологические практики, которые в цифровой экономике получают все большее распространение во всем мире. Редактирование энциклопедических знаний больше не является исключительной привилегией исследователей. «Воплощение интертекстуальности в гипертекстуальность» происходит благодаря новейшим технологиям, которые делают продуктивность и воспроизводимость текстовых знаков видимыми и доступными. Гипертекст делает интертекстуальность коммуникативной. Радикальное новшество, которое приходит с гипертекстом по сравнению с печатным текстом (не электронным), – это сама (технологическая) система разнонаправленных и часто лабиринтных гиперссылок, к которым пользователям предлагается постоянно получать доступ.

Такой режим работы языковых знаков изменяет систему, установленную традицию печатания, превращая мысль в пучковую, быструю, часто поверхностную, лишенную глубины. Уловленное значение сети становится фрагментированным. Гипертекст, рассматриваемый как воплощение интертекста, но также как антиинтертекстуальная концепция, возможно, даже как гипермодернистская пародия на интертекст, является концепцией, которую филология больше не может игнорировать ни в какой форме.

На основании полученных результатов можно сформулировать некоторые рекомендации для дальнейших исследований и разработок:

1. Ориентация современной филологии на изучение электронного текста, особенно гипертекста, что является новой областью, технологической. Такая ориентация составила бы новую перспективу с большим влиянием в процессе генерации, доступа и прозрачности в управлении гипертекстом, а

также в использовании количественных показателей в мониторинге веб-текста.

2. Оптимизация филологических исследований, необходимых в процессе развития информационного общества и знаний, в контексте развития цифровых технологий.

3. Создание и развитие баз данных, библиотек и репозиториев с оцифрованной филологической литературой, специализированных онлайн-библиотек и т. п. для доступа в режиме реального времени к актуальной литературе, посвященной проблемам цифрового текста.

4. Создание корпусов гипертекстов с ценными текстами из таджикской литературы, из онлайн-медиа, с чатами, с сообщениями, сопровождаемыми комментариями в социальных сетях и т. д., как продолжение работы над Национальным корпусом таджикского языка.

5. Изучение интертекстуальности и гипертекстуальности в их различных, описанных в работе, направлениях и аспектах станет основой становления таджикской лингвистики гипертекста и интертекста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азадовский М. К.. [Источники сказок Пушкина](#) // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы.. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936.
2. Акимушкин О.Ф. Заметки о персидской рукописной книге и ее создателях// Очерки истории культуры Средневекового Ирана. - М.: Наука, 1984. – 264 с.
3. Аксенова Н.С. [Интертекстуальность в лингвистике и литературоведении: проблема выбора подхода](#) // Вестник Моск. гос. обл. унив. (Электр. журнал). 2013, № 1 – URL: <https://www.evestnik-mgou.ru/Articles/View/271> (дата обращения 18.05.20)
4. Аксенова, О. Н. Языковая игра как лингвистический эксперимент поэта (Лексика и грамматика в стихах Александра Левина) Электронный ресурс. / О. Н. Аксенова. СПб, 1998. — Режим доступа: <http://levin.rinet.ru/Aksen.html>.
5. Актуальные проблемы современной лингвистики / Сост. Л.Н. Чурилина М.: «Флинта», «Наука», 2007 - 242 с.
6. Александрова О.В. Когнитивная функция языка в свете функционального подхода к его изучению // Когнитивные аспекты языковой категоризации. -Рязань: 2000. С. 151-153.
7. Алефиренко, И. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры Текст. / И. Ф. Алефиренко. — М. : Academia, 2002. — 394 с.
8. Алламуродова С. Д. Структурно-семантические особенности лексических средств межфразовой связи в русском и таджикском языках (на материале ССЦ научного и публицистического стилей). Дисс. канд. филол. наук. -Душанбе, 2011. - 186 с.

9. Аникина, Э. М. Анализ функционирования прецедентных феноменов в дискурсе СМИ Текст. / Э. М. Аникина // Коммуникативно-функциональное описание языка. Уфа, 2003. — С. 12-16.
10. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация на материале креолизованных текстов, М.: Academia, 2003. — 128 с.
11. Анисимова Е.Е. О целостности и связности креолизованного текста (к постановке проблемы) // Филологические науки. 1996 №5. — С. 78-84.
12. Антология речевых жанров: повседневная коммуникация Текст. / отв. ред. К. Ф. Седов. М. : Лабиринт, 2007. - 320 с.
13. Аристотель. Метафизика. / Пер. [А. В. Кубицкого](#). — М.: изд-во Эксмо, 2006. — 608 с.
14. Арнольд И. В. Проблемы диалогизма, интертекстуальности и герменевтики (В интерпретации художественного текста). Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. СПб.: Образование, 1995. 60 с.
15. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: сборник статей. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. 444 с.
16. Арутюнова, Н. Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике Текст. / Н. Д. Арутюнова // Известия АН СССР. Сер. Лит. и яз. 1973. - Т. 32. -№ 1.-С. 84-89.
17. Арутюнова, Н. Д. Аномалии и язык Текст. / Н. Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. 1987. - № 3. - С. 3-19.S
18. Арутюнова, Н. Д. Дискурс Текст. / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцева. — М. : Советская Энциклопедия, 1990.-С. 136-137.
19. Арутюнова, Н. Д. Метафора и дискурс Текст. / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры : сб. / общ. ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. -М. : Прогресс, 1990. С. 3-16.
20. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека Текст. / Н. Д. Арутюнова. М.: Языки рус. культуры, 1999. — 896 с.

21. Арутюнова Н.Д. Дискурсивные исследования: история и перспективы// Актуальные проблемы современной лингвистики. Сост. Л.Н. Чурилина М.: Флинта, Наука, 2007.- С. 107-112.
22. Асмус Н.Г. Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства: Дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2005
23. Атамуллаева М.А. Язык и стиль научных текстов в таджикском литературном языке. Автореф. дисс. канд. филол. наук. - Душанбе, 2008. - 22 с.
24. Ахренова Н.А. Интернет-дискурс как гипертекст, в: Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал), 2016, №3. URL: <https://www.evestnik-mgou.ru/Articles/Doc/760>
25. Ахренова Н.А. Теоретические основы интернет-лингвистики, в: Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2013, № 10, с. 22-26. - URL: <https://www.gramota.net/materials/2/2013/10/4.html> (15 апреля 2022 года)
26. Бабенко, Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста Текст. / Л. Г. Бабенко, И. Е. Васильев, Ю. В. Казарин. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. - 534 с.
27. Баженова Е.А. Научный текст как система субтекстов: Дис. ... доктора филол. наук, Екатеринбург, 2001, 366 с.
28. Банникова, С. В. Прецедентный текст как маркер этнокультурного сознания Текст. / С. В. Банникова // Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе: сб. докл. междунар. науч. конф. Магнитогорск, 2003.-С. 560-563
29. Баранов А.Н. Категории искусственного интеллекта в лингвистической семантике. Фреймы и сценарии. М., 1987
30. Баранов, А. Г. Семиологический подход к личности Текст. / А. Г. Баранов // Языковая личность: проблемы обозначения и понимания : тез. докл. науч. конф., 5-7 февраля. — Волгоград, 1997. - С. 112-113.

31. Баранов, А. Г. Функционально-прагматическая концепция текста Текст. / А. Г. Баранов / Ростов, ун-т. Ростов-на-Дону, 1993. - 179 с.
32. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику: учебное пособие. - М.: Эдиториал УРСС, 2001.
33. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. с фр. М.: Прогресс, 1989.- 616 с.
34. Барт, Р. Смерть автора // Барт Ролан. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. Г.К.Косикова. -М., Прогресс, 1989. -С. 391.
35. Бартольд В.В. Культура мусульманства / Сочинения. Т.VI -. М.: Наука, 1966. С. 195-245.
36. Бахтин, М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., Советская Россия, 1979. С. 212.
37. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. -М.: Книга по требованию, 1986. -С. 250-296.
38. Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках// Бахтин М.М. [Эстетика словесного творчества](#). - М.: Книга по требованию, 1986. - с. 297-396.
39. Бахтин, М.М. Слово в романе / М.М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. — М.: Худ. лит., 1975. — С. 72-232.
40. Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. — Москва: Художественная литература, 1975. -504 с
41. Белле Ж. Защита и прославление французского языка // Эстетика Ренессанса: в 2-х т. М.: Искусство, 1981. Т. 2. Кн. 2. С. 223-270.
42. Белоусов К.И. Синергетика текста: От структуры к форме. М. «Либроком», 2008. - 248 с.
43. Белоусов К.И. Теория, «теория» и теории текста// Вестник ОГУ, 2009, № 11, с.54-59.
44. Беляева Н.В. [Гипертекст как когнитивно-коммуникативная единица: экспериментальное исследование](#): Дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2010. 208 р. (дата обращения 24.05.18)

45. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 448 с.
46. Бирюкова, Н. С. О типах прецедентных феноменов Текст. / Н. С. Нахимова // Известия УрГПУ. Лингвистика. / Урал. гос. пед. ун-т; отв. ред. Чудинов А. П. Екатеринбург, 2005. – Вып. 15. – С. 60-66.
47. Бобырева Е. В., Карасик В. И. Прецедентность религиозного дискурса // Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов: коллективная монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, В. П. Москвин. М.: Флинта; Наука, 2014. С. 255-279.
48. Богин, Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов Текст : автореф. дис. . д-ра филол. наук / Г. И. Богин. — Л., 1984.-113 с.
49. Болдырев, А. Устный эпос Таджикистана: [на тадж. яз.] / А. Болдырев // БАС. - 1934. - № 11-12.
50. Борисенко А.В. [Семиотика интертекстуальности](#): Дис...канд. фил.наук: Тверь, 2004.-134 с.
51. Борхес Х.Л. «Четыре цикла» http://zhurnal.lib.ru/m/morty_m/4.shtml
52. Брагинский И.С. Персидско-таджикская литература (IX-Хвв.) // История всемирной литературы. - Т. 2. - М., 1984. - С. 255-263
53. Брагинский И.С. Предисловие //Энциклопедия персидско-таджикской прозы: Кабуснаме. Синдбаднаме. Сказки. – Душанбе, 1986. - 480 с.
54. Бразговская, Е. Е. Текст культуры: от события к событию (логико-семиотический анализ механизма межтекстовых взаимодействий) Текст. / Е. Е. Бразговская / Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2004. - 284 с.
55. Буторина Н.Ф. Гипертекст как самоорганизующаяся система в контексте постнеклассической парадигмы// [ГИПЕРТЕКСТ как объект лингвистического исследования](#): Материалы II международной научно-практической конференции, 18-20 октября 2011 / отв. редактор С.А. Стройков. Самара: ПГСГА, 2011, с. 5-12.
56. Бухарова Г. Х. Башкирский народный эпос "Урал - батыр": когнитивно-дискурсивный и концептуальный анализ: диссертация ... доктора

- филологических наук - Уфа, 2009.- 466 с. - <http://www.dslib.net/jazyki-rosii/bashkirskij-narodnyj-jepos-ural-batyr-kognitivno-diskursivnyj-i-konceptualnyj.html>
- 57.Валгина Н.С. Теория текста. Москва: Логос. 2003.173 с.
- 58.Вардзелашвили Ж. Наномасштабное исследование микро- и макротекста, в: Актуальные проблемы изучения и преподавания славянских языков и литератур. Сб. науч. тр. Кутаиси, 2003, с. 64-70 (дата обращения 30.07.19)
- 59.Вардзелашвили Ж., Певная Н.П. Слово-текст и слово-гипертекст// Гипертекст как объект лингвистического исследования. Самара: ПГСГА, 2011, с. 12-21.
- 60.Васильчикова Т.Н. Теория интертекста в филологии: основные этапы исторического формирования. Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки, т. 18, №1(2), 2016
- 61.Вежбицкая, А. М. Метатекст в тексте Текст. / А. М. Вежбицкая // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. - Лингвистика текста. — М. , 1978. — С. 402-421.
- 62.Великая грамматика Панини - <http://ruskiyjazik.ru/687/>
- 63.Веселовский, А.Н. Из введения в историческую поэтику // Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М., Высшая школа, 1989. -С. 51-52.
- 64.Визель М. Гипертексты по ту и эту стороны экрана // Иностранная литература, 1999. № 10. - С. 166-179.
- 65.Визель М. Поздние романы Итало Кальвино как образцы гипертекста// Литература и культура. Москва: РГГУ, 2006. Вып. 2, с. 169-190.
66. Винтерхофф-Шпурк П. Медиапсихология. Основные принципы. Харьков: Гуманитарный центр, 2007.
67. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат.// Избранные работы / Пер. с нем. и англ. В. Руднева. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. — с. 440. – (Электр.ресурс)

- 68.: <http://www.ict.nsc.ru/jspui/bitstream/ICT/951/3/vit.pdf> (дата обращения 05.06.2019)
69. Войскунский А.Е. Метафоры Интернета//Вопросы философии, 2001, №11.с 64-69.
70. Волошинов, В.Н. (Бахтин М.М.). Марксизм и философия языка: основные проблемы социологического метода в науке и языке. Л., Прибой,1930, 188 с.
71. Воркачев С. Г. Интертекстуальность, прецедентность и лингвокультурный концепт // Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов: коллективная монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, В. П. Москвин. М.: Флинта; Наука, 2014. С. 52-70.
72. Выготский, Л. С. Собрание сочинений Текст. : в 6 т. / Л. С. Выготский ; под ред. А. М. Матюшкина. — М. : Педагогика , 1983. Т.2. - 368 с.
73. Вэндленд Эрнст Р. [Гармония и алгебра Псалтири – Литературный и лингвистический анализ библейских псалмов.](#) Москва, 2010 (дата обращения 23.05.18)
74. Гадамер Г. Текст и интерпретация (Из немецко-французских дебатов с участием Ж. Деррида, Ф. Форгета, М. Франка, Х.-Г. Гадамера, Й. Грайша и Ф. Ларуелля)// Герменевтика и деконструкция. СПб., 1999, 202-242.
75. Галушко Т.Г. [Текст, контекст и гипертекст в свете некоторых идей постструктурализма,](#) Вестник АмГУ. 2000, вып. 10, с. 2-4 (дата обращения 26.05.19)
76. Гальперин И. Р. О понятии «текст» // Материалы научной конференции «Лингвистика текста».— Т. 1.— М., 1974.— С. 67.
77. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования Текст. / И. Р. Гальперин. М. : КомКнига, 2006. - 144 с.

78. Гаспаров, М. Л. Язык, память, образ: лингвистика языкового существования Текст. / М. Л. Гаспаров. — М. : Новое литературное обозрение, 1996. -313 с.
79. Гаспаров, М.Л. Литературный интертекст и языковой интертекст // Известия АН. Сер. лит. и яз. 2002. Т. 61. № 4. С. 9.
80. Гераимчук И. Гений это просто. Формирование творческой личности. - К.: ЭКМО, 2010.-145 с. -<http://bashorgen-1.narod.ru/genius-simple.html>
-
81. Гипертекст// Энциклопедия культуuroлога. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/830/%D0%93%D0%98%D0%9F%D0%95%D0%A0%D0%A2%D0%95%D0%9A%D0%A1%D0%A2
82. Гипертекст - URL: http://enc-dic.com/enc_culture/Gipertekst-1709.html
83. Гипертекст как объект лингвистического исследования: Материалы Всероссийской научно-практ. конф. с межд. участием/отв. ред. С.А. Стройков. Самара: ПГСГА, 2010, 2011, 2013, 2015, 2017.
84. Горизонты современной лингвистики: традиции и новаторство: Сб. в честь Е.С. Кубряковой. М.: Языки славянских культур, 2009. — 856 с. — (studia philologica).
85. Горина Е.В. Конституирующие признаки дискурса Интернета: Дис. ... докт. филол. Наук. - Екатеринбург, 2015-2016.
86. Городецкий Б.Ю. Компьютерная лингвистика: моделирование языкового общения. – Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIV, Компьютерная лингвистика. М., 1989
87. Горошко Е.И. [Гипертекст 3.0: лингвистический анализ//](#) Гипертекст как объект лингвистического исследования. -Самара: ПГСГА, 2010. -с.14-19.
88. [Горошко Е.И. Лингвистика Интернета: формирование дисциплинарной парадигмы//](#) Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Орел: Каргуш, 2007.
89. Грамматика Панини как продукт объемного сознания - <http://alfa.psyhonetika.org/blog/ratri/10-04-25--814>

90. Грамматика санскрита, истоки - <http://www.indissimo.com/sanskrit-grammar-history/>
-
91. Гришкова, О.Н. Интертекст в аспекте дискурсивного понимания текста // Русский язык: исторические судьбы и современность: XI международный конгресс исследователей русского языка. М., Изд-во МГУ, 2004. С. 386.
92. Грязнова, О. Б. Своеобразие жанровой природы восточной «обрамлённой повести» / О. Б. Грязнова. / Молодой ученый. — 2012. — № 7 (42). — С. 150-153. — URL: <https://moluch.ru/archive/42/5074/> (дата обращения: 24.08.2020).
93. Гудков, Д. Б. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний Текст. / Д. Б. Гудков, В. В. Красных, И. В. Захаренко, Д. В. Багаева // Вестник Московского университета. Сер. 9. - Филология. - 1997. - № 4. - С. 235-253.
94. Гудков, Д. Б. Прецедентное имя в когнитивной базе современного русского языка Текст. / Д. Б. Гудков // Язык, сознание, коммуникация. - Вып. 4. Филология. - М., 1998. - С. 213-245.
95. Гудков, Д. Б. Прецедентное имя и проблема прецедентности Текст. / Д. Б. Гудков. М. : Изд-во МГУ, 1999. - 246 с.
96. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. - 320 с.
97. Гуругли. Таджикский народный эпос / [отбор дастанов, исследование и перевод] И. С. Брагинского. - М., 1987.
98. Гусева А.А. Интертекстуальность как переводческая проблема (на материале романа Дж. Джойса «Улисс» и его перевода на русский язык): Дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2009.
99. Гусева С.В. Интертекстемы чеховского эпистолярия как текстообразующий фактор в зеркале современной теории текста// Язык. Речь. Речевая деятельность: Межвуз. сб. науч. тр. Выпуск 7 / отв. ред. М.А. Грачев. Нижний Новгород, 2004.

100. Дедова О.В. Лингвосемиотический анализ электронного гипертекста: (на материале русскоязычного Интернета): Дис... доктора филол. наук. Москва, 2006.
101. Дедова О.В. Теория гипертекста и гипертекстовые практики в Рунете. М.: МАКС Пресс, 2008. - 284 с.
102. Дейк ван, Т. А. Язык. Познание. Коммуникация Текст. / Т. А. Дейк ван. -М. : Прогресс, 1989. 312 с.
103. Дементьев, И.О. Что (не) написал Соссюр: полвека дискуссий о теории анаграмм // Вестник Балтийского Федерального университета им. И.Канта. 2015. Вып. 8. С. 17-25;
104. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода//Вопросы языкознания. 1994, №4. С. 17-33.
105. Денисова, Г. В. В мире интертекста: язык, память, перевод Текст. / Г. В. Денисова ; предисловие С. Гардзонио ; предисловие Ю. Н. Караул о-ва. М. : Азбуковник, 2003. - 298 с.
106. Деррида, Ж. [О грамматологии / Пер. с фр. и вст. ст. Н. Автономовой](#). — М.: Ad Marginem, 2000. — 512 с.
107. Долотова, Т. Н. Интертекстуальные связи как способ репрезентации языковой личности автора (на материале публицистики В. М. Шукшина) Текст. / Т. Н. Долотова // Антропоцентрическая парадигма в филологии : в 2 ч. Ставрополь, 2003. - Ч. 2. - С. 224-229.
108. Еникеев А.А. Философия текста (топологический аспект)// Философия, вера, духовность: истоки, позиция и тенденции развития (коллективная монография) (под общей ред. проф. О.И. Кирикова). Воронеж: Воронежский госпедуниверситет, 2008, с. 119-149.
109. Женетт Ж. Палимпсесты: литература во второй степени. – М.: Науч.мир, 1982.-76 с.
110. Забони адабии ҳозираи тоҷик. Синтаксис. -Душанбе: Ирфон, 1970. -268 с.

111. Залевская А.А. [Значение слова и «живой поликодовый гипертекст»](#)// Вопросы психолингвистики. М., 2013. № 1(17), с. 8-19
112. Захаренко, И. В. Прецедентные высказывания и их функционирование в тексте Текст. / И. В. Захаренко // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации : сб. ст. / под ред. В. В. Красных, А. И. Изотова. М. : Филология, 1997. - С. 92-99.
113. Земская, Е. А. Цитация и способы ее трансформации в заголовках современных газет Текст. / Е. А. Земская // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Татьяны Григорьевны Винокур. -М. : Наука, 1996. С. 157-168.
114. Зикриёев Ф.К. Рочёъ ба воҳидҳои суперсинтаксисии забон// Актуальные проблемы общего языкознания и методика преподавания языка (Материалы республиканской конференции). - Душанбе, 2003. - С. 116-119.
115. Зикриёев Ф.К. Масъалаҳои лингвистикаи матн // Номаи меҳр. - Хучанд, 2003.-С. 53 -64.
116. Зикриёев Ф.К. Оид ба тарзи луғавӣ-морфологии ташаккули матн (дар асоси маводи асарҳои бадеии С. Айнӣ) // Устод Айнӣ ва асолати забон. - Душанбе, 2006.-С. 5- 12.
117. Зикрияева М.В. Средства, способы и факторы текстообразования. (на материале таджикского и английского языков). - Худжанд, 2009. - 104 с.
118. Золотухина Е.Н. Категория интертекстуальности в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Калуга, 2009.
119. Зыкова Е.В. Организация гипертекста в сети Интернет: (На материале англоязычных сайтов): Дис. ... канд. филол. наук. СПб.- Пушкин, 2006.
120. Игнатов К.Ю. Интертекстуальное словосочетание и его референт // Сборник научных и научно-методических трудов кафедры теории

- преподавания иностранных языков МГУ/ под общ. ред. Е.И. Энгель. М.МАКС- Пресс, 2007. Вып. 4. - С. 44-63.
121. Игнатъева А.С. Метафорика научно-публицистического медиатекста online формата: на материале английского и немецкого языков: Дис....канд.фил.наук. Иркутск,2006.
122. Ильин И. П. Интертекстуальность // Современное зарубежное литературоведение: энциклопедический справочник / ред.-сост. И. П. Ильин, Е. А. Цурганова. М.: Интрада, 1996. 319 с.
123. Ильин И.П. Стилистика интертекстуальности: теоретические аспекты. // Проблемы современной стилистики. Сборник научно-аналитических трудов. М., 1989
124. Ильин В.В. Язык -понимание - культура.// Язык и культура: факты и ценности. К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова. Отв. ред. Е.С. Кубрякова, Т.Е. Янко. Языки славянской культуры, М., 2001. - С. 267-272.
125. Ильин, И.П. Интертекстуальность. Западное литературоведение XX века: энциклопедия. М., 2004. -С. 164.
126. Ильина И.А. [Проблемы изучения и восприятия гипертекста в мультимедийной среде Интернет](#): Автореферат дис. канд. филол. наук, Москва, 2009 (дата обращения 24.05.18)
127. Ильина И.А. [Семиотика как метод исследования виртуальной реальности](#), // [Вестник Адыгейского госуниверситета. Серия 2: Филология и искусствоведение](#), 2008, № 10, с.36-40.
128. Иноземцева, Н.В. Прецедентный и интертекст как маркеры англоязычного научно-методического дискурса (на материале англоязычных статей по методической проблематике) // Известия Самарского научного центра РАН. 2010, том 12, №3, С.167-169. http://www.ssc.smr.ru/media/iournals/izvestia/2010/2010_3_167_169.pdf

129. [Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов.](#) Коллективная монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, В. П. Москвин. М.: Флинта, Наука, 2014. 352 с.
130. Искандарова Д.М. Гипертекстуальность средневековых восточных текстов// Казанская наука, №12, 2014. – с.137-139
131. Искандарова Д.М. Гипертекст как способ коммуникации в «доэлектронную» эпоху// Global Media Journal – Ryatigorsk: PSLU, 2014. - с.137-139.
132. Искандарова Д.М. Устная коммуникация, гипертекст и нелинейное мышление// Сборник докладов 12-й научной конференции «Язык, культура и общество на перекрестке цивилизаций». - Цукуба, 2015. - с.22-25
133. История литератур народов Средней Азии и Казахстана . – М.:МГУ, 1960.- 490 с.
134. Калмыков А.А. [Гипертекст мышления и экология коммуникативных пространств,](#) // [Оптимальные Коммуникации,](#) 2010 (дата обращения 24.05.20)
135. [Каменская О. Л.](#) Текст и коммуникация. — М.: Высшая школа, 1990.
136. Камолиддинов Б. Наҳви забони тоҷикӣ. - Душанбе, 2010. - 143 с.
137. Карасик, В. И. Язык социального статуса Текст. / В. И. Карасик. М.: Гнозис, 2002. - 333 с.
138. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс Текст. / В. И. Карасик. М.: Гнозис, 2004. - 390 с.
139. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч. Тр. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 75-80.
140. Караулов, Ю. Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть Текст. / Ю. Н. Караулов / Ин-т рус. яз. РАН. М., 1999. - 180 с.

141. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., Наука, 2006. -354 с.
142. Карьер Жан-Клод и Эко Умберто. Не надейтесь избавиться от книг! URL: <http://www.e-reading.ws/bookreader.php/1005645/Karer>
143. Каунова Е. В., Шишкина М. В. Интертекстуальность в художественном дискурсе // Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов: коллективная монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, В. П. Москвин. М.: Флинта; Наука, 2014. С. 280-304.
144. Кашкин В. Б. Сопоставительное исследование дискурса // Концептуальное пространство языка : сб. тр. / Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. — Тамбов, 2005. С. 337-353.
145. Кибрик, А. А. Когнитивные исследования по дискурсу Текст. / А. А. Кибрик // Вопросы языкознания. 1994. - № 5. - С. 126-140.
146. Кирик Т.А. [Виртуальная реальность: сущность, критерии, типология](#): Дис. ... канд. филос. наук. Омск, 2004.
147. Клементьева Е.Е. Гипертекстовые технологии в образовании. Москва: ИНИОН РАН, 1996, № 1, с. 30-45.
148. Клочкова Е.С. Лингвопрагматические особенности электронного гипертекста на немецком языке: Дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2009.
149. Ключева Н. Ю. Маршалл Маклюэн о культуре и коммуникации. 100-летию со дня рождения М. Маклюэна посвящается//[Теория СМИ и массовой коммуникации. -Выпуск №4. - 2011г. - <http://www.mediascope.ru/node/917>](#)
150. Кобозева И.М., Лауфер Н.И., Сабурова И.Г. Моделирование общения в человеко-машинных системах. – Лингвистическое обеспечение информационных систем. М., 1987
151. Козицкая Е.А. [Цитата, «чужое» слово, интертекст: материалы к библиографии,](#) в: Литературный текст: проблемы и методы исследования: Сб.: Тверь, 1999 (дата обращения 24.05.19)

152. Колегаева И.М. [Текстовая парадигма: микро-, макро-, мега-, гипер- и просто текст](#),// Записки з романо-германської філології. Одеса. 2008, 1. Вип. 20, с. 70-79 (дата обращения 24.05.19)
153. Колокольцева Т.Н. [Интертекстуальность и гипертекстуальность в интернет-коммуникации: к вопросу о соотношении категорий](#), в: Электронный научно-образоват. журнал ВГПУ «Грани познания», 2014, № 1 (28), с. 30-34 (дата обращения 31.05.18)
154. Колокольцева Т.Н. [Новая эра интертекстуальности: глобализация интертекстуальных связей в интернет-эпоху](#), в: Изв. Волгогр. госпед. ун-та. Сер. Филол. науки, 2013, №6, с. 61-66.
155. Колпакова Г.В. Текст и гипертекст: Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов. 2016, № 5-3 (59), с. 95-97.
156. Колшанский, Г. В. Контекстная семантика [Текст] / Г. В. Колшанский. – Москва : Наука, 1980. – 149 с.
157. Колшанский, Г. В. О природе контекста [Текст] / Г. В. Колшанский // Вопросы языкознания. – 1959. – № 4. – С. 47-53.
158. Колшанский, Г. В. О языковом механизме порождения текста [Текст] / Г. В. Колшанский // Вопросы языкознания. – 1983. – № 3. – С. 44-51.
159. Компанцева Л.Ф. [От классического языкознания – к интернет-лингвистике](#) // StudiaLinguistica, 2010, № 4, с. 24-30.
160. Компьютерная лингвистика// URL: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/KOMPYUTERNAYA_LINGVISTIKA.html
161. Конрад Н.И. Литература Востока в средние века. М.:МГУ, 1970.
162. Корбут А.Ю. Текстосимметрия как раздел общей теории текста: Дис ... канд. филол. наук. Барнаул, 2005.
163. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история: Проблема языкового изменения. Пер. с исп. Изд.3. Лингвистическое наследие XX века. - М. : Едиториал УРСС, 2010.- 208 с.

164. Косиков, Г.К. Текст / Интертекст / Интертекстология // Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности / пер. с фр. Г.К.Косикова, Б.Н.Нарумова, В.Ю.Лукасик.- М., Изд-во ЛКИ, 2008.- С. 8-42
165. Костомаров, В. Г. Прецедентный текст как редуцированный дискурс Текст. / В. Г. Костомарова, Н. Д. Бурвикова // Язык как творчество : сб.;-ст. к 70-летию В. П. Григорьева / Ин-т рус. яз. РАН. М. , 1996. - С. 297-302.
166. Костыгина, К. А. Интертекстуальность в прессе (на материале немецкого языка) Текст: дис. канд. филол. наук/К. А. Костыгина ; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. СПб., 2003. - 308 с.
167. Красных, В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М., Гнозис, 2002. С.47.
168. Красных, В. В. Структура коммуникации в свете лингво-когнитивного подхода (коммуникативный акт, дискурс, текст) Текст. : дис. . д-ра фи-лол. наук / В. В. Красных ; МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1999. -463 с.
169. Крачковский И. Ю. Арабская поэзия //Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. Т. 2. М.; Л., 1956. -С. 246-265.
170. Кристева, Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Режим доступа: http://russianway.rhga.ru/upload/main/17_Kristeva.pdf (дата обращения 21.06.2020)
171. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики// Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. — М.: «Российская политическая энциклопедия» ([РОССПЭН](http://www.rosspэн.ru)), 2004.
172. Кристева Ю. Семиотика: исследования по семанализу / пер. с фр. Э. А. Орловой. М.: Академический Проект, 2013. 285 с.
173. Кубрякова, Е. С. Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи Текст. / Е. С. Кубрякова, А. М. Шахнарович, Л. В. Сахарный. М. : Наука, 1991.-240 с. *

174. Кузьмина, Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. М., Едиториал УРСС, 2004. -268 с.
175. Кузьмина, Н. А. Интертекстуальный тезаурус языковой личности и методы его изучения Текст. / Н. А. Кузьмина // Интерпретатор и текст. Проблемы ограничений в интерпретационной деятельности. Пятые Филологические чтения. — Новосибирск, 2004. — 57 с.
176. Кукушкина О.В., Смирнов А.А., Соколов А.А. [Текстология и «гипертекстология» Сети \(редакционный обзор\)](#), //Текстология.RU. 2002 (дата обращения 4.08.18)
177. Купер И.Р. [Гипертекст как способ коммуникации](#), в: Социологический журнал, 2000,1-2, с. 36-57 (дата обращения 25.05.18)
178. Кучаров А. Место критики текста в таджикском литературоведении и проблемы текстологии прозы С. Айни. Автореф. док. филол. наук. -Душанбе, 1997. - 55 с.
179. Қосимова М.Н. Очеркҳо оид ба синтаксиси ҷумлаҳои соддаи настри асри 11. - Душанбе: Ирфон, 1976. - 216с.
180. Қосимова М.Н. Сомониён ва анҷоми ташаккули забони адабӣ// Сомониён ва эҳёи тамаддуни форсии тоҷикӣ. -Душанбе, 1998. -С. 456-470.
181. Қосимова М.Н. Таърихи забони адабии тоҷик. - Душанбе, 2003. - 490 с.
182. Лайонз, Дж. Лингвистическая семантика: введение Текст. / Дж. Лайонз. М. : Языки славян, культуры, 2003. - 400 с.
183. Ларионова, Н.С. Гипертекст как модель современной культуры Электронный ресурс. Дис. канд. социол. наук. -М.: РГБ, 2003. -162с. URL: <http://diss.rsl.ru/diss/03/1233/031233046.pdf> (дата обращения: 12.03.2018)
184. Левоненко О.А. Языковая личность в электронном гипертексте (На мат. экспрессивного синтаксиса ведущих электронных жанров): Дис. ... канд. филол. наук. Таганрог, 2004.

185. Леденёва В.В. Обречённый на креолизацию? [Текст остаётся текстом?](#), в: Вестник Московского госуд. областного университета (электронный журнал), 2017, № 2, с. 58-61.
186. Лекманов О.А. Интертекст и Интернет: к постановке проблемы// Известия РАН. Серия Язык и литература, 2004,1, с.64-67.
187. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность.// Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: в 2-х т. Т.2. М.: Педагогика, 1983.-С. 94-231.
188. Липатов, А. Т. Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе Текст. / А. Т. Липатов // Седьмые Вавиловские чтения : глобализация и проблемы нац. безопасности России в XXI в. — Йошкар-Ола, 2004. —1. С. 373-389.
189. Литвиненко Т.Е. [Интертекст в аспектах лингвистики и общей теории текста.](#) Иркутск, 2008.
190. Литвиненко Т.Е. [Интертекст и его лингвистические основы](#) (на материале латиноамериканских художественных текстов): Дис. ... канд. филол. наук. Иркутск. 2008.
191. [Лихачев Д.С. О филологии: Задачи текстологии.](#) - Ленинград, 1983.
192. [Лихачев Д.С. Текстология. Краткий очерк.](#) Москва: Наука, 2006. 175 с. (дата обращения 18.08.18)
193. Лосев, А. Ф. Знак. Символ. Миф Текст. / А. Ф. Лосев. М. : Правда, 1982.-480 с.
194. Лотман Ю.М. Композиция словесного художественного произведения: Рамка // Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.,1970.
195. Лотман, Ю.М. Роман в стихах Пушкина «Евгений Онегин». Спецкурс. Вводные лекции в изучение текста // Лотман, Ю.М. Пушкин: биография писателя. Статьи и заметки. 1960-1990 гг.; «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб., Просвещение,1995. С. 395-411.

196. Лотман, Ю.М. Текст в тексте // Уч. записки Тартуского гос. ун-та. 1981. Вып. 567. С. 5-6.
197. Лотман Ю.М. [Текст как семиотическая проблема](#)//Статьи по семиотике и топологии культуры. -Таллин, 1992.
198. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров: человек - текст - семиосфера - история. М.: Языки русской культуры, 1996. -464 с.
199. Лотман, Ю. М. Семиосфера Текст. / Ю. М. Лотман. СПб. : Искусство-СПб, 2000. - 704 с.
200. Лотман Ю.М. Текст в тексте, в: Лотман Ю.М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. СПб, «Искусство-СПб», 2001. 703 с., с. 148-160.
201. Лошаков А.Г. [Сверхтекст: семантика, прагматика, типология](#): Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Москва, 2008. 56 с.
202. Лутовинова О.В. [Гипертекст: понятие, основные характеристики: возможные подходы к лингвистическому анализу, //Известия Волгоградского государственного педагогического университета](#), 2009, nr. 1, с. 4-7.
203. Лутовинова О.В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса. -Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009.
204. Маккьюин К. Дискурсивные стратегии для синтеза текста на естественном языке. – Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIV, Компьютерная лингвистика. М., 1989
205. Масалова М.В. Гипертекстуальность как имманентная текстовая характеристика: Дис....канд.фил.наук.-Ульяновск,2003
206. Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры. – М.: Академический проект: Фонд «Мир», 2005. – 495 с.
207. Махов, А. С. Типология художественных гипертекстов на основе немецкоязычных интернет-сайтов: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / А. С. Махов. - М., 2010. - 204 с.

208. Минеева, М. В. Лингвистический гипертекст как способ декодирования информации [Текст]: монография / М. В. Минеева. – Челябинск: Искра-Профи, 2017. – 178 с.
209. Минц, З. Г. Блок и русский символизм: Избранные труды: в 3 кн.: Поэтика русского символизма / З.Г. Минц. - Санкт-Петербург: Искусство-СПб., 1999. - 480 с.
210. Миронов В.В. Письменность и книгопечатание как фундамент классической культуры// Электронное научное издание Альманах пространство и Время. т.10. Вып.1. 2015 – Пространство и время текста. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pismennost-i-knigopечатanie-kak-fundament-klklassicheskoy-kultury> (дата обращения 21.11.2020)
211. Михайлова, Е. В. Интертекстуальность в научном дискурсе (на материале статей) Текст. : дис. . канд. филол. наук / Е. В. Михайлова ; Волг. гос. пед. ун-т. Волгоград, 1999. -217 с.
212. Молчанова Г.Г. Когнитивная стилистика и стилистическая типология// Вестник МГУ. Сер. 12. - Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2001. - №3. - С. 60-71.
213. Молчанова Г.Г. Когнитивные проблемы категоризации: Свертка смысла и емкость текста // Материалы Первой между нар. школы-семинара по когнитивной лингвистике. — Тамбов, 1998. — С. 48-51.
214. Морковкин В.В. Язык, мышление, сознание.// Русский язык. Энциклопедия. Под общей ред. Ю.Н. Караулова. М.:1998. С. 663-666.
215. Москвин В.П. [Интертекстуальность: категориальный аппарат и типология,](#) // Известия Волгоградского гос. пед. унив. Серия «Филологические науки», 2013. № 6 (81), с. 54-61.
216. Москвин В. П. Теория интертекстуальности: категориальный аппарат // Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов: коллективная монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, В. П. Москвин. М.: Флинта; Наука, 2014. С. 16-51.

217. Мухторов З.М. Структура и семантика текста: сопоставительный анализ на материалах таджикского и русского языков. – Дисс...докт.фил. наук, - Душанбе, 2013. -334 с.
218. Набиджанова М. Р. Сложное синтаксическое целое в таджикском языке. Дисс. канд. филол. наук. - Душанбе, 2004. - 153 с.
219. Насриддинов А. Маърифат ва шарҳи адабиёт. -Душанбе: Ирфон, 1991. -192 с.
220. Насриддинов А. Матншиносии осори адабӣ. -Хучанд: Ношир, 2009. - 392 с.
221. Науменко А.М. [Текст в оценке современных филологов](#), в: Новітня філологія, 2005. 3. с. 173-191
222. Нахимова, Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации : монография Текст. / Е. А. Нахимова; Урал. гос. пед. ун-т ; Ин-т социального образования. Екатеринбург, 2007. - 207 с.
223. Негуторов В.В. Гипертекст как феномен современного общества. Дис. ... канд. философ. наук. Краснодар, 2003.
224. Неёлов Е.М. [База данных по интертекстуальности](#). Интернет-ресурс (дата обращения 26.05.19)
225. Нестерова Н.Г. [Радиотекст как гипертекст](#), в: Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. №5 (37) (дата обращения 07.06.18)
226. Немирова, Н. В. Прецедентность и интертекстуальность политического дискурса (на материале современной публицистики) Текст. / Н. В. Немирова // Лингвистика : бюл. Урал, лингвист, о-ва. 2004. — Т. 11.-С. 149.
227. Нерознак, В. П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины Текст. / В. П. Нерознак //Язык. Поэтика. Перевод : сб. науч. тр. ; Моск. гос . лингв, ун-т. — М., 1996. — С. 112-116.
228. Ниёзмухаммадов Б.Н., Рустамов Ш. Баъзе масъалаҳои синтаксиси забони адабии ҳозираи тоҷик. - Душанбе: Ирфон, 1968. - 196с.

229. Ниёзмухаммадов Б. Забоншиносии тоҷик /Асарҳои мунтахаб/. - Душанбе: Дониш, 1970. - 386 с.
230. Никифорова Ж.А. К проблеме определения понятия «гипертекст», // [Гипертекст](#) как объект лингвистического [исследования](#): Материалы IV международной научно-практической конф., 25 июня 2015 / отв. ред. С.А. Стройков. Самара: ПГСГА, 2015, с.87-94.
231. Николаева Т.М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы// Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII: Лингвистика текста. М., 1978. С. 5-39.
232. Николаева, Т. М. Краткий словарь терминов лингвистики текста Текст. / Т. М. Николаева // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. - Лингвистика текста. - М., 1978. - С. 467-472.
233. Норман, Б. Ю. Язык: знакомый незнакомец Текст. / Б. Ю. Норман. -Минск : Выш. школа, 1987. 215 с.
234. Носири Хусрав. Чомеъ ул-хикматайн //Куллиёт. - Душанбе: Ирфон, 1991. -С. 25-213.
235. Облокулова С. Сложное синтаксическое целое с присоединительными связями в таджикском языке. - Дисс.на. соиск. учён, степен. канд.филол. наук. - Душанбе, 1986.- 158 с.
236. Образец манускрипта -- URL: <https://www.wdl.org/ru/item/221/>
237. Олкер Х.Р. Волшебные сказки, трагедии и способы изложение мировой истории. – В кн.: Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987
238. Определение гипертекста // [Калмыков А. А., Коханова Л. А.. Интернет-журналистика. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. - 383 с. - \(http://scibook.com/smi-jurnalistika/opredelenie-giperteksta-44905.html\)](#).
239. Османова М.Н. Старопечатная книга в Средней Азии в конце XIX-начале XX в. – Вестник Института ИАЭ, 2013. №2. С.57-69.

240. Панини, индийский грамматик// Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона - URL: <https://slovar.cc/enc/brokhauz-efron2/1925157.html>
241. Платон. Федр. -Собр. соч. в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. -С. 86.
242. Плунгян В.А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики// Русский язык в научном освещении. Москва, 2008, № 2(16), с. 7-20.
243. Плунгян В.А. [Почему современная лингвистика должна быть лингвистикой корпусов](#). 2009 (дата обращения 27.05.18)
244. Полякова Т. Интернет-лингвистика как новое направление языкознания// Психолінгвістика: зб. наук. праць ДВНЗ «Переяслав-Хмельницький ДПУ ім. Г.Сковороди». ПП «СКД», 2011. Вип. 8. с. 146-152.
245. Полосин В.В. Невербальная информация в арабских рукописях: Очерки средневековой книжной культуры. –СПб.: Президентская литература, 2016. – 296 с.
246. Потапова Р.К. Новые информационные технологии и лингвистика. Москва, 2005.
247. Преображенский А.Б. Состояние развития современных ЕЯ-систем. – Искусственный интеллект. Кн. 1, Системы общения и экспертные системы. М., 1990
248. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2001. - 192 с.
249. Проскурина, А. А. Прецедентные тексты в англоязычном юмористическом дискурсе Текст. : автореф. дис. . канд. филол. наук / А. А. Проскурина. Самара, 2004. - 18 с.
250. Пузырев, А.В. Анаграммы как явление языка. Опыт системного осмысления: дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1995. С. 155.
251. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности [Электронный ресурс] / пер. с фр.; общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова.

- М.: Издательство ЛКИ, 2008. 240 с. URL: <http://bukvo.net/science/philology/14510-vvedenie-v-teoriyu-intertekstualnosti.html> (дата обращения: 15.09.2019).
252. Рахимов Д. Таджикский фольклор: [на тадж. яз.]. - Душанбе, 2009.
253. Рахимов К.С. К проблеме изучения таджикской версии эпоса «Гуругли» Вестник МГУКИ, 2011, 1 (39). с.238-241
254. Рахимов К. С. Жизнь и творчество таджикского сказителя эпоса «Гуругли» Хикмата Ризо – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhizn-i-tvorchestvo-tadzhikskogo-skazitelya-eposa-gurugli-hikmata-rizo> (дата обращения 14.05.2019)
255. Ревзина О.Г. [Лингвистика XXI века: на путях к целостности теории языка](#) //Критика и семиотика. 2004, Вып. 7. Новосибирск. с. 11-20.
256. Риффатер, М. Критерии стилистического анализа // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвостилистика. М., 1988. Вып. 9. -С. 126-141.
257. Рожанский Ф.И. [Точка, точка, запятая... \(Эмотиконы как живая семиотическая система\)](#), в: Труды международного семинара Диалог' 2000 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. т. 1. Теоретические проблемы. Протвино, 2000, 261-267
258. Ронен О. Лексические и ритмико-синтаксические повторения и неконтролируемый подтекст. – Известия РАН. Сер. лит-ры и языка, т. 56. 1997, № 3 № 5
259. Ронен О. К.Ф.Тарановский и «раскрытие подтекста» в филологии // Тарановский К. Ф. О поэзии и поэтике. - М.: Языки русской культуры, 2000. - С. 424.
260. Руднев В.П., Словарь культуры XX века: Ключевые понятия и тексты. – М.: Аграф, 1999.

261. Рубинчик В.А. Современный персидский язык. -М.: Вост. лит., 1960.-140с.
262. Рустамов Ш. Забон ва замон. - Душанбе: Ирфон, 1981. - 255с.
263. Рустамов Ш. Мушкилоти синтаксис. - Душанбе: Маориф, 1988. - 344 с.
264. Рязанцева Т.И. Гипертекст и электронная коммуникация, Дискуссионный клуб FLT: современные тенденции и опыт профессионалов. Вып. 4 ELT — век XXI: что взяли мы себе в наследство?/Сб. научных статей. Москва, ГУ «Высшая школа экономики», 2002. С. 126-137.
265. Рязанцева Т.И. Теория и практика работы с гипертекстом. -М: «Академия», 2008.- 208 с.
266. Саенко А.Н. Особенности гипертекста как предмет лингвистического анализа // Культура народов Причерноморья, 2004, № 49, Т.1, с. 194-196.
267. Салимов Р.Д. Структура и семантика односоставных предложений в русском и таджикском языках. - Душанбе: Ирфон, 2009.- 394 с.
268. Самойлов Е. Математическая грамматика Панини - <https://forum.daode.ru/f616/matematicheskaya-grammatika-panini-8602-print/>
269. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.-С. 409-421.
270. Сергиенко П.И. Лингвокогнитивные особенности электронного гипертекста (на материале английского языка): Дисс. ... канд. фил. наук. -Москва, 2009.
271. Сидоренко К. П. Интертекстовые интерпретаторы в "Словаре крылатых выражений Пушкина" // Слово. Фраза. Текст: сб. науч. ст. к 60-летию М. А. Алексеенко. М.: Азбуковник, 2002. С. 317-330.

272. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов Текст.: дис. канд. филол. наук / Г. Г. Слышкин ; Волг. гос. пед. ун-т. — Волгоград, 1999. 173 с.
273. Слышкин, Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М., Academia, 2000. С. 128.
274. Смирнов И.П. Порождение интертекста. Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б.Л.Пастернака. С.-Петербург, 1995
275. [Современный медиатекст. Учебное пособие.](#) Омск, 2011
276. Солодуб Ю. П. Интертекстуальность как лингвистическая проблема // Филологические науки. 2000. № 2. С. 70-77.
277. Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 695 с.
278. Степанов Ю. С. "Интертекст", "интернет", "интерсубъект" (к основаниям сравнительной концептологии) // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 2001. Т. 60. № 1. С. 3-11.
279. Стройков С.А. Информационная единица как предельная минимально значимая единица структуры электронного гипертекста// [Гипертекст как объект лингвистического исследования.](#) Самара: ПГСГА, 2013, с. 126-133.
280. Стройков С.А. [Коммуникативная функция электронного лексикографического гипертекста,](#) в: Гипертекст как объект лингвистического исследования. Самара: ПГСГА, 2015, с.117-122.
281. Стройков С.А. [Лингвопрагматические характеристики англоязычного электронного лексикографического гипертекста \(на мат. словаря-энциклопедии «The Free Dictionary»\):](#) Дис. ...канд. филол. наук. Самара, 2008.
282. Стройков С.А. [Основные понятия лингвистической концепции электронного лексикографического гипертекста,](#) в: Изв. Самарского центра РАН, 2010, t.12, №5(3), с. 808-811.

283. Стройков С.А. Структурно-лингвистический анализ англоязычного электронного лексикографического гипертекста Википедия// Филологические науки. Вестник Челябинского государственного педагогического университета, 2016, № 3, с. 90-94.
284. Субботин М.М. Теория и практика нелинейного письма (взгляд сквозь призму «грамматологии» Ж. Деррида), // Вопросы философии, 1993, № 3.- с. 36-45.
285. Субботин М.М. Гипертекст. Новая форма письменной коммуникации. – ВИНТИ, Сер. Информатика, 1994, т. 18
286. Супрун, А. Е. Текстовые реминисценции как языковое явление Текст. / А. Е. Супрун // Вопросы языкознания. 1995. - № 6. - С. 17-29.
287. Тарановский К.Ф. Очерки о поэзии О. Манделштама. I: Концерт на вокзале. К вопросу о контексте и подтексте // Тарановский К. Ф. О поэзии и поэтике. -М.: Языки русской культуры, 2000. - С.31.
288. Текст: аспекты изучения семантики, прагматики и поэтики/ Сборник статей. М.: Эдиториал УРСС, 2001.- 192 с.
289. Терехова Л.В. Совокупность текстов как макротекст (на материале современной американской прессы)// Записки з романо-германської філології. ОНУ ім. І. І. Мечникова: ф-т романо-германської філології. Одеса, 2013. Вип.2 (31), с. 131-140.
290. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. М.: «Астрель», 2007.- 286 с.
291. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Издательство Московского университета, 2004. — 352 с.
292. [Топоров В. Н.](#) Пространство и текст // [Текст: семантика и структура](#). — М., 1983. — С. 227—284.
293. Топоров В. Н. Об одном индивидуальном варианте "автоинтертекстуальности": случай Пастернака // Пастернаковские чтения / Российская академия наук, Институт мировой литературы им. А. М. Горького. М., 1998. Вып. 2. С. 4-37.

294. Тоциев Д.Т. Чумлаҳои мураккаби тобеи сертаркиба. - Душанбе: Ирфон, 1966.-40 с.
295. Тоциев Д.Т. Чумлаҳои мураккаби тобеъ дар забони адабии хозираи тоҷик,-Душанбе, 1981. -218с.
296. Трофимова Г.Н. [Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты](#): Дисс. ... филол. наук. Москва, 2004
297. Труфанова, И.В. Аспекты теории диалога в работах М.М.Бахтина и их развитие в современной лингвистике. www.sibac.info/2009-07-01-10-21
298. Тураева З.Я. Лингвистика текста (Текст: структура и семантика). М.: Просвещение, 1986. - 127 с.
299. Унгурияну Е. [Метафора для гипертекста и гиперссылки: ящерка и хвост](#), в: „Гипертекст как объект лингвистического исследования”. Материалы IV международной научно-практической конференции, 25 июня 2015. Отв. редактор С.А.Стройков. Самара: Поволжская государственная социально-гуманитарная академия (ПГСГА), 2015, с. 123-134.
300. Уфимцев Р. Хвост ящерицы. Метафизика метафоры.- Калининград. 2010.-295 с.
301. Фатеева Н. А. Интертекстуальность и ее функции в художественном дискурсе // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 1997. Т. 56. № 5. С. 12-21.
302. Фатеева, Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов Текст. / Н. А. Фатеева. М. : Агар, 2000. - 280 с.
303. Фатеева Н., Паршин П. Интертекстуальность / https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/INTERTEKSTUALNOST.html

304. Фатхуллаев С. Идеино-эстетическое своеобразие эпоса "Гуругли" и его роль в духовной жизни таджикского народа: Дис... канд. фил. наук . – Душанбе, 2004. - 130 с.
305. Фуко Мишель. Единицы дискурса / Археология знания / пер с фр. Киев, Ника-центр, 1996. С. 25.
306. Шестак Л. А. Интертекстуальность и когнитивная теория текста // Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов: коллективная монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, В. П. Москвин. М.: Флинта; Наука, 2014. С. 125-147.
307. Хартунг Ю., Брейдо Е. Гипертекст как объект лингвистического анализа // Вестник Московского унив., сер. 9. Филология, 1996, № 3.
308. Хмелева Л.Г. Гений и искусство познания инобытия // Электронная библиотека - <http://lib.icr.su/node/1767>
309. Чаковская М.С. Текст как сообщение и воздействие. М.: Высш. Школа, 1986.- 128 с.
310. Чаковская М.С. Функция воздействия и функция сообщения как текстологическая проблема (на материале английского языка) Автореф. дис. . кан. филол. наук.-М., 1977.- 18 с.
311. Черногрудова, Е. П. Заголовки с прецедентными текстами в современной публицистике (на материале центральной, региональной и местной прессы) Текст. : дис. . канд. филол. наук / Е. П. Черногрудова. Воронеж, 2003.-25 с.
312. Черняк Л. [Гипертекст — от Memex до wiki](#) (рус.) // [Открытые системы. СУБД](#): журнал. — 2003. — № 11. — [ISSN 1028-7493](#). Chernyak L. Hypertext – from Memex to wiki (Russian) // Open systems. DBMS: log. – 2003. – No. 11
313. Чумак-Жунь, И.И. Еще раз об интертекстуальности и интертексте: к разграничению понятий в лингвистике // Текст как единица филологической интерпретации: Материалы Всероссийской научно-

- практической конференции с международным участием. -Новосибирск, Изд-во ООО «Немо Пресс»,2011. -С. 254.
314. Шилихина К.М. [Интертекст как средство создания иронии](#), в: Вестник ВГУ Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2008, №3
315. Шлыкова Феномен мультимедиа. Технологии эпохи электронной культуры.М. 2003. 268 с.
316. Шмелева, Т.В. Диалогичность модуса высказывания // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология.1995. № 5. С. 147-156;
317. Шпербер Д., Уилсон Д. Релевантность // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.23: Когнитивные аспекты языка. М.,1988 С. 212-233.
318. Эко У. Инновация и повторение. Между эстетикой модерна и постмодерна // Философия эпохи постмодерна: сб. переводов и рефератов. Мн.: Красико-принт, 1996. С. 48-73.
319. Эко У. [От интернета к Гуттенбергу: текст и гипертекст \(Отрывки из публичной лекции](#) на экономическом факультете МГУ 20 мая 1998), // Интернет. -Москва, 1998, № 6-7, - с. 91-92. – (дата обращения 20.11.2020).
320. Эко У. Классическая литература учит нас умирать// Режим доступа: <http://umbertoeco.ru/klassicheskaja-literatura-uchit-nas-umirat/> - – (дата обращения 20.11.2020).
321. Эко У. Имя Розы. – СПб.: Симпозиум,2005.
322. Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре. – СПб.:ALEXANDRIA, 2007.
323. Эко У. Не пугайтесь гипертекста// [Картонки минервы. Заметки на спичечных коробках. 2010](#) (дата обращения 28.05.19)
324. Эко У. От древа к лабиринту. Исторические исследования знака и интерпретации / пер. О. Поповой-Пле. — М.: Академический проект, 2016.— 559 с.

325. Эпштейн В.Л. Гипертекст новая парадигма информатики //Автоматика и Телемеханика. - 1991. — № 11. — С. 22-26.
326. Эпштейн В.Л. Гипертекст и гипертекстовые система, автореф. дисс. Росс. Акад. Наук, «Препринт» М, 1998. 22 с.
327. Эпштейн М.Н. [Идеология эпохи видео.](#) Революция: от супер к псевдо// Проективный словарь философии. Новые понятия и термины, 2004, №6
328. Эпштейн М.Н. От модернизма к постмодернизму: Диалектика «гипер» в культуре// Новое литературное обозрение, 1995, № 16, 32-46.
329. Юдина Т.В., Александрова О.В., Володина М.Н. [Универсальные и специфические характеристики Интернета как формы коммуникации.](#) [Альма](#) Матер. Москва, 2008. 659 с.
330. Юм Д. Исследование о человеческом разумении. М.: "Прогресс", 1995. С. 67.
331. Язык о языке: сб. ст. Текст. / под ред. Н. Д. Арутюновой. М. : Языки русской культуры, 2000. - 624 с.
332. Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики Текст.: сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика. Волгоград: Перемена, 1999. -195 с.
333. Языковая личность: проблема выбора и интерпретации знака в тексте Текст.: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Т. А. Трипольской. — Новосибирск: НГПУ, 1994. 123 с.
334. Языковая личность: проблемы креативной семантики Текст. : сб. науч. тр. : К 70-летию И. В. Сентенберг / под ред. В. И. Карасика. Волгоград: Перемена, 2000. - 214 с.
335. Якобсон Р. В поисках сущности языка / Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. — М.: Академический проект; Деловая книга, 2001. -С. 111-116.
336. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика //Структурализм: «за» и «против». М., 1975.-С. 193-230.

337. Якубинский, Л. П. Избранные работы: Язык и его функционирование Текст. / Л. П. Якубинский. М. : Наука, 1986. - 237 с.
338. Ямпольский М. Б. Память Тиресия: интертекстуальность и кинематограф. М.: Инфра-М, 1993. 408 с.
339. Allen, Graham: Intertextuality. London/New York: Routledge, 2000. -238 p.
340. Baars B. How brain reveals mind neural studies support the fundamental role of conscious experience. Journal of Consciousness Studies, 2003,10, 9–10. [[Google Scholar](#)]
341. Barthes, Roland. S/Z. Trans. Richard Miller. New York: Hill and Wang, 1975.
342. Barthes, Roland. [Texte \(Théorie du\)](#). Enciclopedia Universalis, 1974 (дата обращения 16.08.19)
343. Beaugrande de, Robert-Alain, Dressler Wolfgang Ulrich. Introduction to text linguistics. -New York: Longman, 1981.- <http://www.beaugrande.com/>
344. Berk L. Children’s private speech: An overview of theory and the status of research In Diaz R. M. & Berk L. E. (Eds.), Private speech: From social interaction to self-regulation, 1992. -pp. 17–53. Hillsdale, NJ: Erlbaum, Inc. [[Google Scholar](#)]
345. Berners-Lee, Tim. [Weaving the Web](#). -San Francisco: HarperCollins, 1999.
346. Berners-Lee, Tim. [Information Management: A Proposal](#)., 2009
347. Bolter, Jay David. Writing Space: Computers, Hypertext, and the Remediation of Print. - 2nd ed.London: Routledge, 2001. – 248 p.
348. Bolter, Jay David and Michael Joyce. Hypertext and Creative Writing// Hypertext ’87: Proceedings of the ACM Conference on Hypertext. New York: ACM Press, 1987. – p.41-50.
349. Bush, Vannevar. As We May Think. The New Media Reader. - Eds. Noah Wardrip-Fruin and Nick Montfort. - Cambridge MA: MIT Press, 2003. - P.37-48.

350. Cantoni, Lorenzo and Stefano Tardini. Internet. - London: Routledge, 2006.- 240 p.
351. Ceruzzi, Paul. A History of Modern Computing. – Cambridge, MA: MIT Press, 2003. - 410 p.
352. Clayton, Jay, and Eric Rothstein. “Figures in the Corpus: Theories of Influence and Intertextuality.” //Influence and Intertextuality in Literary History. Eds. Jay Clayton and Eric Rothstein. Madison: U of Wisconsin P, 1991. p.3-36.
353. Coseriu E. Textlinguistik: eine Einführung. 3. Aufl. Tüb., 1994
354. Crystal, D. Language and the Internet. (2nd ed.) Cambridge: Cambridge UP,2006.-251 p.
355. Diaz R. M., & Berk L. A Vygotskian critique of self-instructional training. *Development and Psychopathology*, 1995,7, 369–392.
10.1017/S0954579400006568 [[CrossRef](#)] [[Google Scholar](#)]
356. Fairclough N., *Discourse and Social Change*. Polity Press /Blackwell Publishing Ltd. 1992. – 252 p.
357. Fielding, N. & Cisneros, C. (2009) CAQDAS-GIS Convergence: Toward a New Integrated Mixed Method Research Practice. *Journal of Mixed Methods Research* 3 (4) pp. 349-370
358. Featherly, Kevin. “Hypertext.” *The Encyclopedia of New Media: An Essential Reference to Communication and Technology*. Ed. Steve Jones. Thousand Oaks CA: SAGE Publications, 2002. 433-434.
359. Fernyhough C. The dialogic mind: A dialogic approach to the higher mental functions. *New Ideas in Psychology*, 1996, 14, 47–62. 10.1016/0732-118X(95)00024-B [[CrossRef](#)] [[Google Scholar](#)]
360. Fernyhough C. Alien voices and inner dialogue: Towards a developmental account of auditory verbal hallucinations. *New Ideas in Psychology*, 2004. 22, 49–68. 10.1016/j.newideapsych.2004.09.001 [[CrossRef](#)] [[Google Scholar](#)]

361. Fodor, J. A. *The language of thought*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1975. 182 p.
362. Frow, John. *Marxism and Literary History*. Cambridge, MA: Harvard UP, 1986. -275p
363. Gaggi, Sylvio. *From Text to Hypertext: Decentering the Subject in Fiction, Film, the Visual Arts and Electronic Media*. -Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1997.
364. Genette, Gérard. *The Architext: An Introduction*. Trans. Jane E. Lewin. Berkeley: U of California P, 1992. -100 p.
365. Genette, Gérard. *Paratexts: Thresholds of Interpretation*. Trans. Jane E. Lewitt. Cambridge, MA: Cambridge UP, 1977.-427 p.
366. Genette, G. *Palimpsestes. La littérature au second degree / G. Genette*. - Paris: Editions du Seuil, 1982.
367. Grusin, Richard. "What is an Electronic Author? Theory and the Technological Fallacy." *Configurations* 2.3 (1994): 469-483.
368. Haberer, Adolphe. "The Intertextual Effect." *Symbolism: An International Journal of Critical Asthetics* 5, 2005: p.35-60.
369. Hartman D.K, 1992 Eight readers reading: The intertextual links of able readers using multiple passages *Reading Research Quarterly*, 1992, 27 (2), 122-123.
370. Hutcheon, Linda. *A Theory of Parody: The Teachings of Twentieth-Century Art Forms*. Champagne-Urbana: U of Illinois P, 2000. -168 p.
371. Jenkins, Henry. *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide*. New York:The NYU Press, 2008.
372. Jucker, Andreas H. [Hypertextlinguistics: Textuality and typology of hypertext](#), in: *Text Types and Corpora. Studies in Honour of Udo Fries*. Tübingen: Gunter Narr, 2002, p. 29-51.
373. Kitzmann, Andreas. "Pioneer Spirits and the Lure of Technology: Vannevar Bush's Desk, Theodor Nelson's World." *Configurations* 9 (2001): 441-459.

374. Knobel, Michele and Colin Lankshear. *New Literacies: Everyday Practices and Classroom Learning*. London: Open University Press, 2006.
375. Kristeva, Julia. "Revolution in Poetic Language." *The Kristeva Reader*. Trans. Margaret Waller. Ed. Toril Moi. Oxford: Blackwell, 1989. 89-136.
376. Kristeva, Julia . "Word, Dialogue and Novel." *The Kristeva Reader*. Trans. Alice Jardine, Thomas Gora, and Léon S. Roudiez. Ed. Toril Moi. Oxford: Blackwell, 1989. P.34-61.
377. Kudelin A. *Arabic Literature: Poetics and Stylistics. I: Medieval Arabic Graphic Culture (from Pictorial Figures to Drawing Script) // Manuscripta Orientalia*. Vol. 10, Ne 1. 2004. P. 4-11.
378. Landow, G. *Hypertext: the Convergence of Contemporary Critical Theory and Technology*. Baltimore and London: John Hopkins University Press, 1992.-272 p.
379. Landow, George P. *Educational Innovation and Hypertext: One University's Successes and Failures in Supporting New Technology.// Silicon Literacies: Communication, Innovation, and Education in the Electronic Age*. - Ed. Ilana Snyder. London: Routledge, 2002. – p.101-115.
380. Landow, George P. *The Paradigm is More Important Than the Purchase.// Digital Media Revisited: Theoretical and Conceptual Innovation in Digital Domains*. Eds. Andrew Morrison, Gunnar Liestol, and Terje Rasmussen.- Cambridge MA: MIT Press, 2003.- p. 35-64.
381. Landow, George P. *Hypertext 3.0: Critical Theory and New Media in an Era of Globalization*. -Baltimore MD: Johns Hopkins University Press, 2006. – 143 p.
382. Mai, Hans-Peter "Bypassing intertextuality: Hermeneutics, textual practice, hypertext." In *Intertextuality*. Plett, Heinrich F. (ed.) Walter de Gruyter: Berlin, 1991.- p.30-59.

383. Marx, Leo and Merritt Roe Smith. "Introduction." Does Technology Drive History? The Dilemma of Technological Determinism. Eds. Leo Marx and Merritt Roe Smith. Cambridge MA: The MIT Press, 1994. ix-xv.
384. McKnight, Cliff, Andrew Dillon, and John Richardson. Hypertext in Context. - Cambridge UK: Cambridge University Press, 1991. – 166 p.
385. Mitchell, Martha. Institute for Research in Information and Scholarship// Encyclopedia Brunoniana. -Brown University, 1993. - Web. 05 March 2010. - URL: http://www.brown.edu/Administration/News_Bureau/Databases/Encyclopedia/search.php?serial=I0050 .
386. Nakamura, Lisa. Digitizing Race: Visual Cultures of the Internet. Minneapolis:University of Minnesota Press, 2007.
387. Nelson, Ted. A File Structure for the Complex, the Changing, and the Intermediate// The New Media Reader. - Eds. Noah Wardrip-Fruin and Nick Montfort. -Cambridge MA: MIT Press, 2003. – p.133-145.
388. Nelson, Ted. Literary Machines. -Watertown MA: Eastgate Systems/Mindful Press, 1982.- 276 p.
389. Nelson, Ted. Project Xanadu. 16 May 2007. Web. 02 May 2010. – URL: <http://www.xanadu.com/>.
390. Nielsen, Jakob. Hypertext and Hypermedia. - San Diego, CA: Academic Press, 1990. -263 p.
391. Nielsen, Jakob. [Multimedia and Hypertext: The Internet and Beyond](#), 1995.
392. Ong, W.J. [Orality and Literacy: The Technologizing of the Word](#). - London, 1982.
393. Pfister, Manfred "How Postmodern Is Intertextuality?" In Intertextuality. Plett, Heinrich F. (ed.) Walter de Gruyter: Berlin, 1991.- P.207-224.
394. Pisarski, Mariusz. [Hypertext and intertextuality. Affinities and discordances//](#) Porównania, 8, 2011, vol. VIII. - p. 183-194.

395. Platteaux, Hervé. Hypertext Was Born Around 1200: A Historical Perspective on Textual Navigation// Understanding Multimedia Documents. - J.F. Rouet et al. (Eds.). - New York: Springer, 2008. – p. 203-222.
396. Plett, Heinrich F. “The Poetics of Quotation.” *Annales Universitatis Scientiarum Budapestinensis: Sectio Linguistica* 17,1986. – p. 293-313.
397. Plett, Heinrich F. “Intertextualities.” *Intertextuality*. Ed. Heinrich F. Plett. Berlin: Walter de Gruyter, 1991. - p. 3-29.
398. Rheingold, Howard. *Smart Mobs: The Next Social Revolution*. New York: Basic, 2003.
399. Riffaterre, Michael. *Syllepsis*// *Critical Inquiry*. 1980, 7. p.625-638.
400. Riffaterre, Michael. "Compulsory Reader Response: The Intertextual Drive." *Intertextuality*. Ed. Judith Still and Michael Worton. Manchester: Manchester UP, 1990. - P.56-78.
401. Riffaterre, Michael. "Intertextual Representation: On Mimesis as Interpretive Discourse," *Critical Inquiry* 11.1 1984. – p.141-162.
402. Riffaterre, Michael. “Intertextual Unconscious.” *Critical Inquiry* 13. 2, *The Trial(s) of Psychoanalysis* (Winter 1987) - p. 371-385
403. Rouet, Jean-François, Richard Lowe, and Wolfgang Schnotz. *Understanding Multimedia Documents: An Introduction// Understanding Multimedia Documents*. - J.F. Rouet et al. (Eds.). - New York: Springer, 2008. – p.1-16.
404. Selfe, Cynthia and Gail Hawisher. *Literate Lives in the Information Age: Narratives of Literacy from the United States*. Mahwah NJ: Lawrence Erlbaum, 2004.
405. Seyer, Philip. *Understanding Hypertext*. -New York: Windcrest Books, 1991. -263 p.
406. Shade, Leslie Regan. “Technological Determinism.” *The Encyclopedia of New Media: An Essential Reference to Communication and Technology*. Ed. Steve Jones. Thousand Oaks CA: SAGE Publications, 2002. 433-434.

407. Shirky, Clay. *Here Comes Everybody: The Power of Organizing Without Organizations*. New York: Penguin, 2009.
408. Still, Judith, and Michael Worton. *Intertextuality: Theories and Practice*. Manchester; New York: Manchester UP, 1990.- 208 p.
409. Street, Brian. *Literacy in Theory and Practice*. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.
410. Strhan, A. *Religious Language as Poetry: Heidegger's Challenge* / A. Strhan // *The Heythrop Journal*. – 2011 – Vol. 52 – P. 926–938
411. *The Seven Basic Plots: Why We Tell Stories* by Christopher Booker, Continuum International Publishing Group, 2005.
412. Thompson, Stith^[en] "The types of the folktale. — Helsinki, 1973.
413. Van Dam, Andries. *Hypertext '87 Keynote Address*. - Brown University Department of Computer Science. 23 Feb. 2010 - URL: http://www.cs.brown.edu/memex/HT_87_Keynote_Address.html.
414. Van Dam, Andries, Nicole Yankelovich, and Norman Meyrowitz. *Reading and Writing the Electronic Book*// *IEEE Computer* 18.10 . -1985. - p. 15-30.
415. Vygotsky L. S. *Thinking and speech. The collected works of Lev Vygotsky (Vol. 1)*. New York, NY: Plenum Press. 1934/1987 [[Google Scholar](#)]
416. Wardrip-Fruin, Noah. *Introduction: 'As We May Think.'* // *The New Media Reader*. Eds. Noah Wardrip-Fruin and Nick Montfort. -Cambridge MA: MIT Press, 2003. – p.35-36.
417. Watson J. B. *Psychology as the behaviorist views it*. *Psychological Review*, 1913, 20, 158–177. 10.1037/h0074428 [[CrossRef](#)] [[Google Scholar](#)]
418. Wenger, E. (2006). *Communities of practice: A brief introduction*. Available from: http://www.ewenger.com/theory/communities_of_practice_intro.htm

419. Worton, Michael. "Textuality: To InterTextuality or to Ressurect It." Cross-References: Modern French Theory and The Practice Of Criticism. Eds. Isabella Llasera and David Kelley. Leeds, UK: Society for French Society, 1986. -p. 14-23.
420. Wright, Alex. Glut: Mastering Information Through the Ages. - Washington, DC: Joseph Henry Press, 2007. – 294 p.

СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

421. 36 сюжетов Ж. Польти <http://www.kinocafe.ru/theory/?tid=51701>
422. БПС-Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко, СПб.: Прайм - ЕВРОЗНАК, 2003. - 672с.
423. БРЭ- Большая российская энциклопедия. – Режим доступа: <https://bigenc.ru/>
424. Васильева, Н. В. Краткий словарь лингвистических терминов Текст. / Н. В. Васильева, В. А. Виноградов, А. М. Шахнарович. М. : Русский язык, 1995.- 175 с.
425. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов [Электронный ресурс] / Т. В. Жеребило. – Режим доступа: http://lingvistics_dictionary.academic.ru/
426. КЭС - Книговедение: энциклопедический словарь. - М.:Наука, 1982. - 325 С.
427. КСКТ - Краткий словарь когнитивных терминов Текст. / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина ; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. — М. : Филол. фак-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996.-248 с.
428. ЛЭТП- Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А. Н. Николютин. М. : НПК «Интелвак», 2001. - 1600 с.
429. ЛЭС - Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – Москва : Большая Рос. энцикл., 2002. – 709 с.

430. Руднев В.П. Словарь культуры XX века: Ключевые понятия и тексты. -М.: Аграф, 1997. - 384 с.
431. Электронная энциклопедия «Кругосвет» Электронный ресурс. / гл. ред. А. В. Добровольский. — Режим доступа : <http://www.krugosvet.ru/articles202>
432. ЭСБЕ - Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона - URL: <https://slovar.cc/enc/brokhauz-efron2/>
433. ФЗТ - Фарҳанги забони тоҷикӣ. (словарь таджикского языка) в 2 т. / под ред. М. Ш. Шукурова, В. А. Капранова, Р. Хашима, Н. А. Масумӣ. – М.: Советская Энциклопедия, 1969. – 1 т.
434. Фозилов, М. Фарҳанги зарбулмасал, мақол ва афоризмҳои тоҷикию форс. / М.Фозилов. – Душанбе: Ирфон, 1975. – 582 с.
435. Фозилов, М. Фарҳанги ибораҳои рехта (фарҳанги фразеологӣ) / М.Фозилов. – Душанбе: Ирфон, 1964. –2 т.
436. Фозилов, М. Фарҳанги ибораҳои рехта (фарҳанги фразеологӣ) в 2 т. / М. Фозилов. – Душанбе, 1963. –1 т.

Источники иллюстративного материала

437. Абулқосим Фирдавсӣ. **Шоҳнома**. — Душанбе: Адиб», 2007. -480 сах.
438. Фирдоуси. Шахнаме. Том первый. От начала поэмы до сказания о Сохрабе. - Издание Подготовили Ц. Б. Бану, А.Лахути, А А. Стариков. – Москва: Издательство Академии Наук СССР, **1957**
439. Борхес Х. Л. Четыре цикла. – Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=4100&p=1>(дата обращения 23.12.2020)
440. Волос А.Г. Маскавская Мекка. – Режим доступа: <https://azbyka.ru/fiction/maskavskaya-mekka/> (дата обращения 13.02.2021)
441. [Галковский Д. Бесконечный тупик](https://mir-knig.com/read_241419-1) - Режим доступа: https://mir-knig.com/read_241419-1 (дата обращения 23.12.2020)

442. **КОММУНИКАЦИЯ В Интернете: Благо Или Зло?** Материалы межд. научно-практической конференции. 25–26 октября 2012 г. Отв. ред., сост.: Л.Ю. Щипицина, Архангельск, 2012, 66 р.
443. Кортасар Х. [Игра в классики](https://mir-knig.com/read_246912-1) - Режим доступа: https://mir-knig.com/read_246912-1 (дата обращения 23.12.2020)
444. Мухаммад аз-Захири ас-Самарканди. Синдбад-наме. – М.:Изд-во восточной литературы, 1960. - Режим доступа: <https://libcat.ru/knigi/starinnaya-literatura/drevnevostochnaya-literatura/37839-muhammad-as-samarkandi-sindbad-name.html#text> (дата обращения 13.12.2020)
445. Национальный корпус таджикского языка [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://tajik-corpus.org/> (дата обращения 24.12.2020)
446. Образец манускрипта - Режим доступа: <https://www.wdl.org/ru/item/221/> (дата обращения 13.10.2019)
447. Павич М. [Хазарский словарь](https://mir-knig.com/read_31526-1) - Режим доступа: https://mir-knig.com/read_31526-1 (дата обращения 10.10.2019)
448. Пелевин В. «Т» - Режим доступа: <https://proza.ru/2014/04/09/491>(дата обращения 23.11.2020)
449. Тысяча и одна ночь - Режим доступа: <http://skazka1001noch.ru/> (дата обращения 1.02.2019)
450. Ҳазору як шаб. Ҷ.1. Иборат аз 6 ҷилд. -Сталинобод: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1959- 648 с
451. Ҳазору як шаб. Ҷ.2. Иборат аз 6 ҷилд. -Сталинобод: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1961- 420 с.
452. Verses in Persian and Chaghatay – Режим доступа: <https://www.loc.gov/resource/amedscd.2019714581/?r=-1.321,-0.785,3.642,1.57,0> (дата обращения 14.09.2018)

Глоссарий терминов к диссертации

Авантекст (авант- «до; предшествующий (во времени или пространстве»). Син.: **Антетекст, предтекст, прототекст.**

1. Дополнение, помещенное в преамбулу текста, тип «файла» (рукописи, черновики, варианты, планы, сценарии и т. д.)

2. Вводный текст, объясняющий заголовок выпуска журнала, сборника и т. д., где представлены некоторые причины, аргументы, которые привели к созданию текста этого тома.

3. Элементы, которые способствовали созданию текста, обработаны в определенным образом и хранятся в интерпретирующей памяти, а также правила генерации текста. Тексты, на основе которых создаются рассказы, анекдоты и т. д., называют их первоисточником. Первичными источниками могут быть: запоминающиеся фрагменты текста, реалии и правила игры, игра персонажей, литературные сюжеты и персонажи, произведения, фильмы, цитаты из кинематографических произведений и др.

Автотекст (авто- "автоматический"). Опция или инструмент, который автоматически генерирует или «расширяет» фрагменты текста (слова, комбинации или предложения) (до 20 символов) после того, как написано всего несколько букв. Эта концепция тесно связана с концепцией повторения (имена лиц или учреждений, адреса, официальные формулы, договорные положения и т. Д.). Такая концепция может быть чрезвычайно полезной при исследовании интертекста и гипертекста в сети. Автотекст — это также текст, который генерируется сам по себе благодаря языкам программирования.

Алотекст (ало- «другой, другой»; текст другого). Термин, которым называется другой/чужой текст по сравнению с текстом отправителя.

Антетекст (анте- «перед», «впереди», «перед»). Синоним: **Авантекст.** Пояснительный текст, иногда аналитический, предшествующий литературному или научному произведению, в котором раскрывается план

статьи, даются пояснения, критические ссылки и т.д.; введение, вводное слово, предисловие, преамбула, предисловие, пролог, пролог, предисловие, предисловие, прелюдия.

Антитекст (анти- «против, против, против»). Синоним: нетекст, (а-текст). По словам Гадамера, форма речи, которая противостоит преобразованию в текст из-за преобладающего акцента. Антитекстами считаются те формы речевых действий, которые противостоят текстуальности: шутки и ирония, сопровождаемые жестами или интонацией, или общим пониманием, которого требует ирония. Антитекстом по сравнению с классическим текстом считается текст, отрицающий предыдущее искусство и вводящий в систему художественного слова новые условности как эквиваленты, например: кубизм, футуризм, супрематизм, контррельеф, фотомонтаж, коллаж и т. д. В известном смысле гипертекст, ликвидирующий текст, тоже является разновидностью антитекста.

Архетекст (архео- «старое, изначальное, изначальное, примитивное»). Текст рассматривается как аксиологическая модель (оригинал). Стандартные тексты: диалоги Платона, Библия, Дон Кихот де Сервантес и др. Аналогично понятию «предыдущий текст».

Архитектура (арх - «больше над ...; очень»). По мнению Женетта, текст по отношению к общему тексту того жанра, к которому он принадлежит. Проблемы классификации (литературных) текстов по жанрам напрямую касаются архитектуры.

Аудиотекст (аудио- «слух»). Синоним: **медиа́текст**. Текст, произносимый или записанный на воспринимаемом носителе.

Блог-текст (блог «журнал»). Текст блога, снабженный редактором (варианты форматирования - полужирный, курсив, подчеркивание, вставка списков, таблиц, изображений, внутренние и внешние ссылки, заголовки, оглавление и т. Д.), Сопровождаемые паратекстовыми опциями (комментарии, благодарности читателей, Интернет-пользователей).

Веб-текст (паутина "паутина"; аббр. всемирная паутина или www).
Синоним: Гипертекст, цифровой текст. Текст или набор связанных текстов (документов), образующих гипертекстовое представление. Веб-текст имеет следующие особенности, которые отсутствуют или смутно видны в печати: «разделение между устройствами хранения документов и устройствами представления, двоичный код, динамизм, логистика распределения, кинетика, универсальная маркировка, наложение документов и гипертекстуальность. В культуре печати текст обычно определяется как двумерная последовательность или иерархия. Цифровая текстуальность и ее подкласс, веб-текстуальность (веб-текстуальность), добавляют третье измерение: пространственную глубину. Может быть, даже четвертое измерение времени. По мнению исследователя М. Дальстрёма, концепция гипертекста восходит к лексическим корням концепции веб-текста. В русском языке термин «паутино-текст» («паутино-текст») встречается с аналогичным значением.

Видеотекст (видео- «изображение»). Синон.: телетекст. 1. Телевизионная система, в которой каждый абонент получает дома программу в соответствии со своими предпочтениями. 2. Динамический текст с видеопрезентацией. Его также называют визуальный текст.

Викитекст (wiki-, от гавайского wiki-wiki «быстрый» или «неформальный»). Текст или документ, отредактированный в Википедии (бесплатная энциклопедия) (см. Главу 3). Текущие и старые версии всех страниц викитекста хранятся в базе данных в виде динамического текста, постоянно редактируемого, сопровождаемого эпитекстом (комментарии, изменения, дополнения, иллюстрации и т. д.), статистикой и т. д. Такие тексты поддаются оценке в реальном времени, являясь объектом изучения вебометрии и альтметрии (проект предоставляет множество статистических данных, таких как количество обращений, авторов, изменений и т. д.). Викитексты - это наиболее выразительное воплощение демократии и свободы редактировать и писать в Интернете.

Ворд-текст (Word «слово, речь, термин, сообщение, язык»). Текст редактируется в Word. Microsoft Word — это текстовый процессор, входящий в группу Microsoft Office Word. Его первая версия датируется 1983 годом. Word — это программа для обработки текстов, которая отображается на экране в том виде, в каком она будет распечатана на бумаге. Возможности программы Word: создавать документы по шаблонам; установление формата символов с использованием разных стилей и размеров шрифтов; выделение символов путем подчеркивания и использования стилей жирным шрифтом, курсивом, подчеркиванием и т. д. ; проверка орфографии и грамматики, словарь синонимов и антонимов, лексика (на румынском, английском и др.), автоматическая коррекция; добавление подписей к иллюстрациям, пояснительных примечаний, сносок и концевых сносок, создание оглавления, указателей и рефератов, дизайн страницы, вставка таблиц, графиков, изображений, интеграция данных Word с данными из других приложений Windows, использование электронной почты для совместной работы над документами и обмена информацией , преобразование документов в веб-страницы (формат HTML) и т. д. - возможности, которые постепенно расширяются.

Генотекст (гено- «происхождение»). По словам Юлии Кристевой, генотекст выражает процесс и представляет уровень, на котором текст мыслится, трансформируется, производится, генерируется, что в порядке противопоставления компетентности/исполнения (Ноам Хомский) соответствует исполнению. Генотекс представляет собой абстрактный уровень языкового функционирования, который предшествует фрагментарным структурам, предшествует любому определению и противостоит любому завершённому структурному форманту. Даже будучи обнаруженным в языке, генотекст не может быть описан лингвистикой (структурной или генеративной). Единственная подходящая методология исследования - семанализ (семиотический анализ). Очевидно, что исследовательский подход Юлии Кристевой ориентирован, в первую очередь,

на понимание концепции генотекста, который определяется как глубинный пласт языка, как уровень текста, находящийся вне языковых структур языка, как неструктурированная семантическая множественность, в что нет субъективности или намерения общаться. Короче говоря, генотекст служит фундаментом на доглотическом / проязычном уровне; над ним (на следующем уровне) находится то, что мы называем фенотекстом. Генотекст является нелинейным. Несмотря на то, что большинство текстов, с которыми мы имеем дело, являются воплощениями фенотекста, Ю.Кристева отдает привилегированный статус авангардной поэзии, поскольку считает, что их литературные произведения смогли выразить бесконечный процесс смысла, другими словами, они открывают доступ к семиотическому «хору», изменяющему языковые структуры. Подобно термину фенотекст, генотекст оказал сильное влияние на разработку текста и теорию письма.

Гипертекст 1(гипер- «над, над; над»). В области гуманитарных наук этот термин принадлежит Ж. Женетту: «Я называю гипертекстом любой текст, полученный из предыдущего текста путем простого преобразования (обработки) или косвенного преобразования (имитации)» [206, с. 22]). Термин на момент своего появления относился исключительно к области гуманитарных наук, обозначая отношения, которые объединяют текст В (гипертекст) с предыдущим текстом А (гипотекстом), к которому он привит иным образом, чем комментарий (метатекст). Следовательно, гипертекстуальность - это отношение получения гипертекста из гипотекста; то есть имитация и трансформация, стилизация, пародия, комические герои, транспозиция и т. д..

Гипертекст 2(гипер- «над, над; над»). **Синон:**. кибертекст, супертекст, электронный текст ... Термин в области информатики, введенный в схему Тедом Нельсоном в 1965 году для обозначения разветвленного текста. Самый известный и наиболее наглядный пример гипертекста - это веб-страницы в документах HTML (язык гипертекстовой разметки) в Интернете. Следовательно, гипертекст — это текст, отображаемый на компьютере или

другом электронном устройстве, снабженный ссылками (гиперссылками) с другими текстами, к которым читатель может получить доступ немедленно, обычно щелчком мыши или нажатием клавиши. Термин гипертекст появился практически одновременно с термином интертекстуальность Юлии Кристевой (1967). Под гипертекстом подразумевается документ: файл, созданный редактором, обработчиком и т. д., который содержит, помимо текста (классическое содержимое документа), графику, изображения, анимацию, аудиозаписи, ссылки на другие тексты (гиперссылки). Гипертекст можно было назвать без оговорок и технотекстом. (Главы 2; 4 данной диссертации посвящены гипертексту.)

Гипотекст (гипо- «меньше, ниже, ниже, ниже»). Представляет предыдущий текст, исходный текст, то есть тот, который цитируется или имитируется, в отличие от гипертекста (сгенерированного текста), который цитирует или имитирует. Отношения между гипотекстом и гипертекстом - это связь двух или даже более интертекстуальностей, становящаяся на уровне интерпретации текста производящей (активное) значение. В генетическом смысле гипотекст - это цитируемый или имитируемый текст, а гипертекст - это текст, который цитирует или имитирует.

Дигитекст (digi [t] - «цифровой», онлайн, виртуальный). **Синон.: Электронный текст, гипертекст, веб-текст.** Текст «доступен для записи, работоспособен и доступен только в цифровой среде, не конвертируется в бумажную основу».

Иконотекст (икона- «иконка, изображение»). Графемы или вырезки из текстовой массы; визуальная организация текста, состоящая в семиотической эксплуатации изображения, иконического кода. В онлайн-пространстве появилось много новых «знаков»: иконок, необходимых для навигации, смайлы, логотипы с инициалами от названия бренда, компании, компьютерной системы и т. д. Например, буква F символически отождествляется с названием Facebook, T - с Twitter, W - с Интернетом, а также является элементами автотекста. Например, если вы просто выберете эту

букву в качестве параметра поиска Google, вы сразу же создадите обозначенные вами слова.

Интертекст (интер- "между"). В широком смысле его можно интерпретировать как взаимосвязь каждого текста с другими текстами, которые он впитывает и трансформирует в единую литературную культуру в целом. В узком смысле интертекстуальность предполагает «присутствие эффективности одного текста в другом» (Ж. Женетт). Поскольку, по словам Р. Барта, «любой текст является интертекстом», мы можем сделать вывод, что интертекст, в свою очередь, может быть интерпретирован как любой другой тип текста, поскольку он относится не только к текстам художественной литературы, но также и к текстам, представляющие любой другой функциональный стиль языка. Текст «представляет собой перестановку текстов, интертекстуальность: в пространстве текста пересекаются и нейтрализуются несколько высказываний, взятых из других текстов». Рассмотрены формы интертекстуальности в узком смысле: цитата, аллюзия, референция, плагиат, клише. Только процесс создания, производства - энергия - превращает текст в интертекст. Исследователи часто путают интертекстуальность с гипертекстуальностью, предполагая, что последняя ассимилирует первую. (Глава 1 статьи посвящена интертексту.)

Интекст (in- «не-» - составной элемент с отрицательным и привативным значением). Имея значение, отличное от значения, обозначенного соответствующим префиксом, рассматриваемый термин используется со значением предлога или прототипа, относящегося в основном к афоризмам: «Предыдущие интексты - это афоризмы, которые являются частью культурного супертекста определенного языка. Заключение в художественные тексты произведения, они влияют на его глобальное значение и могут создавать трудности при переводе».

Инtrateкст (внутри- "внутри, между"). Термин, обозначающий основной текст в широком смысле. Для цифрового пространства обозначает единицу, которая соединяется с другими единицами, которая больше не

обозначает слово, а ссылку в том смысле, что ключевое слово полезно только в том случае, если оно ведет к ключевому отрывку (словам, фразам, предложениям, абзацам и т. Д.). Слово шлет само себе. Проект (онлайн-библиотека) с одноименным названием послужил нам опорой в исследовании румынских текстов с библейскими темами во внутригипертекстовом формате (то есть с внутритекстовыми ссылками, только внутри самого текста, без ссылок на другие документы, вне текста). Поскольку гипертекст в основном внутритекстовый, со ссылками внутри текста, именно поэтому мы проиллюстрировали эту концепцию через Википедию, которые максимизируют мощность и количество гиперссылок в электронном тексте (соответственно энциклопедическом).

Инфратекст (В библиографических обозначениях) Текст примечаний, ссылок и т. д. используется на языке научных текстов (только с указанием *ниже*).

Квазитекст (квази- «приблизительно»). Носители бессознательно ассоциируют фонемы иностранного текста с фонемами своего языка. Из-за этого текст кажется слушателю набором квазислов, состоящих из букв известного ему языка. Квазитекст - это оригинал иностранного текста, представленный в транскрипции. Он используется для перевода стихов, чтобы получить идиостиль, похожий на оригинал. Он находится в новых формулах в виртуальном пространстве.

Кибертекст (кибер- «руководство, привязка, команды»). **Синон.: Цифровой текст, гипертекст, электронный текст, веб-текст.** Этот термин происходит от слова кибернетика, введенного Норбертом Винером (1948) в его книге «Кибернетика, или управление и коммуникация у животных и машин», и относится к регулированию и связыванию систем в области статической механики, технологии и системы в мире живых организмов. Разница между традиционным текстом и кибертекстом - как между романом, который читается линейно, и игрой, в которой принимаются специальные решения. В опубликованном романе у читателя нет выбора, сюжет и

персонажи выбираются автором, нет «пользователя», есть только один «читатель», который не является активным участником [241]. В отличие от печатного текста, кибертекст заставляет пользователя стать активным соучастником в его создании. Кибертекст - это взгляд на все формы текстуальности, способ расширить сферу литературных исследований, чтобы включить в него явления, которые сегодня воспринимаются как внешние, второстепенные. в области литературы или даже в оппозиции к ней. Для виртуальной, эргодической, цифровой литературы киберпространство - это место, где литература нового поколения уже разрабатывает свои методы и способы чтения, письма и интерпретации. Исследователи обсуждают пространственные тексты с тремя или более измерениями, наложенные друг на друга или «тисненые», которые, безусловно, являются текстами будущего [485]. Каждый кибертекст может быть только гипертекстом, соответственно более или менее плотной сетью ссылок, к которой добавлен весь спектр возможностей гипермедиа, в то же время составной частью сети.

Контекст (кон- «с, вместе с»). Синонимы: **Генотекст, экстратекст.**

1. Согласно Э. Косериу: «Вся реальность, окружающая знак, словесный акт или речь, как «наука» собеседников, как присутствие и как деятельность, составляет контекст речи» [38]. Косериу различает три типа контекстов: идиоматический, вербальный и экстравербальный. Идиоматический контекст - это сам язык, но язык как фон (Косериу говорит: «фон») речи, определенная часть которого проявляется в акте речи, часть, которая «означает (имеет значение) по отношению к всему языку, вся «наука» Идиоматика говорящих (языковая компетенция, фундаментальное понятие в обучении языку). Вербальный контекст представляет не только то, что было сказано ранее, как полагал Ч. Балли, но и то, что будет сказано отныне в той же речи. Экстравербальный контекст включает в себя все неязыковые обстоятельства, в которых совершаются речевые факты, с шестью подтипами: физический контекст; естественный контекст; эмпирический контекст; случайный контекст; исторический контекст; конус культурный текст.

2. Фрагмент заключенного текста (письменный или устный), общий смысл которого позволяет понять значение определенных слов, словосочетаний и т. д., которые являются частью его структуры. Этот факт представляет собой условие конкретного употребления речевых единиц, т. е. контекста, речевой ситуации. В более широком смысле контекст — это сама среда, в которой существует объект. Текст немислим без контекста, как и контекст без текста. М. Риффатер еще в 1960-е гг. считал стилистический контекст механизмом кодификации и расшифровкой поэтического текста, и М. Бахтин в рамках диалогической теории отмечал, что каждое слово имеет «запах» контекста и контекстов, в которых он жил. В исследованиях 1970-х годов концепция интертекста, получившая привилегированный статус благодаря Юлии Кристевой и Роланду Барту, стала считаться синонимом контекста. Другими словами, контекст (особенно макроконтекст) будет одним из фундаментальных понятий теории текста, контекстуализация текста.

Контратекст (contra- «против»). Синон.: **антитекст, метатекст**. Текст, который выступает против другого текста, его автор намеревается продвигать точку зрения, которая борется с идеями в тексте, на который он ссылается. В том же смысле идея «встречного текста», также называемого контр-текстом, включает в себя следующие виды: перевод, оценка, переформулировка (перефразирование), ориентация, мнение, предположение, обобщение, утверждение, вывод, фиксация, ассоциация, интертекст, свободный ответ, прогноз, визуализация). «Контртекст - это все, что возникает в нашем сознании в результате понимания сделанного заявления. Оно включает не только то, что прямо сказано, но и то, что подразумевается, косвенно, включая различные типы ассоциаций».

Копитекст (копия «копировать»)

1. Текст, скопированный писцами со времен средневековья (копия текста, рукопись).

2. Текст, вставленный методом копирования-вставки и используемый в другом тексте (документе) или в том же тексте (он может иметь разные

размеры, от буквы до большого текста). Этот метод получил широкое распространение в Интернете, порождая и распространяя явления плагиата. Отметим, что все типы текстов в веб-пространстве также поддерживают копирование текста. Их определяет то, что все они могут быть размножены, удалены или скопированы полностью, мгновенно и помещены в другое место в виртуальном пространстве, в других текстах и т. п.

Ко-текст (со- «вместе с»). Термин, противоположный контексту, как непосредственная текстовая среда дискурсивной единицы, противопоставляется ее нетекстуальной среде. Согласно Кербрату-Ореккиони [208], котекст - это семиотический материал, который предшествует анализируемой последовательности и следует за ней в пределах одного и того же макроблока (макротекст).

Ксенотекст (ксено- «пришелец, паразит; хозяин, гость»). Текст считается иностранным, незнакомым, который читается и пишется не в соответствии с читательской манерой. В некотором смысле все тексты являются своего рода ксенотекстами, потому что они питаются другими текстами и, в то же время, Текстом Мира, но также, в свою очередь, питают другие тексты. Ксенотексты пишутся и читаются иначе, чем в определенной традиции. Таким образом, в отличие от европейских языков, где он пишется и читается слева направо, на иврите и арабском он пишется и читается справа налево. Он написан сверху вниз на китайском и японском языках. Фонетика «иностранного языка» отличается сочетаниями букв, вдохов, пауз, интонаций, вступлений. Кроме того, сумма различий не должна превышать 15%, чтобы говорящий понял, что язык, который он слышит, ему чужой.

Макротекст (макрос - «большой, очень большой»). антоним: микротекст. 1. Текст в самом широком смысле. Он может иметь два уровня организации, которые составляют два различных объекта лингвистики текста: а) произведение в целом; б) суперфрастический блок (параграф). 2. Макротекстом считается совокупность текстов или корпус текстов

конкретного автора, имеющий единое эстетико-философское содержание. Гипертекст в самом широком смысле - это макротекст.

Макситекст (макси- «очень большой»). Синоним: Макротекст, мегатекст. По словам А. Корбута, с текстиметрической точки зрения это текст, состоящий из более чем 3000 слов. Maxitext характеризуется сложнейшей семантической и синтаксической структурой и рематематической сегментацией (разделением) (главы, части, абзацы и т. Д.). Гипертекст в самом широком смысле — это макситекст. В категорию макситекстов входят рассказ, роман, монография и т. п.

Мегатекст (мега- «очень большой»). Синон .: супертекст. Совокупность текстов, которые могут быть восприняты и исследованы как дискурсивное целое, пересеченное общими темами, лейтмотивами, архетипами, символами, ключевыми словами, стилистическими процедурами, например: мегатекст немецкого романтизма; мегатекст интеллектуала в румынской литературе и т. д. Другими словами, мегатекст - это тематическая или историческая категория. Megatext - это текст во всем объеме и объеме, «в бесконечном становлении и письме в глазах читателя», «выбранный» им незаметно, из нескольких сетей и, следовательно, всегда читается фрагментарно, всегда с пробелами. А знания, по мнению Э. Косериу, всегда частичны. Гипертекст в самом широком смысле - мегатекст.

Медиатекст (медиа - «письменная и аудиовизуальная пресса»). Текст используется в трех основных областях: журналистика, реклама и PR. Медиатексты различаются по типу канала коммуникации (печать, радио и телевидение, сеть), функциональным и гендерным критериям, композиционным и прагматическим характеристикам. Аудиотекст, радиотекст, телетекст, видеотекст, электронный текст и т. Д. являются разновидностями медиатекстов [468].

Метатекст (мета- «после, за пределами; до; изменение, транспозиция»). В типологии Женетта это «текст о тексте», результат сложного, глубокого анализа текста с применением критического подхода, гипотезы о тексте [64].

В гуманитарных науках в настоящее время существует две основных интерпретации метатекста: первая семиотически интерпретирует метатекст как код (ориентация разработана особенно в лингвистическом постструктурализме, а вторая основана на «металингвистической» теории М. Бахтина, основанной на диалогизме. Метатекст - это текст, который интерпретирует другой текст в отношениях оперы и читателя с точки зрения верности структурам. Иллюстрацию интерпретацию можно поставить, по Роговице, на высшую степень максимальной адекватности, на низшей ступени должно располагаться произвольное чтение (по желанию), а в середине - стандартное показание. Мы считаем, что эти координаты заслуживают рассмотрения в теории гипертекста, которая резко смещает акцент с глубокого чтения на поверхностное чтение и интерпретацию.

Микротекст (микро- «маленький, маленький»). 1. Узкий текст или мелкий текст - синтаксическая, семантическая и прагматическая единица, превосходящая предложение, которая может быть сегментирована на более мелкие единицы. По мнению круга. А. Корбут, микротекст (один из четырех типов текстов, классифицируемых по физическому объему) состоит из 2-20 слов [398]. Ссылаясь на один из видов микротекстов - хайку, Р. Барт называет их выражениями «языковой ограниченности». Микротексты - это сжатые тексты, они имеют простую синтаксическую структуру, с одним уровнем правил, с фактическим или концептуальным информационным содержанием. 2. Любой фрагмент литературного произведения, который можно рассматривать как единое целое. заключил. 3. Текст переменного размера, который можно определить с помощью лупы. 4. Приложение для чтения текстовых файлов прямо с мобильного телефона. 5. Особый оттиск, который невозможно воспроизвести путем копирования, невидимый невооруженным глазом, «спрятанный» в другой печатной продукции, обычно используемый в качестве средства защиты (микрочасть). Например, если роман состоит только из SMS, он может рассматриваться как микротекст, так и минитекст и макситекст, в зависимости от количества используемых знаков. Такой текст,

как «Răcală și Tândaală» Ч. Негруци, сотканный из пословиц, можно интерпретировать как макротекст, составленный из микротекстов. Микротекстом может быть любой гипертекст в узком смысле (текст, ссылка, гипертекст).

Мидитекст (midi- "достигает середины между mini- и maxi-"). По словам того же А. Корбута, мидитекст состоит из 600–3000 слов. Текст этого типа имеет сложную синтаксическую структуру. Сегментация по абзацам характерна для рассказов, публицистических статей, поэтических видов среднего размера [398].

Минитекст (мини- «маленький»). Небольшой текст (разумного размера, чтобы его можно было легко запомнить и воспроизвести говорящим), который выражает отдельную идею, с большой смысловой нагрузкой (пословицы, поговорки, крылатые слова, миниатюры в прозе, поэтические тексты в целом, в которых добавляет все, что можно считать «повторной речью» и т. д.). В типологии, разработанной исследователем А. Корбутом, мини-текст должен состоять из 20-600 слов. Он имеет структуру на двух синтаксических уровнях: предложение - сверхфрастическая единица. Выступающие чаще всего воспроизводят микро- и минитексты, могут перефразировать промежуточные тексты, но не могут воспроизводить макситексты (устно), потому что кратковременная (непосредственная) память не может быть загружена более чем 669 словами. Примерно 700 слов, текст быстро «уходит в небытие» (У. Эко), что является чрезвычайно важным аспектом, особенно для дидактического измерения текста. В составе макротекста, например, переписки, письмо также можно рассматривать как мини-текст [448]. Точно так же в онлайн-пространстве электронную почту можно рассматривать как мини-текст по сравнению с макротекстом электронной переписки.

Мнемотекст (мнемо- «память»). Понятие относится к тексту, хранящемуся в памяти читателя / говорящего, в виде воспоминаний, «следов» (Дж. Деррида). По мнению некоторых экспертов, мнемотекст состоит из (а) намеков, (б) цитат, (в) эллипсов и (г) перечислений [286]. Воспоминания не

следуют линейной логике, они хаотичны, но все же определяются контекстами реального общения. Человеческое мышление мнемоническое, ассоциативное, парадигматическое, оно выбирает по горизонтали. В виртуальной среде функции мнемотекста выполняют программы, оснащенные функцией мгновенного копирования текста и временного хранения в длинной или длинной памяти. кратковременная работа компьютера, невидимая до момента вставки в новый документ, файл, папку и т. д., когда воспроизведенный текст снова становится видимым и работоспособным (техника копипаста).

Нанотекст (нано- "карлик, на мощности 10⁻⁹"). 1. Текст бесконечно малых размеров (например, голограммы на банкнотах). 2. Текст исследуется внутри мельчайших составляющих его знаков (буквы). Одним из предшественников нанолингвистического исследования считается Велимир Хлебников с эссе «Наш фонд», в котором автор попытался проанализировать значение графем (Хлебников 2003). Наносемантическим изучением компонентов текста занимается и грузинский исследователь Дж. Вардзелашвили

Нетекст. Синоним: Антитекст. Гетерогенный набор утверждений с прерывистой, непонятной структурой поверхности. (Тексты, которые ничего не передают, не являются текстами, - говорят Богранд и Дресслер во введении в лингвистику текста [245].) В настоящее время решается вопрос о том, является ли гипертекст (или, по крайней мере, некоторые из гипертекстов, автоматически генерируемых компьютерными системами) пост-текстом, а не гипотекстом (предыдущий текст, не электронный), антитекстом, антиинтертекстом. обсуждается все больше и больше, поскольку это меняет парадигму чтения-письма. Можно с уверенностью сказать, что в нем сосуществуют элементы нескольких типов текстов с совершенно разными (разнородными) характеристиками.

Онтект (онто- «бытие, бытие»). Синоним: Генотекст. По словам Барта, Текст Мира, место производства значений, текст, который нельзя вписать или записать. Он начинает существовать только тогда, когда его создают те, кто

его производит - автор и читатель. Перед онтекстом все говорящие равны, нет ни иерархии, ни привилегий - он их всех удаляет. Он находится одновременно в прошлом и в будущем и поэтому избегает описания и фиксации в категориях линейной темпоральности.

Пазл-текст (пазл - «игра, состоящая из соединения вырезанных частей для воссоздания целого; смешение (разнородных) элементов»). Фрагментацию гипертекста можно сравнить с головоломкой, к тому же она динамична и бесконечна.

Палим(п)текст (palim (p); Синоним .: интертекст. Термин образован по аналогии и вдохновлен антологическим названием Palimpsestes ... [206]. Новый папирус - не что иное, как «палимтекст». Исследователь и блогер, увлеченный гипертекстом, в эссе «Le palimptexte» считает неологизм абсолютно необходимым, он обозначает реальность, не существующую до сих пор [212], имея в виду возможность мгновенного удаления текста. Печатный текст не имеет такого качества, которое принципиально отличается в процессе генерации. Стирание текста - сложная технология, пришедшая на смену старой технике ластика. Всю литературу (румынскую) можно рассматривать как обширный палимпсест [22].

Пантекст (элемент рап-композиции, означающий «все», «целое»). Синоним: печатать. Виртуальное общение, реализуемое в Интернет-пространстве, носит «пантекстовый характер».

Паратекст (пара- «снаружи, рядом»). По мнению Ж. Женетта, паратекст состоит из перитекста.(элементы внутри и вокруг книги [в пространстве]) и эпитекст (элементы, расположенные на расстоянии от книги [в пространстве]).

Перитекст (пери- "вокруг, вокруг; сверху, снаружи, в промежутке между"). Паратекст внутри книги. Эпитекст ограничивается перитекстом, помещается в непосредственной близости от текста (на периферии) или даже включается в него. Перитекст может относиться к редактору или автору (примеры: формат, серия, сборник, обложка, титульный лист, шрифт, настоящее имя / псевдоним, заголовок / подзаголовок / интертитры, жанр,

посвящение, предисловие, послесловие, ссылки, указатели, содержание, примечания и т. д.). Настоящая визитная карточка самого текста, в век Интернета перитекст становится незаменимым в деятельности поисковых систем (например, Google). Peritext имеет четкую видимость и полезность в электронной вселенной знаков

Полутекст (полу- «знак; знак, сигнал»). Текст трактуется как семиотическая система (знаков). В онлайн-пространстве полутекст отождествляется с гипертекстом, который является мультимедийным. Журнал (-ы) Semiotext вставляет тексты известных авторов, таких как: Жан Бодрийяр, Мишель Фуко, Жиль Делёз, Феликс Гваттари, Джулия Кристева, Жан-Люк Хенниг и т. Д.

Пост-текст (post- «после, после»). Этот термин засвидетельствован особенно в области музыкального искусства, в котором контексты будут отражать музыкальные реалии, которые повлияли на композитора и которые повлияли на его художественное мышление. Подтексты - это те, которые можно заметить в основной части авторской музыки, на них повлияли работы других авторов; а посттексты - это последующие тексты, несущие на себе печать авторской музыки через реальное влияние, которое она оказала на эволюцию музыкального искусства.

Претекст (пред- "перед", лат. Претекст). Синон.: авантекст, антетекст, прототекст, архетекст. 1. Причина (необоснованная или ложная), использованная в качестве оправдания действия или уклонения от реальной причины. 2. Предлоги - это тексты, которые мы интерпретируем, принимая во внимание аспекты, которые они не выражают и не подразумевают неявно: то, что скрыто, - это простое предположение, за которым скрывается истинный смысл. Предлоги (маска, искажение коммуникации) активно участвуют в формировании общественного мнения, идеологии, политики, поскольку язык является наиболее активным и мощным инструментом воздействия на массы [(пра-текст]. 3. (В предтекстовой версии; рус. Предтекст). Журнальные заметки, научно-популярные, подготовившие почву для художественной

литературы, черновики, альбомные заметки, бахрома, прочно привязанные к реальности.

Прототекст (прото- "первый; в порядке важности; доисторический, очень старый", рус. Пратекст). Синон .: архетекст, предлог, онтекст. 1. Первичный текст, оригинальный по отношению к его трансформациям и интерпретациям - «вторичный текст» (метатекст). Прототекстом единодушно считается древняя Библия. В более широком, онтологическом смысле герменевтика - это наука, которая преобразовала исходный библейский текст во множество метатекстов. В художественном творчестве Прототекст представляет собой первичный импульс, творческую энергию, которая связывает художника с основанием реальности, онтикой. 2. В более узком смысле рекламный текст считается формой прототипа .

Псевдотекст (псевдо- «ложный, (по-видимому) похожий, предполагаемый»). 1. После Х. Гадамер, форма коммуникации, которая отвергает фрейминг как текст, который противостоит текстуальности, характеризуясь захватом элементов, не связанных с передачей смысла. Другими словами, языковой компонент лишен смысла. Это явление встречается, особенно в случае переводов [336]. 2. Текст, составленный для дидактических целей или намеренно измененный, чтобы продемонстрировать определенные качества, присущие «истинному» тексту. 3. Набор бессмысленных фраз, включенных в текстовый код с целью усложнения декодирования. Для русского языка классический пример: «Глокая куздра штеко будланула бокра и кудрячит бокрѣнка» (Л. Эцерба).

Радиотекст (радиоэлемент композиции со значением: «(имеется в виду) электромагнитные волны и их приложения», «радио», «радио», «радиотелеграфия»). Идея радиотекста как гипертекста нова: радиодискурс, будучи нелинейным, многоуровневым, «полигенистическим», представляет собой со структурной точки зрения систему гипертекстов. Структурными единицами радиотекста являются: выступления участников радиопрограмм, онлайн-версии радиопрограмм, электронные сообщения, слоганы, названия

радиостанций, комментарии радиослушателей и радиоблоги, а также различные информационные и рекламные вставки в новости трансляции. : новости, реклама, прогноз погоды, астрологический прогноз, информация о курсах валют и т. д.

СМС-текст (sms / SMS - абр. «Служба коротких сообщений»). Текст (обычно небольшой), состоящий из сообщений, отправленных с вашего мобильного телефона, Интернета или другие системы мобильной связи. Дэвид Кристал (самый известный специалист по языку Интернета) в своей книге Txtng: the Gr8 Db8 (Текстовые сообщения: Великие дебаты) [258] утверждает, что текстовые сообщения SMS не окажут пагубного воздействия на язык. Основываясь на результатах исследований и экспериментов, он опроверг распространенное мнение о том, что аббревиатуры и сленг, используемые «поколением посланников», приведут к беспрецедентной неграмотности и языковому загрязнению. Сочетание значков (смайликов), логотипов, аббревиатур, символов и каламбуров только развивает язык. Д. Кристал опирается на следующие аргументы в поддержку своей точки зрения, которую мы поддерживаем и приводим на примере изучения альтернативного написания: менее 10% слов сокращены в таких сообщениях; аббревиатура не является новым языком, поскольку это явление часто практикуется в письменной форме с момента ее появления; SMS-текстами пользуются и дети, и взрослые; учащиеся время от времени используют в своей работе SMS-аббревиатуры; людям нужно уметь правильно писать, прежде чем они смогут отправить SMS-текст; отправка сообщений повышает грамотность, поскольку дает больше возможностей участвовать в эволюции языка посредством чтения и письма.

Спатиотекст (spatio "пробел, местоположение"). Синоним: Кибертекст, гипертекст. Виртуальный текст с несколькими размерами (3D ...). Термин также относится к пространственным координатам гипертекстов: они регистрируются, сокращаются, в адресе гиперссылки, доступ к которой мгновенно отправляет пользователя к искомому электронному тексту.

Стереотекст (стерео- «твердый, тисненый, объемный»). Наряду с другими концепциями, такими как стереомузыка или стереопленка, стереопоии и стереотипы, стереотекст представляет собой смесь разных языков для более целостного, более рельефного, многослойного восприятия изображения или идеи. Языки мира различаются по структуре, метрике, тональности, музыкальности и т. Д. Перевод стремится устранить эти различия, в то время как стереотекст подчеркивает их, накладывая их друг на друга, и этот эффект возникает в сознании читателя - двуязычного или многоязычного - при параллельном чтении одного и того же текста в оригинале и в переводе или в переводе автора. сам. Стереотекстуальность - это будущее литературы и коммуникации. ii межчеловеческий, когда языки не будут разграничивать или различать, но будут дополнять друг друга. В настоящее время человечество находится в той фазе, когда многоязычие часто порождает эклектичные, неестественные и даже гротескные языки. С течением времени (более продолжительное время истории) комический эффект исчезнет, и человек будет думать на нескольких языках одновременно, что будет активно взаимодействовать и создавать новые стили в культуре глобализма. Стереотекстуальность будет скорее нормой, чем исключением. Возникнут новые дисциплины, такие как стереопоэтика, стереоэстетика, стереофилософия и т. п.

Стретч-текст (stretch- «который растягивается, расширяется, расширяется»). Тип гипертекста, который не получил массового распространения, например www, но который дает пользователю больше контроля при установке уровня детализации (иерархии) текста (текущий узел заменяется новым узлом). По мнению Г. Ландоу, термин был придуман Тедом Нельсоном в 1967 году. В концептуальном плане растянутый текст аналогичен гипертексту, каким он является сегодня, когда ссылка дает описательное или исчерпывающее объяснение чего-либо, но между ссылкой и фрагментом есть большая разница. stretchtext: ссылка полностью заменяет текущий фрагмент гипертекста на место назначения, в то время как stretchtext расширяет или

сжимает содержимое в том же месте, а гипертекст остается в качестве контекста.

Подтекст (подтекст «композиционный элемент, выражающий идею подчиненности, неполноценности»). Синон.: контекст. 1. Психологический субстрат и идеи, подсказанные текстом. 2. Фрагмент полного текста (научного), отражающий в нем определенные аспекты познавательной ситуации: онтологические, методологические, аксиологические, рефлексивные или коммуникативные .

Супертекст (суперэлемент композиции, означающий «над», «над», «очень»). Синоним: Супратекст, интертекст, гипертекст.

Супратекст (над- «сверху, над»). Синоним: Гипертекст, мегатекст, юнитекст, супертекст. А. Лосаков считает, что тема супертекста была инициирована В. Топоровым в связи с петербургским текстом («сверхтекст»). Расширяя его смысл, супертекст охватывает все тематически связанные тексты. М. Эпштейн называет понятие «надтекст», считая, что оно включает в себя все тексты, в которых встречаются фрагменты произведения (от слова до группы высказываний). Например, супертекстами в стихотворении А.С. Пушкина «Я помню чудное мгновенье» были бы: 1. Все тексты, в которых встречаются определенные стихи или фрагменты данного стихотворения, например: «слезы, и любовь». 2. Все тексты, содержащие имена «Анна Керн» и «Александр Пушкин». 3. Все тексты написаны на русском языке в 1825 году (дата как надтекстовая единица). 4. Все тексты, написанные Пушкиным в Михайловском (местность как надтекстовая единица). 5. Все тексты, в которых пробуждается любовь и т. д. 6. Все тексты, в которых вызывается память и т. д. Таким образом, один и тот же текст может иметь множество супертекстов (набор семиотических множеств) в зависимости от определяющих его элементов (это может быть комбинация, выражение, метафора, имя автора, имя персонажа, место действия и др.) Другие авторы ограничивают его значение, включая только ограниченные по времени и

локальные тексты (призывы, лозунги, листовки, предвыборные агитационные материалы, реклама мобильных телефонов, анекдоты и т. д.).

Технотекст (техно- «технический», «относящийся к технике»). Гипертекст может быть назван из-за его технической составляющей - технотекстом, как назвал его Самуэль Арчибальд в своем исследовании

Телетекст (теле- «далеко-далеко; телевидение»). Синоним: Видеотекст.
1. Система дистанционного управления передачей и отображением на экране телевизора страниц с различной информацией в виде текста и простой графики [DEX online]. 2. Телекоммуникационный метод, который позволяет отображение текстов / изображений на экране телевизора, начиная с телевизионного сигнала или телефонной линии.

Тотекст (to [tal] - «полная (речь)»). Синоним: Пантекст. Полный текст. Термин, введенный в научную схему Жаком Коснье в его исследованиях, посвященных коммуникации и языку жестов (паравербальный). Гипертекст с его вербальными и паравербальными средствами (смайликами, пиктограммами) также может считаться тотекстом. Тотекст представляет собой, с одной стороны, устный вербальный текст, а с другой стороны, невербальный «текст» (жестовые, миметические, кинестетические элементы и т. д., топрождающие речь. Нельзя путать с «тоталитарным» текстом, даже если анализировать и такой аспект (например, политического дискурса).

Транстекст (транс- «за пределами, над, через»). В генетической теории это текст, который «(представляет) интерес (только) в своей текстовой трансцендентности, то есть во всем, что его в связи, открыто или тайно, с другими текстами». Теоретик выделяет в более широких рамках транстекстуальности пять механизмов: интертекстуальность, метатекстуальность, паратекстуальность, архитектстуальность, гипертекстуальность [64], каждый со своим фундаментальным единством: интертекст, метатекст, паратекст, архитектор, гипертекст. У последнего - гипертекста - есть идеальный корреспондент, который полностью проявляется в онлайн-пространстве: гипертекст.

Унитекст (uni- «один, уникальный»). М. Эпштейн предлагает называть унитекст универсальным текстом человечества. С впечатляющим развитием Интернета, в виртуальной среде которого динамически движется вся текстовая семиотика, универсальный текст становится видимым и «реальным». Унитекст в то же время, универсален и уникален, включая тексты, написанные на всех языках мира (проекты типа Википедии демонстрируют такую возможность), которые могут быть переведены автоматически и мгновенно (даже если на данный момент приблизительно)

Фенотекст (фено- «появление, возвращение»). Он является частью антиномической пары фенотекст-генотекст, установленной Юлией Кристевой в работе «*Séméiotikè*» [209], а затем теоретически обоснованной в докторской диссертации *La révolution du langage poétique*. Фенотекст - это свойство языка, на котором происходит общение; он всегда / постоянно рассредоточен и разделен / разделен: «Уровень реализованного текста, текстового феномена, этого остатка, в котором колеблется производственный процесс, и который всегда меньше, чем процесс преобразования до продукта». Если генотекст - это процесс (значения и структурирования), который происходит в областях с подвижными и относительными пределами, тогда фенотекст - это структура; фенотекст следует правилам общения и включает как субъект высказывания / дискурса, так и его получателя. Фенотекст - это продукт того языка, на котором они уже появились и появились «Натурализованные» тайные социальные коды, идеологические формулы. Таким образом, фенотекст - это готовый полуфабрикат, организованный иерархически и наделенный устойчивым смыслом. Этот термин оказал сильное влияние на разработку теории текста и письма, а также на исследования постфеминистской философии, отчасти концепция фенотекста, переосмысленная в свете проблем «феминизма» (гендера).

Хронотекст (хроно- «(имеется в виду) время», «время»). Термин, относящийся к временным координатам текстов. Более наглядное выражение

имеет в случае гипертекстов, у которых временные индексы (год, месяц, день, час) записываются автоматически (см., Например, разговоры в Facebook).

Чат-текст (чат "поговорим "). Текст разговоров в чате, написанный и мгновенно передаваемый между двумя или более людьми по электронному каналу передачи информации, обычно через Интернет. Это можно сделать через браузер или с помощью специальных программ, таких как Yahoo! Мессенджер, Скайп, Вотсап и т. д.

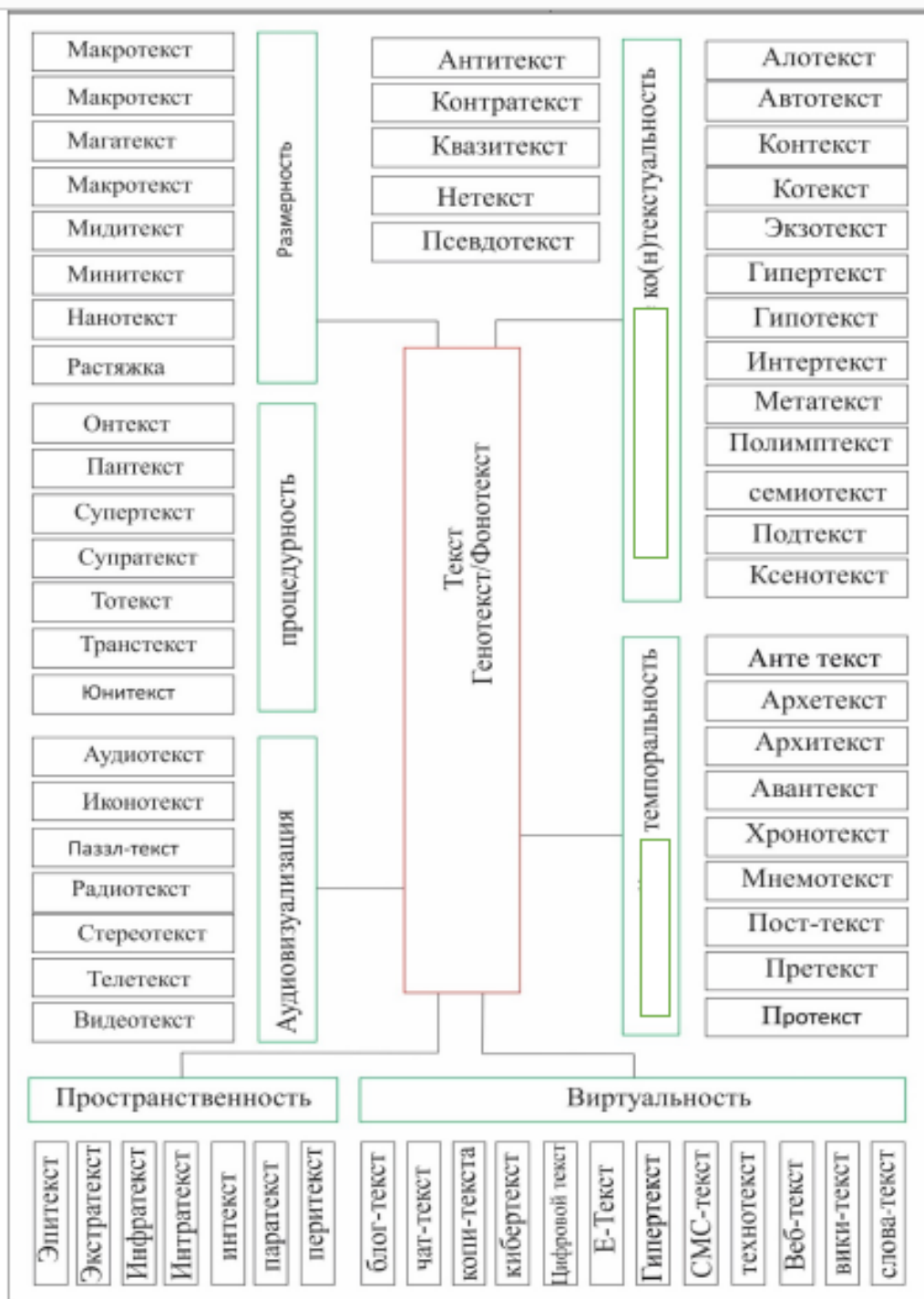
Эпитекст (эпи- «сверху, сверху; после, после; навстречу»). Эпитекст определяет тип публичного или частного общения, которое включает, с одной стороны, интервью, беседы и полемику, а с другой стороны, переписку, письменные или устные секреты и дневники. Он ограничен перитекстом, с которым его путают некоторые исследователи, но с которым он является частью паратекста. Эпитекст появляется у Женетт как текстуальный ансамбль, также лишенный автономии, поскольку он будет расположен «близко к тексту, но на более уважительном (или более разумном) расстоянии», чем первый паратекстуальный элемент. Таким образом, являясь своего рода приложением к другому тексту, эпитекст, по мнению критика, работает только для того, чтобы оправдать, мотивировать его существование, раскрыть некоторые из его функциональных механизмов и, наконец, объяснить некоторые значения. В онлайн-пространстве это примет неожиданные формы в комментариях интернет-пользователей.

Электронный текст (electronic] «электронный»). Синоним: Гипертекст, цифровой текст, веб-текст. Текст, работающий в электронном / цифровом формате. Любой онлайн-текст можно рассматривать как электронный текст. Но не каждый электронный текст является гипертекстом, он становится таковым только в том случае, если снабжен хотя бы одной ссылкой.

Экзотекст (экзо- «снаружи»). Реакция читателя в процессе чтения текста. Книга - это не просто авторская работа, это сочетание текста и экзотекста, авторская и читательская работа.

Экстратекст (extra- «снаружи, снаружи; ультра, очень»). Синон .: паратекст, контекст. 1. Внешний вид текста, относящийся к экстралингвистическому контексту. 2. (в библиометрии) Экстратекст научной статьи - информационный объект со следующими элементами: библиографическое описание, аннотация, введение, выводы и библиографические источники. К ним можно добавить новые элементы, генерируемые электронным пространством: степень видимости, индекс цитирования, индекс доступа, индекс распределения и т. д. 3. Экстратекст состоит из всех условий (обстоятельств) экстралингвистического характера, в которых рождается акт общения (социальных, физиологических, психологических и т. д.) И которые напрямую не отражаются ни в содержании, ни в форме заявления. Знаменитая формула Деррида: Il n, y a pas de hors-texte («это не внешний (внешний) текст»), в противном случае сказал, что лишнего текста нет, он неправильно переведен как «нет ничего кроме текста». Чтобы избежать предвзятого толкования цитаты, Деррида предложил альтернативную формулу: «Нет ничего вне контекста».

Классификация терминов с компонентом «текст» по доминирующим признакам (к главе 1)

Приложение 3
Образцы рукописей на фарси из коллекции Библиотеки Конгресса США
(к главе 2)

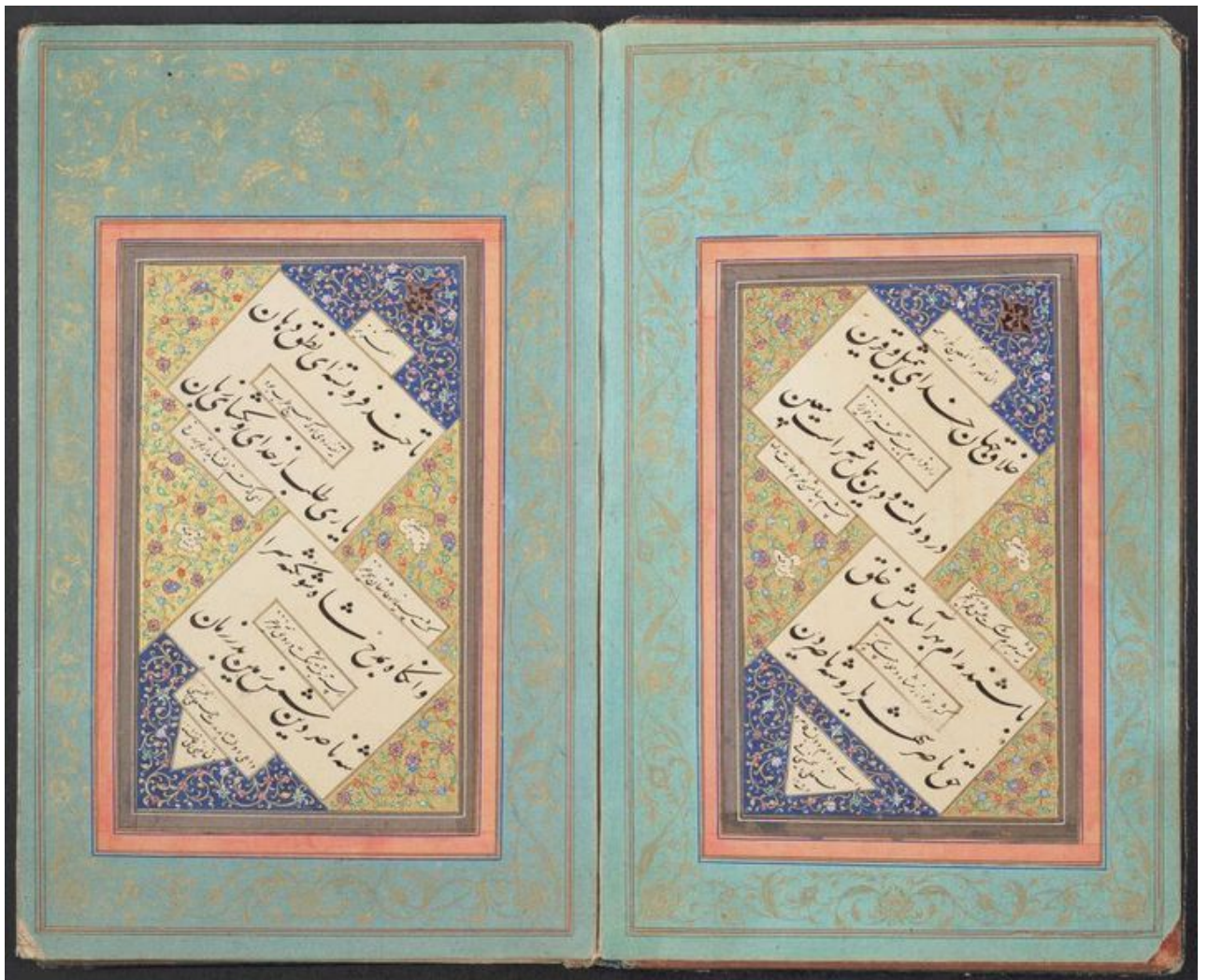
Источник: <https://www.loc.gov/collections/persian-language-rare-materials/>

Рукопись Navāb Vālā Maqām-i maqḥūl

Псалмы Давида на иврите с подстрочным переводом

Сборник каллиграфических образцов из Афганистана